

10

Н О В Ы Й
М И Р

1958

Н О В Ы Й
М И Р

10

1958

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIV

№ 10

Октябрь, 1958 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
В ПАНОВА — Сентиментальный роман	3
ЮРИЙ ЕФРЕМОВ — Ты — навсегда! Стихи	75
ИННА ЛИСНЯНСКАЯ — Моя юность, стихи	82
Н. ПЕРЕВАЛОВ — Две матери, стихи	84
М. СИМАШКО — В Черных Песках, повесть	85
ИЗ КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ. Барпы Алыкулов. Святой ишан. Глаза.— Алыкул Осмонов. Школа в горах. Голос жизни.— Аалы Токомбаев. Надежда.— Кубанычбек Маликов. Черная река Тьма яблонь.— С. Эралиев. Труженица.— Субайылда Абдыкадырова. Белая береза. Перевели с киргизского Ю. Гордиенко, И. Волобуева, В. Державин, В. Семенов	122
СЕРГЕЙ ФИКСИН — В Корумду, стихи	129
АБУЛЬХАСАН РУДАКИ — Новые тексты. Перевел с таджикского С. Липкин	130
ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА	
АМИН ЗАКИ ХУЛЮФ — Камера № 18. Перевел с арабского К. Юнусов; ЮСУФ ИДРИС — Разве это игра? Перевела с арабского Е. Стефанова	132
К КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ	
Б. Гафуров. Форум писателей Азии и Африки.— Кара Сейтлиев. Привет вам, дорогие гости! — Лю Бай-юй. Дорога к единству и дружбе.— Томодзи Абэ. Писатели и борьба за мир.— Мирсанд Миршакар. «Будем братьями!». — Тарашанкар Банерджи. Несколько слов о бенгальской литературе.— Иосиэ Хотта. Лицом к Азии.— Го Сяо-чуань. Во имя счастья народов	147
ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ	
<i>По страницам иностранных литературных журналов</i>	164
Д. Усатов. Трибуна литераторов Кореи.— В. Стеженский. В борьбе против ревизионизма.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
БОРИС БАБОЧКИН — Месяц в Индии. Окончание	172
ПУБЛИЦИСТИКА	
В. ДРОЗДЕНКО, секретарь ЦК ЛКСМ Украины — Тридцать семь комсомольских	191
Б. СВЕТЛИЧНЫЙ — Заботы градостроителей (Заметки архитектора)	211
М. ГАВРИЛОВ, доктор технических наук — Некоторые проблемы автомастики	224
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
А. ТУРКОВ — Действенная летопись	233
В. ЛАКШИН — «Литературное» и «человеческое»	243
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Сергей Львов. В чем счастье? — О. Михайлов. Под степным небом.— Вл. Глоцер. Рассказы, оживляющие карту.— М. Злобина. Сказание об исландском народе.— Игорь Поступальский. Певец революционной Италии.	249
<i>Политика и наука</i>	
Е. Логинова. Эстафета поколений.— Ю. Арбатов. Хорошее начинание.— Кандидат географических наук А. Биркенгоф. Люди подвига.— Кандидат исторических наук подполковник А. Ефремов. Циничная проповедь агрессии.— Александр Лацис. Шестой «инсайд», или энциклопедия невежества.	265
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	286

В. ПАНОВА

★

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

О юность легкая моя
Пушкин.

1

После долгой разлуки Севастьянов ехал в город своей юности. Когда-то Илья Городницкий рассказывал:

«Я гимназистом ушел из дому. Черт знает, где только не был. В Тифлисе при меньшевиках работал в подполье, накрыли, сидел в камере смертников, уцелел чудом. Был комиссаром дивизии, членом ревтрибунала, воевал, учился, жил в Москве, в Гамбурге, в Париже, написал книгу. И вот приезжаю домой. На Старопочтовой цветут акации. В тротуаре выбоины на тех же местах. Старые евреи сидят под акациями на стульях, дышат воздухом. Не помню, кто такие. Ну, думаю, меня тем более не узнать. У меня, между прочим, борода и заграничный реглан. Прошел и слышу:

- Володьки Городницкого сын. (Равнодушно.)
- Возмужал.
- Возмужал...»

Узнают ли Севастьянова старожилы родимых мест? Много лет прошло, он совсем от этих мест отбилсь, считал себя прирожденным москвичом. И кто там остался из старожиллов? Пятилетки, переселения, война перетасовали людей. В городе новые улицы, новые парки — город в войну был сильно разрушен, теперь отстроен. Говорят, хорошо отстроен.

Севастьянов ехал туда на день, от поезда до поезда, просто взглянуть... Ехал из санатория, в вагоне были сплошь курортники, возвращающиеся домой: женщины с шоколадными руками, обнаженными до плеч, и с яркими губами на шоколадных лицах; мужчины в светлых рубашках. Их голоса были еще по-курортному оживленными, празднично беззаботными. Мужчины острили; женщины кокетливо вскрикивали... Детишки с выгоревшими на солнце головами томились и капризничали в вагонном бездействии. Багажные полки были забиты новенькими белыми корзинами с фруктами. Пахло яблоками и виноградом. Резвый ветер дул в окна.

Горы кончились. Поезд шел через степь. Севастьянов до вечера простоял в тамбуре, положив локти на опущенную раму окна. Два месяца назад, с самолета, он ничего не увидел: был болен и, взглянув вниз с высоты облаков, закрывал глаза от слабости... Сейчас были убраны хлеба, и обнажено и величаво лежала земля, отдыхая от праведных трудов, — желто-серое жнивье, окропленное яично-желтой сурепкой, — серый цвет и желтый цвет до горизонта. На откосе за окном, казалось — на расстоянии вытянутой руки, бесплотно трепыхались сухие бледно-лиловые бессмертники.

Кое-где пахали, черная полоса опоясывала край земли — черное море, маленький трактор бороздил черное море. Потом заполняла все видимое

пространство бурая отава, по отаве паслись пестрые коровы. Седой чабан в соломенной шляпе сидел на насыпи, свесив босые старые ноги, и пил молоко из бутылки. В другом месте пасла стадо девушка городского вида, она медленно шла с хворостинкой в руке и читала книгу, на ее склоненной шее, в вырезе платья, обрисовались позвонки, оборка широкой юбки вилась вокруг колен.

Круглыми комочками дыма попыхивала даль, мимоходом в вагонное окно влетело тарактенье молотилки, три такта: та-та-та.

Станица, беленые хаты, колодец на улице. Женщина, скалясь от солнца из-под белого платка, крутила колодезный ворот и глядела на поезд. И так же знойно скалился, глядя из-под ладони, маленький мальчик, стоящий возле женщины. Тяжелое ведро медленно и прямо подымалось из колодца, над дверями хат прибиты гирлянды лука и связки перца, красного как огонь.

Станции — огнедышащие острова: жгучая земля в мазуте и штыбе, сверкание рельсов и скрежет железа, элеваторы, паровозы, пакгаузы, грузы... И снова поезд бежал через простор, обдуваемый ветром, степная дорога, добела испеленная зноем, бежала рядом с полотном, серая тучка пыли катилась по дороге, а перед тучкой грузовик, нагруженный мешками. И — то курган замыкал распахнутую в окне картину, то высокая скирда. И скирды были задумчивы и вечны, как курганы.

На остановках Севастьянов выходил, смотрел на новые вокзальчики легкой павильонной конструкции, они были современной и чище прежних станционных зданий. Покупал помидоры, арбузы, вареные кукурузные початки, — в детстве все это было вкусней. В общем, он отнесся к родной своей степи с родственным вниманием, но без умиления — ведь какие пространства исколесил за эти годы, в каких краях не побывал. Так же кружили и плыли навстречу иные просторы. Там тоже насыпи и бессмертники на насыпях. И мягкая южная речь с придыханьями и неправильностями, от которых в свое время отучался в Москве, — эта речь звучит и под другими широтами...

Поезд приходил в ***утром. Севастьянов встал раньше всех не из чувствительных побуждений, просто он не любил суеты и сутолоки, которые бьют перед приездом в большой город.

Вагон спал, розовое небо светило в окна справа. На некоторых подушках лежало по две головы, женская и детская, голова ребенка льнула к материнскому плечу. Темные руки выделялись на белых простынях. На верхней полке великан с голой бронзовой спиной безмятежно храпел, лежа на животе и повернув вбок счастливое лицо. Севастьянов не торопясь, без помехи умылся, надел свежую рубашку, убрал в чемодан дорожные вещи.

— Не желаете чаю? — тихим голосом спросил, заглянув к нему, проводник... Со стаканом в руке Севастьянов вышел в тамбур к своему окну, и в этот момент поезд приостановился у разъезда. Разъезд как разъезд, желтый домишко, капуста и тыквы на грядках, белье на веревке. Безымянный разъезд в степи, остановка на полминуты, но Севастьянова будто окликнул кто: «Эй, посмотри, не узнаешь разве?», он вздрогнул и увидел за окном себя, молодого, шагающего, улыбаясь, к поезду, с волосами, раскиданными ветром...

Солнце только что встало и лежало, блистая, на краю степи. И вся степь блистала, — каждая спаленная былинка, доживающая лето, держала свой сияющий дрожащий алмаз, а капустные листья в маленьком огороде были усыпаны частыми сизыми каплями. И Севастьянов вспомнил точно такое алмазное утро, солнце так же играло, лежа низко, и степь переливалась, — но она была зеленая! Далеко-далеко то утро, там теснятся юные лица сверстников, звучат голоса, — там он всходит по ступенькам железной лестницы, ступеньки громят как гром небесный, — там он

пишет свои первые строчки и изображает на карнавале какого-то лорда...

Было утро, степь переливалась, он шел по степи, вот этот самый Севастьянов, что стоит сейчас тут в вагонном тамбуре со стаканом чаю в руках. Тогда эти руки были розовые и юношеские, с гибкими пальцами и запястьями как из железа, и он ими беспечно размахивал на ходу. Он шел по степи, трава была густая, холодная, — а при чем разъезд, стой! Разве был разъезд? Значит был, если запомнился навеки. Был разъезд, было утро, Севастьянов шел по алмазам и любил, так любил, что даже воспоминание об этой любви обожгло ему глаза. Он любил неимоверно и небывало, а штаны у него до колен были мокрые от росы.

2

Это какого ж лорда он представлял, Керзона, что ли? Или Чемберлена, с Чемберленом у нас тоже были счеты, даже на спичечных коробках, помнится, было напечатано: «Наш ответ Чемберлену».

Во всяком случае, Севастьянов был на карнавале в цилиндре. Стоял на грузовике, рядом кулак с бородой, поп с бородой, равнин с бородой и кто-то еще в цилиндре — Ллойд-Джордж?.. На другом грузовике ребята были загримированы под китайцев, индусов, негров: Интернационал.

Они продвигались над теснотой людских голов, среди знамен алых, малиновых и густо-вишневых. (Тяжелый бархат цвета черной вишни. Ведь как бедны были в те годы, а самый слабенький заводик выносил знамя из шелка или бархата, кумач шел только на лозунги да на косынки женщинам...) Знамена, оркестры и хоры обгоняли едущих. Каждый оркестр играл свое, каждый хор пел свое, песня наплывала на песню и марш на марш. Иногда это все останавливалось: когда впереди где-то образовывался затор; и грузовики стояли, затертые; а потом опять все медленно текло — красное, золотое, медное, скопление людей и музыки — вдоль Коммунистической. Во время остановок девчата в украинских костюмах, размахивая лентами, плясали на мостовой казачка и шамиля.

А какая-то дивчина стояла на крыше университетского здания — пять этажей — на самом краю. Крыша была покатая, держаться не за что. Но каждую демонстрацию стояла там дивчина, первого мая и седьмого ноября, то в светлом платье, то в пальто, по сезону. Она демонстрировала свое бесстрашие. Показывая на нее, говорили: «Вон она опять». Жутковато было, как она стоит на самом краешке покато́й крыши, ничем не защищенная от смертельной высоты. Ее стриженные волосы трепал ветер.

Севастьянов раскланивался, поднимая цилиндр, и кричал: «гау ду ю ду» и «ол райт» — больше он по-английски не знал ничего. Поп крестил народ. Кулак гримасничал. Каждый с усердием нес свою агитационную службу.

Знакомые ребята, узнавая их, кричали: «Ванька Яковенко, здорово! Ленька Эгерштром, Шурка Севастьянов, здорово!» — «Здорово!» — отвечал Севастьянов, забывая, что он лорд. Выкрикивались революционные лозунги — он кричал «ура» со всеми.

3

В одну весну были три пасхи: еврейская, русская и комсомольская.

На еврейскую целой оравой нагрянули к Семке Городничкому. Семка рад был подкормить товарищей; и в то же время страдал, что у него, безбожника, в доме пасхальная еда на столе. Все в этом доме вызывало его протест и возмущение, и прежде всего отец. Старик Городничкий в крахмальной манишке сидел на диване и хвастал. Семке хотелось, чтобы ребята побыстрее наелись и ушли и он, Семка, с ними. Щурясь от стыда, он предлагал басом: «Пошли пройтись». Но старик Городничкий вцепился

в них, мальчишек, не хотел их отпускать, пока они не выслушают его рассказов об успехах Ильи, о талантах Ильи, о блестящем будущем Ильи.

— Вы читали его статью в «Известиях»? Чтобы написать такую большую статью, надо разбираться в вопросе, ха-ха? Говорят, такому-то и такому-то понравилась статья. Теперь он пишет книгу. Ему дали отпуск, чтобы он написал книгу. Неограниченный отпуск, вам понятно? На полгода, на год, пожалуйста. А со здоровьем неважно, катар желудка еще с тюрьмы и головные боли, и он же не бережется, ему предлагают Кисловодск и что хотите, а он сидит в Москве и пишет книгу!

Бледно-голубые, навывкате, глаза старика Городницкого наливались слезами и кровью, когда он хвастал Ильей, своим старшим сыном. При белых он кричал, что знать не знает этого выродка, пусть издохнет в кутузке. Сейчас говорил:

— У нас в роду были коммерсанты, музыканты, сапожники, теперь, бог даст, будет большой политический деятель. Выпьем за него! Мы еще о нем услышим!

Он жаждал услышать скорей, его белые руки в коричневых крапинках вздрагивали от нетерпения... Дама с черными усами и громадным бюстом, на котором среди волнующихся оборок вздымался и опадая брильянтовый якорь, хлопотала у стола и подкладывала ребятам то фаршированной рыбы, то мяса в сладкой подливке. Перед каждым стояла салфетка, как маленький снежный сугроб. Никто из ребят не притронулся к этим голубоватым блестящим холмикам. Ножи и вилки были громоздкие, тяжелые, с вензелями... Семка яростно щурился, ничего не ел, и его горбоносое длинное лицо, искаженное отвращением, говорило: «Я не выбирал себе отца. Я не фаршировал рыбу. Эта тетка с усами и брильянтами не имеет ко мне отношения. И вообще я повешусь». Но ребятам интересно было послушать об Илье, их увлекала эта биография, такая молодая и такая бурная, полная дерзости и перемен, они примеряли эту судьбу на себя. Севастьянов думал: Илье повезло в том смысле, что он раньше родился. Родись я пораньше года на три-четыре, я тоже участвовал бы в гражданской войне, во всех этих событиях. Но ведь это начало, думал он. А угнетенный Китай, а немецкий пролетариат... Понадобимся и мы.

Пока же они мастерили богов для публичного сожжения. Наперерез наступающей православной пасхе они подводили, как мину, свою комсомольскую пасху. Семка Городницкий делал в клубе коммунальников доклад: «Существовал ли Христос? Евангельская легенда с точки зрения астральной теории шлиссельбуржца Морозова». Он гордился, что взял такой оригинальный, эффектный материал и что кто-то сорвал афишу и пришлось делать новую. Севастьянов на доклад не пошел, для него вопрос был ясен, а забежал за Зойкой маленькой и Зоей большой, чтобы вместе идти на сожжение.

Он шел за руку с Зойкой маленькой. Ее пальцы угрелись в его руке, лежали, свернувшись уютно. Был расцвет их дружбы, еще ничем не омраченной, доверчивой. Их соединенные руки были спокойны. Так могли бы идти брат и сестра, полные взаимного понимания и доброжелательства. Зоя большая шла впереди, окруженная ребятами. Ребята напропалую острили, толкались, Ленка Эгерштром даже прошелся перед Зоей на руках, благо подморозило. Зоин смех взлетал высоко и нервно. Севастьянов нарочно сдерживал шаг, чтобы с Зойкой маленькой отстать от них немножко: он не одобрял, когда ребята поднимали на улице возню и гам; пускай они влюблены по уши,— он находил их поведение дурацким.

В темных улицах, невысоко над землей, плыли пятна разноцветного света; обгоняя друг друга, двигались по направлению к «границе». Это люди шли в церковь и несли фонарики — розовые, желтые, полусатые. Маленьким мальчонкой Севастьянов тоже ходил с покойной матерью к заутрене, неся за проволочную дужку бумажный фонарик. Фонарик скла-

дывался и растягивался как гармонь. На дне у него была вставлена свечка, лепесток ее огня сквозь отверстие картонной крышки дышал на руку слабым теплом. Воспоминание слабое, как это зыбкое дыхание! Севастьянов вырос и шел в компании ребят сжигать богов.

— Даешь с дороги, а ну!.. — закричали сзади, выругавшись. Севастьяновская компания посторонилась. Ее обогнали парни с дубинами. В центре группы несли на носилках огромный, хитроумно склеенный фонарь — в виде замка с башнями, в нем горело много свечей, — должно быть, сообща сооружали... Стуча сапогами и ругаясь, парни с дубинами прошли. Зойка маленькая сказала:

— Вот это фонарь, я понимаю.

Сказала для того, чтоб Севастьянов не подумал, будто ей отвратительно и горько от мерзких слов, которые прокричали, проходя, парни с дубинами. «Ничуть не горько, подумаешь, — хотела она сказать своим замечанием, — я даже внимания не обратила — рассматривала фонарь». Она шла всюду, где можно видеть людей и события; но все грубое ее ранило, и она стыдилась своих ран, она хотела быть неуязвимой.

Открылся черный простор «границы» — весь в цветных созвездьях, тепло и туманно толящихся у самой земли, кружащих над нею, перемещающихся и сталкивающихся.

— Красиво все-таки, — сказала Зоя большая, оглянувшись на маленькую.

— Спрашиваешь! — воскликнул Ленька Эгерштром, выслуживаясь. — Конечно, красиво!

Но Зойка маленькая сказала своим холодноватым ясным голосом:

— Смотря что считать красивым. Если видеть красоту в религиозном дурмане...

И даже самые влюбленные, даже Спирька Савчук, который, по Ленькиному уверению, от любви к большой Зое заболел малярией, — они все присоединились к Зойке маленькой: на черта красота, если от нее вред трудящимся. Каленым железом выжигать такую красоту, которая опиум для народа! Тем более, тут и красоты никакой нет: идут, несут паршивенькие фонарики, нашли чем восхищаться. То ли дело была иллюминация в пятилетие Октября, говорили ребята, когда вдоль чуть ли не всей Коммунистической горели гирляндами лампочки, а на учреждениях горели красные звезды...

Потом они жгли Христа, и Иегову, и еще всяких больших соломенных богов с ярко размалеванными лицами. Костер был разведен на широком перекрестке Коммунистической и Мариупольского, на скрещении трамвайных путей. Движение прекратилось. Длинные цепочки трамвайных вагонов выстроились с четырех сторон. Подходил еще вагон и послушно замирал в конце цепочки. Народ усыпал все четыре угла и ближние кварталы, а вокруг костра были комсомольцы, сотни комсомольцев с Югаем во главе.

Боги пылали под звон пасхальных колоколов. Столбы искр летели в городское небо. Свет костра растекался по проводам вверх и по рельсам на земле, пахло дымом. Югай стоял близко к костру, по его лицу пронеслись тени и сияние от пляшущего огня. Он стоял в своей кожаной куртке, с кобурой у пояса, и смотрел, как сгорают боги.

Боги сгорели, толпы хлынули прочь от перекрестка, трамваи двинулись, осторожно звеня... Колокола все били. Севастьянов и Зойка маленькая заглянули еще в молодежный клуб и послушали диспут: «Может ли комсомолец есть куличи». Установили, что не может, а на другой день Севастьянов ел кулич и дома у тети Мани, и у Ваньки Яковенко, и у Зойки маленькой, — во всех домах справляли пасху, если не родители, так бабушки и дедушки... Севастьянов не был двурушником, просто ему всегда хотелось есть, а вкусная еда была редкостью в его жизни.

Дама с черными усами бросила свой якорь под кровом старика Городничего. Сразу после пасхи она туда въехала, и старик сходил с ней в загс. У них на доме вокруг парадной двери были навешаны эмалевые дощечки: «Зубной врач», «Член коллегии защитников», «Сифилис, венерические здесь, 2-й этаж». К этому дама прибавила большую поперечную вывеску: «Мережка и зигзаг». В квартиру стали ходить заказчицы. Это было последней каплей в чаше идейных разногласий, существовавших между Семкой и его отцом. Семка взбунтовался и ушел из дому.

Старик Городничий был видный, откормленный, благодушный, с холеными руками. Он носил гетры и золотые запонки на манжетах. До революции он был коммивояжером, ездил по России с образчиками парфюмерных товаров. Потом спекулировал иностранной валютой. В двадцатом году у него сделали обыск, забрали доллары и его самого забрали в Чека, но скоро выпустили. Теперь он ходил по магазинам и конторам и предлагал свои услуги, но биржа труда не допускала его на работу, потому что он был чуждый элемент.

А Семка был черный как галчонок, горбоносый, лохматый, сутулый и такой узкоплечий, что когда он держал руки в карманах, то казалось, что плеч у него нет вовсе. Было известно, что он шляпа, хотя и может сделать доклад со ссылками на Маркса и Энгельса и читает наизусть гибель стихов. Читал он по преимуществу Маяковского и — чтобы исполнение наилучшим образом соответствовало исполняемому — путем особых упражнений выработал себе глубокий гулкий бас.

Держа руки в карманах, он вышел на парадное, увешанное эмалевыми дощечками. В спину ему гремел негодующий монолог старика. Верещала дама. Семка сошел с крыльца и рассеянно пошел по Старопочтовой.

Идти ему было некуда. Со всеми родственниками, кроме Ильи, у него были те же разногласия, что и с отцом. Илья не интересовался младшим братом, жил вдалеке своей завидной жизнью, гордость не позволила бы Семке обратиться к нему.

Семка пошел к Югаю, тот сказал:

— Ну правильно, давно бы так.— И обещал помочь в смысле работы и в смысле жилья.

К тому времени и у Севастьянова в семействе стало твориться черт знает что. Дядька Пимен всем испакостил жизнь, тетя Маня, ища на него управы, обила пороги фабкома и женотдела. Севастьянов маленько отгузил дядьку за то, что тот с пьяных глаз вздумал приставать к Нельке. Севастьянов тузил его в уверенности, что делает святое дело, наказывает свинство и охраняет благообразие в семье. Но тетя Маня вдруг обиделась и накричала на него, чтоб не лез не в свои дела, что он обязан дяде ноги мыть, и неужели не видит нахальные его глаза, что он тут сбоку припеку... Севастьянову окончательно противно стало приходить домой, он сказал Семке:

— Я тоже от своих буду драпать, возьмешь меня вместе жить?

— Только условие,— ответил Семка торжественным басом,— жить по-комсомольски. Никакого мелкобуржуазного обростания.

Севастьянов пообещал, что обростания не будет... И вот они вдвоем в комитете у Югая. Севастьянов сидит на углу стола и жует булку — он с работы. Семка курит, отвернувшись с суровым видом. Севастьянов соображает, что Семка тоже голодный, и делит булку на двоих.

— Вы там каким-то совбарышням выдаете ордера... — говорит Югай в телефонную трубку.

Он сидит, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги, на нем кепка, слернутая назад, и добела вытертая кожаная куртка с оборванными пуговицами. В этой куртке он приехал из Москвы, носил ее зимой и летом, невозможно было представить себе Югая в чем-нибудь другом.

Он легко сердился. Глаза становились недобрыми — узкие глаза, словно подпертые широкими, сильно выдавшимися скулами. Но держал себя в руках — не сорвется, не закричит. Только челюсти сожмутся и губы начинают двигаться медленно, одеревенело, как с сильного мороза.

— Совбарышням выдаете, — медленно говорит он, плечом прижав трубку к уху, глаза недобрые. — А наш активист живет в обстановке частной мастерской, хороший комсомолец вынужден жить в нэпманском кдде...

Который раз Югай произносит по телефону эти речи, а Семка Городничий ночует тем временем у ребят, знакомых и незнакомых, — то на полу, то с кем-то на кровати, то в общежитии для ответственных работников, то на стульях в передней коммунальной квартиры, куда он попал впервые в жизни, а как-то Севастьянов крадучись привел его к себе в Балобановку. Все спали в жаркой комнатухе, на кровати дядька Пимен с тетей Маней, Нелька на коротком сундучке с приставленным в изножье стулом, в полумраке на Нелькиной голове белели бумажные рожки. Дядька Пимен и тетя Маня храпели, словно состязаясь, кто громче. Густо, тяжело пахло керосином от стоявшей на столе лампочки с жестяным рефлектором. Огонек лампочки слабо бродил, припадая, по накалившемуся докрасна фитилю — в лампе кончился керосин, но казалось, что огонь томится и шарахается от храпа, гремящего с кровати. Севастьянов постелил на своем месте, между дверью и комодом, задул лампочку, — осторожно шепчась, они с Семкой легли... Утром был скандал, Севастьянов выдержал его стойко...

Но вот в один прекрасный день они шли из жилотдела с ордером, Югай добился своего через губком партии, где Семку знали как антирелигиозного пропагандиста. Ордер был на Семкино имя; Севастьянов положил его в свой карман, боясь, что Семка потеряет.

Шли веселые, и день был веселый — теплынь, голубизна, сияние, наметившиеся бутоны на акации как огуречные семечки. Звеня, проскандыбал маленький красный трамвай, Севастьянов и Семка на ходу вскочили в прицепку. Это была платформа, открытая с боков; скамьи для пассажиров стояли поперек, а вдоль платформы по обе стороны тянулась подножка, и по ней, придерживаясь за поручни, ловко двигался бочком кондуктор и продавал билеты. За Севастьяновым и Семкой вскочил беспризорный в лохмотьях, спел модную чувствительную песню, где были слова «Моя мама шансонетка», прошелся по подножке, небрежно собирая гонорар, под конец небрежно, не глядя, вынул папиросу изо рта у кондуктора, сунул себе в рот и соскочил...

А Севастьянов и Семка приехали к дому, где им предстояло жить. Дом был трехэтажный, серый, с выступающим облупленным фонарем; большая витрина в нижнем этаже замазана мелом, там шел ремонт, через сколько-то времени там открыли кафе.

Севастьянов и Семка заняли на третьем этаже комнату при кухне. Комната имела такой вид, будто ее обстреляли из пулемета; даже на потолке зияли дыры от гвоздей, вырванных вместе с штукатуркой. Окно выходило во двор, на кирпичную стену, к кирпичной стене черной ломаной линией лепилась железная лестница. Такая же лестница вела к их жилью.

Первую ночь они ночевали на газетах, которые Севастьянов взял в экспедиции. Затем перевезли на новую квартиру свое барахлишко.

5

Нелька помогла Севастьянову собрать вещи и увязать в узел. Тетя Маня была довольна и немного обижена.

— Вот теперь будешь говорить, — сказала она, — что мы тебя выжили. А мы разве выживали, да живи, пожалуйста, мешаешь, что ли? Ты не чужой, от родной сестры племянник. Живи и живи.

Дядьки дома не было.

— Хоть покажись нет-нет,— продолжала тетя Маня, обижаясь.— Хоть посмотреть на нас зайти, какие мы. А если надумаю судиться — уж как хочешь, тебя в свидетели позову. Поскольку ты нашу всю антимонию знаешь. Женотдел велит в суд подавать. Обвинять, говорят, делегатку пришлем, поголосистей. Но я еще не решила,— тетя Маня в задумчивости взялась за подбородок, на темной узловатой ее руке было надето серебряное обручальное кольцо.— Не решила, нет. Жалко мне его...

Нелька вышла с Севастьяновым за ворота. Еще не стемнело; в высоком светлом небе стоял месяц-молодик.

— И я уйду тоже,— сказала Нелька, глядя на месяц.— Как позовет кто замуж, так и уйду.

Севастьянов сочувственно встряхнул ее руку. Хотя у них были различные понятия и надежды, сиротство их роднило. Нелька была тети-Маниной крестницей. И так же как Севастьянова — сердясь и обижаясь, что все ей садятся на голову,— приютила Нельку тетя Маня. А благодарность к тете Мане, вместе с раскаянием в том, что это чувство пришло так поздно, Севастьянов ощутил через много лет, когда она умерла. Дядька Пимен умер раньше нее, Севастьянов и Нелька были далеко, хоронила тетю Маню табачная фабрика, на которой она проработала всю свою жизнь, с девчоночьих лет.

В тот вечер, прощаясь с Нелькой у ворот, Севастьянов чувствовал только облегчение. Его душа тянулась к другим людям, в другие места. Он не любил Балобановку.

Это был поселок за городом, на голом, без деревца, без кустика, низком месте. Стоило пройти дождю, как вся местность надолго погружалась в грязь: казалось, влаги в почве было достаточно, но почему-то не росло там ничто долговечное, только мальвы, да ноготки, да крученый паныч цвели кое-где по дворам.

В ничем не прикрытых дворах орали петухи, крик их разносился над степью, издали с дороги видны были их развевающиеся хвосты.

Домишки мазаные, побеленные мелом... Дожди смывали мел, на стенах проступали бурые подтеки глины. Крыши в разноцветных заплатках... Улиц не было: как стали домишки, так и стояли — кто куда лицом, все врозь. Вытяжные трубы нужников торчали как скворешни.

Вокруг поселка расходились во все стороны широкие дороги, разлинованные колеями. По этим дорогам полгубернии съезжалось в город на базар. Оплетенная дорогами, как петлями, лежала Балобановка. Ничего из нее не было видно, кроме дорог и возов на дорогах.

Впрочем, если оглядеться, то еще кое-что. С одной стороны рыжели карьеры, где брали глину для кирпичного завода. С другой — зеленела на горизонте небольшая роща, пристанище бездомной любви. С третьей — в балочке курился дым из труб, там подобный же существовал поселок, по названию Дикий хутор.

А с четвертой стороны — какая-то вышка, не понять к чему: будто шагал к поселку урод-великан и все не мог дошагать.

Здесь жили заводские рабочие, сапожники, извозчики, люди без занятий. Гнали самогон и, напившись, резались ножами. На свадьбах гуляли по три дня, а то и по неделе. Родившихся детей годами не регистрировали. В праздник Покрова Балобановка выходила на кулачный бой с Диким хутором.

Свои богачи были здесь, свои лекари, гадалки, свои знаменитости, например — силач Егоров, извозчик, первый победитель в кулачных боях, говорили, что он уложил насмерть шестерых человек...

Вскинув на плечо легкий узел, Севастьянов уходил дорогой, разлинованной грубыми бороздами. Темнело, месяц наливался золотом. В бороздах блестела грязь. Идти надо было обочиной, по узкой вихляющей про-

топке, прохоженной ногами пешеходов, Севастьянов знал эту протопку наизусть. Коротенькая сквозная тень шагала с ним рядом... Отойдя, оглянулся. Еще раз увидел кривые домишки, разводы дорог, черными реками текущих за окоём, шагающего уroda под острой скобкой месяца — всю нищую Балобановку, страну его детства.

6

В то время он уже с полгода работал в отделении «Серпа и молота». Устроил его туда комсомол, а до этого Севастьянов все как-то не мог нигде утвердиться прочно.

Он ходил на вокзал — от Балобановки черт знает какая даль — и предлагал свои услуги в качестве носильщика. Он был высок и силен; но именно поэтому мешочники нанимали его неохотно, они боялись, что он удерет с их мешками, предпочитали пожилых носильщиков, с одышкой, или пацанов поменьше и послабей... Все-таки свой хлеб он зарабатывал, а иногда и домой приносил хлеба. Потом поступил на картонажную фабрику.

Там работали девчата, работа была легкая — женское рукоделье. Севастьянову тягостно было одному сидеть среди девчат и заниматься женским рукодельем. С первого дня он томился — куда бы деться; удерживало сознание, что надо же иметь регулярный заработок, купить теплую куртку, пройти в профсоюз... Коллектив был маленький, отсталый. Клея коробки, девчата стрекотали о Гарри Пиле и ухажерах, их оскорбляло, что Севастьянов не зажигается их интересами и не отвечает на заигрыванья. Они его невзлюбили, дразнили монахом и интеллигентом, а когда им это надоело, перестали его замечать. Перестав замечать, разговаривали в его присутствии о своих девичьих делах, о которых парню слушать не положено, и преспокойно поднимали юбки, чтобы поправить чулок или показать товаркам кружево на белье,— не из бесстыдства, а потому, что Севастьянов не существовал для них, как бы и не присутствовал вовсе. Едва представилась возможность уйти, он ушел без размышлений, не успев оформиться в профсоюзе.

В политпросвете он был курьером. Тоже мало подходящее дело для здорового парня — носить бумажки по городу. Скоро его сократили. Он опять отправился на вокзал. Но профессионалы-носильщики уже организовались и выставили на всех платформах свои пикеты в фартуках и бляхах, урвать заработок стало трудно. Севастьянов разгружал на пристани угольные баржи, помогал Егорову, соседу, ремонтировать конюшню, а главным образом околачивался на бирже труда, оттуда иногда посылали на временную работу.

Газета «Серп и молот» сперва печаталась на толстой грифельно-серой оберточной бумаге и не продавалась, а расклеивалась на домах, заборах, афишных тумбах. Была она маленькая, вроде декрета или воззвания. Постепенно росла. Стала печататься на белой бумаге. Стала четырехстраничной. Ее стали продавать за деньги. Предложили на нее подписываться. Но подписчиков было мало. Рабочие еще не привыкли выписывать газету. Кто хотел — покупал на улице у газетчика или прочитывал в красном уголке.

Чтобы приблизиться к рабочему читателю, редакция открыла отделение во всех районах города. Севастьянов работал в отделении Пролетарского района. Оно помещалось на Садовой, неподалеку от площади, где стоял памятник Карлу Марксу. Площадь была мошена булыжником, крупным и расшатанным, как старые зубы. На нее выходил небольшой общественный сад с усеянными подсолнечной шелухой дорожками и раковиной для оркестра. У входа в сад жгучий бронет-грузин торговал с лотка маковниками, орехами в сахаре, белой тягучей халвой, нарезанной кусочками.

Слева от отделения «Серпа и молота» находилось молитвенное собрание христиан-баптистов. Баптисты собирались по вечерам и пели хором. В теплое время они пели при открытых окнах...

Отделение «Серпа и молота» занимало длинную узкую комнату, зажатую между баптистской молельней и парикмахерской. Входили прямо с улицы. Единственное окно давало мало света, его заслонял фанерный щит с призывом подписываться на «Серп и молот».

Севастьянов пришел сюда хозяином. Нашел пустую отсыревшую комнату в пыли и паутине, на полу была просыпана земля. Маленькие сени позади комнаты заставлены битыми цветочными горшками. Видимо, тут был цветочный магазин.

Севастьянов хотел выбросить горшки в мусорный ящик во дворе, но из квартир выходили жильцы и стали кричать, что он весь ящик забьет своей дрянью. Пришлось нанимать подводу и вывозить горшки на свалку.

Редакция прислала уборщицу, та все помыла и побелила, и сразу в отделении посветлело. Привезли стол и два стула — один для Севастьянова, другой для посетителей. Поставили печку-буржуйку с коленчатой трубой, труба выходила в окно над рекламным щитом. Но топить, кроме старых газет, было нечем, и Севастьянов до теплых дней сидел за столом в ватной куртке и шапке.

Особенно-то сидеть не приходилось. С утра он бежал на заводы: вербовал подписчиков, принимал от рабкоров заметки. Вечером забирал из экспедиции газету и вез в отделение раздавать подписчикам. Горсовет сделал возле редакции трамвайную остановку. Вагоновожатый ждал терпеливо, пока Севастьянов погрузится. И как же гордо ехал Севастьянов со своим грузом на передней площадке, словно депутат. Каким он себя чувствовал значительным, нужным человеком. Как приятно было вытащить газету из пачки и подарить вагоновожатому... Контролеры Севастьянова не беспокоили, они его знали в лицо. А на месте выгрузки, у площади с памятником Марксу, уже дожидаются, бывало, подписчики, помогут и выгрузить и снести газету в отделение. Севастьянов отмыкал всякий замок и входил первым. Приходили индивидуальные подписчики и уполномоченные от предприятий — получать на весь коллектив. Они звали Севастьянова Шуркой. Говорили: «Ты там скажи в редакции — где же наши заметки, почему о нашем заводе давно ничего нет».

Кроме всех этих дел, нужно было убирать в отделении, уборщица полагалась только в экстренных случаях. Севастьянов чистил пол скребком, мел венником, поливал водой из лейки. Лейку ссужал сосед, парикмахер Жан, Иван Яковлевич. И улицу подметал Севастьянов, справа от него работал метлой Иван Яковлевич, слева — сторож из баптистского молитвенного дома. Иван Яковлевич симпатизировал Севастьянову и стриг его бесплатно, только за одекolon брал, когда Севастьянову приходила фантазия подушиться.

Все, что требовалось, Севастьянов делал с азартом. Потому что это была работа для «Серпа и молота».

«Серп и молот»! Мир дивный, могущественный! Держава печати! Вот только сейчас фельетонист Вадим Железный в роскошной новенькой скрипящей кожанке сидел у залитого чернилами стола и писал — писал и зачеркивал, комкал и швырял в корзину... и вот уже несут его листки вниз в типографию; и важный наборщик в черном халате, в очках с серебряной оправой, положив перед собой эти листки, набирает в верстатку свинцовые буквы, в свинцовые рядки строит сочинение фельетониста и ловко связывает шпагатом; и печатная машина, жужжа, хлопает плоским крылом, и стопы влажных газет растут на обшарпанном прилавке экспедиции, и газетчики выбегают на вечернюю улицу, крича:

— «Серп и молот» на завтра, речь Чичерина, забастовка докеров в Англии, новый фельетон Вадима Железного!

Люди читают фельетон,— Севастьянов наблюдает: почти все, развернув газету, прежде всего ищут подвал с подписью Железного. То разоблачит кого-нибудь Железный, то воспоеет свободный труд, а то напишет что-нибудь проникновенное, воспитательное, вроде того, например, что к трудящейся женщине, товарищу по борьбе, надо относиться чутко,— такие вещи особенно охотно читали и много о них говорили... Понятно, что Железный гордится; купил себе наркомовскую кожанку и портфель и весь скрипит на ходу. И в редакцию является с таким видом, словно от него зависит судьба республики.

В редакции до того необставлено и пустынно, до того ничего нет, кроме голых столов и рваных плакатов, что шаги в высоких комнатах эхом отражаются от стен. Столы не письменные,— простые, вроде кухонных, с одним выдвижным ящиком; письменные были только у Дробышева и Акопяна... О голые столы, залитые чернилами! Они уже поджидали Севастьянова, когда он с почтением посматривал на них, проходя по коридору мимо открытых дверей.

Благодарность простым просторным столам, похожим на кухонные, за ними так хорошо сидеть и писать, они куда удобней массивных, самодовольных, самодовлеющих письменных столов, о тумбы которых стучаются колени. Благодарная память стеклянной чернильнице, квадратной и плоской, с крышкой, похожей на кепку. И деревянной ручке, изгрызанной на конце (вечными перьями писали тогда миллионеры в иностранных фильмах с светловолосой, светлоглазой «кинозвездой» Осси Освальд...

А слово «фильм», между прочим, было женского рода, говорили: «приключенческая фильма»...).

Дробышев мелькал в коридоре и скрывался у себя в кабинете. На «здравствуйте» Севастьянова иногда отвечал, иногда нет; может быть, и не знал, что за парень попадается навстречу, что он тут делает. Дробышев был член бюро губкома, пропадал на заседаниях и конференциях, уезжал в Москву, а в редакции все делал Акопян, черноглазый, румяный и спокойный, с приятным голосом, он приходил раньше всех и сидел до поздней ночи — в правой руке перо, в левой папироса.

Еще Залесский был в редакции, старый журналист, работавший во многих газетах дореволюционной России, столичных и провинциальных, много живший за границей, все на свете видевший и со всеми знакомый. Его спрашивали: «Эдуард Александрович, вы Аверченку знали?» «Конечно, знал». «Эдуард Александрович, а вы Пуанкаре видели?» «Брал интервью два раза: в Париже и в Петербурге»... У Залесского была седеющая курчавая голова, пышные седеющие усы и пенсне на тесемке; под усами — мясистые, сочные губы. Ходил он в широких, вроде распашонок, толстовках, с расстегнутым на белой шее воротом,— страдал астмой и не выносил тесной одежды. Редакция получила его в наследство от белогвардейской газеты. Когда бслые побежали, он остался. В «Серпе и молоте» он был театральным рецензентом, помогал Акопяну править материал и посвящал молодежь в тайны — по большей части уже непригодные — репортерского ремесла.

В комнатке возле цинкографии сидел Коля Игумнов, красавец с белокурой гривой. Насвистывая арии из оперетт, он рисовал карикатуры и ретушировал фотографии. Они с Севастьяновым переглядывались, оба рослые и молодые, Коля был постарше года на два. Но его баловали, он был полноправным участником редакционной жизни, к нему в комнатку заходили поболтать о новостях, над ним любовно подшучивали, как над милым, очаровательным, забавным ребенком,— а к Севастьянову никто никогда не относился как к очаровательному ребенку...

И разные люди были там,— сотрудники местной жизни звонили по телефону, собирая хронику, милостивые машинистки стучали на машинках, приходили рабкоры и присаживались написать заметку. И казалось Се-

вастьянову, что в редакции не прекращается блестящий разговор: рассказывали новости, анекдоты, всевозможные интересные случаи; смеялись, спорили. Работа здесь была словно бы не обязанностью, а удовольствием, — прекрасным жизненным процессом была здесь работа, естественным, как дыхание.

В общем, он полюбил газету навеки, роднее всех запахов стал ему запах типографской краски, самым важным зданием на земном шаре стал дсм, в котором помешалась редакция.

По вечерам у себя в отделении, покончив с раздачей газет, он запирался на задвижку и писал фельетоны, подражая Вадиму Железному. Он это делал в тайне от всех. Чистая бумага была перед ним и плоская квадратная чернильница, и низко на шнуру электрическая лампочка, прикрытая вместо абажура газетным листом.

Буржуйка стыла, и стыли руки.

Первой коченела левая рука — бездействующая. Он прятал ее в карман, чтобы согреть.

Но это было неудобно, бумага на столе начинала ерзать. Он придерживал ее грудью.

Очень ярко горела лампочка по ночам. Вечером накал был слабый, красный; ночью она сияла как белая звезда.

Когда начинали коченеть ноги, он вставал, прохаживался по узкой голой комнате, освещенной одинокой сияющей звездой под пожелтелой газетой.

Часов у него не было. Радио тогда не было. По совершенной тишине он обнаруживал, что уже глубокая ночь и нет смысла идти домой в Балобановку.

Это было досадно, потому что дома тепло и на плите оставлен для него суп, или вареная картошка, или каша.

И это было большой удачей, потому что оставалось одно — продолжать излюбленное занятие, ни о чем не думая.

Случалось — то, что он писал, нравилось ему. Нравилось до восторженной спазмы в горле, которую он поспешно и стыдливо заглатывал. Но показать свое писание он никому не решался.

7

Так великолепно он проработал несколько месяцев, и привык считать себя руководителем отделения, и совсем забыл то, что ему сказали, когда он поступал, — что в отделении будут два работника.

Весна подошла, солнышко грело, и появился Кушля.

Он поджидал Севастьянова на улице. Сидел на выступе оконной амбразуры, как на завалинке, грыз семечки и сплевывал шелуху на тротуар. На нем была шинель и буденовка со звездой. Сзади в окне был щит с призывом подписываться на «Серп и молот». Кушлина голова вращалась в плакат, как нарисованная.

При виде Севастьянова, отпирающего висячий замок на двери, Кушля поднялся и смахнул с себя подсолнечную шелуху. Правое ухо было у него изуродованное — без мочки. На длинном измятом худом лице ярко голубели глаза. Шинель от старости приняла коричневый цвет, сукно стало как грубый холст, по подолу висела бахрама.

— Вы ко мне? — спросил Севастьянов.

— Ага, к тебе, — ответил Кушля и вошел вслед за Севастьяновым.

На них пахнуло погребом, — в отделении было холоднее, чем на улице.

— Ну, дай закурить, — сказал Кушля.

Севастьянов дал папиросу. Кушля сел и осмотрелся.

— Ты тут спишь, нет? — спросил он.

— Иногда сплю.

— На чем же ты спишь?

— На столе сплю.

— Тебе ж небось коротко.

— Ничего.

— Жестко. Я на столе не могу, у меня грудь, понимаешь, простреленная. Мне, понимаешь, надо мягко. Хоть сена подложить, но чтоб мягко... Не топишь, это плохо.

— Иногда топлю.

— Надо топить. У меня испанка была, и она, понимаешь, окончательно мне грудь испортила. Мне в нетопленном помещении — гроб.

— Да угля нет, — сказал Севастьянов, все еще думая, что Кушля зашел по рабковским или подписным делам. Разговор Кушли его не удивлял: среди посетителей нередко попадались разговорчивые люди, склонные рассказывать о своих болезнях и ранах.

— Ну, что значит угля нет. А ты достань.

— Вы что хотите? — спросил Севастьянов.

— Беседовать с тобой, брат, хочу, — внушительно ответил Кушля, сдвинув брови. — Хочу, чтобы ты меня ввел, понимаешь, в курс, вот чего я хочу.

— А вы кто?

— Твое начальство. Работать со мной будешь. Рад?

— Вас редакция назначила?

— А то с улицы пришел... Из политотдела округа послали. Дробышев сперва не разобрался. Они с Акоюном меня думали в экспедицию. Ну, потом разобрались, что мне нужно ответственную должность. По воинским моим трудам. Поскольку я воевал за победу революции. Я за советскую власть воевал, понимаешь, когда ты еще пешком под стол ходил! — воскликнул Кушля с внезапным волнением, и его ярко-голубые глаза вдруг заблестели слезами.

Он вскочил, прошелся в конец комнаты и так же враз успокоился.

— Ишь ты, прямо отдельная квартира, — сказал он, приоткрывая заднюю дверь и выглядывая в сени. — Вот тут отгородить, и будет у меня квартира с парадным ходом и с черным, верно?

— Вы разве и жить будете здесь? — спросил Севастьянов.

— А что? Топить только придется. Я тебе говорил — мне в нетопленной хате нельзя.

— Может быть, — сказал Севастьянов, — вам дадут комнату как демобилизованному?

Кушля засмеялся тихо.

— Да ну, я уж тут. Уж лучше без комнаты.

— Как лучше без комнаты?! — удивился Севастьянов. Он жил тогда еще в Балобановке, собственная комната была для него волшебной, несбыточной мечтой.

Кушля смеялся от души застенчивым симпатичным смехом.

— Не надо комнаты, дорогой товарищ, верно говорю. Пока нет комнаты — еще туда-сюда, дышать можно. А будет комната — сейчас же мне, понимаешь, каюк.

— Как хотите, конечно, — сказал Севастьянов, ничего не поняв.

В тот же вечер пришла женщина в шинели и красной полинялой косынке. Войдя, она подошла к Кушле, зачерпнула из кармана горсть семечек и пересыпала в кушлину протянутую руку. Они ничего друг другу не сказали. Женщина села на подоконник и сидела, грызя семечки, пока Севастьянов выдавал газету подписчикам, а Кушля наблюдал за выдачей, с начальственным видом сидя за севастьяновским столом. Она была губастая, тяжелый серый взгляд исподлобья; стриженные

волосы блеклыми прядями свисали из-под косынки на воротник. Когда подписчики ушли, она сказала:

— Как же тут жить, народ до ночи толкётся, все равно что на барахолке жить.

Кушля запел с задумчивым видом: «Эх, шарабан мой», а женщина закрыла лицо рукавом шинели и зарыдала грубыми злыми рыданиями. «А ну их»,— подумал Севастьянов и ушел с тоскливым ощущением утраты, несправедливости, какой-то раздражающей чепухи, вторгшейся в его бытие. Он привязался к своему рабочему месту! А теперь там будет распоряжаться другой человек. Разве он, Севастьянов, плохо работал, что над ним посадили начальника? В редакции и в экспедиции ему говорили, что делать, и он со всем справлялся. И где же он будет теперь писать, и зачем в маленьком отделении начальник?

Утром он пришел на работу рано,— Кушля был уже там. И женщина была, но не вчерашняя, а другая, толстая блондинка в платье с цветочками, с толстыми голыми руками. Толщина не мешала ей двигаться проворно, даже резво. Они с Кушлей вдвоем собирали и устанавливали старую железную кровать. Заржавленная и дребезжащая, кровать эта состояла из гнутых железных полос и прутьев и ни за что не хотела стать на все четыре ножки.

— Вот он пришел,— сказал Кушля при виде Севастьянова и выпустил кровать из рук,— он тебе поможет. Помоги ей, дорогой товарищ. Кровать она мне добыла.

— Все тебе добуду,— сказала женщина, хлопоча возле кровати,— только Ксаньку гони, чтобы я тут не видела Ксаньку!

— Чудачка,— сказал Кушля,— как же я ее отсюда прогоню? Тут учреждение, кто хочет, тот и ходит.

— Ну, так любить ее не смей! — сказала женщина и стукнула кроватью об пол.

— Тихо, тихо! — сказал Кушля.— Делай знай свое дело. Тут не базар. Про фанеру не забудь, отгородиться надо первым долгом, а то некультурно.

— Будет тебе фанера! — крикнула женщина, грохоча железом.— Только не люби Ксаньку!

Она приволокла фанеру и с помощью Севастьянова огородила угол Кушле под жилье. Приволокла матрац и подушку. И примус. И оклеила перегородку газетами. Это была кипучая баба, пышущая жаром, как печка. И печку стали топить благодаря ей, она приносила в ведерке уголь и штыб.

Кушля принимал ее дары с спокойным достоинством. Он вообще все принимал от людей как должное. Он отдал им больше. С этим гордым сознанием ходил он по земле в своей куцей шинели — запанибрата с кем хочешь... Севастьянов привез ему из редакции стол. Над столом повесили телефон, громоздкий желтый ящик того времени, с ручкой как у мясорубки. А из типографии Кушля, удовлетворенный, привез и повесил рядом с телефоном печатную табличку: «Заведующий».

Он сидел под табличкой, курил и благосклонно смотрел, как Севастьянов приходит и уходит, составляет ведомости, притаскивает газету, метет пол,— словом, делает все, что делал раньше. Кушля не делал ничего. Он был убежден, что заведующему ничего не подобает делать, кроме как разговаривать по телефону и иногда навещать к высшему начальству в редакцию.

Севастьянова устраивало, что Кушля ни во что не вмешивается. Это примиряло его с пришельцем, они бы даже могли стать приятелями, но Севастьянова отталкивали от Кушли женщины. Они появлялись, то одна, то другая, и быстрым шепотом спрашивали у Севастьянова: «Ксанька приходила?», «Лизка приходила?» — а если им случалось

сталкиваться, они устраивали безобразные сцены. Севастьянов чувствовал брезгливость к их нечистой суете, к этим полным ненависти шепотам, притворным рыданиям, выслеживанию, внезапным взвизгам: «Подлец!» Ужасно не шла голубоглазому, хворому, степенному Кушле такая прыткость в этих делах. Особенно непонятен был, по скоропалительности, роман с толстой Лизой, Кушля познакомился с нею за день до своего поступления в «Серп и молот».

— Полюбила, понимаешь,— сказал он Севастьянову.— А с Ксаней мы с двадцатого года, она у нас была милосердная сестра. Любят обе прямо сказать тебе не могу до чего! Ты теперь понял, почему мне нельзя комнату: они поставят на повестку дня вопрос о браке...

Он понизил голос.

— А сказать, дорогой товарищ, откровенно — я б из них ни на одной не хотел жениться! И не знаю почему, ведь бабы, понимаешь, неплохие, хорошие бабы...

Как-то вечером отворилась дверь и в отделение вошли Зойка маленькая и Зоя большая. Они и раньше заходили проведать Севастьянова на работе и не поняли, почему в этот раз он потемнел, увидя их, и отвечал им неласково. Удивившись, они смиренно присели рядышком на низком подоконнике, где час назад сидела Ксаня. Севастьянов, нахмуренный и отчужденный, перекадывал с места на место газеты и папки — показывал, что занят по горло. Кушля курил и смотрел ярко-голубыми глазами. Севастьянов вдруг рванулся:

— Ну-ка, девочки, на минутку.

Он вывел их на улицу. Они, привыкшие командовать парнями, вышли как овечки. Он сказал им сурово и непреклонно, чтобы они больше не заходили в отделение.

— Почему? — спросили они.

— Ну, есть причины. Это неудобно.

Зои переглянулись длинным взглядом. По его тревоге и ожесточению они угадали, что в этой выходке нет ничего оскорбительного для них, скорей напротив. Зойка маленькая угадала и взглядом сообщила Зое большой. Умнейший человек была Зойка маленькая.

Загадочно улыбаясь, они ушли. Севастьянов вернулся в отделение. Кушля прохаживался между столами, покуривая. Посторонних не было, рабочий день кончался.

— Мировые девочки! — сказал Кушля.

Севастьянов не ответил. Он не хотел разговаривать с Кушлей о Зоях. Он увел их потому, что сюда ходили женщины Кушли. Инстинктивно он пресекал возможность каких бы то ни было сопоставлений между теми женщинами и Зсями; между отношением Кушли к тем женщинам и своим отношением к Зойке маленькой.

— Бывают же!.. — продолжал Кушля в задумчивости.— А вот я ни одной такой, понимаешь, не знал. Они мимо меня всю жизнь отдаля идут, ни к одной я никогда не подошел, и она ко мне не подошла, будто овраг между нами,— отчего это, как ты думаешь?..

8

А вскоре новый захватил его жизненный интерес, могучее увлечение, то самое, которое владело Севастьяновым: Кушля зажегся страстью к журналистике.

Он писал дни напролет. Куда девалась его лень? Сидя в папиросном дыму под табличкой «Заведующий», углубленно серьезный, он покрывал крупными, катящимися по диагонали строчками длинные листы, сотни листов. С неохотой отрывался, когда к нему обращались, говорил отрывисто: «Ну что? Я занят» и норовил как можно скорее покончить с будничной мелочью и вернуться на свой Парнас.

Севастьянов рассказал ему, что Вадим Железный еще недавно звался Мишкой Гордиенко, был имажинистом и биокосмистом и тратил талант на чепуху, а что он станет мировым фельетонистом, никто и вообразить не мог. Кушля слушал не шевелясь, ленточка дыма завивалась вокруг его головы, ярко-голубые глаза смотрели с неистойвой серьезностью.

— А почему нет?..— спросил он.— Ничего тут нет особенного. Дорогой товарищ, за то мы и боролись, чтобы это могло быть и со мной и с тобой, а не то что с Железным. Железному-то легко, он гимназию небось кончал...

Кушля родился и вырос в безвестной слободе Маргаритовке. Грамоте обучили его в Красной Армии.

Свои опыты он читал Севастьянову, Акопяну, наборщикам. Отважился показать Вадиму Железному, тот сказал: «Со временем, возможно, что-нибудь получится», но встреч стал избегать. А наборщики, зубоскалы на подбор, им не попадайся на язык, изощрялись в остроумии насчет кушлиных писаний и, обидно комбинируя его имя и фамилию — Андрей Кушля,— прозвали его: Андрюшля. Он продолжал писать и, не выдерживая горечи непризнания, жаловался Севастьянову:

— Кто они? (Про наборщиков.) Рабочая аристократия. У них жены в каракулевых воротниках ходят... При белых они где были? Там же в типографии. Белогвардейскую прессу набирали. (Кушля любил слово «пресса».) А я — потомственный пролетарий. Ну, деревенский. Что ж, что деревенский. Зато белыми пулями наскрозь продырявленный. Я в моей родной рабочей-крестьянской прессе должен быть первый человек, первой Железного!

— Поучиться бы нам с тобой на рабфаке, — сказал Севастьянов, он начинал не на шутку задумываться о своем невежестве...

Зои больше не заходили в отделение. Но когда наступило лето, они часто поджидали Севастьянова на улице, с кем-нибудь из ребят, прохаживаясь, пока Севастьянов заканчивал свои дела. Он выходил, и они шли гулять и провожать друг друга, разговаривая обо всем на свете. Зои жили в Пролетарском районе, на Первой линии, Севастьянов с Семкой — в Центральном. Между этими районами лежала «граница» — полоса степи, делившая город как бы на два ломтя.

9

«Граница»... Шел, бывало, по Коммунистической, мимо каменных домов и чугунных решеток, и прямо с тротуара ступал в бархатную пыль степной дороги, нагретой солнцем. Булыжная мостовая с трамвайными рельсами выбегала в распахнутое поле и пересекала его.

По одну сторону рельсов тянулся пустырь, где в ярмарку ставили карусели, качели, балаганы. За пустырем — мусорные свалки, угольные склады и угольный, прокопченный, рабочий, неприбранный берег реки.

По другую сторону сеяли хлеб. Вдоль хлебного поля, параллельно трамваю, была протоптана дорожка, ее обсадили молодыми акациями. Колосья кивали проходящим горожанам, дикие травы подступали к дорожке, повилка забрасывала на нее свои длинные побеги с маленькими розово-белыми граммофончиками.

В начале тридцатых годов на «границе» строили театр. Севастьянов приехал тогда из Москвы в командировку и не узнал знакомого места. Поле было изрыто котлованами, завалено строительными материалами, ходили паровозы, выбрасывая кучевые облака, в облаках передвигались краны... Театр построили великолепный, с самой большой и самой усовершенствованной в мире сценой, из самых дорогих материалов, во всех газетах писали о нем...

В войну он был разрушен фашистской бомбой.

Теперь его опять поднимали из праха...

Но все это позже. В юношеские годы Севастьянова на «границе» колосился овес. Тут хорошо было петь хором, никто не мешал. И можно было, устав, посидеть на низенькой травке, пахнувшей пылью и повиликой.

10

— Как вы считаете,— спросила Зойка маленькая,— мы целый день спорили: человек работает, чтобы жить, или же он живет, чтобы работать?

Зоя большая сказала, покусывая колосок:

— Я считаю — он работает, чтоб жить.

— И я! — сказал Ленька Эгерштром, который по-прежнему крутился перед большой Зоей и во всем ей поддакивал.

— Так какой же ты после этого комсомолец! — тихо сказала Зойка маленькая и немножко задохнулась от негодования. — Какой ты комсомолец, если ты так считаешь!

Ленька стал оправдываться:

— Ну хорошо. Если бы мои братья не работали в посадочной мастерской, на что бы мы жили? Нам не на что было бы жить. А ты думаешь, это очень приятная работа? Как же! У них вся одежда пахнет кожей, и волосы, и руки, никаким мылом не отшибешь, ни одеколоном, ничем. А они молодые парни. А девчатам это не нравится. Так по-твоему — кто-то специально должен жить, чтобы работать на посадке?!

— Это частный случай! — возразил Семка Городницкий.

— Ну конечно! — сказала Зойка маленькая. — Частный и ничтожный.

Спирька Савчук сказал, что приятная работа или неприятная — настоящего коммуниста это не должно интересовать. Это интеллигенция (Спирька произносил: интеллихэнция) выдумывает насчет приятности и неприятности. Кто не трудится, тот не ест. И все.

Желтые желваки ходили по Спирькиным скулам, желтый штопор чуба торчал из-под козырька кепки, папироса, свисающая с губы, придавала Спирьке утомленный, разочарованный вид. В свое время, после изгнания белых, он был вожаком группы ребят, потребовавших, чтобы интеллигентов не пускали в комсомол: у них пускай будет своя организация, говорили эти ребята, а комсомол — только для рабочих. К интеллигентам они причисляли всех учащихся, без различия классов. «Молодежная трудовая оппозиция» — так звала себя Спирькина группа — митинговала и шумела по всему городу, распаляя страсти, пока губком партии не положил конец этой заварушке. «Молодежной трудовой оппозиции» предложили прекратить раскольничью деятельность, и Спирька, лишившись трибуны, заскучал и закапризничал. Между приступами малярии — его трепала малярия — он то эпатировал нэпманов на улице, то закатывался с неподходящими ребятами в пивнушку, то вдруг окружал большую Зою тяжелым, настойчивым, каким-то неприязненным вниманием...

— Если ты не паразит,— закончил Спирька, — работай, что тебе советская власть велела, и все. На то существуешь.

— Несколькo примитивно,— сказал Семка, — но, тем не менее, соответствует истине.

Зойка маленькая спросила:

— Если цель жизни не в том, чтобы приносить пользу людям, то в чем же?..

— Смотря каким людям,— сказал Спирька Савчук.

— Рабочим и трудовому крестьянству,— заботливо уточнил Семка.

— ...Неужели в том, — продолжала Зойка, — чтобы жить для собственного удовольствия? Трудиться для продления собственной жизни?.. — Она пожала плечами с презрением.

Севастьянов сказал: все-таки приятная работа — не выдумка, есть много разных хороших работ, самая же лучшая — газетная; и не только печататься в газете, но и собирать заметки, и принимать подписку, и что угодно. Если бы даже за это не платили никакой зарплаты, он все равно бы это делал и ни на что не променял.

— А на жизнь где брал бы? — спросили они.

На жизнь подрабатывал бы. Например, опять бы пристроился разгружать баржи.

Зойка сказала: мало ли что. Вопрос поставлен принципиально. Жить ради наслаждения способен только мещанин. Она нервничала неспроста, они с Зоей большой, видимо, крепко поспорили на эту тему. Зои стали часто спорить, и маленькая, из воспитательных соображений, переносила вопрос на обсуждение коллектива. А ребят, бывало, хлебом не корми, только дай порассуждать о таких вещах.

Они чувствовали потребность определить — как им вести себя в новой жизни. Еще многое в этом смысле было туманно, они же хотели ясности во всем.

Однажды обсуждали: этично ли хорошо одеваться? Леньку Эгерштрома старшие братья устроили к себе в посадочную мастерскую, и он оделся шикарно — завел модные брючки «бутылочки» из синего шевииота, модные туфли «щучки» и рубашку «апаш». И вот по поводу его роскошного вида зашел разговор: правильно ли, что комсомолец ходит в туфлях из чистого шевро и брюках, за шитье которых заплачена частнику-портному громадная сумма? Допустимо ли это для человека, носящего значок Коминтерна молодежи, когда во всем мире, кроме Советской республики, массы еще угнетены и обездолены и, скажем, в Германии на окраинах городов люди ютятся в жилищах, сделанных из ящиков, потому что нечем платить за квартиру, и дети питаются картофельными очистками?

Зойка маленькая била кулачком по ладони и говорила страстно:

— Недопустимо, недопустимо!

— Ребята, да подождите! — кричал Ленька Эгерштром. — Ребята, да постойте! У нас на посадке все так одеваются, что, я виноват? Если хотите знать, я еще столько не заработал, мне братья дали денег и сказали: «Оденься хорошо, а то ты как белая ворона». У нас на посадке здорово платят, — что, я виноват?

Но о Зойке маленькой было известно, что ее отец, железнодорожный проводник, зарабатывает еще лучше, чем братья Леньки Эгерштрома, и Зойка — единственная дочь, и отец с матерью хотели бы одеть ее как куклу, а она не позволяет. Разумеется, ее слово весило больше, чем Ленькино.

— Значит, — спросила вдруг Зоя большая, — и шелковые чулки нельзя носить?

— Конечно! — сказала Зойка маленькая.

— И лакированные туфли нельзя?

— Ты же слышала!

— И замшевые перчатки? И белье с кружевами? — спрашивала большая Зоя.

Все посмотрели на нее. Она шла в своих парусиновых туфлях, надетых на босу ногу, в стираном-перестиранном платье, у нее не было ни шелковых чулок, ни замшевых перчаток, ничего, кроме старого платья и грубых туфель. Неужели, подумал Севастьянов, и она, как Нелька, мечтает о барахле, выставленном в магазинах, но ведь Нелька — отста-

лая девчонка из Балобановки, а Зоя большая дружит с передовыми ребятами и читала «Джимми Хиггинса».

— Зоенька, — сказал Семка Городницкий, — не надо, чтобы мы думали о тебе хуже, чем ты есть. На черта тебе вся эта дрянь, ты прекрасна и так.

11

С обеими Зоями Севастьянов познакомился еще в двадцатом году.

В том году болели тремя тифами: сыпным, брюшным и возвратным. Умирала больше от сыпного. На плакатах была нарисована вошь. Магазины стояли заколоченные. Бандитов развелось гибель, по ночам в разных концах города бахали выстрелы. И было множество студий, где читали стихи, рисовали картины и танцевали босиком по методу Айседоры Дункан.

Югай сказал:

— Возьми какого-нибудь хлопца или дивчину, кто у нас разбирается в стихах?

— Семка Городницкий разбирается.

— Вот. Возьми Городницкого и сходите на Лермонтовскую, — Югай назвал номер, — там поэтический цех открыли, надо посмотреть, что за цех.

Лермонтовская улица была тихая, с бульваром, с четырьмя рядами сероватых от пыли деревьев. Поэтический цех помещался в бывшем буржуйском особняке, одноэтажном, из ноздреватого серого камня. Особняк стоял в глубине цветника. Клумбы заросли бурьяном, на дорожках валялись окурки, но высокие прекрасные розы цвели над этим запустением — чья-то рука берегла их. В распахнутых окнах мелькали молодые лица.

Севастьянов и Семка вошли. Их не спросили — кто такие и зачем: и внимания на них не обратили. Они прошлись по дому. В первой комнате были некрашенные скамейки без спинок да столик, во второй — рояль и перед ним круглый табурет, и больше ничего нигде, голо. Окна настезь. Сквозняк, запах роз из цветника. Молодежь вольно бродила по прохваченным сквозняками светлым гулким комнатам, сидела на мраморных подоконниках, кто-то подбирал что-то на рояле, встал — сейчас же другой подсел, стал подбирать свое. Каждая нота ясно звучала по всему дому. Вдруг все соскочили с подоконников и заспешили в ту комнату, где скамейки.

Там у столика стояла Тамара Меджидова и читала стихотворение. В нем говорилось, что она, Тамара, великая грешница; она сама в ужасе от своих грехов. Читала она гортанным страстным голосом. На ней было черное платье, черные волосы перехвачены бархаткой. Слушатели похлопали. Их было человек сорок. После Тамары появился Аскольд Свешников, весь в белом, лицо напудрено, ненормально блестели подведенные глаза; губы накрашены были сердечком. Он сказал высокомерно-сонно:

— Пирамиды. Поэма. Рыжий египтянин смотрит на спящего львенка.

Сказал, прошагал к двери длинными ногами в белых штанах и ушел — совсем ушел из комнаты. Севастьянов подумал, что он застеснялся и не хочет читать дальше, но оказалось — это вся поэма и есть. Аудитория зааплодировала. Один голос крикнул: «Хулиганство!» К столику выскочил Мишка Гордиенко — он был тогда легкий и тонкий, в студенческой тужурке, худые руки торчали из обтрепанных рукавов, — и закричал:

— В чем дело! Почему хулиганство! Брюсов написал: «О, закрой свои бледные ноги» — и не нашел нужным прибавить ни слова! Аскольд Свешников тоже не считает нужным разжигать свою поэму! Это его право! Не нравятся — читайте Северянина!

Аудитория притихла. Гордиенко выждал паузу, упершись тощими кулаками в столик, острые плечи поднялись до ушей.

— Чрезвычайное сообщение, — сказал он деловито. — Два события свершились минувшей ночью. Таинство смерти сочеталось с таинством рождения. Умер имажинист Михаил Гордиенко. Родился биокосмист Михаил Гордиенко. Родившись, он написал свое кредо, популярное изложение своих чаяний, назовем это декларацией, назовем это хартией! Оглашаю хартию биокосмизма. Кто не умеет слушать, прошу уйти.

Он стал читать по тетрадке.

— Земля, — читал он, — точно коза на привязи у пастуха-солнца, извечно каруселит свою орбиту. Пора иной путь предписать земле. Да и в пути других планет уже время вмешаться. Мы не можем оставаться безучастными зрителями космической жизни.

Ни один человек не удивлялся. Космос вообще был в моде.

— Мы беременны новыми словами, — читал Гордиенко, — слово пульсирует и дышит, улыбается и хохочет...

Семка Городницкий, гордый поручением Югая, слушал добросовестно. Севастьянов, положившись на Семку, рассматривал собрание. Тут он и увидел Зою большую и Зойку маленькую.

Обнявшись, они сидели на задней скамье, в уголку, в стороне от всех. Их чистые глаза были устремлены на Гордиенку серьезно и доверчиво. Глубокое внимание было на лицах. Видно было, что эти девочки забрели сюда в поисках чего-то очень для них важного. И они так старательно-опрятно были одеты, так мягко светились их волосы, ничего в них не было вызывающего и разухабистого, что всегда отталкивало Севастьянова. Они были тихи и прелестны.

Севастьянов как повернул к ним голову, так и сидел. Они и не замечали, что на них смотрят. Вот Зойка маленькая подняла глаза на Зою большую; а Зоя большая опустила свои темные ресницы к Зойке маленькой; они переглянулись, понимающе улыбнувшись. «Не сестры, — думал Севастьянов, — не похожи... Подруги. Дружны — водой не разольешь. Беленькая советуется с черненькой. Черненькая оберегает беленькую...» С первого взгляда, действительно, Зойка маленькая казалась существом воздушным и робким, находящимся под крылом большой Зои.

Вдруг кусты за окном прошумели бурно, и на подоконник вскочил из цветника молодой моряк. Секунду он стоял на подоконнике во весь рост, словно давая полюбоваться своей ладной фигурой и моряцкой формой, потом спрыгнул на пол, прошел в соседнюю комнату, и оттуда раздалась прекрасная громкая музыка. Все поднялись, заговорили, застучали скамьями, двинулись за моряком. Только Гордиенко продолжал читать, выкрикивая слова; но даже Семка Городницкий его бросил и ушел с Севастьяновым к роялю. Обступив рояль, молодежь смотрела, как играет моряк, как трудятся над клавишами его загорелые руки, схваченные в запястьях обшлагами блузы. Близко от Севастьянова, прижавшись друг к другу, стояли Зоя большая и Зойка маленькая, все трое они отражались в лакированной поднятой крышке рояля. Маленькая спросила тихонько, не обращаясь ни к кому:

— Интересно — что это он такое играет?

Севастьянов взглянул на Семку. Тот стоял поглощенный музыкой, его горбоносое лицо было закинута, губы шевелились. Севастьянов толкнул его и спросил:

— Что он играет?

— Вагнер, — очнувшись, ответил Семка. — Тангейзер.

— Вагнер, Тангейзер, — дружески объяснил Севастьянов Зойке маленькой.

— Вагнер, Тангейзер, — прошептала Зойка, глядя перед собой светло-зелеными прозрачными глазами.

Несколько лет спустя они с Севастьяновым признались, что первый раз услышали тогда и о Тангейзере и о Вагнере. Но в тот вечер они это скрыли и почувствовали друг к другу уважение.

А потом как-то само получилось, что они ушли из Поэтического цеха четвером и до полуночи гуляли, разговаривая, по Первой линии. Люди солидные боялись поздно ходить по улицам, тем более окраинным, но эти четверо были защищены от грабежа своей бедностью. Отчасти потому, что такова была сложившаяся в гражданскую войну привычка, отчасти потому, что тротуар был слишком узок и шербат для их привольной ночной прогулки, — они ходили посередине улицы, по булыжной мостовой: в центре, обнявшись, две Зои, по сторонам — Городничий и Севастьянов. Ни фонаря, ни огня в окошке; только звезды освещали Первую линию. Пепельно отсвечивала, горбясь во мраке, широкая мостовая. Белесыми ручейками стекал в ее впадинах облетевший с акаций цвет. Кроны акаций вдоль улицы были темнее мрака. За ними — безмолвные, каждый себе на уме, запершись наглухо, спали кирпичные домики. Последний прохожий прошел, торопясь и размахивая руками, звук шагов его замер. А четверо ходили по пустой улице, как по собственной квартире, и разговаривали легкими голосами.

Зоям нравилось в Поэтическом цехе. Там интересно. Там все талантливые. Михаил Гордиенко талантливый. Тамара Меджидова очень талантливая. Аскольд Свешников — гениальный.

— Это у которого поэма про львов, — пояснила большая Зоя.

— Разве это про львов? — спросил Севастьянов.

— Это про Египет, — сказала Зойка маленькая.

— Как у него странно глаза блестят, — сказал Севастьянов.

— От кокаина, — сказала Зоя большая. — Он нюхает кокаин.

Она сказала это так же уважительно, как говорила: «Он гениальный».

— А как он сказал, — спросил Севастьянов, перескакивая на Гордиенку, — он был — кто? А стал — кто?..

— Биокосмист, — ответила Зойка маленькая. — Это новое, правда, Зоя? Биокосмистов еще не было, были имажинисты и ничевоки.

— А чего хотят ничевоки? — спросил Севастьянов.

Зоя большая объяснила набожно:

— Они говорят: ничего не пишите; ничего не читайте; ничего не печатайте.

— А вы читали Блока? — спросила Зойка маленькая. — «Балаганчик» читали?

— Она от любви к нему хотела утопиться, — сказала большая Зоя.

— Кто?

— Тамара Меджидова.

— От любви к Блоку? — спросил Семка.

— К Аскольду Свешникову. У нее об этом есть стихи.

Зойка маленькая процитировала мечтательно-застенчиво, чуть слышно:

— «Я к тебе прихожу через бездны греха, я несу мое сердце на простертых ладонях».

— Тамара Меджидова — необыкновенная, правда? — спросила большая Зоя.

Их уважение к людям, пишущим стихи и хартии, было огромно. Оно было так огромно, что им не пришло бы в голову влюбиться в Гордиенку или Свешникова. Они не претендовали на внимание титанов и тем более на их чувства. Но любовь между титанами будоражила их. Тамара Меджидова, шествующая через бездны греха к Аскольду Свешникову со своим любвеобильным сердцем на простертых ладонях, была откровением, озарением для этих девочек с Первой линии.

Семка Городничкий немедленно принялся их перевоспитывать. Он спросил, как они относятся к Маяковскому, и стал читать из «Человека». «Хотите, по облаку телом развалюсь и буду всех созерцать!» — гремел он грозным басом перед крепко зажмуренными, затаившимися позади деревьев домиками. И тут вышел горбун и разогнал их.

Горбун вышел из калитки — шелкнула шеколда — и стоял в темной сени акаций, белея рубахой и светя огоньком папирасы. Белая рубаха так резко выделяла горб, что видно было издали: горбун стоит. И хотя Зои молчали и продолжали идти рядом, но Севастьянов почувствовал, что обе они, едва только шелкнула шеколда, перестали слышать Семку, их внимание устремилось на фигуру, стоявшую в тени.

Горбун позвал негромко скрипучим голосом: «Зоя!» — и Зоя большая молча отделилась от компании и пошла к нему. Он пропустил ее в калитку, вошел следом, коротенький и уродливый — за высокой, тонкой, с длинной гибкой шеей... Громыхнул болт. Трое остановились. Зойка маленькая сказала:

— До свиданья!

Подав Севастьянову и Семке теплую крепенькую руку, она взбежала на крыльцо. Оно было рядом с калиткой, куда увел горбун большую Зою. Кирпичный домик, три окошка на улицу. Жалюзи на окошках. На двери звонок — белая пуговка. Дом Зойки маленькой.

12

У них там полы были светло-желтые и такие вымытые и блестящие, словно на них всегда светило солнце. Когда являлись ребята, мать и бабушка Зойки маленькой прямо-таки мучились, уходили подальше, чтобы не видеть, как ребята, оставляя без внимания половики, ступают ножищами по этому сияющему полу. Сделать замечание мать и бабушка не смели, боялись огорчить Зойку.

Они обожали ее. Особенно отец, который постоянно уезжал и, уезжая, приказывал матери и бабушке, чтобы они берегли Зойку и не расстраивали ее своими пустяками.

Все в домике было для Зойки: чистота и солнце, и вымытые, цветущие растения в горшках и кадках, и пианино, и аквариум с рыбками, и шкафчик с книгами.

Пианино отец купил (выменял на сало и муку), чтобы Зойка научилась играть, чтоб она была настоящей барышней. Зойка отказалась учиться играть, но пианино стояло, с него стирали пыль, его накрывали вышитыми дорожками, его медные педали и подсвечники начищали мелом — Зойка могла передумать и захотеть учиться музыке, Зойкины дети могли захотеть учиться музыке, наконец — это было ценное имущество, которое Зойка могла продать когда-нибудь впоследствии в черный день.

Аквариум отец завел потому, что когда Зойка была совсем крошечной и дѐм их был только заложен (строился он несколько лет), — она у знакомых увидела банку с золотыми рыбками и в восторге закричала: «Папа, рыбки!» — и это занозило отцовскую душу. С тех пор, строя дом, увертываясь от мобилизации (тут началась мировая война), разъезжая проводником в загаженных, битком набитых поездах, выторговывая на сытых степных станциях мед и сало за юбки и пиджаки, купленные в городе на толкучке, — он помнил тот счастливый Зойкин крик. Он купил настоящий богатый аквариум, с гротом, с нежными диковинными водорослями, и населил его диковинными, дорогими рыбками. Он не подумал, что они уже не нужны Зойке, что она выросла. Она удивилась, она к ним и не подходила, — за аквариумом ухаживали не покладая рук бабушка и мать.

Из всех приобретений отца единственной ценностью был для Зойки книжный шкаф. Он стоял в ее комнате (никто в семье, кроме Зойки, книг не читал). Полки шкафа были как пласты пород в разрезе земной коры, они рисовали историю Зойкиного развигтия.

Внизу были свалены небрежно книги детства: «Маленький лорд Фаунтлерой», «Голубая цапля», сочинения Лукашевич и Желиховской и в подавляющем количестве — Чарская, вдребезги зачитанная подружками, распавшаяся на золотообрезные листы и потускневшие корки роскошных когда-то переплетов, — Чарскую в золоте и серебре отец дарил на именины.

На средних полках стояли Пушкин и Гоголь с картинками, небесно-голубой Тургенев, «Обрыв», Надсон, хрестоматии. Их не трогали, они были погребены под разрозненными номерами альманаха «Шиповник».

На верхней полке находились Зойкины сокровища: Блок, Ахматова, излюбленный Бальмонт в мягких белых шелковистых обложках... То были святыни, царства. Но как легко рушились царства! Не прошло и месяца после знакомства Зой с Семкой Городницким, как на заветной полке, раздвинув и притиснув изящные книжечки, стала некрасивая, переплетенная в грязно-розовую бумажку книга «Все сочиненное Владимиром Маяковским», а Бальмонта Зойка маленькая отправила к Чарской. Семка Городницкий был у Зойки в почете, она уважала его за начитанность и не обижалась, когда он, являясь, возглашал:

— Я к тебе прихожу через бездны греха!

В последующие годы шкафчик был забит брошюрами о Парижской Коммуне, Девятьсот пятом годе, политэкономии, задачах комсомола. Так жила Зойка, бросаясь от стихов к политическим статьям и принципиальным спорам, пока ее отец возил со станций кошелки с яйцами, а мать и бабушка чистили аквариум и макль пироги.

У нее были зеленые, как крыжовник, глаза и детская шея, золотистая от загара. И волосы золотистые, коротко обрезанные, они завивались по-мальчишески вверх, открывая шею сзади и округлый лоб. Через щеки ее и переносицу лежала легкой тенью полоска веснушек, от них еще милее был приподнятый детский нос.

В летние вечера, перед заходом солнца, жители Первой линии выходили посидеть на улице, на крылечках, сложенных из больших серых камней. Сидели, разговаривали, лускали семечки старики и старухи, молодые женщины и девчонки с длинными голыми ногами, расчесанными в кровь от комариных укусов. Неизвестно, чего больше было насыпано на улице — сухого цвета акаций или подсолнечной шелухи. Девочки играли в кремешки, мальчики в айданы. Соседи подходили к соседям — узнать новость, рассказать новость. Севастьянов шел к Зойке маленькой, — на крылечках умолкали, наблюдая его, слышалось только звонкое щелканье разгрызаемых семечек, он шел под щелканье семечек, как в романах идут к любимой под соловьиное щелканье.

Она не сидела на крыльце. Сидела, должно быть, пока не прочла «Балаганчик» и «Незнакомку» и прочее тому подобное; пока была девчонкой в коротком платье, с голыми выше колен ногами, и играла в кремешки. В пятнадцать лет ее не занимали ни кремешки, ни уличные новости. Ее мать и бабушка сидели на крыльце, иногда и отец, когда не был в поездке. Севастьянов здоровался и спрашивал:

— Зоя дома?

И при этом знал, что она дома, что она там, за занавесками, уже слышала его шаги, — сейчас раздвинет занавески и станет, золотистая, между распахнутыми створками зеленых жалюзи, улыбаясь ему своей серьезной улыбкой.

А кто такой был моряк, что играл из «Тангейзера»? Зои ничего о нем не знали, кроме того, что он приходил через окно, играл что-нибудь громкое и сейчас же уходил. Почему ему нравилось входить через окно? Почему он приходил играть в Поэтический цех? Если он был моряк, то что делал в этом городе, куда приплывали по реке только баркасы с арбузами и рыбой, да старые баржи, ведомые маленькими парходиками? И если он был моряк (а он был моряк: он носил свою матросскую одежду как моряк; у него был загар моряка и походка моряка), — если он был моряк, то где и когда научился так играть?.. Все это осталось неизвестным навсегда, потому что Поэтический цех вскоре закрыли.

Закрывал его Югай. С ним пришла Женя Смирнова, агитпроп райкома, плотная и румяная, в выгоревшей косоворотке и красной косынке, через плечо портупея. Цвет Поэтического цеха был в сборе — Гордиенко, Свешников, Тамара Меджидова... Стоял душный вечер, все были в рубашках с расстегнутым воротом, в легких платьях, один Югай в кожанке. Он прошел к столику, перед ним расступались, говор затихал, пока он шел. Он сказал:

— Именем губернского комитета комсомола. — Стало совсем тихо. — Мелкобуржуазный клуб, так называемый Поэтический цех, организованный группой интеллигентов без учета революционных интересов трудовой молодежи, объявляю закрытым. — Собрание заговорило... — Тихо! — сказал Югай, Женя Смирнова придвинулась к нему, положила руку на кобуру. — Хватит с нас опiums всевозможных видов! Руководителям бывшего Поэтического цеха предлагаю покинуть здание.

И они все, по одному, пошли к дверям — Гордиенко, Тамара и — последним — Аскольд Свешников с сонным выражением напудренного лица, с пренебрежительно опущенной нижней губой, сквозь пудру на его носу ртутными каплями проступал пот.

— Остальным остаться, — сказал Югай.

Но еще человек десять ушло демонстративно вслед за Свешниковым. А с оставшимися Женя Смирнова звонким голосом повела беседу о ликвидации неграмотности — важнейшей культурной задаче победившего пролетариата.

В двадцатом году вдоль Коммунистической тянулись два ряда пустых грязных витрин — магазины не торговали. Изгнанные из особняка поэты обосновались в витрине. Они там поставили свой столик, за столиком сидел дежурный. Чаше других дежурил Михаил Гордиенко. Подняв острые плечи, он внимательно писал, иногда взглядывая на прохожих; а прохожие смотрели на него — как он за большим стеклом пишет, сморкается и разговаривает с проходящими поэтами. Слева от Гордиенки висела хартия биокосмистов, справа — декларация ничевых, то и другое было написано от руки, неважным почерком, на длинных кусках обоев. «Окно поэтов» — так это называлось. Гордиенко сидел там до холодов, потом ушел. И все ушли, и за морозными узорами окна, меж двух длинных манускриптов, одиноко коченел поэтический столик... Когда Севастьянов опять встретил Гордиенку, тот был уже Вадимом Железным, не шумел, стал шире в плечах... Тамару Меджидову Севастьянов позже, году в двадцать четвертом, видел в обществе «Друг детей». Она была в каштановой телячьей куртке с белыми подпалинами и в меховой шапке, у которой на ушах болтались ботиночные тесемочки. Грешная Тамара была в этом виде просто добродушной теткой, ошалелой от кучи забот. Портфель ее был набит чужими рукописями: общество «Друг детей» издавало приключенческие романы; выручка шла на борьбу с детской беспризорностью;

Тамара состояла при этих издательских делах... Что касается Аскольда Свешникова,— этот уехал за границу, у него там оказались родственники.

14

Зоя большая жила по соседству с Зойкой маленькой.

Маленькая стучала условным стуком в деревянный забор, большая приходила.

С того двора кричали: «Зоя!» Иногда это был женский голос, иногда голос горбуна. Зоя большая вставала и уходила, маленькая провожала ее нахмуренным, озабоченным взглядом.

Во дворе у Зойки маленькой росли черешни. Большие блестящие ягоды, красные и черные, казались сделанными из дерева и покрытыми лаком. Их разрешалось срывать и есть сколько угодно. Самые красивые, по две на одной веточке, Зоя большая любила надевать на уши. Она себя вечно украшала — то наденет ожерелье из мелких ракушек, нанизанных на нитку, то приколет цветок на грудь. И Зойке маленькой она надевала серьги из черешен. Очень они обе были хороши, когда разговаривали и смеялись и яркие блестящие ягоды качались у их щек.

Как жила большая Зоя? Она никогда о себе не рассказывала, и Зойка маленькая на вопросы о ней отвечала неохотно, хмурясь. Зоя большая живет с матерью и братом, — кроме этого, собственно, ничего не сообщалось.

Проходя мимо ее ворот, Севастьянов видел в открытую калитку нищее подворье, уставленные лачугами, увешанное тряпьем, еще более неприглядное, чем открытые зною и пыльным ветрам дворы Балобановки. Тут постоянно плакали дети и кричали, переругиваясь, женские голоса. Из этого двора, залитого мыльными помоями, выходила, улыбаясь, большая Зоя; привычным движением наклоняла голову в низенькой калитке; не торопилась закрыть калитку, божественно уверенная, что безобразие, в котором ей приходится существовать, не сливается с нею, не может никому помешать ею любоваться. Севастьянов заметил, что у Зойки маленькой ее прикармливают. Делалось это, конечно, ради Зойки маленькой — той бы кусок не пошел в горло, если бы она не могла разделить его с Зоей большой.

В какую-то осень Севастьянов встретил большую Зою на бирже труда. Там была лестница со сбитыми, заплеванными ступенями из серого мрамора и во всю ширину площадки—окно, его стекла, несколько лет не мытые, почернели и стали непрозрачными. У черного окна, в сумраке, стояла большая Зоя. Севастьянов угадал ее издали, снизу, по очертаниям узких бедер, высокой шеи, непокрытой стриженной кудрявой головы. Она стояла в своем старом пальтишке, из которого выросла, и крутила в пальцах носовой платок. Севастьянов остановился, она подала озябшую руку в коротком рукаве.

— Отмечаться? — спросил он.— Пошли вместе.

— Я жду брата,— ответила она.

Она уронила платок и сказала:

— Если дама что-нибудь уронила, кавалер обязан поднять.

— Вот, действительно,— сказал он,— я похож на кавалера, а ты на даму!

Но все же нагнул и поднял ее платок, мокрый холодный комочек. Люди шли мимо них, кто вниз, кто вверх. Она сказала, вдруг забеспокоившись:

— Ну, иди. Вот он.

Ее брат спускался по лестнице. Севастьянов сказал: «Всего» и пошел наверх. Непонятную, непобедимую неприязнь испытывал он к

ее брату. И горбун при встречах пристально и недобро взглядывал Севастьянову в глаза своими быстрыми темными глазами и здоровался как-то так, что это у него — несмотря на малый рост — получалось свысока.

Он спускался по лестнице самоуверенной походкой, развязно выбрасывая короткие ноги. С ним шел Щипакин, они разговаривали как знакомые. Севастьянов подумал: «Ого, какое у горбуна знакомство», — для безработного Севастьянова Щипакин был большим человеком.

Сейчас и не вспомнить, как называлась его должность, как-то длинно, и было там слово «уполномоченный»... Щипакин в союзе совторгслужащих занимался трудовым устройством молодежи, он мог устроить на работу, поэтому был одной из популярных фигур на бирже труда. У него были тяжелые круглые глаза навывкате, нос в форме башмака и очень большое расстояние от носа до верхней губы, еще удлиненное глубокой вертикальной ложбинкой. Совсем молодой, он держался важно, с сознанием своей видной роли. Если кто-нибудь из безработных обращался к нему недостаточно, по его мнению, уважительно, — он обижался, обрывал, хамил. С горбуном он говорил благосклонно, Севастьянов это отметил, разминувшись с ними на лестнице.

Он отметил это вскользь, их отношения не так уж его интересовали... Шагая через ступеньки, он поднялся на четвертый этаж. В огромном холодном зале было, как всегда, по-вокзальному людно, хвосты очередей перед фанерными окошечками, гул голосов, странно усиленный и омузыкаленный акустикой зала. На полу вдоль стен, подпирая их спинами, сидели люди, курили. Серый дым висел в воздухе, чтобы проветрить — открыли одно из окон на улицу. И там было дымно-серо, шел сильный дождь. Брызги залетали в зал. Люди кашляли, поднимали воротники. Севастьянов только спросил: «Кто последний?» и стал в очередь к окошку регистратуры, как вдруг раздался женский крик, сидевшие повскакивали, все зашумело.

— Кто? Кто? — спрашивали кругом. У открытого окна вмиг сбилась толпа, лезли на подоконник; другая толпа хлынула на лестницу.

Севастьянов в числе первых очутился возле тела, распростертого на асфальте. Помочь ничем было нельзя. Дождь барабанил по луже крови, размывая ее. Одежда самоубийцы успела промокнуть. Нищета этой одежды — нищета, на живых настолько привычная, что ее уж не замечали ни у себя, ни у других, — на мертвой кинулась всем в глаза. Солдатские «танки» без подметок, заскорузлые, зашнурованные веревкой; жакетик — одно название — заплатка на заплатке; весь в дырах кровавый платок... Неправдоподобно темно-синяя лежала у ног сбежавшихся людей небольшая рука, ладонью вверх, пальцы сложены чашечкой, в чашечку, брызгая, набиралась дождевая вода... Толпа густела. Сквозь серую водяную завесу Севастьянов увидел — среди чужих лиц — лицо большой Зои, темный взгляд ее, остановившийся на самоубийце.

Загудел автомобиль, люди расступились, запахло сквозь дождь аптекой, появились белые халаты, носилки, милиционер, мелькнул шипакинский нос — башмаком... Севастьянов видел, как горбун уводил большую Зою, а она спотыкалась и оглядывалась...

Вечером Севастьянов рассказал о происшествии Зойке маленькой. Зойка выслушала молча, сдвинув брови, потом спросила:

— Где же Зоя?

Зоя большая, оказывается, не забегала со вчерашнего дня, ее с утра не было дома. Так она и не пришла, Севастьянов и Зойка маленькая сидели вдвоем. Тихий тянулся вечер, Зойка была не в духе, мерно шумело по крыше, разговор не клеился. Севастьянов у шкафа листал книжки и думал, что ему еще шагать в Балобановку... Зойка сказала, возвращаясь к разговору о самоубийстве:

— Все-таки это слабодушие.

Севастьянов вспомнил руку на асфальте и сказал:

— Кто его знает. Трудно без работы... Очень ей, значит, стало невмоготу.

Потом он добавил:

— Вот, будет мировая революция — все наладится.

— Да! Да! — сказала Зойка.

Горбун вскоре после этого поступил на работу, завхозом в клуб совторгслужащих.

15

Дождь переходит в снег, снег валит крупно и густо, как на рождественской открытке, непрерывно падающей сверкающей сеткой заслоняет фонари, ложится толстой гусеницей на резко освещенную цветастую вывеску «Нерыдая».

«Яблочко» ухает из глубин «Нерыдая».

Две женщины под фонарем, пряча лица в воротники, выбивают каблуками дробь.

— Хорошенький, погреться не мешает, — хриплой скороговоркой говорит одна, когда Севастьянов проходит мимо. — Мы уважаем шенпанское, но можем простую водку, если у вас финансы поют романсы.

Другая перебивает:

— Сказилась, какие у него финансы!

— Да на водку, много ли надо! — простуженно кричит первая вслед Севастьянову. — Хорошенький, пошли в «Нерыдай»!

Это он шел из редакции с совещания.

Он тогда только что поступил в «Серп и молот».

У него не было на трамвай, а постоянный билет ему еще не выдали, а попросить у кого-нибудь денег в долг он постеснялся.

...На совещании были сотрудники и рабкоры. Из типографии — из красного уголка — в кабинет Дробышева снесли скамейки. Дробышев делал доклад о задачах большевистской печати. Вдруг погас свет. Один из рабкоров поднялся и, светя себе зажигалкой, пошел смотреть пробки. Оказалось — авария на станции. Дробышев говорил в темноте. Молчаливо попыхивали папиросные огоньки. Потом внесли керосиновую лампу. К концу доклада электричество опять зажглось.

...Вадим Железный написал отчет об этом совещании. Он там написал: «Рабкоры вошли и поклали шапки на стол».

Акопян выправил: «положили шапки на стол».

— Не подсовывайте мне ваши вываренные в супе слова, — сказал Железный.

— «Поклали» — неграмотно, — сказал Акопян.

— «Поклали шапки» — это экспрессия, масса, мускул, акт! — сказал Железный. — Вы полагаете — в слове все исчерпывается его грамотностью?

— В трамваях висит объявление, — сказал Акопян со своим мягким акцентом, — напечатанное, кстати, у нас в типографии: «Детей становить на скамейку ногами воспрещается». Может быть, вам нравится слово «становить»?

— А конечно, потому что в нем образ! — воскликнул Железный. — Ставят клизму, как вы не понимаете, черт вас возьми! Слово «ставить» тут немисливо даже ритмически. «Детей ставить на скамейку ногами»... Слышите?! Фраза кособочится, у нее заплетается язык! Это объявление набирал лингвист, умница! И разве не восхитительно «становить нгами», как будто можно становить и головой, разве в этом не эпоха?

— Рабочая газета ищет эпоху в других ее проявлениях, — сказал Акопян спокойным голосом, но очень категорически.

Севастьянов ходил по व्यожным улицам, ходил по большим заводам и маленьким мастерским, набирая полные ботинки снега, и думал: что за штука такая — слово, в Поэтическом цехе сражались из-за слов и в редакции сражаются, и как может быть в слове эпоха, и как это фраза кособочится, и кто же прав — заносчивый Железный или добрый спокойный Акопян.

Он уважал Акопяна, но то, что говорил Железный, ему тоже очень нравилось.

Ему казалось, что и он, Севастьянов, ощущает в каких-то словах силу (мускул) и напор (массу?), а какие-то и ему представляются словно бы — действительно — вываренными в супе... Он уже — еле-еле — чувствовал и предчувствовал кое-что, хотя еще много лет и व्यог лежало между ним и его первой книгой.

...Все они выросли, кому исполнилось семнадцать, а кому и восемнадцать. Они считали себя взрослыми, и взрослые не считали их детьми. Спирька Савчук уже брился. У Семки Городницкого окончательно окреп его утробный бас, выработанный посредством многолетних упражнений; он этим басом широко спорил с попами на диспутах. Ванька Яковенко поступил на плужной завод и быстро стал выдвигаться — его выбрали в бюро ячейки и сразу в секретари, он стал очень деловым, подружился с Югаем и Женей Смирновой, а от старой компании отдался.

Сильнее всех изменилась большая Зоя. Прежде такая тихая, задумчиво-созерцательная, она становилась шумной, полюбила веселье и шутки, полюбила, чтоб парни за нею ходили гурьбой. Парни ходили гурьбой, а ей все было мало, она хотела еще и еще знакомств и побед. Беспричинное раздражение прорывалось у нее, смех стал нервным, глаза вспыхивали беспокойно. И по разным вопросам они все чаще спорили с Зойкой маленькой.

Раз Севастьянов случайно услышал, как они спорили о любви.

— Он меня обожает! — говорила большая грудным, таинственно пониженным голосом. — Разве ты не видишь — он для меня что хочешь делает!

— Да, вижу, — отвечала маленькая. — Но ты мне скажи — зачем тебе это, ведь ты его не любишь!

— Ну, как зачем! — упрямо сказала большая. — А ты разве не хочешь такой любви, чтобы для тебя готовы были в воду кинуться?

— Я хочу такой любви, чтоб я сама ради какого-нибудь человека была готова в воду кинуться! — сказала маленькая. — И ты такой любви хочешь, и для чего ты прикидываешься эгоисткой, я не понимаю. Я ведь знаю, что ты не эгоистка!

Тут вошел Севастьянов, и спор прекратился. Севастьянов понял, что это они говорили о Спирьке Савчуке, ведь за версту была видна Спирькина тяжкая влюбленность в большую Зою.

То был уже двадцать третий год — лето двадцать третьего, уже были мечты о журналистике, был Кушля, уже Севастьянов ушел из Балобановки и обитал с Семкой Городницким на Коммунистической, в комнате возле кухни, где царствовали три ведьмы.

Мечты и прогулки по «границе» были до середины лета. А потом голубоглазый Кушля вмешался в судьбу Севастьянова и переломил ее.

Но сначала Севастьянов и Семка Городницкий учились на политкурсах.

Занятия происходили в школе. Севастьянов, с его длинными ногами, подолгу вертелся, усаживаясь за парту, и стучался коленями... Для учебы его освободили от вечерней работы. На курсах они познакомились с

двумя страшно передовыми девочками с табачной фабрики, одну звали Электрофикация, другую Баррикада. В сущности, их звали Рива и Маркуся, но они октябрились в клубе, с речами и подарками от фабрикама, и приняли новые имена для нового быта. Они то и дело хлопали ребят по спинам и кричали: «Шурка, сволочь! Семка, гад!» и по самому нестоящему поводу заливались хохотом. При всем том — славные были девочки...

Кроме молодежи, на курсах учились и пожилые люди, был там инвалид войны, ходивший на костылях, был старик с бородой как у Маркса, была неприветливая болезненная женщина в пенсне... Им читали лекции о прибавочной стоимости, диктатуре пролетариата, диамате и истмате, о великих утопистах, предшественниках марксизма.

Семка, эрудит, начетчик, обо всем этом читал раньше, а Севастьянов впервые слышал так подробно и был по-настоящему потрясен — сколько же люди думали, искали, фантазировали, догадывались, открывали, стремясь устроить человеческую жизнь разумно и справедливо. Он даже поднялся в собственных глазах, обнаружив, что его волнует этот мир от важного и жадного мышления, с которым он соприкоснулся; что, значит, он, Севастьянов, тоже из той людской породы, которой доступно высокое. Мысли, зарождавшиеся в его юной голове самостоятельно, имели пока что значение только для него; но на чужую мысль эта голова отзывалась быстрым пониманием, это ведь тоже кое-что.

В тот период своей жизни они с Семкой разговаривали почти исключительно на социально-философские темы, даже сообща сочиняли стихи на эти темы.

Познавательный процесс
Не свалился к нам с небес,
И врожденных у людей
Сроду не было идей..

В моде была кабацкая песня про торговку бубликами:

Бублики! Горячи бублики!
Купите бублики, народ честной!..

«Буб-лики! Горячи буб-лики!» — пела улица. «А я несчастная торговка частыная!» — пронзительно пел маленький босоногий пацан в коротких штанах и выгоревшей буденовке, такой же, как у Кушли. «Буб-лики! Горячи буб-лики!» — яростно суфлировала гармошка из пивной. А Севастьянов и Семка, идя домой после лекций, сочиняли песню для себя и своих товарищей:

Гегель странный был чудак,
Не поймешь его никак:
Диалектика — того —
Вверх ногами у него.

Диалектике былб
В этой позе тяжело,
Но явился Фейербах,
И она уж на ногах.

Фейербах, Фейербах,
Браво, Людвиг Фейербах!

И так далее — топорно и, быть может, излишне фамильярно, но зато от всего сердца.

А девочки — Электрофикация и Баррикада — смотрели им в рот, когда они сочиняли, и потом пели с ними вместе.

С тех пор как Кушля возглавил отделение «Серпа и молота» и поселился там, писать Севастьянову стало нелегко.

В отделении был Кушля, дома — Семка Городничкий.

Кушля непременно подошел бы и заглянул, что там Севастьянов пишет. Он не признавал секретов.

Семка без спроса не сунется, но севастьяновские листки могли попасться ему на глаза случайно, у них ведь ничего не запиралось, да и запирасть было некуда, — и неужели же Семка не прочтет? Надо быть возмутительно равнодушным к товарищу, чтобы не прочесть. И Севастьянов огнем сгорит от Семкиных критических, логических, иронических замечаний. Если же Семка воздержится от замечаний, и даже не усмехнется, и будет молчать, словно ничего знать не знает, — это ужасное сострадание еще невыносимее.

Лишенный приюта для своей музыки, Севастьянов творил мысленно. У него была пропасть времени, когда он шагал от предприятия к предприятию по редакционным делам.

Шагал, вдруг замечал на себе чей-то взгляд и, спохватясь, сгонял с лица улыбку.

На короткое время отстал было от сочинительства — пока учился на курсах и увлекался общественными науками; потом опять вернулся.

Он составлял в уме фразы, заботясь о том, чтобы они не кособочились. Слагал газетную прозу, как поэты слагают стихи. Кое-что записывал тайком — фразу, абзац — и прятал в карман. Газета светила ему как маяк: его интересовали только те явления, которые могли интересовать газету. Изложить старался помускулистее, в подражание Железному. (Московских журналистов, печатавшихся в «Правде» и «Известиях», они с Кушлей тоже читали внимательно, но находили, что наш Железный пишет лучше.)

И вот однажды получилась у Севастьянова одна вещь, и он почувствовал желание показать ее кому-нибудь. Первый раз почувствовал такое желание.

Не желание: необходимость! Неизбежно было, чтобы еще кто-то, кроме него, эту вещь узнал. Не то чтобы исчез его целомудренный страх перед судом другого человека — страх за свое неумение, несовершенство своей работы; страх остался, но как бы отступил на время и наблюдал со стороны: что-то будет!..

Севастьянов пошел в отделение, сел и в присутствии Кушли стал записывать то, что сложилось в его мозгу. Вышло вроде стихотворения в прозе, — этого он не знал, не был посвящен в такие тонкости; он все, что сочинял, считал фельетонами... Там рассказывалось, как рабочие судоремонтного, с женами и детьми, пришли на субботник — убирать в цехах: судоремонтный, после долгого перерыва, снова вступал в строй. Субботник был описан с разными восклицаниями, заимствованными у Вадима Железного. Но кое-что было не заимствованное, свое, — тот рабочий: как он разбирал станок, с каким вниманием, не подымая глаз, долго рассматривал снятую часть и клал бережно, — и следующую, перед тем как снять, осматривал и что-то обдумывал, и в раздумье поигрывал по станку пальцами и посвистывал, сложив губы дудочкой, — а потом он сел тут же на подоконник и завтракал, медленно жуя и не спуская глаз со своего станка, в одной руке хлеб, в другой ломоть арбуза, — вот этого рабочего Севастьянов сам отметил среди сотен человек и по-своему описал, и этому описанию обрадовался до такой степени, что не мог не поделиться с кем-нибудь своей радостью.

И, безусловно, легче было делиться с Кушлей, чем с начитанным и ироническим Семкой Городничким.

Как он и предугадывал, Кушля, увидев его пишущим, подошел и стал за его плечом. Попыхивая папиросой, он стоял и читал. Севастьянов дописывал не оборачиваясь, уши у него горячели. Кушля взял первый, уже отложенный лист, стал читать с начала. Тем временем у Севастьянова поспел конец; Кушля прочел конец и спросил недоверчиво:

— Это что?

— Да так просто, — слепо ответил Севастьянов.

— Твое? — спросил Кушля еще более недоверчиво и даже грозно и перешел на другое место, чтобы взглянуть Севастьянову в лицо.

— Мое! — решил Севастьянов.

Ярко-голубые кушляны глаза смотрели ему в самую совесть.

— Не врешь?

— Иди ты!

Скрестив на груди руки, Кушля прошелся взад-вперед.

— Замечательно!

Он это сказал с глубоким убеждением и серьезностью. И Севастьянов знал, что шутить он не умеет, а все-таки поглядел: не шутит ли?

— Ты считаешь — ничего?

— Что значит ничего! — сказал Кушля с тихим торжеством. — Я же тебе говорю — замечательно!

«Да неужели, — значит мне не показалось, — да, должно быть, да, конечно, это хорошо!» — подумал Севастьянов.

— Это же надо, понимаешь, сел и написал единым духом, ничего даже не чиркая, ну и ну! И кто, — рабочий парень с низшим образованием! Это, дорогой товарищ, просто, я тебе скажу, ну просто, я тебе скажу, — да что тут говорить: сказано — замечательно!

— Что ты, каким единым духом! — поспешил возразить Севастьянов. — У меня раньше придумано было. — Он жаждал похвал, которые мог принять как заслуженные; те, которых он не заработал, были ему тягостны, вымышленными заслугами отодвигалось в тень то небольшое, но единственно важное для него, что удалось ему на самом деле.

На Кушлю его поправка произвела неожиданное впечатление.

— Как раньше? — спросил он. — Ты ж не переписывал, черновики никаких не было.

— Правильно, я в голове держал.

— Наизусть, что ли, выучил?

— Ну да, наизусть, только я не учил, оно само как-то запоминается, черт его знает.

— Ну, это, ну, просто... — начал Кушля, качая головой, и не договорил. — И давно это ты?

— Давно уже. — Теперь сознаться в этом было приятно.

— Когда начал писать?

— В декабре месяце.

— О! Давно, — сказал Кушля. — Я только с июня пишу. Чего ж не показывал? Никому не показывал?

— Никому.

— Это интеллигентщина, понимаешь! Как можно не показывать? Что ты — кустарь-одиночка? Тем более — пишешь замечательно, можно сказать — великолепно! А вот скажи, — спросил Кушля, — ты когда пишешь, ты всегда до конца пишешь или не всегда?

— Как когда, — ответил Севастьянов. — Иной раз и не до конца. Бывает всяко.

— Я когда пишу, — сказал Кушля, — у меня начало получается и середина получается, а конец не получается, не дается мне конец. Напишу, понимаешь, середину, а дальше ни с места, ты мне, пожалуйста, помоги, ладно?

Он снова стал похаживать, скрестив руки, и лицо его, по мере того как он вдумывался в случившееся, становилось все торжественней, вдохновенней, праздничней, моложе.

— Что значит талант, — сказал он, — я этого человека вижу, как он сидит на окне, и арбуз ест, и на станок свой смотрит, с которым в разлуке был, — и это не дело, понимаешь, чтоб талант улицу подметал...

Совершенно искренне он был убежден, что Севастьянов делает в отделении только черную работу.

— Ведь чем дорого, — говорил он дальше, — что вот, скажем, талант у тебя, талант у меня? Сейчас я тебе поясню, чем это дорого. Вот мы вчера были в театре с Ксаней. Сидим назади, а в первых рядах сплошная буржуазия. То боялись, гады, одеться чисто, носили что ни на есть поплоче; а сейчас, понимаешь, золотые часы, серьги это, горжетки, все наружу. А мы с Ксаней, в боевых наших красноармейских гимнастерках, — победители! чувствуешь?! — назади сидим и с пятого на десятое слышим, что там артисты на сцене говорят. А душа — она еще не вполне сознательная, душе скорбно, дорогой товарищ, сидеть назади, уступя первые ряды нэпманам. Спроси Ксаню, она тебе то же самое скажет...

— Но ум, — сказал Кушля, блестя ярко-голубыми глазами, — запрещает моей душе болеть. Ум ей говорит: «Не зуди!» — поскольку это не больше как тактика, чтоб из разрухи выйти. А победители все одно мы с Ксаней — а то кто же? — хоть и сидим черт-ти где! Они там нехай нам налаживают всякую бакалею и галантерею, а мы будем развивать наши таланты, потому что не им быть первыми, дорогой товарищ, а нам с тобой...

18

Великая вещь — слово одобрения! Грудная клетка у человека становится шире от слова одобрения, поступь легче, руки наливаются силой и сердце отвагой.

Благословен будь тот, кто сказал нам слово одобрения!

Поздно вечером расстался Севастьянов с Кушлей. Горели на улицах реденькие огни. Были спущены железные шторы на магазинах. Из темноты возникали люди, приближались, обрисовывались в неярком свете, проходили вплотную мимо Севастьянова, — чудное у него было чувство, чувство новой какой-то своей связи с людьми, чем-то они стали ему несравненно важней и дороже, чем были, — он еще не знал, чем именно, но чувство это было прекрасно и радостно. Лошадиные копыта зацокали в тишине, извозчик приостановился у тротуара и сказал знакомым голосом: «Садись, Шурка, подвезу», — это был Егоров, балобановский сосед, у которого Севастьянов когда-то ремонтировал конюшню. Севастьянову оставался до дому какой-нибудь квартал, но он сел к Егорову в пролетку и спросил: «Как вы поживаете?» «Живем, хлеб жуем, — ответил Егоров, — а ты как там?» «Я — хорошо!» — от души ответил Севастьянов... Копыта неспешно цокали, удаляясь, он стоял у своих ворот, он поднимался по железной лестнице, думая: «Вот отлично, что Семка дома и не спит. (В их окне был свет.) Я ему тоже покажу мой фельетон. Что, в самом деле!» Но Севастьянов огорчился, потоптался по комнате, подвигал стулом, даже задал вполголоса дурацкий вопрос:

— Ты спишь?

Ничего не помогло, Семка спал. Севастьянов лег нехотя и долго лежал с открытыми глазами, улыбаясь... Утром проснулся, — Семка уже ушел. Да при утреннем деловом ясном свете, в сборах на работу, на ходу, и не стал бы Севастьянов ничего показывать и рассказывать...

— Акопян звонил, — встретил его Кушля, когда он пришел в отделение. — Велел тебе к нему ехать. Сразу.

— Не сказал, по какому делу? — спросил Севастьянов, а сердце стукнуло: «Вдруг по этому самому?..»

— Не сказал. Нужен, значит. Кидай все и езжай, скоро!

Кушля был взбудоражен и таинствен. «Он звонил Акопяну и говорил обо мне!» — понял Севастьянов. После оказалось, что Кушля звонком поднял Акопяна ночью с постели, расписывал севастьяновские достижения и внушал, что в Советской республике не имеет права талант метлой махать, а обязан талант служить задачам агитации и пропаганды для счастья масс. Акопян, полусонный, терпеливо выслушал и сказал: «Хорошо, я посмотрю» — не очень-то, должно быть, поверил кушлиной рекомендации. Но в наэлектризованном воображении Кушли все это обернулось таким образом, что Акопян сам звонил чем свет и потребовал Севастьянова срочно.

Выйдя вслед за Севастьяновым на улицу, Кушля напутствовал его, будто в дальнюю дорогу:

— В добрый час!

В редакции шло своим чередом редакционное утро. Акопян, с пером в руке, сидел над гранками и сказал: «Ты ко мне? Посиди минутку», — пришлось сесть смиренно и ждать. Вошел кто-то с хроникой, Акопян стал править хронику. Прибежала машинистка Ляля с перепечатанным материалом, из типографии принесли тиснутую мокрую полосу, Залесский принес рецензию, и они с Акопяном спорили о спектакле, раздался звонок из кабинета Дробышева, Акопян ушел туда и пропал. В окнах стало свинцово — нашла туча, хлынул дождь. Севастьянов слонялся по коридору, видел в открытые двери, как Коля Игумнов, свесив белокурую гриву, трудится над рисунком; как пришел Вадим Железный, его кожанка от дождя блестела и струилась, он повесил ее на гвоздик, вынул записную книжку, уселся, придвинул стопку чистой бумаги, обмакнул перо — и его брови поднялись, он оледенел, отрешился от всего, кроме пера и чистого листа... Видел, как под клетчатым серым зонтиком пришла к Залесскому старуха жена, принесла завтрак в корзиночке; как уборщица Ивановна разносила чай на подносе, она и Акопяну поставила среди бумаг стакан жидкого чаю. Всегда готов был Севастьянов наблюдать эту восхитительную, высшую жизнь, но в тот день он томился одним ожиданием, ожиданием Акопяна.

Меньше всего было свойственно ему телячье легкомыслие. Он себя урезонивал: «Размечтался!.. Обязательно окажется что-нибудь обыкновенное, самая мелочь может оказаться, не имеющая отношения... С чего на тебя такое свалится, чего ради вдруг тебя возьмут и напечатают, как будто это так просто. Ты вовсе и не нужен Акопяну, видишь — он о тебе забыл, Кушля напутал спросонок». Но какой-то новый Севастьянов, убежденный в своих силах, не хотел признавать резоны, волновался и заносился, изумляя прежнего солидного Севастьянова.

— Брось, ничего Кушля не напутал, притворяешься перед самим собой, не хочешь разочароваться...

— Какое-нибудь редакционное дело.

— Редакционное он бы по телефону передал... У меня удача. Вот тут в кармане у меня лежит удача. Как Кушля про нее сказал? Замечательно, сказал, великолепно!

— Ты, брат, ошалел. Похвалили тебя, ты и ошалел.

— Вот посмотришь!..

Но когда Акопян вышел наконец из редакторского кабинета, и они с Севастьяновым сели друг против друга у стола, и Акопян сказал: «Ты, говорят, пишешь; покажи», — шальный голос умолк, как не было его; сидел перед Акопяном положительный, несуетливый Севастьянов. У этого положительного Севастьянова пальцы были неловкие, деревянные, когда он до-

ставал листки из нагрудного кармана, и он подумал: «Акопяну вряд ли понравится».

Акопян взял листки и, прежде чем читать, отхлебнул холодного чаю из стакана.

«Ему не понравится».

— Сколько ты классов кончил? — спросил Акопян, уже начав читать и отрываясь, что причинило Севастьянову боль; и, узнав, что Севастьянов окончил два класса приходского училища, покачал головой: — Маловато...

«Ясно, не понравится. Чему там нравиться — пишу корову через ять».

Акопян читал, подперев лоб рукой. Севастьянов смотрел на его узкую руку, опущенные веки и думал: «Ужас, и как я решился показать. Ему же никогда ничего не нравится, он все черкает и переделывает, а у меня до того плохо, позорно плохо...»

— Очень приличная зарисовка, — сказал Акопян.

Севастьянов перевел дух. У него губы ссохлись, пока Акопян читал.

— Про рабочего со станком хорошо написано, — сказал Акопян, задумчиво рассматривая Севастьянова своими черными глазами.

«Вот и он говорит, что хорошо, — подумал Севастьянов, и его радость и вера мгновенно вернулись к нему, — значит, в самом деле хорошо, уж кто и понимает, как не он, и какой симпатичный у него голос, как говорит он приятно, и, значит, это называется зарисовка, а не фельетон, правильно, очень подходящее название!»

— Редактор считает, — сказал Акопян, — что тебя следует попробовать на работе в редакции, ты как на это смотришь?

«В редакции, ну конечно! — подумал Севастьянов. — Я это предвидел, я так и знал! Еще утром знал, когда Кушля сказал «в добрый час»... Написано очень прилично. А два класса — что ж два класса, как будто я этим ограничусь, учился на курсах, и на рабфак пойду, и в вуз».

— Ну, так как же ты? — окликнул Акопян.

— Я?.. — Севастьянов прокашлялся. — Я, да... с удовольствием.

Акопян улыбнулся.

— Но имей в виду, заработок на первых порах будет нерегулярный и, возможно, меньше, чем в отделении. Выдержишь?

— Выдержу.

— Зарисовку твою напечатаем. Придумай заголовок, и зайдем с тобой к редактору. — Зарисовка была без названия.

Севастьянов вышел на балкон. Пока они с Акопяном разговаривали, дождь кончился, короткий и бравурный, и опять светило солнце. В выбойнах старого балкона с почерневшей узорной решеткой стояла светлая вода. Внизу играли дети, шли прохожие, двое остановились на углу, разговаривая, — ни у кого из них не было таких ослепительных перспектив, никого так не манило будущее, как манило оно Севастьянова, когда он стоял на балконе, придумывая название для своей зарисовки.

«Я в редакции, вот счастье. Это теперь мое — эти культурнейшие, интереснейшие люди, их занятия и разговоры, вся эта увлекательная жизнь... и этот балкон мой. Внезапный какой поворот... Всегда все главное бывает внезапно?.. Это Кушля устроил, я бы разве сам пошел к Акопяну...» Он был навеки благодарен Кушле! Но не за то, что тот похлопотал о его переводе в редакцию. Такую вещь Севастьянов тоже сделал бы для любого товарища... За восхищение он был благодарен Кушле, за признание, за восторженное сияние глаз.

Свою зарисовку в газете он без конца перечитывал, она казалась ему чужой и этим притягивала как магнит: он читал и читал, пытаюсь удостовериться, что это сочинено им. Напечатанные слова были непохожи на написанные от руки, каждое слово стало выпуклым, громким, его будто

вынесли на яркий свет. Севастьянов заметил это сам, и то же сказал ему Вадим Железный.

— Они отпали от вас и зажили отдельной жизнью, не правда ли?

— Да, вроде, — подтвердил Севастьянов.

— Они теперь сами себе господа. Они самоопределились. Им наплевать на вас. Вы властны над ними, только пока они не напечатаны. Странно?

— Странно, конечно. Потому что я в первый раз...

— Это ничего не значит, что в первый раз. В тысяча первый будет точно так же. К этому диву нельзя привыкнуть. А как вам показалась ваша собственная подпись?

— Да-да-да! — вздохнул Севастьянов.

Его фамилия была на газетной полосе как молния и как гром, бросалась в глаза как бы напечатанная красной краской; в буквах и сочетаниях букв было что-то удивлявшее Севастьянова, вообще незнакомая была фамилия и чудная. Они с Железным обменялись этими наблюдениями.

— И чем дальше, — торжествуя сказал Железный, — тем она все больше будет абстрагироваться. Она тоже имеет тенденцию к самоопределению. Я смотрю на свое имя в газете и думаю: Вадим Железный, Вадим Железный, кто ж это такой Вадим Железный?.. Не смейтесь! — остановил он повелительно, увидев улыбку Севастьянова. — Это не смешно. Это настоящие открытия. Это больше, чем открыть новую звезду; разве нет?

Он не был похож на тонкого и легкого Мишку Гордиенко в студенческой тужурке с обтрепанными рукавами, того Мишку Гордиенко, что несколько лет назад поставил вопрос о новой орбите для земного шара. Вадим Железный ел бифштексы, занимался боксом, носил кожаную куртку, скрипучий портфель, обожал все кожаное и скрипучее. И он в самом деле был хорошим журналистом и умел писать для простых читателей ясно и горячо, — но от старых бредней не отказался, написал непонятную брошюру под названием «В начале было слово», издал ее за свой счет, и она продавалась в киосках.

— И жить и писать будете, — сказал он, прочитав севастьяновскую зарисовку и поговорив с ним. И попросил наборщика, тот отлил на лино-типе, на память Севастьянову, его подпись: «А. Севастьянов». Пластинку серебристого металла с выпуклыми удивительными буквами Севастьянов получил еще теплой, прямо из машины, — и долго она у него была, пока не затерялась.

20

Если поначалу от восторга он маленько занесся, то первая же неделя работы в редакции сбила с него спесь начисто. Его посылали за хроникой в губсовнархоз — он упускал самые важные сообщения. Поручили ему отчет о конференции работников потребкооперации — он добросовестно сидел на скучном заседании и записывал, что говорили кооператоры, а потом оказалось, что, отвлеченный своими мыслями, он не записал какие-то цифры, которые приводил какой-то товарищ, а без этих цифр отчет не годился. Севастьянов бросился разыскивать товарища, разыскивал его по складам и пакгаузам, бешеную деятельность развил, чтобы получить цифры. Когда разыскал наконец, товарищ сказал: «Что ж вы беспокоились, посмотрели бы в стенограмме»... На маленькую заметку уходила уйма времени.

По собственной инициативе Севастьянов написал штук двадцать зарисовок, но из них только одна была помещена, причем Акоюн выбросил все начало и переделал конец.

Торчать в редакции развеса уши и упиваться умными разговорами — об этом нечего было и думать. В редакцию Севастьянов приходил, чтобы сдать материал и получить задание от Акопяна. Наскоро просматривал газеты, выпивал стакан чаю и уходил.

Так или иначе — пусть с грехом пополам — он выполнял все поручения и никогда ни от чего не уваливал. Почти в каждом номере шло хоть несколько его строк, по большей части без подписи. Уже в первый месяц он заработал вдвое против того, что зарабатывал в отделении. Но гонорар выдавали редко и по крохам, так что денег у Севастьянова было еще меньше, чем когда он работал в отделении и два раза в месяц получал свою скромную получку.

Если бы не это обстоятельство, он считал бы себя материально устроенным. Они с Семкой наладили свою жизнь. У каждого была кровать, у каждого кружка. Был нож, чтоб резать хлеб и колбасу. Севастьянову хотелось завести примус и кастрюльку: нет-нет сварить картошки и поесть с огурцом — неплохо. Но купить было не на что, да Семка и не допустил бы такого обростания, примус был в его глазах принадлежностью обывательского быта, который страшнее Врангеля. Зато на столе, на подоконнике, на полу, всюду у них лежали книги. Семка притащил их из дому и всякую получку покупал еще, а глядя на него, и Севастьянов научился покупать; прежде ему казалось, что глупо тратиться на книгу, раз ее можно взять в библиотеке или у знакомых.

Ведьмы громко злословили за дверью по их адресу. Они ненавидели Севастьянова и Семку. Это была ненависть с первого взгляда. С момента, когда Севастьянов и Семка предъявили ордер на комнату возле кухни. Три примуса шипели в кухонном чаду, и три ведьмы шипели у примусов. Кто их знает, этих теток, чего они ярились. Должно быть, революция их прижала, вот они и выходили из себя от одного вида комсомольцев. Каких только гадостей они не придумывали, чтобы отравить Севастьянову и Семке существование; ну, не так-то это было просто. Семка молча шурился в ответ на все выпады. Севастьянова иной раз подмывало сказать пару теплых слов — поставить вредных старух на место; но и он брезговал связываться. Жертвами своих боевых действий падали сами ведьмы, они худели от злости и лечились у невропатологов.

Дома Севастьянов и Семка бывали мало. Обедали в столовой ЕПО. Если денег было не в обрез, Севастьянов заходил поесть на базар, в обжорный ряд. Там было вкусно, хотя нельзя сказать, чтобы опрятно. Из глубоких кошелок, из промасленного тряпья бабы-торговки доставали жарко дымящиеся чугуны с жирным борщом, приправленным чесноком и перцем, большие коричневые котлеты, сочные сальники с начинкой из гречневой каши и рубленой печени. На куриных ножках стояли крошечные дощатые шашлычные с распахнутыми настезь дверками, в каждой шашлычной был стол, непокрытый, даже без клеенки, на столе тарелки с нарезанным хлебом и луком, горчица, солонка с оттиснутыми в ней следами пальцев. Шашлык жарился на улице, у входа, на высоких жаровнях, в противнях, полных скворчащего жира, райский запах разливался далеко. Севастьянов любил забежать в такую шашлычную. Любил купить огромный, весь в пурпуровых подтеках, пирог со сливами и съест на ходу, выплевывая косточки. Любил, купив арбуз, не резать его дольками, а трахнуть им о край стола, чтобы арбуз так и распался в руках на большие неправильные ломти с серебристым налетом на малиновой мякоти, утыканной черными глазастыми семечками...

Другого рода соблазны исходили из «Реноме инвалида». Кафе «Реноме инвалида» помещалось в доме, где жили Севастьянов и Семка. В витрине красовались торты и синяя ваза с пончиками, напудренными сахарной пудрой. Утром выйдешь натошак за ворота — пахнет свежими пирожными. В этом культурном месте тоже приятно было посидеть в получку,

выпить бутылку кефира, чашку чая, либо спросить мороженого и есть его ложечкой, запивая газированной водой.

Принадлежало кафе инвалидной артели. Разнообразно прихрамывая, члены артели, в белых курточках, белая салфетка через руку, обслуживали посетителей. В этом же доме, со двора, находилась их кладовая и погреб, и при кладовой жил Кучерявый, кладовщик...

— Здравствуйте! — сказал главный инвалид, остановив Севастьянова посреди двора, от инвалида пахло ванилью. — Что вас редко видно, почему к нам не заходите, вы и ваш товарищ?

— Денег нет на пирожные, — ответил Севастьянов шутливым тоном, хотя это была истинная правда — с тех пор, как он жил на гонорар, у него никогда не было денег, и он успел задолжать Семке астрономическую сумму, чуть не два червонца.

— Какое это играет значение! — сказал инвалид. — Ведь вы работаете, если я не ошибаюсь, в редакции? («Ишь, знают», — подумал Севастьянов не без ребяческого удовольствия.) Вы можете кушать в кредит, пожалуйста, почему нет, сделайте одолжение.

— Как в кредит?

— Очень просто, вы кушаете, мы записываем, а в получку рассчитываетесь, обыкновенно так делается.

Так делалось — и тетя Маня и покойная мать брали в лавочке в долг, но Севастьянову неловко было согласиться, он сказал:

— Да нет, зачем же.

Другой инвалид сделал такое же предложение Семке. Посетители не валили в кафе валом, место было не бойкое; открывая кредит, инвалиды закрепляли за собой клиентуру. Семка сперва тоже отклонил предложение, но в черный день они с Севастьяновым не выдержали характера, пошли в «Реноме» и наелись пирожных и пончиков, и еще там оказались слоеные пирожки, которых они раньше не пробовали, они и пирожков взяли: если кредит, то какая разница — рублем меньше или больше. Инвалиды были очень радушны. На другой день Севастьянов и Семка уж прямо отправились в «Реноме» завтракать, пили кофе с булочками. Вечером, возвращаясь из редакции, Севастьянов помедлил секунду перед задушевно освещенной розоватым светом витриной, потом подумал: «Ничего страшного нет, рассчитаемся». Вошел и первым делом увидел Семку, тот сидел за угловым столиком и, щурясь от стеснительности, жевал ромовую бабку. Они стали буквально купаться в роскоши, бывали дни, когда они харчевались у инвалидов по три раза, изобретая всевозможные комбинации пирожков, булочек, пончиков и пирожных с чаем, кефиром, какао, простоквашей, кофе со сливками, кофе с лимоном, кофе по-варшавски, кофе по-турецки и просто черным кофе.

— Мы катимся в пропасть! — сказал Семка после получки.

Он получил зарплату за полмесяца, Севастьянову выдали часть его заработка, и все пошло в уплату долга инвалидам.

— Остается одно, — сказал Семка трагическим басом. — Продолжать пользоваться кредитом. Выхода нет.

Теперь они полностью столовались в «Реноме». Все другое стало им недоступно, потому что у них не было наличных денег. Вначале от неограниченного кредита в них развились жадность и цинизм. Они пожирали громадные количества сдобной пищи, неслыханные и стыдные количества: кажется, за все свое прошлое и на все будущее наелся Севастьянов сладкого; и при этом как миллионерам, как каким-нибудь Рокфеллерам, им было наплевать, сколько эта пища стоит. Допив чай, они могли тут же приняться за какао. Приводили в «Реноме» знакомых и щедро угощали. С горя устраивали состязания — кто больше съест пирожных.

Но скоро их стало мутить от кондитерских запахов. Они почувствовали отвращение к сладкому. Огорчая инвалидов, целую неделю пили одномо-

локо; к молоку приносили в кармане житного хлеба. Им мерещились запахи жареного лука, мяса, селедки. Севастьянов видел во сне огненный борщ и салники с гречневой кашей. Баррикада справляла день рождения. Они ей принесли в подарок торт; но когда она стала резать его и угощать, они простились и ушли, это было выше их сил.

— Знаешь, довольно, — сказал Севастьянов. — Ну ее к богу, такую жизнь. Я придумал.

Он взял ссуду в кассе взаимопомощи. Они расплатились с инвалидами, ринулись в столовую и заказали столько мясных блюд, что официант подумал — они его разыгрывают.

Было трудно выплачивать ссуду; но эти трудности не шли ни в какое сравнение с тем рабством, которое они испытали, пользуясь кредитом в «Реноме».

21

У Семки обнаружился туберкулез легких.

Семка всегда был слабосильный, а последнее время очень уставал на работе. Работал он инструментом в губбюро ЮП, юных пионеров, — Севастьянов не понимал, с чего ему уставать... Когда пошли осенние дожди, Семка все время ходил в мокрых ботинках — калош у них не водилось, — чихал и кашлял. В конце концов сходил в амбулаторию, оттуда послали его в тубдиспансер, и там сказали:

— Неважно дело, надо в санаторий, жиры надо есть, как можно больше жиров.

— Я, — сказал Семка, — ем сплошные жиры.

Они в это время кормились у инвалидов.

Докторша велела измерять температуру и принимать порошки, а курить запретила под страхом смерти.

Курить Семка не бросил, но градусник купил и ставил его себе по вечерам. Докторша велела чертить кривую, Семка чертил и расстраивался, от расстройства ему делалось хуже.

В разных книгах описано, как болеют чахоткой. Семка знал, что это значит, если температура каждый вечер — тридцать семь и пять. Знал, что у чахоточных бывает кровохарканье; и, кашляя, прижимал платок к губам и потом взглядывал на него с ужасом.

Но как-то зашли Электрофикация и Баррикада. Говорили, по обыкновению, обе сразу, хохотали до слез, махали руками, смахнули градусник со стола и разбили. Семка расстроился, но, прожив несколько дней без градусника, увидел, что так спокойнее, и перестал заниматься своей температурой.

А так как кровохарканья все не было, то он решил, что чахотка — не такая уж страшная болезнь, чтоб из-за нее паниковать. И он стал относиться к ней наплевательски. Порошки, которые ему дали в диспансере, подмокли, лежа на подоконнике, и он их выбросил в мусорное ведро.

Огорчало его только то, что ему запретили посещать пионерские сборы. В ноябре сыпал мокрый снег, мели мокрые метели, без передышки мело и таяло, на мостовых ледяная кофейная жижа стояла по шиколотку. Семка расхворался, доктора уложили его в постель. Ребята его проводывали, носили ему книги, и Женя Смирнова зашла, сказала, что Югай обещал выхлопотать Семке путевку в Крым. «Я его просила», — сказала она и покраснела как девочка. Она была председательница губбюро ЮП, Семкино начальство, на шее у нее был пионерский галстук. Револьвер она уже не носила.

Пришел и старик Городницкий, каким-то образом узнав о Семкиной болезни.

Он пришел с парадного хода и спросил у отворившей ему ведьмы:

— Пардон, мадам, здесь живет молодой человек Городницкий, Семен Городницкий, мой младший сын?

На нем были гетры, пушистое пальто, кепка из той же материи, что и пальто. Пахло от него дорогими папиросами и дорогим мылом.

Ведьма глянула и побежала, указывая дорогу. Он величественно прошел по коридору в кухню и тростью постучал в облупленную дверь.

— Семка, — сказал он, входя, — это же анекдот...

Семка лежал и читал, держа книгу на поднятых коленях. Колени остро торчали под одеялом.

— Ей-богу, анекдот, — повторил старик Городницкий, взял стул и сел, отдуваясь. — Что ты хочешь доказать? Я ничего не понимаю. Комсомолу будет хорошо, если ты подохнешь от чахотки? Советской власти будет хорошо? Мировая буржуазия передохнет вместе с тобой? Молодой человек, — повернулся он к Севастьянову, — вы, кажется, Шура, да, Шура... Объясните мне, для чего надо, чтобы он валялся в этой кошмарной комнате, — пардон, ведь кошмарная, согласитесь... Чтобы доказать, что он не принадлежит к классу эксплуататоров? А без этого вы ему не поверите, что он не принадлежит к классу эксплуататоров?

Он пригнулся к Семке:

— Я не допускаю мысли, чтобы в твоём уходе сыграла роль моя женьба, ведь нет—нет? Софья Александровна—приличная женщина, преданная женщина, и я же нуждаюсь в заботе, я не в состоянии жить так, как живете вы. Ведь у меня никаких ресурсов! Немножко было валюты, так и ту забрали в двадцатом году! Чтоб вы знали, Шура, я тоже никогда не принадлежал к классу эксплуататоров! Никогда не имел наемной рабочей силы, кроме кухарки и горничной! Я был служащий, вам понятно? Не я нанимал, а меня нанимали, вам понятно? Брокер нанимал меня, чтобы я распространял его парфюмерию! Вы молодые идиоты. Если человек надел приличный костюм, так он уже, по-вашему, буржуй. А я, чтоб вы знали, безработный пролетарий. Да: пролетарий. И да: безработный! А что я должен, я привык, вам понятно — я всосал с молоком матери, я не могу одеваться неприлично,— так я буржуй?!

Он посмотрел на Семку, на узкую его кровать, провисшую наподобие гамака, и сказал:

— О боже. Без пододеяльника.

И прикрыл глаза пухлой белой рукой в коричневых крапинках.

— Семка, — сказал он потом, — ну хорошо, ты ничего не хочешь слушать, ну хорошо — отрекись от меня через газету. Многие отрекаются через газету, что ж, это всех устраивает. Отрекся, а на чьи средства ты там дальше существуешь — кого это может интересовать? Дай объявление, что с такого-то числа не имеешь со мной ничего общего, и делу конец. Хочешь, я завтра отнесу твоё объявление?

— Батька, — сказал Семка суровым басом, — ты действительно ничего не понял, сколько я тебе ни втолковывал. На кой черт мне отрекаться через газету? Для моей партийной совести необходимо, чтобы я вошел в новую жизнь свободным от всяких буржуазных пут.

— Партийной совести? — переспросил старик Городницкий, слушающий со вниманием. — Так ты уже, значит, партиец? Можно поздравить?

— Нет, я только комсомолец, — ответил Семка, — но совесть и у комсомольца партийная.

— А! — сказал старик Городницкий.

— Ты зря беспокоишься, — продолжал Семка. — В чем дело, собственно? У меня есть все что нужно.

— Вижу, — сказал старик Городницкий, — вижу... А в чем выражались буржуазные пути?

— Мне достанут путевку. Поеду в санаторий.

— Санаторий — это тридцать дней. Для этой проклятой болезни надо, чтобы каждый день был как санаторий. Чтоб был режим, чтобы ты дышал кислородом, а не этим кошмаром... Я пришлю тебе подушки. Это же не подушка — то, что у тебя под головой.

— Я как раз обожаю такое, как у меня под головой. Как раз подушки мне совершенно излишни.

Они не договорились ни о чем.

Конец разговору пришел, когда старик Городницкий сказал:

— Я из-за вас отказываюсь от первоклассных предложений, из-за тебя и Ильи. Я имею знаешь какие предложения!.. Организуются частные предприятия. Меня приглашают в пайщики. Но я не хочу вам вредить, не дай бог. Я хочу быть государственным служащим и получать жалованье от советской власти. Зачем я стану портить жизнь моим детям?

— Этот разговор, — сказал Семка, — я считаю беспринципным. Беспринципным и отвратительным.

Он разволновался и раскашлялся. Старик Городницкий очень испугался его кашля и заторопился уходить. Его руки дрожали, когда он застегивал пальто.

— Шура, — сказал он, — проводите меня, там где-то мои калоши... Шура, — спросил он, надевая калоши, — что, он часто так кашляет? А нельзя его пока устроить хотя бы в ночной санаторий, я читал, что открыли ночной санаторий...

— Это при фабрике Розы Люксембург, — сказал Севастьянов, — только для табачниц.

— Вы подумайте, — сказал старик Городницкий, взяв его за грудь косоворотки, — дома он спал на хорошем диване. Кругом стояли фикусы. Боже мой, я бы сию минуту привел извозчика... Слушайте, давайте так: вы ему скажите, что он сумасшедший, а я приведу извозчика.

— Он же все равно не поедет, — сказал Севастьянов.

— Вы считаете — не поедет?

— Ни за что не поедет.

— И вы считаете — он прав?

— Да. Я считаю — прав.

— Ну хорошо, — сказал старик Городницкий, — а вам не приходит в голову, что у него же заразная болезнь, и он на вас кашляет и дышит, и вы, вы лично в опасности каждую минуту, это вам не приходит в вашу голову?!

Но Севастьянов чувствовал в себе здоровья и жизни на сто лет. Он только улыбнулся.

— Носятя с принципом! — горестно сказал старик Городницкий. — Носятя с принципом, когда речь идет о жизни и смерти. Как будто могут быть какие-нибудь принципы, когда речь идет о жизни и смерти.

Пока они разговаривали, в передней то одна открывалась дверь, то другая, и выглядывали благодушно улыбающиеся, полные расположения лица ведьм. Расположение и улыбки относились к старику Городницкому, к его гетрам, трости и превосходному запаху.

Одна из ведьм потом сказала Семке с неожиданной любезностью:

— Какой у вас интересный папа. Вы, оказывается, из хорошей семьи...

В ту осень и зиму Севастьянов принадлежал еще себе.

Он не берег свою свободу, не замечал ее — жил: работал в редакции и в ячейке, читал, ходил бесплатно в театр по запискам Акопяна. Ухаживал за Семкой, когда тот свалился. Играл с Колей Игумновым в шахматы.

Любовная буря надвигалась на него, — он не подозревал, ходил воль-

ный, краснел, поймав на улице женский взгляд, несколько чопорно сторонился заигрываний толстенькой машинистки Ляли.

Такой независимый был он, чуточку одинокий среди парочек, которые норовили уединиться и целоваться. Он не хотел целоваться просто так — без пламени, без мечты, без преодоления, во время киносеанса или за редакционной дверью; и потом выслушивать шуточки.

Вышло — будто он берег себя для бури, которая надвигалась.

Ну что ж. Он рад, что вошел в этот циклон чистым.

Зойка маленькая тоже выглядела немножко одинокой среди влюбленных пар.

Она поступила на педфак и держалась очень строго, — будущая учительница, — Севастьянов уж не рисковал брать ее за руку, как прежде. Ей сшили темно-синее платье с круглым белым воротником и рукавами в виде баллонов, милое платье, Зойка сфотографировалась в нем и подарила карточки приятелям, на этой карточке у нее совсем детская шея и детское, нежно-поклатое плечо...

Они виделись не часто, по вечерам Зойка занималась, в редакцию они с Зоей большой не приходили. И как-то он отдалился от Первой линии.

Он ведь был занят не меньше Зойки, сотрудникам редакции случалось работать по двенадцать и четырнадцать часов в сутки, и они не жаловались, наоборот, шеголяли своей занятостью и неутомимостью... Предприятия возвращались к жизни; открывались новые; Севастьянов шел то на одно, то на другое и писал, как они работают. После разрухи — удовольствием и гордостью было опубликовать, что, скажем, на чугунолитейном отлили в ноябре столько-то кухонных плит, а швейпром сшил столько-то пальто. Дробышев требовал, кроме того, описаний трудовых процессов, он хотел поднять у читателей интерес к производству и технике.

...Вспомнить сейчас неотопленные, с выбитыми стеклами цехи, ветхие шлепающие ремни в заплатках и швах, как старая конская сбруя; тесные кочегарки, где двери отворялись прямо во двор, на холод; дворы, потонувшие в грязи и ломе...

А вот двор бывшего дома Хацкера. Он без ворот — нараспашку; каменная ограда разобрана во многих местах. Дом построили перед войной; шестиэтажный, он казался очень высоким, потому что вокруг были небольшие, приземистые дома, они как бы лепились у его подножья. В девятнадцатом году в доме Хацкера помещался белогвардейский штаб. Когда Красная Армия брала город, в дом попал снаряд и сделался пожар, остались только наружные стены. Высокий узкий коробок без крыши, с пустыми оконными проемами верхних этажей, — сквозь них было видно небо, — мертвенно маячил в конце длинного Мариупольского проспекта над спуском к реке, над пустыней бездействующего лесопильного завода.

Севастьянов входит в этот двор. Завтра ночью Севастьянову предстоит вместе с милицией прийти сюда на облаву; он хочет при дневном свете увидеть места, которые должен будет описать. В доме Хацкера, под развалинами, под прахом, свила гнездо шпана, отсюда бандиты по ночам ходят на промысел.

Двор завален битым кирпичом, битой штукатуркой, всякой дрянью. Везде торчат — то сгнивший лоскут, то черепок, то гнутый, рваный кусок кровельного железа, проеденный ржавчиной. За четыре года, оседающая под дождями, смерзаясь от морозов, мусор стал твердым, словно утрамбованным, и весь блестит, как уголь, от осколков стекла. На самой большой куче вырос куст репейника — не страшась осеннего холода, растопырил среди дряни свои колючки и цветет красно-лиловыми хищными цветами. «Я напишу и про репейник», — думает Севастьянов и чувствует мимолетную радость оттого, что он это напишет.

Он стоит у пролома в той части ограды, что обращена на реку. Здешние улицы идут уступами: город скатывается к реке. У себя под ногами Севастьянов видит крыши, трубы, сараи, дворики с развешанным тряпьем. Уступом ниже расстилается двор лесопильного завода, он будто метлой выметен — все до последней щепочки унесли люди, что могло гореть и дать тепло... Еще ниже — тяжелая и серая, как ртуть, течет под широким небом река, дальний берег — песчаный, низкий, ближний — черный от штыба, тут проходит железнодорожная ветка; паровозик тонко закричал, сверху его не видно, но кудрявые круглые облака отмечают его путь вдоль реки. А повыше где-то, между этими облаками и глядящим на них с высоты Севастьяновым, скрипнула на петлях калитка. И этот звук был чуть ли не такой же громкий, как крик паровоза. И все это были мимолетные прекрасные радости, одна за другой. Сквозь радость что-то думалось хорошее, созидательное, — что завод будем пускать и дом будем отстраивать, и вообще все самое лучшее впереди, — газетная работа приучила думать созидательно...

Глубокой ночью он опять шел в эти места — с отрядом милиции. Сапоги милиционеров глухо топали по мостовой. Светила луна.

Дом Хацкера окружили с четырех сторон, главная засада находилась на лесопилке, через которую шпана обязательно будет текать, как объяснил Севастьянову маленький разговорчивый милиционер Шечков.

С Шечковым и другими Севастьянов вошел в дом через забаррикадированный, замаскированный вход, днем он этого входа не заметил. Они спустились в подвал по расшатанным каменным плитам. Милиционеры светили себе карманными фонариками и держали пистолеты наготове.

Узким коридором двигались они в глубь разрушенного здания. По стенам разбегались глазки света от электрических фонариков, пахло аммиаком и сыростью. Коридор сворачивал в неизвестность, в неизвестности осветились косые ступеньки винтовой лестницы.

Сверху ударил выстрел; забухала перестрелка. Милиционеры впереди затоптались, кто-то сказал: «Дорогу, ну-ка», и два милиционера пронесли назад к выходу своего товарища, а другой раненый шел сам, рукой зажимая плечо. Оставшиеся поднялись по лестнице — больше оттуда не стреляли — и пошли по комнатам, обшаривая фонариками потемки и в потемках мокрый след, кровавый след на полу.

В одной из комнат было громадное роскошное зеркало, и все они, проходя, невольно посмотрели в это зеркало, в его пыльной глади их отражения прошли как в мутной воде... В другой комнате сидела на полу, раздвинув ноги, женщина, десяток светлых глазков уперся в нее, она вскинула им навстречу дерзкое молодое лицо с прикушенной губой.

— Дьявол, дура малахольная, — сказал ей Шечков. — Куда ранена?

— В ногу, — ответила она сквозь зубы.

В кружке света, у подола ее юбки, лежал браунинг, его подняли, он был еще теплый.

— Женчину подсунули вместо себя под пули, ну сволочи! — сказал Шечков с удивлением. — Ладно, жди, заберем. Сейчас некогда.

За стеной раздался стук, сильный и короткий, от него дрогнул пол. Потом над головой послышалось медленное шуршанье — теченье, оползание каменных масс... Женщина засмеялась со стеном. Вдруг распахнулась, выдохнув тучу пыли, дверь в следующую комнату, оттуда посыпались, заскакали куски кирпича.

— Завалили! — крикнул Шечков. — Текай на двор!

Преследуемые шелестом, — казалось, каменный поток течет над потолком, — они поспешили назад, мимо мутного зеркала в поблескивающей искрами раме, по винтовой лестнице в подвал, узким коридором к выходу, серебристо и неподвижно озаренному луной. Выстрелы били внизу на лесопильном заводе, Шечков исчез куда-то, и Севастьянов наугад побежал

через знакомый пролом забора вниз, на звук выстрелов, к событиям. Он бежал по схваченному ночным морозцем переулку между низенькими домиками, рядом бежал догнавший его Шечков и азартно говорил на бегу:

— Вы поняли нашу стратегию, у них подземный ход аж до Пильщицкой, они нас тут отрезали, а мы их встрели с того конца!

Пока они бежали, луна ушла за тучу, стало темно. Стрельба удалялась, она была уже на невидимом берегу, у невидимой реки, справа и слева и все дальше и дальше... Час спустя на Мариупольском перед домом Хацкера построилась, окруженная конвоем, шпана, которую захватили при облове. Их построили парами, и они стояли в настороженной недоброй покорности. Они закуривали; зажигалка освещала черные как у угольщиков лица и чудовищные космы. Только несколько человек было задержано хорошо одетых и чистых, то были главари, аристократия малые; их увели отдельно, среди них, кстати сказать, обнаружился знаменитый Королёк, рецидивист, которого искали по всей России.

Об этом ночном деле Севастьянов написал очерк, и туда он вставил свое предложение, мысль, которая пришла ему в голову, когда он днем, перед облавой, приходил поглядеть на дом Хацкера. Он предложил устроить субботник и очистить от хлама это темное место, а затем отстроить дом заново, силами профсоюзов, на кооперативных началах. Очень дружно была подхвачена эта мысль, и уже недели через две начались работы, они продолжались много дней, выходили на них предприятиями и целыми профсоюзами. До самых глубин разобрали бандитское гнездо. Заделали подземный ход. Очистили двор. Нашли склады награбленного — одежду, меха, женские сумки, мужские бумажники, золотые вещи, в том числе золотые зубы; револьверы всевозможных систем и огромное количество часов, ручных и карманных.

23

Вечером того дня, когда был напечатан очерк о доме Хацкера, вдруг пришли Зои.

— Ты подумай, он цел и невредим! — сказала большая.

— Неужели цел и невредим? — спросила маленькая.

— По-моему, да, — сказала большая.

— Да не может быть! — сказала маленькая.

— Здравствуй! — сказали обе и протянули теплые руки.

Такие свежие они были и оживленные, — Севастьянов вдруг обрадовался им как сестрам.

— Почему вас удивляет, что я цел и невредим?

— Мы думали, тебя бандиты подстрелили, — сказала большая.

— Мы были уверены, что ты весь продырявлен пулями, — сказала маленькая.

— Такими ты расписал красками.

— Да уж, знаешь! У тебя там столько стреляют — просто удивительно, что кто-то оттуда ушел живым.

Глаза у Зойки маленькой сияли и смеялись.

— А где же Сема? — спросила она. — Мы, собственно, зашли его навестить.

Она положила на стол кулек с апельсинами.

— Он в клубе, наверно, — сказал Севастьянов. — Он уже на работу ходит.

Он не понял ничего. Честно поверил, что они пришли проведать больного Семку, а он, Севастьянов, лицо в данном случае второстепенное и неважное, случайно оказался дома и подвернулся под их шуточки.

«И знаешь: я не виною себя, что верил честно: таков я был тогдашний и не могу себя в этом винить. Что ты мне сказала, то я и принимал на

все сто процентов; к Семке — значит к Семке, какое могло быть сомнение. Мужской самоуверенности во мне ни капли не было; и хоть жизнь с детства, случалось, была без жалости и тыкала во что угодно, но душой я был доверчив; очень! Откуда было взять мне столько самоуверенности и самодовольства, чтобы подумать, что ко мне ты бежала в женской тревоге, бежала увериться собственными глазами, что я жив-здоров, не ранен, не поцарапан? Подумать, что мною зажжено и ко мне обращено твое сияние?.. Как мне, маленькая, осудить себя за доверчивость? За то, что видел в твоих словах только один смысл, а второго смысла не искал? Таким я был и, значит, иным быть не мог, не с чего было мне быть иным...»

Зоя большая улыбалась, глядя на них, сидела и улыбалась ласково и весело, она стала прямо-таки неправдоподобно красивой, Севастьянов сказал невольно:

— Ты ужасно красивая стала.

— Да,— подтвердила Зойка маленькая и посмотрела на подругу долгим взглядом,— она невозможно красивая. Ей трудно жить, до того она красивая.

— Глупости,— сказала большая Зоя.— Почему трудно, наоборот... Знаешь, Шура, я буду учиться в балетной группе.

— Ее принимают за красоту,— грустно сказала маленькая.

— Да,— беспечно сказала большая,— у меня нет способностей. Не понимаю почему, ведь вальс, например, я танцую неплохо, и походка у меня легкая, правда? А они говорят — нет способностей. Но все равно принимают. А ты говоришь — с красотой трудно жить.

Она вытянула ноги и поиграла кончиками туфель. Длинные ноги в туго натянутых черных чулках...

...Длинные голые ноги в балетных розовых туфлях. Ленты развязались на туфле. Зоя большая сидит на полу и, вытянув длинные голые руки, завязывает ленты. Она аккуратно скрещивает их на щиколотке и продевает в петельку, и по ее сосредоточенному блестящему взгляду и приоткрытым губам видно, до чего ей нравятся эти розовые туфли с лентами, как она ими восхищена и занята.

Ее темные кудри убраны в сетку, вместо платья на ней балетная пачка, накрахмаленная коротенькая пачка из белой марли. На голой нежной спине цепочкой проступают позвонки.

— Я буду танцевать характерные, — говорит она Зойке маленькой и Севастьянову, стоящим над нею.

Это происходит в клубе сотворгслужащих. Пол, на котором сидит Зоя, завязывая ленты на туфельке, — не просто пол, а серый пустынный настил театральной сцены. Горит висючая лампа в колпаке из жести, конус ее света устремлен на них троих. В квадратном окошечке в глубине сцены, под потолком, мутно голубеет дневной свет. Там, под потолком, путаница деревянных перекладин, канатов и блоков, внизу — плоская серая гулкая пустыня, а занавес поднят, и пустой темный зрительный зал смотрит на сцену, отсевичая в темноте лакированными спинками стульев.

Как Севастьянов там очутился? Кажется, Зойка маленькая его привела. Кажется, большая Зоя зазвала их — покрасоваться перед ними в новых одеждах и новой увлекательной обстановке. С этой сцены она собиралась показывать себя, чтобы оттуда, из зала, на нее смотрела тысяча глаз.

Зойка маленькая сказала, поживаясь,— было знобко даже в пальто:

— Ужасно неудобно!

Даже в пальто было холодно, а Зоя большая сидела у их ног в пачке, полюбнаженная.

— Неужели тебе нравится? — строго и огорченно спросила у нее маленькая.

Большая покончила с завязками и поднялась, легкая, во весь рост. Бесшумным шагом шла она рядом с Севастьяновым и Зойкой маленькой, показывая им сцену, артистические уборные, задние комнаты клуба, закрытые для публики. С ребячьим простодушием она хвастала тем, что она тут свой человек, не посторонняя. Ее брат служил здесь завхозом, он помог ей устроиться в балетную группу, не так-то просто было туда попасть. Это был самый богатый клуб в городе, бывший театр «Буфф».

Они всходили по отвесным лесенкам, заглядывали в люки, приостанавливались перед развешанными полотнищами и реквизитом, на мгновение заинтересованные то макетом бронемашины, то декорацией, изображавшей средневековый замок, то настоящей, вышитой темным серебром церковной хоругвью, попавшей сюда из какой-нибудь закрытой церкви.

Потом большая Зоя приоткрыла перед ними дверь в комнату, где десяток белых пачек и два десятка розовых туфель под звуки рояля делали одинаковые движения и молодцеватый голос считал: «...и раз и два и три и...». Потом Зоя сказала, что ей тоже надо идти заниматься. Она стояла на площадке, пока Севастьянов и Зойка маленькая спускались по белой лестнице в вестибюль. Сумерки надвинулись, окно на площадке было как синькой подсиненное. Севастьянову вспомнилось, как она стояла на другой площадке, у другого окна, черного от грязи, какое у нее было узкое детское пальтишко и кроткие встревоженные глаза и как он поднял ее платочек...

Он вышел с Зойкой маленькой из клуба и наткнулся на Спирьку Савчука, тот стоял у самой двери, читая афишу.

— Здоров! — дружески сказал Севастьянов. Но Спирька сделал вид, будто не видит их, повернулся к ним спиной и пошел прочь.

— Не трогай его, — сказала Зойка маленькая. — Он сходит с ума от ревности.

— К кому?

— Ко всему миру и к нам с тобой в том числе.

— Почему к нам с тобой?

— Ты же знаешь, как он относится к Зое.

— Ну да; но при чем тут мы с тобой?

— Он ведь понимает, что мы идем от Зои.

— Так что ж такого?

— Ровно ничего; но он ненормальный.

Они поговорили о ревности и осудили это собственническое чувство, унижающее человека.

— Чудовище с зелеными глазами, — сказала образованная Зойка.

— Буржуазная отрыжка, — сказал Севастьянов.

Впрочем, они дружно пожалели беднягу Спирьку, прикованного в сумерках к клубной афише. Их изумляло, что этот самолюбивый задиристый парень, левак и драчун, в любви оказался таким слабым и отсталым, таким — до огорчения — мешанином. Вместо того чтобы гордо отойти раз и навсегда, он отрывался от большой Зои и опять возвращался, грыз ее, ссорился с ней, мирился и умолял идти с ним в загс. Он не просто добивался взаимности, ему загс непременно понадобился, ему требовался законный брак.

Ревность ли была тому причиной или что другое, но ужасно высокомерно стал держаться Савчук с ребятами из прежней своей компании. Они теперь с ним встречались редко; но каждому в эти встречи он норовил сказать что-нибудь неприятное — с удовольствием говорил, со злобой.

Леньке Эгерштруму он сказал, что рабочие посадочной мастерской, собственно говоря, не пролетариат, а кустари, собранные под одной крышей, у них и мироощущение индивидуалистическое и образ жизни обыва-

тельский. Ленька Эгерштрот, комсомолец, у которого старший брат был коммунист, обиделся насмерть.

Семка Городницкий старательно делал свое дело, он боролся со скаутизмом. Многие пионервожатые в недавнем прошлом были скаутами, и они протаскивали скаутские методы в работу, а Семка Городницкий, как инструктор губбюро ЮП, с этим боролся. Он не знал, как надо работать, — пионерская организация была только что создана; вряд ли сам он сумел бы руководить отрядом, если бы ему это поручили; но как не надо работать — это он своей комсомольской головой понимал и, когда был здоров, не щадя себя мотался по пионерским сборам, выискивая, не пахнет ли где вредным скаутским духом. И это его рвение Савчук тоже обхамил, сказав, что Семке из самого себя еще надо вытравить классово-подозрительные вкусы и привычки, прежде чем учить других революционной линии поведения. Семка побледнел и не нашелся что ответить, а Спирька смотрел на него с жестокой усмешкой на желтом желчном лице малярика.

С гвоздильного завода Спирька ушел и работал на плужном, где секретарем комсомольской ячейки был Ванька Яковенко. Они сблизились: раздражительный непримиримый Савчук и аккуратный, выдержанный, дисциплинированный Яковенко. Что они нашли друг в друге общего?

Раз вечером Севастьянов их обоих повстречал у Югая, в общежитии для ответственных работников. Общежитие помещалось в бывшей гостинице; там были длинные коридоры и нумерованные двери; по коридорам ходили, размахивая швабрами, уборщицы в красных платочках. Здесь жили неженатые, жили и бездетные пары. Подходя к комнате Югая, Севастьянов слышал громкий разговор, выделялся Спирькин голос. Севастьянов вошел — они замолчали, поздоровались рассеянно. Кроме Спирьки, Ваньки Яковенко и самого Югая, тут была Женя Смирнова, она сидела на кровати и курила, пол у ее ног был засыпан пеплом. Севастьянов спросил:

— Вы чего, ребята, замолчали?

— Мы о будущем говорили, — сказал Яковенко, — фантазировали. Ты Елькина слушал? — Елькин читал по клубам лекции о бытовом раскрепощении женщины, бытовых коммунах, общественном воспитании детей и свободе любви.

— Нет, не слушал, а что? — спросил Севастьянов. Будущее живо его интересовало. И он устроился как мог на спинке кровати — больше сесть было некуда.

— Так, у нас насчет хрустального дворца голоса разделились, — улыбаясь ответил Яковенко. — Савчук и Женя за хрустальный дворец, а мы с Югаем за что-нибудь попрочнее.

— Иди ты с хрустальным дворцом, — проворчал Спирька.

— А почему не хрустальный, — спросила Женя, — почему, действительно, не приучать человека к прекрасному с малых лет, Елькин прав.

— Я у бабки с матерью без хрусталя живу, — заметил Яковенко, — и ничего.

У него было ясное красивое лицо и серые холодноватые глаза, весь он был такой основательный.

— В семье ребенок растет собственником, — сказала Женя, стряхивая пепел с папиросы. — М о я отец, м о я мать — с этого он начинает. Дальше — больше: м о я книга, м о я коллекция. С хрусталем, без хрусталя, все равно ему прививают эти инстинкты. В большей дозе или меньшей, но прививают. Кроме того, он вынужден приспособливаться к взрослым и врать им. Можем ли мы — даже в пионерской организации — вырастить его стопроцентным коммунистическим человеком?

Севастьянов прикинул: было ли у него когда-нибудь собственническое чувство по отношению к родственникам? Он, когда был маленький,

удирал от них на улицу, там была вся его жизнь, весь интерес, а они хоть и попрекали его этим, но в глубине души были довольны, что он не пугается под ногами. Врал он им, конечно, порядочно... Да, возможно, он был бы лучше, если бы его вырастили в хрустальном дворце, без участия тети Мани и дядьки Пимена.

— А сад возле дворца будет? — спросил он.

— Разумеется, — ответила Женя, — сад, площадки, лодки, все условия... Но насчет посещений Елькин перегибает. По воскресеньям надо разрешить родителям проводить детей.

— Воскресений не будет, — сказал Севастьянов.

— Ну да, то есть по пролетарским праздникам.

— Пролетарских праздников, наверно, тоже не будет, потому что пролетариата не будет. Классов не будет.

— Ну да. Ты понимаешь, что я хочу сказать. Какие-то дни отдыха ведь останутся... Ах, ну да. Поскольку труд перестанет быть тяжелой необходимостью — может быть, не будет и дней отдыха? Поскольку не от чего будет отдыхать...

Югай и Спирька Савчук сидели хмурые по углам и молчали. Яковенко, сцепив руки на колене, осторожно поглядывал то на одного, то на другого. А между тем, подходя, Севастьянов слышал их спорящие голоса. Тут дело не в воспитании детей, подумал он; в другом чем-то. Не для того ли Женя Смирнова так словоохотливо все это говорила, чтобы разрядить конфликт, нависший в воздухе?

— Но если родители, — сказала она, — станут посещать своих детей в любое время, неорганизованно, когда кто захочет...

— Женя, — прервал Яковенко нетерпеливо и рывком расцепил руки; но тотчас подобрался и заговорил спокойно, твердо глядя Жене в глаза своими серыми глазами. — Ты можешь успокоиться. И ты и Елькин. Никто не захочет посещать своих детей, из вашей же установки это вытекает. У вас какая установка? Что у родителей совсем не будет представления, что вот это мой ребенок, а это чужой. Значит, не будет и чувства, что ему обязательно нужно видеть своего ребенка. Он же, по вашему тезису, и знать не будет, что такое свой ребенок. Этот инстинкт у него отомрет. Для него все дети будут одинаковы.

— И что же, и очень хорошо, — сказала Женя. — И ты очень ошибаешься, что он не захочет их видеть. Он будет проводить всех детей вообще, как коллективист. Ты заметишь, как взрослые любят смотреть на детей. Как они с тротуара смотрят, когда идет отряд. Или когда детский садик выводят гулять... Разница в том, что чужие дети станут каждому еще ближе, потому что он не должен будет думать, например, что у него где-то дома лежит собственный больной ребенок.

— Но большой вопрос, — возразил Яковенко, — скажет ли он тебе за это спасибо.

— Большой вопрос, — медленно сказал Югай, — что он вообще скажет, трутень, выросший под колпаком в хрустальном дворце. Он такое может сказать, что ого!

— Что вы к хрустальному дворцу привязались! — крикнул Спирька. — Я дворец не в том смысле привел! Я в том смысле, что рабочий класс за свою кровь и страдания обязан получить все самое лучшее, вот!

— Спокойней, — сказал Яковенко, — а то все общежитие сбегится.

— Это что за категории такие христианские, — спросил Югай, — это что за евангельские слова: страдания! Не отучишь вас мыслить рабскими понятиями. Еще скажи: мученический венец.

Он был по-домашнему — в рубашке, заправленной в брюки, в расстегнутом вороте рубашки виднелись жесткие смуглые ключицы.

— А что, крови не было, да? — спросил Спирька. — Девятое января не отмечаешь, да? При чем тут евангелие?

— При том, что пролетариат России капиталистическую гидру положил на лопатки! — сказал Югай. — И это самый грандиозный факт истории, а наши пропагандисты, как попы, ноют про страдания и кровь! Сколько лет в одну дуду: кровь, кровь... Проливалась рабочая кровь. Боролись, ну и проливалась. И еще прольется.

— Как будто может быть борьба без крови, — заметил Яковенко.

— Подумаешь, без хрустального дворца коллективиста не выразить! — продолжал Югай. — А революцию кто делал, индивидуалисты?! Коллективисты в борьбе растут, а не во дворцах.

— Именно! — сказал Яковенко.

— Люди задыхались в атмосфере царизма и строили в мыслях хрустальные дворцы. Это символ, хрустальный дворец, ясно тебе — символ жизни при коммунизме! А мы решаем практические задачи. Нам вот нэп приходится проводить, чтоб наши завоевания прахом не пошли. Мы от капитализма в богатое наследство миллион болячек приняли. У нас хозяйственники не хотят молодежи квалификацию давать, у нас малограмотными комсомольцами пруд пруди! Прихожу в губком — сидят-ждут ребята из станицы, за помощью приехали, разваливается у них ячейка. Я еду с ними, приезжаем — их секретарь венчается в церкви с кулацкой дочкой...

Югай стоял, говоря, и Женя Смирнова смотрела на него снизу вверх, закинув румяное лицо.

— Ты говоришь — получить. — Губы Югай двигались как замороженные. — Что значит получить? Тебе принесут, а ты соблаговолишь — получишь? А кто тебе должен принести? От кого ждешь?

— Марксистская постановка, — одобрил Яковенко.

— Ждут иждивенцы, — сказал Югай.

— Вы меня задвинули в иждивенцы, — сказал Спирька, — вы мне надавали по рукам не знаю за что. Кому бы надо надавать, тем вы не надавали.

— Пора подковаться как следует. Все съезжаешь на какие-то, черт тебя знает, мелкобуржуазные позиции.

— Югай, ну хватит тебе! — сказала Женя. — Мы говорили, будет ли семья при коммунизме.

— На мелкобуржуазные, я? — переспросил Спирька.

— Надо читать, Савчук. Подюжины слов твердишь три года и думаешь — это политика. Ленина читать надо.

— Я стою на революционной позиции! — крикнул Спирька. — Это вы съезжаете, вы за рабочее выдвижение не болеете, вы чужаков напустили полный аппарат!

— Конкретно! — сказал Югай.

— Спокойно, — повторил Яковенко и взял Спирьку за локоть.

— А ты не знаешь! — выдернув локоть, крикнул Спирька Югаю. — Рабочая масса говорит, а ты не знаешь! Кто в деткомиссии?! Спекулянты туда напхались, дела делают! В совнархозе кто коноводит?! Спецы коноводят!

— Совнархоз и деткомиссия комсомолу не подчинены, — сказал Югай. — Нас знаешь как встречают, если мы залазим в совнархоз.

— Пролетарок в секретарши не берут, а берут инженерных жен! — кричал Спирька. — В политпросвете барыни заседают под видом педагогов!.. А, да ну вас! Пошли, Яковенко! О чем говорить!

Он вышел, швырнув дверь.

— А Елькина надо посмотреть, что за Елькин, — сказал Югай. — Морочит голову, отвлекает молодежь от текущих задач. Елькина наши руки могут достать.

— Савчук безусловно не прав во многом, — сказал Яковенко, твердо глядя Югаю в глаза, — ему безусловно надо подковаться, бросить комчанство и так далее. Но все-таки трудно объяснить ребятам, почему ра-

бочий Савчук, комсомолец с двадцатого года, организатор и так далее,— почему он только член бюро ячейки, неужели не выше ему цена в глазах комсомола.

— Пусть работу покажет и дисциплину,— ответил Югай.— Демагогию его мы видим с двадцатого года.

— Трудно объяснять,— повторил Яковенко,— и, откровенно говоря, это многих ребят расхолаживает.

Он попрощался, тем не менее, приветливо. Севастьянов вышел с ним. В конце коридора поджидал Спирька, расхаживая взад и вперед.

— Валерьянку пей,— сказал ему Яковенко.— Очень полезно для бузотеров. Ведь прав Югай: ни черта не растешь, болтаешься хуже беспартийного. Чего тебя понесло отстаивать Елькина? Нашел кого отстаивать. А главное, все можно сказать спокойно.

Спирька будто не слышал, он мрачно смотрел на Севастьянова и сказал:

— А ты теперь, значит, в интеллихэнтах ходишь. Отдыхаешь от рабочей лямки.

И насмешливо покивал чубатой головой. Но Севастьянов отбил нападение, сказав:

— Ладно, ладно. Ты эти штучки брось.— Он так был уверен в своем пути, что Спирькин выпад не задел его нисколько.

25

Железные морозы, небывалая стужа.

В окоченевший январский день в типографии печатают сообщение в черной траурной раме. Оно расклеено на домах и заборах, люди подходят и в молчании прочитывают эти листки с крупными жирными буквами, стоят и читают, окутанные паром своего теплого дыхания. И газета выходит в трауре — черной рамой обведена первая полоса.

Умер Ленин.

26

Они стояли на углу, просвистываемые ледяным ветром, выбивали дробь ногами в жиденьких ботинках, зуб на зуб не попадал,— и говорили: каким он был, Ильич. Они его не видели. Югай видел его на третьем съезде комсомола. Но так громадно много значил Ленин в их жизни. Не только в минувшие годы, но и в предстоящие, и навсегда значил он для них безмерно много. Всегда он будет с ними, что бы ни случилось. Так они чувствовали, и это сбылось. И, соединенные с ним до конца, видя в нем высший образец, они желали знать подробности: как он выглядел, какой у него был голос, походка, что у него было в комнате, как он относился к товарищам, к семье. И все говорили, кто что знал и думал.

Один говорил: настоящий вождь, настоящий характер вождя. Это надо уметь — так прибрать оппозиционеров к рукам и предотвратить раскол. Другой рассказывал, что кто-то ему рассказывал, что однажды Ильич при таких-то обстоятельствах так-то пошутил. Третья сказала задумчиво:

— Он незадолго до смерти елку устраивал для крестьянских ребятшек там, в Горках.

— Его в семье Володей звали,— заметил кто-то, и всех удивило это обыкновенное имя мальчика — Володя, отнесенное к тому великому, который лежал за тысячу снежных верст от них в Колонном зале.

— Исключительный ум, организационный гений, верно,— сказал еще один,— но самое главное в нем, ребята, это преданность идее, он одной идее отдал жизнь, он шел к цели железно.

— Он иначе не мог,— сказал Севастьянов, подумав,— у него все чув-

ства очень большие. Отсюда и шел железно. Он не может быть преданным немного, не в полной мере. Он уж если предан, то совсем предан.

Они еще не привыкли говорить о нем в прошедшем времени, сбивались на настоящее.

Это они заговорились, идя с траурного собрания, прежде чем разбежаться по домам, воротниками прикрывая уши. На ветру тяжело хлопали флаги. Вечером они были совсем черными.

27

На траурном собрании, как сейчас вспоминается, за столом президиума висел маленький портрет Ленина, обвитый красной лентой и черной.

Собрание еще не началось — ребята входили и рассаживались, — как двое внесли, бережно поддерживая с двух сторон, большой портрет Ленина в широкой полированной раме, вверху на раме был герб СССР. Они сняли маленький портрет с лентами и повесили на его место новый большой портрет. Ленин был на нем государственный, строгий, без прищуря, со взором раскрытым и вопрошающим.

В те дни вместе со многими другими рабочими, молодыми и старыми, Яковенко и Савчук вступили в партию.

В губкоме решили: Яковенко по своим способностям должен быть использован на работе крупного масштаба.

— Пора, брат, пора! — сказал Югай. И Яковенко уехал в Москву на курсы ЦК комсомола.

28

— Хочу я, — сказал Кушля, — открыть тебе одну вещь, потрясающую вещь, полный, понимаешь, кавардак в моей личной жизни.

— У тебя, по-моему, уже давно полный кавардак, — заметил Севастьянов.

— Нет! — сказал Кушля, торжественно подняв руку. — Не будем, дорогой товарищ, играть словами по такому поводу. Тут не годится играть словами. Тут начинается, понимаешь, такое, куда входить надо скинув шапку.

И, как всегда в порыве возвышенного чувства, глаза его заблестели от слез.

— Мои отношения с Ксаней, — продолжал он, — это святое дело. Мы с ней на пару такой путь прошли, в таких переделках побывали, что ни в сказке сказать. Ты бы знал!.. Которые не воевали, что вы знаете! Таких мук Иисус Христос не терпел, как мы терпели. Он за три дня отмучился... Сыпняком я, например, болел на тихорецком вокзале. Лежу с громадной температурой прямо на полу, и прямо по голове сапоги день и ночь — бух! бух! Вот этой самой шинелью укрыт был. И под эту самую шинель подлегла ко мне Ксаня — не там на вокзале, а возле Великокняжеской. Лег спать один, а проснулся в компании, она говорит: глаза, говорит, твои голубые! Да... И смотрю — уже свои манатки волокет и с моими складывает. Где ж ты денешься!

Кушля помолчал.

— С тех пор мы с ней. Куда я, туда она. У ней ни родни, никого. Родня-то есть, да сплошная контра, не нравится им, видишь, гадам, ее жизнь, тряпкой не помогут! Мои дядьки маргаритовские тоже, между прочим, на меня зубами скрежещут, они б меня поставили приказчиком в свою кулацкую лавочку, тогда б я им как раз подошел, да!.. Но я на них плевал, я устроился на ответственную должность, а Ксаня мыкается, понимаешь, — из одной больницы уволили, из другой уволили. А считалось — она неплохая сестра, нет, неплохая! Характер, что ли, испортился, кто его знает...

Севастьянову понятно было, почему Ксаня не ужилась ни в одной больнице. «Да ты погляди на нее как следует,— сказал бы он Кушля, если б не было неловко,— какая она сестра!» В немытой гимнастерке, с блеклыми прядями немых волос вдоль тусклого угрюмого лица, с шелухой от семечек на губах, она вызывала желание держаться подальше; а тяжелый взгляд исподлобья пугал, наводил на мысль, что она ненормальная. Двигалась еле-еле, будто спросонок. Куда такую в больницу? Да вряд ли Ксаня и хотела работать. Кушля давал ей из полочки сколько-то — ей хватало. Хватило бы и меньше. Одними бы семечками была сыта, лишь бы не отрываться от Кушли надолго. Ни хлеб ей не был нужен, ни одежда человеческая, ни люди: только Кушля. Впервые за свою небольшую жизнь наблюдал Севастьянов такое полное поглощение человека человеком; такое растворение, исчезновение одного человека в другом. Смотреть на это было даже страшновато. «Где же тут дружба,— думал Севастьянов,— где равноправие, это на смерть похоже. Он ее не любит и никогда не мог любить, она же больше ничего не умеет, кроме как всех вгонять в тоску».

— Такие святы отношения, — сказал Кушля, — не могут пострадать от какого-нибудь пустяка. От того, что Лиза меня полюбила, — от этого не пострадали наши с Ксаней отношения. Ведь с Лизой получилось как: она полюбила очень сильно. Но на сегодняшний день и с Лизой отношения — тоже святыня, сам догадайся почему... Вот ты молодой, а имеешь привычку судить людей, ничего не зная. Не говори: имеешь. Ты и Лизу судишь, — не говори: я вижу, что судишь. А ведь вот не знаешь, что она с двумя сестрами в одной комнате живет, а аборт делать не стала. Радуетя, понимаешь, как самому большому счастью... Это нехорошая у тебя привычка — судить не зная; ты отучайся. Тут тяжелая драма, а ты говоришь «кавардак».

— Ты сказал «кавардак».

— Тяжелая драма. И теперь скажи: как я должен выходить из этого положения?

— Не знаю! — чистосердечно ответил Севастьянов.

— Вот и я не знаю. Я спать перестал, веришь? Что-то надо решать одно, верно? Прежде я смотрел чересчур легко. Я смотрел со своей мужской колокольни. А ну их, думаю, разберутся как-нибудь! Сами ведь заварили кашу... Но когда я почитал, понимаешь, кое-что и сам стал писать кое-что, и познакомился с тобой, и с Семой Городничким, и с вашими замечательными культурными девушками, — я стал расти, ты, наверно, заметил. Я за этот год вырос исключительно и не могу смотреть с мужской колокольни. Лежу ночью и думаю — как же я Ксаню брошу, это ж я ее убью? А с другой стороны — как сына оттолкнуть, представляешь?! Кручусь, как рыбешка на сковороде, пока трамваи не пойдут, тогда засыпаю немного.

Он прошелся, чтобы унять свое волнение.

— Я на ваших девушек смотрю и думаю: что ж такое значит, что на меня за всю мою молодость не пришлось нисколько чистоты этой и нежности... Ведь чистота — это хорошо, над этим только сволочи смеются, верно?

— Верно.

— Что ж такое, думаю, что, например, Лиза не спросившись ко мне подошла, под руку взяла и повела куда хотела, а, например, Зойка маленькая в жизнь не подойдет?.. Да, дорогой товарищ, уже — все; уже никогда не будет мне этой любви воздушной, про которую читаем в хороших книгах.

— Ну почему, — сказал Севастьянов, — может будет еще.

— Нет! — сказал Кушля. — Чего не будет, того не будет! Это — судьба мимо меня пронесла. Журналистом стану безусловно, будь уве-

рен, а насчет любви — нет! Тут при распределении не учли меня, что ли. И возражать особенно не приходится, поскольку жизнь далеко еще не достигла своей высоты. Поскольку дерьма еще горы кругом невывезенного. Но мы его вывезем, дорогой товарищ, с помощью нашей прессы! Мы нашу жизнь подыдем на должную высоту!

— Слушай,— сказал Кушля,— я тебе эту картину описал, как я в Тихорецкой на вокзале, на каменном полу. Открою глаза,— надо мной сапоги шагают — туда, сюда! Дверь не закрывалась ни на одну минуту. Холодом меня охлестывало на полу как ледяной водой, декабрь месяц это был. Скажи: как я жив остался? Уж не говорю о ранениях. Сколько крови моей утекло в землю. Я умирал несчетно раз. Я все, понимаешь, про это знаю — как умирает человек; что у него делается с руками, с печенькой, селезенкой, сердцем... И все ж таки жив, ты подумай. И теперь...

В глазах у него ярко заблестели слезы.

— Теперь будет сын. Мой сын, понимаешь? Глаза мои, волосики... А может, на Лизу будет похож, тоже ничего, она ведь ничего, верно? Симпатичная, верно? Не в том дело, на кого будет похож, а в том, понимаешь,— ты подумай, какая жизнь у него будет, что я, отец, ему завоевал. Он же родится — где? — в Советской республике, а не в рабстве, как я был рожден. Уж у него — будь покоен! — все будет, чего у нас с тобой не было. Уж он все получит, чего мы, отцы, в нашей молодости и не слышали, только сейчас и узнаем, как дикари. Ему не придется в сыпняке на вокзале,— да и болезней, думается мне, не будет, когда он подрастет. Уничтожим и болезни,— ничего, я считаю, не будет на его светлом пути, ни сучка, ни задоринки...

29

Окно комнаты, в которой жили Севастьянов и Городницкий, смотрело во двор. С четырех сторон двор был обставлен домами — заключен в кирпичную коробку.

Опять наступила весна. Севастьянов и Городницкий отворили свое окошко и больше не затворяли, и жизнь двора перла к ним в комнату.

Во дворе, лепясь к стенам, дыбились зигзагообразные железные лестницы; одна — прямо напротив окошка. Почти непрерывно раздавался металлический перестук, по железным ступенькам сбегали ноги, потом появлялась фигура, потом голова, или наоборот: вслед за грохотом ступенек показывалась голова, затем плечи, постепенно вырастал человек в полный рост.

Все было преувеличенно громко. Каблуки по булыжнику цокали как копыта. Собака лаяла внизу — будто здесь в комнате. Удар детского мяча был как выстрел из револьвера.

Когда въезжал во двор фургон с молоком или выезжала телега с пустыми бутылками, — лошади фыркали, бутылки дребезжали и возчики ругались прямо в ухо Севастьянову и Городницкому.

Фурунги, бутылки, возчики — это относилось к кафе «Реноме инвалидов».

Хотя Севастьянов и Городницкий уже не столовались в кафе, но инвалиды сохранили к ним добрые чувства. Инвалиды были люди и все прекрасно поняли. Встречаясь со своими бывшими клиентами, они здоровались по-родственному. Они то и дело проходили по двору в своих белых курточках.

Направо внизу была дверь: две створки, выкрашенные в мутно-коричневую краску, исцарапанные; дверь без крыльца — выходила прямо на булыжник. Почти всегда она была открыта, за нею виделась темнота: как в пещеру вход. Красавица овчарка лежала на пороге, царственно вытянув шелковистую сильную лапу, и янтарными глазами следила за проходящими по двору.

За этой дверью помещалась кладовая кафе «Реноме инвалида» и там же где-то в пещерном этом мраке обитал Кучерявый, кладовщик.

Он тоже носил белую куртку. Чаше других инвалидов хромал он через двор — то к черному ходу кафе, то к погребу, и всякий раз большим ключом отмыкал замок на погребу, и всякий раз тщательно этот замок навешивал. Даже с третьего этажа было видно, что у него спина (в белой куртке) как подушка, а волосы — как матрацные пружины.

Под торчащими вверх пружинами — пухлое белое лицо, похожее на ком теста, со вздутиями и вмятинами, как на сыром тесте, с узким бледным ртом и неожиданными глазами — маленькими, темными, живыми, небрежно-рассеянными, словно Кучерявый что-то очень важное соображал и прикидывал в уме, и нимало этот занятой и отвлеченный ум не участвовал в кладовщицких манипуляциях с мукой, маслом и прочими продуктами, а участвовало в этих манипуляциях только пухлое, мятое, нездоровое тело Кучерявого, напрашивающееся на некрасивые сравнения с тестом и подушкой.

У входа в свою пещеру он кормил собаку. С заботливостью старой хлопотуньи-хозяйки гнулса, ставя перед ней миску с едой. Собака весело лакала похлебку и грызла кости, всеми движениями и игрой мускулов выражая наслаждение. Он давал ей сахар. Поднимал руку, и она взлетала над ним в ликующем прыжке, длинная спина ее взвивалась серебряным огнем. И на третьем этаже было слышно, как хрустел сахар у нее на зубах. Диана, звали эту собаку.

30

Семка Городницкий привык к своей болезни. Всю весну его донимал кашель и слабость, — он эти явления игнорировал. Он не отвечал на вопрос: «Как ты себя чувствуешь?», справедливо считая его бесплодным и размагничивающим. Пионерская организация готовилась к лагерям, первым своим лагерям. Семка заседал и суетился вместе с вожатыми — физкультурными ногастыми парнями и полногрудыми стыдливими девчатами в красных галстуках. Суетился, и ему представлялось, что он такой же здоровенный, ловкий и проворный, как они...

Югай, обещавший выхлопотать ему путевку в Крым, ушел с комсомольской работы, был теперь секретарем Пролетарского райкома партии. Его место в губкоме комсомола занял Яковенко. Сдавая Яковенке дела, Югай не забыл сказать: «Городницкого отправить надо подлечиться, в подходящее какое-нибудь место, в Ялту, Алупку», — Яковенко сам рассказал об этом Семке; но раз за разом оказывалось, что путевка была, подходящая, в Ялту, в Алупку, но отдана другому товарищу, у которого больше прав на лечение и отдых, а Семке надо еще подождать.

Так у него обстояли дела, когда приехал Илья Городницкий.

Он свалился как снег на голову. Воскресенье, утро. Севастьянов и Семка по случаю выходного дня проснулись поздно и нежатся на своих койках, покуривая. В дверь стучат.

— Кто там? Да-а! — зевая откликается Севастьянов. В комнату просовывается по-утреннему нечесанная голова ведьмы. Слышен приближающийся смех, говор, шаги.

— Там пришел ваш папа! — говорит ведьма торопливо-испуганно и восхищенно. — И с ним какие-то... товарищи! — Она исчезает, на ее месте Илья Городницкий, он весело спрашивает:

— Можно?

Он стоит на пороге, высокий, тонкий, темнобородый, — странна и красива темная борода на молодом лице, — за ним теснятся незнакомые люди, а он смотрит на Семку, поднявшегося в постели, и добродушно улыбается.

— Это Семка? — спрашивает он быстро. — Это в самом деле Семка? — Он приближается к кровати. — Это ты, Семка?

— Здоров, Илья! — отвечает Семка, больше всего озабоченный тем, чтобы его мужественный голос не дрогнул от волнения.

Илья обнимает брата.

— Какими судьбами? Надолго?

— Ты слышишь, Марианна, какой бас?

С Ильей пришло много людей. Они не входят в комнату, остаются в кухне, курят там и громко разговаривают. Только старик Городницкий тут как тут, вьется вокруг Ильи и сияет.

— Борода! Нет, борода! — восклицает он как пьяный. — Нет, Семка, ты посмотри — борода, ха-ха, борода!

— Марианна! — зовет Илья.

Женщина входит на его зов. На ней что-то серое и лиловое, она красива — белая нежная кожа, карие глаза, бледно-золотые волосы, низко на затылке уложенные узлом. Она тоже улыбается и тоже здоровается сначала с Семкой, потом с Севастьяновым. Здорово-таки неудобно сидеть перед нею в постели, с ногами, вытянутыми под одеялом; черт знает до чего неудобно. А у Семки к тому же на рукаве рубашки дырка, он страдает невыносимо.

— Он будет жить с нами, — говорит Илья своим мягким голосом.

— Конечно, — отвечает Марианна, — он будет жить с нами.

— Ты будешь хорошо с ним обращаться? — спрашивает Илья.

— Я буду хорошо с ним обращаться, — отвечает Марианна, улыбаясь.

— Она будет хорошо с тобой обращаться, — говорит Илья, обнимает Марианну за плечи и притягивает к себе. Она вспыхивает, она стоит как заря в этой комнате, полной разбросанных штанов, табачного тумана и солнца, светящего сквозь табачный туман.

— Борода, ха-ха! — кричит старик Городницкий. — Илья, ты молодец, прямо берешь бычка за рога! Бери его за рога, забирай его отсюда, — посмотри, что я тебе говорил, у него же щек совсем не осталось!.. Но однако, дорогие, поторопимся. Софья Александровна ждет. Ты бы одевался, Семка. Я приведу извозчика...

— Фима! — зовет Илья. — Фима! — И так как в кухне не слышат, он идет туда и возвращается, ведя за пуговицу какого-то толстяка. — Фима, вот это мой брат Семен, его надо лечить, надо его в хороший санаторий.

— А что такое? — спрашивает у Семки толстяк Фима (после оказалось — заведующий губздравом). — Что у вас?.. Ничего, отправим, вылечим, — Илья, Илюшка, слышишь, пусть он ко мне зайдет на прием!

Илья не отвечает, рассказывает, добродушно смеясь, как шел, приехав, по Старопочтовой и как соседи его узнали, несмотря на бороду... Он рассказывает весело, товарищи смотрят на него с любовью. Они ходят за ним толпой — куда он, туда и они, — потому что любят его, подумал Севастьянов. Каких-нибудь два часа назад он приехал, и они уже слетелись, уже они вокруг него. А женщина повторяет как эхо каждое его слово.

— Софья Александровна ждет, — втискивается в разговор старик Городницкий, — завтрак остынет, поторопимся, господа.

Он пугается, что сказал «господа». Но те, к кому он обращается, заняты друг другом, он не в счет в их компании, они не слушают, что он там говорит. Но он-то хочет быть в их компании! Он хочет говорить! Он не хочет молча стоять в стороне как незванный! Ведь Илья приехал к нему! И он с отцовской строгостью обрушивается на Семку:

— Будешь ты одеваться или нет! В конце концов из-за тебя все остывает! Одевайся сию минуту!

Совершенно спятил старик: как бы Семка одевался при Марианне? Выцветшие глаза старика выкачены стеклянно и беспомощно. Губы дро-

жат. Илья приехал к нему с вокзала с чемоданом, тем самым признал своего отца, свою кровь, свой кров. Но это было на мгновение — вот Илья уже не с ним, вот он уже принадлежит своим товарищам, товарищам по подполью, по юности, по общей цели, общей склонности к шутке и смеху, а старику уж померещилось было, что его первенец, добившийся в жизни успеха, будет принадлежать ему, что люди увидят — они рядом, отец и сын, в согласии и дружбе, они друг другу радуются, друг друга хлопают по плечам! Терзаясь от ревности, старик хлопочет, чтоб поскорей увести их к себе, в комнаты, где он хозяин, и посадить за стол — может быть, дело еще повернется в желательную сторону, ему дадут слово за его собственным столом, он поднимет рюмку за Илью, Илья предложит тост за отца, который его родил и-и, так сказать, воспитал — ведь как-никак, до седьмого класса Илья жил в отчем доме... Скорей, скорей, хлопочет старик; задержка за Семкой. Сжимая в кулаки пухлые руки с коричневыми крапинками, старик наступает на Семку:

— Долго ты еще будешь сидеть!..

— Завтракать! Завтракать! — раздаются голоса. — Ефим, чур накормить как следует, Рита ничего не умеет! — Товарищи, копчушки и редиска — этим даже Рита сумеет накормить. Пирогов, извините, не будет. — Копчушки, восхитительно, обожаю копчушки (это восклицает Илья), пошли, товарищи, — Семка, одевайся! — Марианна догадывается наконец, что ей следует выйти, и Семка вскакивает как встрепанный.

— Значит, ты тут жил аскетом, — мягко говорит ему Илья, — и наживал чахотку. А что случилось бы с революцией, если бы ты позволил этому старому буржую подкармливать тебя? Для тебя была бы польза, для старого буржуя удовольствие, а революции наплевать, она, мой дорогой, не этим занята.

— Илюша, как же можно, — ужасным шепотом шипит старый буржуй, — как это можно?! Куда вы собираетесь, я слышать не хочу! Дома все готово, Софья Александровна...

— Ну что ты! — говорит Илья. — Товарищи условились, мы собираемся у Фимы. Там еще придут, куда ж к тебе.

— Пусть пятьдесят человек! — шепчет старик Городницкий, задыхаясь. — Пусть сто человек!

— Я, может быть, у тебя переночую. Завтра-послезавтра у меня будет квартира, а эту ночь я, возможно, переночую у тебя. Слушай — тебя надо привести в человеческий вид, что это за гадость, эта вывеска, меретка и зигзаг? Тебе надо работу, надо в профсоюз, надо, надо вывести тебя из этого состояния!

— Я надену твою новую косоворотку, — бормочет тем временем Семка Севастьянову.

— Валяй, — соглашается Севастьянов, сидя с вытянутыми ногами под одеялом.

Так он сидит, пока все не уходят. Старик Городницкий тащится за ними. Севастьянов одевается. Вот, значит, этот Илья Городницкий...

Что-то очень в нем привлекательное: в улыбке, в мягком голосе, в быстрой живой манере.

Знаинства — ни капли. Как он закричал хорошо: «Копчушки, копчушки!» — невольно улыбнешься.

«Что это за гадость» — без злобы спросил, с веселым любопытством.

Но, думает Севастьянов, должен же человек соответствовать своей биографии. Должен или не должен? Должен! А про Илью, если не знать, ни за что не скажешь, что у него такое прошлое: подполье, работа в ревтрибунале... Такая серьезная биография, а он так несерьезно себя держит. Все движется, не постоит на месте. Вертится на каблуках,

словно танцует; теребит бороду. Зачем-то бороду отрастил, чудак... При всех обнимает свою Марианну. Говорит легковесно...

Революция, разумеется, не пострадала бы, если бы некий старый буржуй прикармливал некоего Семку Городничкого, хорошего комсомольца с туберкулезным процессом в легких. Но что случилось бы с революцией, думает Севастьянов, шнуруя ботинок, если бы все комсомольцы стали прикармливаться из буржуйского кармана, вот ведь в чем дело. Разве один Семка нуждается в прикорме?.. Человек с такой биографией не может ставить интересы личности выше принципа; это обмолвка.

Вечером Семка сообщает известия. Илья назначен к нам губернским прокурором. После своей книги он ожидал большого назначения в Наркомюст; но где-то что-то разладилось, разладилось настолько, что в Москве Илья не получил работы, его послали на периферию. Впрочем, он, по его словам, не собирается здесь засиживаться.

— «Мережки и зигзага» уже нет.

— Уже сняли?

— Сняли. Он велел. Этот его длинный приятель, — ты не видел, — Балясников из исполкома, — он обещал устроить батьку товароведом в ТЭЖЭ.

— Вот как, — говорит Севастьянов, и они умолкают. Обо всем этом надо подумать. Эта молниеносность в устройстве дел их как-то угнетает.

Через несколько дней Семка перебирается к брату. Провожают его Севастьянов, Электрофикация, Баррикада и несколько ребят в пионерских галстуках. Они связывают книги, за год книг у Семки стало вдвое больше, и дорожит он ими ужасно. Осторожно и ласково берет он их своими худыми пальцами. Его беспокоит, что ребята обращаются с его сокровищами недостаточно бережно; что веревка врезается в переплеты... Вдруг приходит Марианна.

— Вот хорошо, — говорит она, — я не опоздала, вы как раз собираетесь, Сема... Сема, я пришла сказать, пожалуйста, ни матраца, ни подушки, ничего этого брать не надо, там все есть, — и чем я могу вам помочь?

Помогать не нужно, и так в комнатухе не повернуться от книг и людей. Особенно много места занимают, дурачась и хохоча, Баррикада и Электрофикация. Марианну уговаривают посидеть в уголку, она сидит, подобрав под стул ноги, и смотрит с понимающей добродушной улыбкой, которую переняла у Ильи.

Она непременно хочет что-нибудь нести, и ей тоже дают маленькую стопку книг, чтобы она успокоилась.

Вагагой идут они по улице.

— До чего тепло, — говорит Марианна с радостным удивлением, — до чего волшебное тепло! Из Москвы я в теплом пальто уезжала. Там у нас по дворам еще лед не весь растаял. А у вас цветут акации.

Да, опять зацветает акация, перышки листьев на ней опять ярко-зеленые, бутоны как огуречные семечки, и уже раскрылись кое-где зелено-белые хрупкие цветы.

Идти недалеко, Илью и Марианну поселили в том самом общежитии ответработников, где живут Югай и Женя Смирнова. На третьем этаже, в конце длинного коридора, Марианна отпирает дверь.

— Вот ваша комната, Сема.

Ну и комната, Севастьянов не видел в этом довольно-таки суровом общежитии так великолепно обставленных комнат. Мало того, что на полу ковер, а на окнах и двери длинные синие занавеси, — здесь еще стоит мягкая мебель светлого дерева, обитая темно-синим сукном: диван и два кресла, а перед диваном круглый стол. И письменный стол, и на нем лампа в молочном-белом стеклянном абажуре. А за ширмой,

нарочно отодвинутой, чтоб можно было увидеть сразу, — кровать и мраморный умывальник.

— Ой! — иронически-почтительно говорит Электрофикация.

— Вам тут будет хорошо, правда, Сема! — восклицает Марианна. — К вам будут приходить ваши товарищи, и всем хватит места!

Положим, когда приходили ребята, места хватало и в той их комнатке, та комнатка была прямо-таки резиновая.

Семка недоверчиво поворачивает вправо и влево свое горбоносое острое лицо. Он опускает связку книг на ковер, и все они следуют его примеру. Марианна взволнованно ждет, что он скажет. Она приготовила ему сюрприз, брату своего мужа, — пусть же почувствует ее родственную заботу, пусть восхитится, пусть ему будет прекрасно, как прекрасно ей! Все эти желания выражены в ее тревожной улыбке. Семка взглядывает на нее и говорит вежливо:

— Еще бы не хватило места. Спасибо.

По его голосу Севастьянов понимает (девчата, Баррикада и Электрофикация, понимают тоже), что Семка ошарашен роскошью нового жилища и колеблется — заявить протест немедленно или дожидаться Ильи. Но Марианна видит Семку второй или третий раз в жизни и не разбирается в оттенках его баса; ответ ее удовлетворил. Она с жаром обращается к ребятам:

— Пожалуйста, прошу вас, приходите чаще!

Это уж лишнее: это дело ребят и Семки, а вовсе не ее. Все немножко смущены этим взрывом любезности. У Электрофикации и Баррикады вытягиваются лица. Со времен политехкурсов толстушки относились к Семке преданно: он был для них вершиной эрудиции и духовности, доступной индивидууму их возраста. Они считали за честь бывать в его обществе и радовались, если их дурачества и хохот заставляли его улыбнуться. Теперь, выходит, над ним будет хозяйкой Марианна: захочет — пригласит их к нему, не захочет — не пригласит... Толстушки отчужденно молчат, сжав румяные губы.

Марианна не замечает прохладного ветерка, пробежавшего между нею и остальными. Она занимает их как гостей, как своих гостей: ведет, показывает две соседние комнаты, где со вчерашнего дня живут они с Ильей. Отлично их устроили, правда? В Москве у них была одна комната, и теперь Марианна не нарадуется простору. Вся мебель — казенная, они с Ильей ведь цыгане, у них нет ничего...

Она предлагает курить, приносит пепельницу.

Ей хочется дружеских, братских отношений с ними, — она не притворяется, ей в самом деле хочется. Но она не знает, как этого достичь. Бедняжка.

В открытых окнах — вид на реку. Половодье почти спало. Два сонных паруса царят над ним, белый и черный. Белый — яхта из яхт-клуба; черный — рыбацья лодочка. Баркасы шмыгают, шевеля веслами, во всех направлениях. Дальше, за береговыми вербами, еще стоящими в воде, — кремовая полоса песков. За песками, до горизонта — солнечно-зеленая вешняя гладь, усеянная рыжими и черными точками, — бесчисленные стада на безбрежном пастбище.

— Почему нет музыки? — спрашивает Марианна, заглядывая ребятам в глаза (а они молчат). — У вас же катаются на лодках с гармонью, катаются и играют на гармонии, мне рассказывал Илья.

— Это по большей части в воскресенье, — объясняет Севастьянов. — На гармони играют, а то наймут шарманщика и возят с собой, чтоб играл им целый день.

— Хорошо на том берегу, должно быть, — говорит Марианна, глядя не на тот берег, а на ребят.

— Да, — подтверждает Севастьянов, — На том берегу очень хорошо. В заключение она их угощает конфетами из большой коробки, которые подарил ей Илья по случаю новоселья. И они уходят, оставляя Семку в новой блистательной жизни, с красивой женщиной, женой его старшего брата. В комнатушку за кухней Севастьянов возвращается один.

31

На том берегу, на песках, рос кустарник, непышный, в рост человека, с долгенькими белесоватыми листьями, отливающими на солнце паутинной сединой; с неказистыми серо-сиреневыми мелкими цветочками, похожими на цветы картофеля.

Песок был раскаленный, сыпучий.

Они шли в волнах солнца, не глядя друг на друга. Ему было страшно во взглянуть на нее. Может быть, и ей было все-таки страшно.

Иногда на ходу, нечаянно, соприкасались их руки; но сейчас же он отстранялся, чувствуя ожог и холод вдоль позвоночника.

В спину им, уходящим, смотрели ребята.

А может быть, не смотрели, там у воды такой шумный поднялся разговор, когда они ушли вдвоем, — неестественно шумный.

Позади была река, усыпанная блеском, сотни лодок разгуливали по ней, гармошки и шарманки играли на лодках, как полагалось в воскресенье.

Они уходили все дальше, музыка играла тише, кустарник становился гуще.

32

Накануне вечером проводили Семку в Ялту.

А утром Севастьянов спал — один в комнате, как царь, — ребята ввалились и потащили кататься на лодке. Среди них была большая Зоя Севастьянов спросил:

— А Зойка маленькая?

— У нее отец заболел, — ответила большая.

На набережной, у сходней, килем вверх лежали лодки. На них были написаны женские и мужские имена: «Нина», «Шура», «Муся», «Вова». Ребята взяли лодку и поплыли по сверкающей реке. Потом причалили к тому берегу, в нелюдном месте, чтобы привольней было купаться. И там она сказала, смеясь:

— Почему ты никогда не объяснишься мне в любви? Объяснись мне в любви!

Он спросил:

— Разве все обязаны объясняться тебе в любви?

— Все объясняются, кроме тебя. Ну правда! Ты один не объясняешься. А мы уже столько лет знакомы!

Балуясь, она настаивала:

— Ну пожалуйста! Ну, какой!..

Он лежал на песке, а она приподнялась и стала на колени. Подняв руки, она ловила кудрявые пряди своих волос, разлетавшихся на ветерке, и пыталась упрятать их под косыночку. Прямо перед лицом Севастьянова были взвиты ее тонкие руки, розово-смуглые, длинные, прелестные девичьи руки. Севастьянов увидел маленькую дышащую грудь под белым полотняным платьем и хрупкие выступы ключиц. Он увидел смеющиеся губы, лучики-морщинки на губах, каждый лучик был высвечен солнцем. И вдруг жаром хлынуло в него все это. Он вздрогнул оттого, что она рядом, теплая, с длинными розовыми руками. Разве прежде он не замечал ее красоты? Замечал сто раз. Но все равно, в первый раз за столько лет он увидел Зою.

И будто круг раздался: будто все отодвинулись, и в кругу они остались вдвоем.

Расхотелось разговаривать. И с ней тоже. О чем они говорят? Чепуха, трёп. Кому это нужно.

Она была тут — это было нужно. Что она подняла руки, стоя на коленях, и ловит свои волосы,— исключительно нужно и важно. На это, оказывается, можно смотреть, и смотреть, и смотреть.

Все поняли. Словно им подшепнул кто. Все, замолчав, оставили их вдвоем в кругу.

Она сказала, неизвестно к кому обращаясь, рассеянно, перестав смеяться:

— Пошли погулять.

Промолчали все. Вроде не слышали.

— Пошли, Шура? — сказала она и встала.

Все молчали. Гармошки на лодках, надрываясь, играли вперехлест. Севастьянов встал и пошел с ней рядом.

Потом было возвращение в город. В лодке, со всеми. Севастьянов греб, она сидела напротив, опустив руку за борт в журчащую воду, оранжевую на закате.

Оранжевая вода вскипала вокруг ее пальцев.

Севастьянов смотрел на нее и греб неторопливыми сильными ударами. Кругом говорили, они двое по-прежнему пребывали в кольце молчания и отъединения.

Над озаренной рекой темнел синий город, придвигаясь. И лицо ее было зажжено живым светом, раскинутым во всю ширь реки и неба.

33

Он сидел в зале клуба совторгслужащих, а на сцене происходило балетное представление. Мелькали красные шарфы и загримированные лица, но только одно лицо он видел, зажженное, озаренное, и следил за каждым его движением. Что танцевали — не разобрал. Хлопал, когда все хлопали. Не понял: почему, когда представление кончилось, одна из танцевавших вышла вперед и ей хлопали отдельно, — почему не Зоя вышла, а какая-то другая, которую нельзя даже сравнить с Зоей. Он похлопал из приличия. Но то явное было недоразумение. Кто-то чего-то недопонял.

Объявили антракт, в зале зажегся свет. Севастьянов встал и двинулся вдоль ряда к проходу. Ему наперерез, в профиль, деревянно держа голову, глядя неподвижно вперед, прошел Спирька Савчук. Желтые борозды лежали на его щеках, он улыбался горькой вымученной улыбкой. «Знает», — подумал Севастьянов. Он больше не осуждал Спирьку за его неразумную страсть. Спирькино горе заслуживало уважения — кого ж и любить, если не Зою.

Он не стал навязываться Спирьке с неуместными «здравствуй» и «как поживаешь» и со своей сияющей рожей, — тихо пошел следом, соблюдая деликатную дистанцию.

На улице, у выхода из клуба, у афиши, освещенной лампочками, ждал он Зою после представления. На этом самом месте как-то зимой ждал ее Савчук... Севастьянов подумал: вполне возможно, сейчас он подойдет, Спирька, тронет за локоть, скажет: «Слушай, ну-ка иди сюда, ты что же», — и надо ответить выдержанно, честно, по-мужски, с сознанием своего права и Зоиною.

Но Спирька не появился. Напрасно Севастьянов, похаживая перед афишей, ждал его и мысленно репетировал объяснение. Спирька тоже был мужчина и не нуждался в никчемных вопросах и ответах.

— Одного я не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Где я раньше был? Ты же существовала, ты, ты, ты! Существовала!

— Ты дружил с Зойкой.

— При чем тут Зойка? Дружба с Зойкой — это совсем другое... Слушай, помнишь — ты платок уронила, а я поднял. На площадке, неужели не помнишь? Я сам не додумался, ты мне велела поднять. Я поднял и пошел, и в голове не было, что ты для меня такое... А помнишь, как мы познакомились? Я сидел, оглядываюсь, вижу — ты. А потом ты спросила...

— Это Зойка спросила.

— Верно. Это Зойка спросила. Но все-таки что-то у меня к тебе было с самого начала. Сразу тебя увидел. Как будто нарочно оглянулся, чтоб увидеть. Как будто кто меня толкнул оглянуться. Я тебя люблю. Ты никуда не уйдешь. Ты останешься тут.

— Сумасшедший.

— Останешься, и все.

— Сумасшедший.

— Глупости. Зачем я останусь?

— Любить меня.

— Разве так я тебя не люблю?

— Так не получается. Я ни о чем не могу думать. Ничего не могу делать, когда ты не со мной.

— Наоборот, по-моему: ты ни о чем не можешь думать, когда я с тобой.

— Ты ничего не понимаешь!

— Ты уйдешь в редакцию, а я что буду делать?

— Ждать меня. Будешь заниматься своими делами. Но когда я буду приходить, чтоб ты обязательно была дома. Иначе я не могу.

— Мне и так достанется, что поздно вернулась.

— Я войду с тобой!

— Ну такие глупости, и думать не смей. Такой скандал получится, ты не представляешь. И вообще не вздумай приходить.

— Почему?

— Я не хочу!

— Почему не хочешь?

— Так!

— Нет, ответь: почему?

— Вы все мещане, вот что. Когда любовь красивая, вы не понимаете. Непременнo тебе запереть меня от всех. От всего. Вот твоё отношение.

— Слушай!..

— Я хочу быть счастливой. А ты требуешь, чтобы я как пришитая сидела целый день. С этими бабками, очень интересно. Сидела, тебя ждала, пока ты придешь, вот твоё отношение.

— Ну не плачь. Ну не плачь. Я ничего же не требую, ну не плачь!

Но когда своей сильной мальчишеской рукой он обнимал ее, теплую, льнущую, — такими пустяками оказывались все несогласия! Ее тепло-та, ее дыхание, ее закрытые глаза — тут была сладость и тайна жизни, дары и очарования жизни; она ему эти очарования указала; приобщи-

ла, приковала к ним, заставила вращаться вокруг них на привязи. Карусель, как было сказано в одной смешной хартии. Я каруселью вокруг тебя по орбите. Дивно прекрасное занятие — карусель. На короткой приструнке. Вечно чувствовать эту приструнку, где бы ни был. Где бы ты ни была. Вечно ждать, даже находясь вместе. Ждать — вот откроются еще неразведанные миры; они открываются, и опять ждешь, и это бесконечно — как вселенная.

Меры времени спутались: секунда приносила потрясения, от которых взрослея душа, а часы то тянулись как годы, то уходили как вода в песок.

Сутки стали величиной огромной — по числу впечатлений, которые в них вмещались.

Зоя приходила вечером. Он мчался домой, чтобы не упустить ни минуты свидания и чтобы оградить ее от ведьм, — они ее так и кусали своими взглядами и усмешками, когда она проходила через их Лысую гору, через кухню.

Забежав в магазин, он покупал колбасы или ветчины и немного пикулей — она любила пикули.

Стал франтом: купил новые парусиновые брюки, хотя старые были еще хоть куда, чуть-чуть только сели в стирке.

Зарботки его увеличились, он получал фикс, и гонорар стали платить аккуратнее, можно было позволить себе кое-что — например, кожаный портфель, вещь нужнейшую, которая сразу придавала человеку вид ответственного работника.

Ходил с портфелем, прибранный, подстриженный, торжественно-задумчивый, надушенный тройным одеколоном.

Однажды у них отняли вечер. Дробышев отправлялся с губернским начальством на Машстрой и взял Севастьянова. Севастьянов первый раз отроду ехал в автомобиле. Его посадили с шофером. В прежние дни он бы сполна насладился этим удовольствием, теперь одно думал: когда же мы вернемся в город... Степь цвела и вздыхала. По склонам длинной балки, как ковры, лежали огороды богатой коммуны «Заря». Синий четырехугольник, синий платок, расстеленный среди зелени, — поле медуницы, детская колония посеяла медуницу для своих пчел. За группой деревьев блеснул купол с флагом — монастырская церковь, с которой сняли крест, — детская колония помещалась в бывшем монастыре... Подводы, запряженные волами, влачили в ленивой пыли. Бабы ехали, свесив ноги. Мужики спали за бабьими спинами, укрыв голову от солнца. В прежние дни Севастьянов вбирал бы в себя эти картины, не пропуская ничего. Теперь надо всем стояла, все затмевая, Зоя. Майская степь, дорога с людьми и волами, синее поле, ковры огородов, флаг на куполе — это было ее подножье. Груды белых облаков в небе тоже были ее подножьем. Выше всего стояла она, все затмеваящая, с лучиками на розовых губах, — и вдруг мы не вернемся до вечера, вдруг не успеем! — думал Севастьянов.

Машстрой был только что заложен. Ему предстояло неторопливо расти от сезона к сезону, с приостановкой работ на осень и зиму, — неторопливо расти до первой пятилетки, когда все изменится — темпы и масштабы; когда страна зашумит стройками, потоки людей хлынут по стране во все концы и опустеют биржи труда. К тому времени Машстрой, укрупняясь на ходу, двинется вперед семимильными шагами — один из первенцев, гигантов пятилетки. В двадцать четвертом году это были длинные мазаные бараки, штук десять барачков. Грабари, съехавшиеся из разных мест, лопатами копали котлован для первого цеха. Под навесами на печках, сложенных из кирпича, багроволицые кухарки варили борщ в артельных котлах. Распластанные на траве, сушились заслуженные рубахи и штаны — выгоревшие, в заплатках.

В маленькой конторе два человека, один средних лет, в косоворотке,

лохматый, в доску свой, другой — старик с острой белой бородкой, молчаливый и надменный, — разворачивали перед губернским начальством трубки синек. Смотрело начальство, смотрел Дробышев, потом синьку передавали Севастьянову. Это длилось без конца. Солнце спускалось. Уехать, уйти, убежать не было никакой возможности.

Началось собрание. Губернское начальство сделало доклад. Дробышев сделал доклад о стенной печати. Выбрали редколлегию. Дробышев объявил, что товарищ Севастьянов, сотрудник «Серпа и молота», поможет редколлегии выпустить первый номер стенгазеты. Объявив, сел в автомобиль с начальством и укатил в пылающий закат.

Севастьянов посмотрел им вслед. Он даже записки не успел ей оставить... Закат пылал. Но это же еще не вечер, подумал Севастьянов. И ему вдруг показалось, что если проявить оперативность, если очень, очень постараться, не разбрасываясь, не отвлекаясь...

Надо полагать, члены редколлегии навсегда запомнили урок оперативности, который он им преподавал. Они хотели сперва поужинать и его покормить; но он тиранически загнал их в красный уголок и засадил за работу. Неискушенные в газетном деле, они подумали, что это так и надо — такая лихорадка, и повиновались ему. Усердие их было велико и чистосердечно; но они ничего не умели. Изнемогая от их медлительности, он бросался помогать каждому и в результате сам написал почти все заметки, передовую и отдел «Кому что снится». И собственноручно переписал газету начисто. И нарисовал две залихватские карикатуры, подражая рисункам Коли Игумнова (до этого никогда не рисовал карикатур). И с отчаянной щедростью раскрасил заголовок красной тушью и золотом. В тот вечер он понял, что значит выражение «работа кипит в руках». Каждое слово ему удавалось и каждый штрих. В жизни потом с ним не было ничего подобного.

Неистовствуя, думал: «Она пришла и ждет. Она ждет». Позже, когда окна стали глухо-черными, ночными: «Она беспокоится. Не знает, что думать. Но она еще ждет». Часов ни у кого не было. Время скакало громадными скачками. «Может быть, она еще ждет». Железная дорога была недалеко, поезд останавливались на разъезде «Машстрой», он рассчитывал уехать, как только кончит свое дело.

Члены редколлегии выбывали из строя по очереди. Один ушел, второй уснул тут же на лавке. Дольше всех держался председатель, чернобровый и черноусый дядька в вышитой рубашке. Он сидел возле Севастьянова и с уважением следил за его действиями. Потом и он заснул, положив голову на измазанный красками стол.

Стенгазета получилась на славу. Севастьянов распрямил спину, — окна были голубые, ясные, электрическая лампочка растаяла как льдинка, ночь прошла, он опоздал на свидание.

Председатель и член редколлегии крепко спали. Севастьянов аккуратно прикрепил свое творение кнопками к стене. Вот. Теперь домой. Вдруг — бывают же случаи, — вдруг все-таки, несмотря ни на что, вдруг она еще ждет!

Он вышел из красного уголка. Холодноватое, чистое рождалось утро. За баракон он услышал женские голоса и пошел на них.

Две кухарки перебранивались, растапливая печь. Степь была их кухней, небо — крышей. Они бранились вполголоса из-за плохо вымытого котла. Горечь тлеющего кизяка сочилась в рассветную свежесть. Севастьянов спросил:

— К железной дороге как идти?

Они оглядели его с головы до ног и, прекратив перебранку, показали кратчайший путь — прямоком через степь. Одна, вытирая руки о фартук, проводила его немного; даже зашла вслед за ним в густую траву, перевитую повиликой. Он сказал «пока» и зашагал по высокой траве.

Солнце только что встало и лежало, блистая, на краю степи. И вся степь блистала, переливаясь, каждая травинка держала свой сияющий дрожащий алмаз. Севастьянов промок по колено... Довольно скоро он увидел желтую будку разъезда, увидел дымок приближающегося поезда — комочек ваты в голубизне, — пустился бегом, выдирая ноги из травяных пут.

Сердце весело колотилось. Он выскочил на полотно. Рельсы струились в раннем солнце как светлые ручьи. Поезд приближался, он шел в сторону города. Мимо Севастьянова, громыхая, поплыли платформы, цистерны, маленькие красно-коричневые вагончики, исписанные цифрами и словами, — это был товарный поезд, и он не собирался здесь останавливаться. Севастьянов высмотрел подножку с поручнями, нацелился и вскочил.

Сразу его резко обдуло ветром. Он устроился на узкой площадке, подложив портфель под голову. Богатырский сон сразил его мгновенно. Что-то снилось сквозь грохот колес, гремевших в ухо... Проснулся в городе, на товарной станции, — железнодорожник разбудил, спасибо ему.

36

«Моя невероятная», «немыслимая», — писал он.

Каждый день писал: в чудовищно громадный промежуток от вечера до вечера, от встречи до встречи. Придвигал листок, и слова срывались с пера водопадом, казалось — их сотни тысяч. На самом деле их было, должно быть, штук полтора. Среди одних и тех же слов он топтался, задыхаясь, захлебываясь этими словами.

«Ничего не делаю, только думаю о тебе. Не хочу о тебе больше думать и думаю. Не хочу писать это письмо, не нужно писать его, совестно...

...Пришел в редакцию спозаранок, еще полы мыли. Разложил свои заметки и сел писать очерк. Писал-писал, а к двенадцати оказалось, что не написал даже заголовка, а писал письмо тебе. Был этим ужасно возмущен. Решил попробовать работать дома. Сейчас пишу дома. И опять то же самое. Сидел над пустым листом, делал вид, что занят делом. Но больше не могу ломать себя и обманывать. Ведь все это время я только и делал, что вспоминал тебя.

Ругаю себя и уговариваю, что я тряпка, кисель несчастный. Но не могу тебя прогнать из себя».

Он был сдержан. Чтобы наизнанку себя выворачивать, напоказ, — никогда: кому это интересно, ни людям, ни ему самому... Откуда взялась необходимость все, все, все и сию же минуту ей рассказать, без малейшей утайки, без пошады к себе, — такая необходимость, как воду пить, когда жажда:

«Ты пойми меня правильно. Мне надо не только целовать тебя, но и видеть, как ты сидишь, стоишь, ходишь, слышать, как ты говоришь и смеешься, рассматривать, какие у тебя пальцы, локти, зрачки. Я тебя жду, как никого и ничего не ждал...

Ты права, что я сошел с ума. Беру папиросу — это ты, это я тебя беру в руки. Надеваю майку — это ты, это ты ко мне прикасаешься. Черт знает что. Только с тобой мне спокойно более или менее. Но когда я без тебя, я не могу.

Я хочу, чтобы ты была со мной сейчас и всегда.

Ты согласишься жить вместе. Ведь ты уже не можешь взять свою любовь обратно. Ты должна согласиться.

Как мне сделать, чтобы ты тоже без меня не могла? Ничего не могла, чтобы ты без меня не жила...»

Писал, и вдруг стукнули в дверь. Он крикнул: «Да!» — и откинулся на спинку стула в жгучей уверенности, что это она, — угадала, что он дома в этот дневной неположенный час, через крыши и шумы услышала зов и

пришла. Он и не оглянулся, так был уверен. Сидел, закрыв глаза, ожидая ее прикосновения.

— Здравствуйте, Шура, — сказал робкий голос.

Анна Алексеевна, мать Зойки маленькой.

— Что случилось?! — вскрикнул он и поднялся.

Все происходившее в те дни с ним и вокруг него имело отношение к Зое. Пришла Зойкина мать — она скажет, что что-то случилось с Зоей, его Зоей.

Худенькая женщина в сером платье, в чувячках, с кошелкой, вошла, прикрыла рукой лицо, плечи ее затряслись.

— Что?!.. — повторил Севастьянов в страхе.

Поглощенная своей бедой, она не заметила его наэлектризованности. И нечаянное его восклицание отнесла к собственным горестям, оно оказалось вполне уместным.

— Еще ничего, слава богу, не случилось, еще надеемся, — ответила она, совладав с собой, — еще только во вторник операция будет.

Ах да, у Зойки маленькой болен отец, его положили в клинику... Вот как — значит, дело серьезное... Пробормотав что-то, Севастьянов придвинул Анне Алексеевне стул. Она поставила на стул свою полную, с раздутыми боками, кошелку, прикрытую чистейшим суровым полотенцем, и сама уместилась на краешке, держась за кошелку, — то ли чтобы та не упала, то ли чтоб самой не упасть.

— Зюечка говорила с профессором, — сказала она, — профессор сам операцию сделает. Тяжело, конечно. Такая операция, а организм, доктора говорят, неважный, переработанный организм.

Она стала рассказывать подробности, робко и вместе деловито.

— И хоть бы что-нибудь кушал, — тихо и рассудительно говорила она, — а то ничего ведь не кушает, как же болезнь побороть? Чего только не готовим, чего не носим. Все по строгой диете, как велют. Зюечка ему говорит: скушай ты, папа, ради меня, хоть ложечку, говорит, скушай... — Простенькое, увядшее, бесцветное лицо ее опять задрожало; но опять она пересилила себя, кончиком головного платка промокнула слезинку в уголке глаза. — И не спит. Ему всякие средства для сна, — нет, не спит. Не от боли, боли-то нет, когда в лежачем положении. О нас думает, вот и не помогают средства... Шура, я к вам в редакцию ездила, не застала, адрес мне ваш там дали. Василий Иванович вас просит, у него дело к вам, чтоб вы зашли до операции.

И так как Севастьянов, туманно задумавшийся о том, как счастье и несчастье соседствуют в мире, ответил не сразу, она добавила:

— Он вас очень убедительно просит.

— Обязательно! — отозвался он с горячей неловкой готовностью. — Обязательно! Когда можно?

«Но зачем же было в редакции брать адрес, — мелькнуло в голове, — Зюйка маленькая ведь отлично знает, где я живу».

— Вообщем-то пускают по четвергам и воскресеньям, с четырех до шести, — добросовестно разъяснила Анна Алексеевна, — но мы с Зюечкой бываем ежедневно, по очереди, и в отношении вас я договорилась. Василий Иванович велел договориться, чтобы вас приблизительно вот в это время пропустили. Почему я вас и разыскивала. Сейчас как раз операции идут и врачей в палатах нет, можно пройти. — Севастьянов не мог понять выражения, с каким она смотрела на него, и боязнь была в ее взгляде, и осуждение, и грусть. — Если, может, у вас занятие несрочное... Может, прошли бы с вами, здесь недалеко?..

Пока он убирал неоконченное письмо, она осматривала его жилище, поджав губы, с тем же осуждающим и скорбным выражением. Зорко, он заметил, осматривала все — потолок и окошко, постель и старые ботинки,

выглядывавшие из-под кровати. И при этом безотрадно и укоризненно покачивала головой.

В саду клинического городка гуляли по дорожкам, сидели на скамейках больные в серых халатах и шлепанцах. Сад был большой, зеленый, но в нем пахивало аптекой. Некоторые гуляли на костылях... В раздевалке хирургической клиники Севастьянову дали халат, а Анна Алексеевна надела свой, белоснежный, принесенный из дому. По этому принесенному с собой халату, по тому, как она его быстро и ловко надела и как спросила: «Дочка моя не была?» — Севастьянов понял, что они с Зойкой маленькой днюют и ночуют в клинике и все уж их здесь знают. Стараясь ступать потише, он шагал за Анной Алексеевной через голизну широких светлых коридоров и безлюдных лестниц. Она шла впереди проворно и бесшумно в своих мягких чувячках, несла увязанные в салфетку мисочки и кастрюлечки, которые вынула из кошелки. Пришли в большую комнату, дошли до угловой койки у окна.

— Вася, — сказала Анна Алексеевна, наклонясь к седой голове, лежавшей, глубоко вдавившись, на подушках, — Шура пришел.

Седая голова медленно повернулась. «Ох, какой!..» — внутренне вздрогнул Севастьянов. Такое он представлял себе, когда читал о мумиях: иссохшее, узкое, темное — только с закрытыми глазами; а на этом лице двигались и светились живые человеческие глаза. Седина волос подчеркивала изжелта-коричневый цвет кожи. Громадные иссохшие коричневые руки были сложены на груди поверх одеяла.

«Что это! Разве можно так измениться! Сколько я его не видел? Полгода? Разве может человек так измениться за полгода!» — думал Севастьянов. Но надо было поздороваться. Он сказал:

— Здравствуйте, Василий Иванович.

Они, ребята, всегда чувствовали перед старым проводником стеснительность: он был суров, не улыбочив; скажет тебе слово — будто милость оказал. Бывало, они расшумятся в Зойкиной комнате, он пройдет мимо открытой двери, глянет — они начинают говорить тише. А он никому ни разу не сделал замечания.

И в облике мумии он не был жалок, по-прежнему чинный и строгий, опрятно побритый: кругом щетинистые физиономии, а он побрит.

— Здравствуйте, — ответил он и подал руку. — Присядьте.

Анна Алексеевна поспешила пододвинуть табуретку.

«Раньше он говорил мне ты», — вспомнил Севастьянов.

— Видите, какие дела, — сказал Василий Иванович, — скрутило меня как, не ждал и не гадал. Плохие мои дела.

Будь Севастьянов старше и искушенней, он бы ответил принятой в таких случаях ложью: «Ну что вы, Василий Иванович. Вы превосходно выглядите». Но он еще не умел так лгать, даже не подозревал, что надо солгать. Он молча потупился, склонив голову.

— Я вас пригласил для серьезного разговора, — сказал, подождав немного, Василий Иванович. После этой фразы он стал задыхаться и шептать. Задыхался на протяжении всего разговора — пошепчет свистящим сильным шепотом и остановится набрать воздуха. На шепот перешел, чтобы не услышали лежавшие рядом. И на протяжении всего разговора жена, безмолвно стоя в изножье кровати, смотрела ему в лицо, лишь изредка и на мгновение переводя на Севастьянова полный муки взгляд.

— Придвиньтесь. Еще. Наклонитесь. Ближе, — шептал Василий Иванович. — Вы порядочный человек? Порядочности кругом вижу мало. Но про вас хочу думать, что вы человек порядочный. Сужу по тому, как моя дочь к вам относится. Порядочный вы?

— Не знаю, — ответил Севастьянов, беспомощно покраснев. — Думаю, что порядочный...

— Ну так обещайте, что про наш разговор не узнают ваши дружки-товарищи. Вообще никто не узнает, что бы мы ни решили.

— Хорошо, — сказал Севастьянов, удивляясь. — Я никому не скажу.

— Чтобы дочь не узнала, главное. Зоечка чтоб не узнала. Ясно вам?

— Ясно, Василий Иванович.

— Никогда не узнала. Ни теперь, ни когда-нибудь... после. На чем бы мы ни кончили.

— Хорошо. Я и ей не скажу.

— Чтоб до нее и не дошло, что я вас звал и разговор имел. Видите: она у нас с Анной Алексевной одна, и мне первой всего — ее счастье. Ясно вам?! — выдохнул он со свистом и потряс коричневыми руками. — Зоечкино счастье!

Севастьянов смотрел в окно. Зеленые ветки двигались за промытыми стеклами. («Почему не откроют окна? Такая духота».) Он тоже хочет счастья Зойке маленькой. От всего сердца ей желает, чтобы она, такая требовательная и достойная, была очень счастлива, очень. Но это уж от человека зависит — найти свое счастье. Помочь никто не может, и Севастьянов не может. Да Зойка и не нуждается в помощи. Найдет сама.

— Моя дочь, — шептал старый проводник, — не такая, как эти все девицы. Ничего не оставлял безо внимания. Что мог — все... Учил... воспитывал... все предоставлял для развития. Не думайте, — если мы малоразвитые, то не понимаем развития: понимаем! Вырастил...

«Положим, — подумал Севастьянов, — Зойку воспитала советская власть и мы, комсомол».

— Умница. Умница-разумница. Золотая душа. Вот сейчас конец года, важные лекции у ней на педфаке. А был хоть один день, чтоб она ко мне не пришла? Дня не было! Как после операций обход пройдет, я уже на дверь смотрю: и вот она. Приходит заранее и внизу дожидается. Знает, что я лежу и на дверь смотрю. И до вечера со мной. Мне уж все тут говорят — какую, говорят, вы дочь вырастили...

Темное лицо просияло гордыней.

— Покамест не заболел, мы с ней мало бывали. Профессия моя такая: разъезжал. Но когда свободен, всегда около ней. Будучи маленькой, гулять ее водил. — Простерши руку, он показал, какая она была маленькая. — В Александровский сад мы ходили. Сяду на лавочке и смотрю, как она с детишками на песочке играет. Или с горки бегаёт. Или красных жучков на дорожке собирает. Ходили с ней в цирк, в игрушечный магазин. В гимназию поступила — вместе пошли в магазин Иосифа Покорного. Купили учебники, ранец, весь набор ученический для приготовительного класса. Каждое перышко, что она писать училась, через мои руки прошло. Ну, когда подросла, тогда, конечно, какой ей интерес со мной гулять. Молоденькой девочке молодая требуется компания. Как будто я не понижаю... Но заболел я — она со мной. И прогонять бы стал, так не уйдет. Да. Напоследок насмотрюсь. Наговорюсь...

Он шептал испуганно. Видно, за всю жизнь это самая большая была его любовь — может быть, единственная.

— Слушайте, Шура! Мне ее горя не надо, чтоб она на моей могиле неутешенная плакала! Не надо, не надо! Наклонитесь! Слушайте! Я ее утешенную оставить хочу! Не думайте, что я вообще боюсь ее одну оставить. Не, не боюсь! У ней характер самостоятельный! Она моя умница! Ее ни в какое болото не потянет, и никакой прохвост ее разума не лишит!

— Верно! — энергично кивнул Севастьянов.

— Но хочу, покамест я тут... Слушайте, Шура! Если — возможная вещь — так нам с Анной Алексевной кажется — по душе ей один человек...

— Василий Иванович!

— Вы ее знаете, вы обязаны понимать, что ей по душе прийтись — это надо в сорочке родиться.

— Василий Иванович!..

— Да.

— Вы... напрасно боитесь, что Зойка будет одинокой. Вы не бойтесь.

— Да?

— Я уверен. Всегда возле нее будут люди. И всегда ее будут уважать.

— Это-то — я тоже уверен. Слушайте, Шура. Уважения сердцу мало. Молодому — тем более. Молодые вы, конечно, совсем молодые. Но теперешняя молодежь рано женится, прежние наши порядки им не указ. Поженились бы сейчас, я б на операцию лег спокойный...

Зеленые ветки, все в солнце, играли листиками за прозрачным стеклом. «Вечно эти старики, — думал Севастьянов, — вечно они, ей-богу... Им с Анной Алексеевной кажется! Бедная Зойка, если б она услышала, вот бы возмутилась, что ее сватают. На Первой линии разве понимают дружбу. Для них все молодые — женихи и невесты».

Он решил не отвечать. «Как я объясню?.. Вам, Василий Иванович, показалось, она меня не любит, я ее?.. Язык не повернется, не могу я рассуждать с ним об этих вещах. Все без слов понятно».

Склонив голову, он слушал, что шепчет старик. Тот шептал, шептал — шепот стал слабеть. Анна Алексеевна все стояла в ногах кровати, губы ее были сложены горько и неприязненно.

— ...Понимаю, — шептал Василий Иванович, — что жить вы будете не так, как мы. Что мы нажили своим старанием — вы раскидаете и не пожалеете. Но я понимаю, что по-нашему вам не жить. Я тоже развитый стал. Не только я ее воспитывал: и она меня воспитывала. Я все понимаю. Живите по-своему...

— ...Дурака озолоти, — шептал он, — дураку ни к чему. Дураку хоть царский престол предложь...

— ...Я не могу эту картину видеть, как она на могиле плачет и некому ей слезы утереть! — неожиданно громко в лицо Севастьянову, так что тот откинулся, крикнул он. Его стало корчить и швырять на постели в судорогах тошноты. Анна Алексеевна к нему бросилась. Он замахал на Севастьянова рукой — уйди! Севастьянов встал и вышел в коридор. Закурил...

Ему было жалко, жутко. Он закрывал глаза перед видением смерти. Но в то же время чувствовал протест против посягательства на свое тайное, не подлежащее огласке, — свое, Зойкино, чье бы ни было. Против старости, которая умирающими руками трогает их, молодых. Давайте так: это наши дела, и мы уж сами в них разберемся.

Санитарка несла по коридору судно. Брел, запахиваясь, больной в сером халате, из-под халата болтались завязки кальсон. Анна Алексеевна вышла и сказала с тихой ненавистью:

— Василий Иванович вас просит, чтоб вы уходили. Скоро Зюечка может прийти. Чтоб вы не встретились.

Севастьянов спросил: можно ли зайти на минутку к Василию Ивановичу — сказать до свиданья.

Лучше не надо, Василий Иванович себя плохо чувствует.

— Передайте привет ему, — пробормотал Севастьянов.

Он еще кое-что хотел высказать. Пожелания насчет вторника. Чтобы операция прошла благополучно. Но Анна Алексеевна так на него смотрела — только что не говорила: ох, да уходи ты.

Он вышел в зеленый сад, и воздух показался ему упонительно свежим.

Вышел из сада на улицу и обрадовался, что она полна здоровых людей.

Домой возвращаться не хотелось. Потянуло в редакцию, в привычную атмосферу деловитости, бодрости, разнообразных интересов, новостей, острот. Подошел трамвай, он сел.

И увидел Зойку маленькую. Она шла по направлению к клиникам. Нахмурясь, сосредоточенно обходила лужу — тротуар поливали, — чтобы не замочить чувячки, такие же на ней были коричневые чувячки, как на Анне Алексеевне, — это они чтоб по клинике тихо ходить, подумал Севастьянов. В голубой майке, со стопкой книг в руке, она была совсем подросток, школьница.

Она его не видела. Только мелькнула, — трамвай рванул, голубая майка осталась позади.

37

Коля Игумнов окликнул Севастьянова, когда тот, приехав в редакцию, проходил мимо его двери:

— Тебя искала женщина.

— Знаю. Она меня нашла.

— Уже? — спросил Коля — Это твой роман?

— Давай не трепаться, — остановил Севастьянов. — Это моей знакомой мать.

— Это ты брось трепаться. Грубовата немножко, но, знаешь, эти скулы, и разрез глаз, и вот здесь на переносице, у бровей, что-то пикантное, — познакомь, ладно?

Заглянула уборщица Ивановна:

— Ты здесь, Шура? Тебя к телефону.

То была Нелька, Нелькин жеманный, ненатуральный, балобановский голсоск, по балобановским понятиям так полагалось говорить приличной барышне.

— Шура? Здравствуй, Шура. Шура, я была у тебя в редакции, но не застала. Я тебя приглашаю — догадайся, на что. Да, ты угадал, Шура. За одного молодого человека. Ты его знаешь. Да, балобановский. Догадайся. Такой шатен. Не можешь, ну скажу. За Жору. Разве это обязательно? Что ты говоришь. По-моему, несколько даже. По-моему, только лишь в книгах. А в жизни бывает только лишь симпатия. Ну конечно, симпатия есть. Свадьба во вторник, а в четверг мы уезжаем, так что ты смотри приходи, Шура. Кто его знает, увидимся еще или же нет. В Горловку; там Жорин крестный, обещает устроить Жору на завод. Что ты говоришь, Шура, какому молодому человеку? Что-то я не обратила внимания. У вас там много молодых людей. Глаза? Да что ты. Переносица? Как переносица? Я не понимаю, Шура, как может нравиться переносица. Художник? Что ты говоришь. Интересный? А звать? Коля? Ну что же, приводи его. Скажи, что мы приглашаем. У нас, между прочим, будет довольно шикарно. Справляем у Жоры, у них собственный дом.

Нельзя было нанести Нельке такую обиду — не прийти на ее свадьбу, — добродушной Нельке, с которой росли вместе, которая латала ему бельишко и поверяла свои секреты. И опять предстоял потерянный вечер — без Зои, но зато почти весь вторник Севастьянов провел с ней вдвоем, возмещая предстоящую потерю. Они взяли лодку и поплыли на свой берег, в те заветные, горячо-песчаные, медово залитые солнцем места. В будний день там было как на необитаемом острове. Только их голоса звучали под синим небом, когда кому-нибудь приходило в голову что-нибудь сказать. Прожив в тишине и счастье этот необыкновенный, синий, бездонный день своей жизни, к вечеру Севастьянов с Колей Игумновым, с подарками и букетами, на извозчике — Коля не захотел идти пешком — ехал в Балобановку.

Собственный дом, в котором справлялась свадьба, был таким, как большинство балобановских собственных домов: «зала», спальня, кухня. В этих трех коробочках ухитрилась поместиться сотня человек, и не только пить и закусывать, но и танцевать. Две гармони играли в очередь без передышки. Танцоры на расчищенном посреди «залы» пятачке как заведенные выбивали чечетку, припадочно тряся плечами: «цыганочка» входила в моду, парень в Балобановке не считался парнем, если не умел плясать «цыганочку»; на свадьбе лучшие танцоры показывали свою квалификацию. Они были в наутюженных брюках, сужающихся к шиколотке, в желтых франтовских туфлях с широким рантом, волосы у всех зализаны назад, и на всех длинные, до колен, белые кавказские рубашки мягкого шелка, с высоким воротом и застежкой из мелких пуговиц—до самого подбородка; талии перетянуты узкими поясами с серебряным набором. (Здесьние ребята вырабатывали свои моды. Когда при белых Васька Егоров, сын извозчика, стал носить черное кольцо с фальшивым брильянтом, то многие парни кинулись раздобывать себе такие же кольца.) «Приделалась Балобановка,— подумал Севастьянов, видя кругом добротные одетые люди,— дела в гору пошли». Впрочем, те, у кого не было хорошей одежды, на свадьбы не ходили: народ в поселке жил самолюбивый.

За столами, оттиснутыми к стенам, сидели тесно, обливаясь потом от духоты. Самогона, браги, пива, вина было разлитое море. Закуска тоже щедрая. Горячие пироги подавались со двора через окна, открытые в багровую закатную пыль. Дядька Пимен, сидевший в почетном углу с тетей Маней и жениховой родней, пел песню, силясь всех перекричать, а тетя Маня кричала на него, угрожая разводом. Все громче и неразборчивей становился гомон. В говоре и выкриках тонул, пропадал дробно-бедовый перебор гармони. Нелька, гордая, довольная, скуластенькая, причесанная у парикмахера, в белом платье и фате с восковыми цветочками, сидела между Севастьяновым и Колей Игумновым и рассказывала им, что можно купить обстановку в кредит, с рассрочкой, и что если Жора, бог даст, поступит на завод, то у нее будет зеркальный шифоньер. Коля, красивый, ослабевший от выпивки, с взмокшими и перепутанными над лбом белокурыми волосами, брал Нельку за руку и говорил задумчиво:

— Не надо, Нелли. Не надо про шифоньер. Вы лучше скажите, когда я вас буду рисовать. У вас японские глаза. Почему мы не встретились раньше?

А перед ними, задумчиво на них глядя, выбивал чечетку и тряс плечами Нелькин муж. С руками, повисшими как плети, с тощей вытянутой шеей, в кавказской рубашке, застегнутой до самого его маленького круглого смуглого ребячьего личика, плясал он и трясся, неутомимый, прямой, как деревянная кукла. Когда кричали «горько», Нелька вставала, целовала его и возвращалась, цепляясь фатой за стулья.

— Нелли,— говорил Коля,— я тебя не понимаю, как ты можешь его целовать.

— Коля, что вы говорите,— отвечала Нелька.— Вы не должны говорить, Коля.

Севастьянов пил нехотя и думал о Зое. Она отказалась пойти с ним на свадьбу. Отнекивалась шутливо, придумывая всякие отговорки, и вдруг сказала резко, со слезами в голосе: «Да ты что, слепой, не видишь — мне же не в чем идти! Что мне за удовольствие быть хуже всех!» Он поразился, он никогда не думал, что она может считать себя хуже всех и страдать от этого, она, беспечная и лучезарная, избалованная любовью и знающая себе цену. У него открылись глаза. Мужской стыд обжег лицо. Сидел писал письма... Нет чтоб подумать о ней по-настоящему, как о близком человеке, — что у нее есть и чего нет и что ей нужно.

— Не сердись на меня! — сказал он. — Я дурак! Мы сошьем платья! Ах, я дурак! Ты же так все это любишь. Всякую чепушинку любишь. Бусы из ракушек... Скажи, — спросил он, становясь все более зрячим и с этой новой зрячестью уверенно вступая в мир, где обитала она со своими желаниями, со своей женской, детской, странной и важной сущностью, — ты в балетный кружок не для того ли записалась, чтобы надевать разные наряды и шарфы, правильно я сейчас подумал? Скажи.

— Да-а, — прошептала она. — Только не говори никому.

— Я вспомнил одну вещь. Это прошлым летом. Ты хотела лакированные туфельки. Так у тебя и не было лакированных туфелек.

— Не было...

— Купим туфельки. Я как зверь буду работать. Я сколько хочешь могу работать. Это я сейчас развинтился, пишу не то, что надо, пишу тебе письма.

Она прижалась к нему.

— Пиши мне письма. Я люблю твои письма.

— Хватит. Больше не буду писать письма. Буду дело писать. — Он быстро соображал, как заработать побольше. — Как раз начались отпуска, за всех отпускников буду работать. А сам в отпуск не пойду, возьму компенсацию — сразу мы с тобой разбогатеем.

И — губами трогая шелковистые волосы на ее затылке:

— Только во вторник еще погуляем, хорошо?..

Он сильно устал в этот вторник, проведенный на необитаемом острове. Попав с необитаемого острова в гам, звон и мельканье свадебной пирушки, с трудом заставлял себя проделывать что требуется: разговаривать, чокаться, улыбаться. Пить он не привык, а тут все время подливали в рюмку и провозглашали тосты, и как он ни крепился — «зала» пошла ходуном, туман заволок глаза... Туман разошелся: была ночь, горели керосиновые лампы, много жарких слепящих ламп, за столом поредело. Севастьянов поднялся и, раздвинув чечеточников, пошел к выходу. В кухне танцевали па д'эспань; на сундуке спал Коля Игумнов, подтянув к подбородку длинные ноги. Посреди двора, в падающем из окошек свете, одиноко стояла Нелька, белея венчальным нарядом.

— Будь здорова, — сказал Севастьянов. — Желаю тебе всего.

— Если б ты родной был брат, — сказала она, — ты б меня познакомил раньше. Ты бы не допустил, чтоб я за Жорку вышла мимо своей судьбы.

— Ты выпила, — сказал он. — Это же все трепотня. Он утром не вспомнит, что молот. Уезжай, Неличка, в Горловку.

И, погладив ее по голове, направился знакомой дорогой.

В черноте, набитой звездами, шел и думал бодрые думы. Скоро начнет светать. Наступит день, трезвый, рабочий. Да здравствуют трезвые рабочие дни! Приду к Акопяну, нагрузите меня, скажу, хорошенько, мне очень надо. Ввиду особых обстоятельств. «Особых» или «семейных»? «Особых». И ты увидишь, Зоя! Этого разложения, чтобы в рабочее время уплывать на необитаемые острова и писать малахольные письма... С этим кончено. Увидишь! Они все зарабатывают своим женам на платья и всякое там барахло, — а я, неужели не заработаю? Это же счастье — работать для тебя... Сколько все мы тратим времени на гулянье, дуракавалянье, разговорчики, пение песен, — ужас сколько времени. Разболтанность. Безответственность. А еще о вузе мечтаю. При таком образе жизни и рабфака не одолеть. Бесхарактерность: зовут гулять — идешь, наливают тебе самогона — пьешь эту отраву... Чего пил? Ну, чего пил? Ведь от души воротило... В девятнадцать лет — что я сделал? Ни черта. Тот же Илья Городницкий сколько уже успел, а на много ли он старше?..

Чернота светлела, звезды меркли. Вошел в город, — уже только одна звезда легко и алмазно висела на востоке над крышами окраинных хибарок, все было серого цвета и неподвижно. Акации стояли погруженные в сон. Трубы не дымили. Спал сидя сторож на лавочке возле маслобойного завода. Два-три прохожих, должно быть загулявшие как и он, за весь путь повстречались Севастьянову. Он сделал крюк, свернул на Первую линию. Отсвечивали камни пустых крылец. Мимо подворья, где жила Зоя, прошел он, мимо ворот с низенькой калиткой. «Я тут, я снюсь тебе?..» Хотел войти во двор; но не решился: собаки забрешут по всей Первой линии... Рядом, у Зойки маленькой, жалюзи были опущены наглухо. Севастьянову вспомнилось, что в этот вторник, который только что минул, Зойкиному отцу, Василию Ивановичу, должны были делать операцию. «Ну, если спят, верно все благополучно», — подумал Севастьянов, проходя, — ему не хотелось думать о печальном.

Чутьочку зарозовело небо и по деревьям пробежал шелест пробуждения, когда он добрался домой, предвкушая, как сладко сейчас уснет. Во дворе, как и всюду, — ни души, безмолвье. Грохот его шагов по наружной железной лестнице должен был, казалось, разбудить весь квартал. Он достиг последнего лестничного марша и увидел, что кто-то сидит на ступеньках пониже площадки, на которую выходила его дверь. Этот кто-то спал, закутавшись в серый платок и прислонясь к перилам, — Зоя! Зоя у его двери! Как мог тише — чтобы не испугать — поднялся он к ней. Лицо ее было закинута к розовеющему небу; губы приоткрыты. Он осторожно сел рядом. Осторожно обнял. Она открыла непонимающие глаза и закрыла снова.

— Зоя! — прошептал он.

Она устроилась удобнее у него на груди и сонно задышала.

— Проснись! Пойдем! — будил он шепотом и покачивал ее в руках. — Проснись! Как же ты?.. Могла сорваться... убиться...

— Это ты! — сказала она, проснувшись. — Я к тебе пришла.

— А я был на Первой линии. Разговаривал с тобой, а ты тут!

— Ты был у нас? У моих?

— Да нет. Я прошел мимо. Знал бы я, — вот балда! Ты давно тут?

— Не знаю. Наверно, не очень. Не знаю. Я ходила по улице...

— Какая ты умница, какая удивительная, что ты тут!

— Он выгнал меня. Он сказал, чтоб я... чтоб я девалась куда хочу.

Она залилась слезами в его руках.

Он смотрел на нее, покачивая. Все было как сон. Розовое небо и сквозная железная лестница, повисшая над пустым двором. И они двое на вершине лестницы.

— Но он же замечательно сделал, что выгнал тебя. Он просто ничего гениальнее не придумает за всю свою жизнь. Я его обожаю за то, что он тебя выгнал! Я не знаю, как его благодарить! Давно бы ему догадаться это проделать — выгнать тебя, чтоб ты пришла ко мне, где же быть тебе, если не со мной, а? Скажи.

Он говорил ей в ухо и прикладывал губы к этому маленькому уху, расплывшемуся от слез, и старался рассмешить ее и успокоить, и ни о чем не спрашивал, чтобы не растревлять ее обиду, — никогда ни о чем он не спрашивал, она была свободный человек, ее любовь была — прекрасный дар.

— Мы еще долго тут будем сидеть, как ты думаешь? — только это спросил он под конец, и она засмеялась. До чего становилось весело, когда она смеялась и смеялись ее глаза, еще полные дрожащих слез, в мокрых ресницах и уже ликующие, ее глаза — черные зрачки в золотисто-карем ободочке, голубой белок и по маленькому Севастьянову в каждом зрачке.

Он открыл своим ключом дверь черного хода. Остерегаясь разбудить ведьм, тихо прошли они через кухню в свою комнату.

Часа два он проспал глубоким сном и проснулся разом, словно его встряхнули. Встряхнула мысль: «Еды ни крошки; когда она ела вчера? Она проснется голодная». С гордостью и нежностью, которых раньше не знал, посматривал на нее, одеваясь. Обшарил карманы, собрал все свои деньги, мятые бумажки, сосчитал... Она крепко спала. Ее старый серый вязаный платок, порванный во многих местах, висел на спинке кровати. Перед тем как уйти, он взял этот платок и укутал ей ноги поверх одеяла. Не потому, что она могла озябнуть; она не могла озябнуть в это теплое утро; а потому, что ему теперь необходимо стало укрывать ее, кутать, заботиться о ней.

(Окончание следует)

ЮРИЙ ЕФРЕМОВ

★

ТЫ—НАВСЕГДА!

А детство осталось
за школьным порогом.
И странно немного,
и грустно немного,
что там, где с тобой
я учился когда-то,
сегодня
другие ребята
выходят к доске,
кто робея, кто смело,
охотно и ловко
орудуют мелом,
от Волги к Байкалу
шагают в азарте
как будто взаправду,
а не по карте.

* * *

А что, если выйги
на улицу снова
с веселого вечера
выпускного?

И небо просторней,
и улица шире.
Ах, школьная улица,
лучшая в мире!

А ты и не знаешь
простого секрета,
чем лучше всех улиц
улица эта.

Здесь хожено столько
вслед за тобою,
что если бы шел я
дорогой прямою,

она б протянулась
далеко-далеко,
до самого, может,
Владивостока.

А ты и не знаешь —
 прошлое дело! —
 как я волновался,
 когда ты болела,

жалел, что не врач
 и помочь не сумею,
 стоял у дверей,
 постучаться не смея.

Мы вместе
 в отрядном оркестре играли,
 я — на свистульке,
 ты — на рояле.

Была б ты плясуньей,
 чтоб чаще встречаться,
 я мог бы
 в балетный кружок записаться.

* * *

...Случилось другое,
 о чем не гадали,
 за что у живых —
 ордена и медали;

что сердце не может,
 не в силах, не властно
 оставить вдали,
 за чертою неясной.

Ни в детстве, ни после
 не слыхивал даже,
 что есть возле Брянска
 деревня Голяжье.

С подругами там
 ты окопы копала,
 недоедала,
 недосыпала...

И думала ты —
 не меня, так другого
 окоп твой спасет
 от осколка дурного.

И, может, надежда,
 с которой тогда ты
 рукой непривычной
 взялась за лопату,
 меня сберегла
 в блиндажах и окопах
 на нашей земле
 и на землях Европы.

* * *

А я и не видел
 того эшелона,
 того, что в Сибирь
 тебя вывез, вагона,

но машинисту,
имел если б власть я,
вручил бы медаль
«За спасение счастья»

Из всех, что на свете,
мила мне особенно
тебя приютившая
станция Злобино.

Она тебя встретила
по-фронтовому:
барак как блиндаж —
хорошо, а не дома.

С трудом ты привыкла
к хозяйке суровой,
уходит — ни слова,
приходит — ни слова.

А как ей медовое
вымолвить слово,
солдатке,
до срока оставшейся
вдóвой?

...Казалось тебе,
что я заколдован
от пуль разрывных,
от осколка любого —
от всей
круглосуточно воющей
стали,
которой
меня
убивали.

Стряслось,
стороной не минуло и это:
неделя — газеты,
вторая — газеты,
и месяц — ни строчки,
и сердце заныло,
дышать тяжело,
как землей завалило.

И почтальон,
словно в чем виноват он,
глаза от тебя
старательно прятал.

...Как отзвук
артиллерийского шквала,
гроза у барака
с утра бушевала.

И вдовым чутьем,
что сказалось до срока,
хозяйка почуяла,
как одиноко,

как лихо тебе,
как не можешь, не вправе
мертвым
меня
представить.

И молча всю ночь вы сидели,
как сестры.
А с неба, как искры,
падали звезды.

* * *

Две тысячи дней
по дорогам шагала,
у матерей
сыновей отнимала,

с невестами
женихов разлучала
беда,
что тебя в эшелоне умчала
из детства.

..Мне больно!
Живу я на свете,
а где они,
школьных товарищей дети?

Не довелось малышам
народиться,
лежат их отцы
у родимой границы,
у стен
краснозвездной
великой столицы,
у Волги, за Бугом,
за Вислой и Доном
лежат они
грозным навечно
заслоном,
отцы, не успевшие
стать отцами,
бойцы, что хорошими
были бойцами.

* * *

За временем
многое помнится смутно,
а это я помню
ежеминутно:
со мной ты была
в одной батарее!

И лучше
сказать о тебе
не сумею.

С тобой
на восток отходил от границы,
кипело, болело:
прорваться, пробиться,
остановиться!

С тобой,
богатырским охваченный гневом,
форсировал Днепр,
шагнул через Неман,
ворвался
на улицы Кенигсберга,
глядел
на победный огонь
фейерверка.

Не счесть,
сколько раз
за войну
к Енисею,
к тебе на свиданья,
ездил во сне я,
по сопкам бродил
с тобой до рассвета...

Мне кажется —
было все это!

Я счастьем,
спешившим за мною по свету
в проверенных цензором
синих конвертах,
делился со всеми —
от смертного шквала
оно не меня одного
прикрывало.

* * *

Однополчане
сняли погоны.
В чехлах —
до поры —
боевые знамена.
И сердце
тоской охватило особой:
война отгремела,
а встретиться попробуй!

И я пожалел
в своей жизни впервые
о том, что такая большая
Россия.

И то еще ладно,
что ехать немало —
три дня до Урала,
а ты за Уралом!
Разлука — не боль,

как в краю отдаленном
найти тебя можно
звонок телефонным.

Жена и невеста —
огромная разница.
А ты всего-навсего
одноклассница.

Еще не целована —
если и встреча,
не вдруг и обнимешь
за плечи.

* * *

Еще за Шарьей
катились вагоны,
а я в нетерпенье
бродил по перрону,
смотрел и смотрел
на огни семафора,
измучил дежурного:
— Скоро ли?
— Скоро!

И вдруг за рекой,
за далью туманной
возник
паровозный гудок
долгожданный,
ничем не приметный —
ни тоном, ни силой, —
но сразу из прочих
его отличил я.

Минута —
и вздрогнули рельсы,
и мимо
проплыл паровоз,
опоясанный дымом,
а следом —
широкою лентой зеленой —
почтовый вагон
и другие вагоны.

И — ты!..
Закачалась земля,
закружилась.
Действительно
ты —
или это приснилось? —
из детства,
из юности,
из разлуки
доверчиво
протянула мне
руки.

* * *

Мы вместе!
Я счастлив в любую минуту,
хотя еще в комнате
нет уюта.

Богатства в запасе —
с бельем чемоданы,
и то, что вдвоем мы,
пока еще странно.

Еще словно карта,
где белые пятна,
не до конца мы
друг другу понятны.

И все-таки вместе!..
И даже могу я
обнять
тебя, дорогую.

* * *

Мы вместе!..
К друзьям
телеграфною
вестью —
и правда
и чудо:
мы вместе,
мы вместе!

А время, как ветер,
рвануло за тридцать,
и ты не исчезнешь,
как в сказке жар-птица,
а я все робею,
а я все, как в детстве,
гляжу на тебя —
не могу наглядеться.

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

★

МОЯ ЮНОСТЬ

* * *

По карточкам — хлеб.
Сапоги — по талонам.
Первые годы после войны.
О молодежные эшелоны
На протяженности всей страны!
Путь моей юности комсомольской —
В рельсах,
И в волнах,
И в пешем ходу.
Было и круто,
Было и скользко,
Было и так,
Что вот — упаду.
Но и под грузом любых неполадок
Торжествовал комсомольский порядок,
Торжествовали года:
Под парусами походных палаток
Строились новые города,
Новую сталь варили заводы,
Новые вспенивались моря,
И поднимали из волн пароходы
Для новых плаваний якоря...

Память о юности!
Как ни усердствуй,
Разве расскажешь всю до конца
Дорогу,
Идущую прямо из сердца
И проходящую сквозь сердца.

* * *

Беженцы жались к вокзальному зданию.
Мне было пятнадцать.
Война.
Зима.
Первое от Комсомола задание
Я поручила себе сама.

Его я увидела в девочке маленькой.
Косынка длинная в два узла,

Голые локти,
Рваные валенки —
Все, что девочка увезла.

Нет!
Еще губы, сухие от голода,
И в незаплаканных синих глазах
Гибель какого-то нашего города —
Вот что девочка увезла.

— Пойдем...—
Я вела ее к дому нашему.
Жила я одна:
Все — на войне.
Теперь я в семье была самой старшей
И знала, как быть
И что делать мне...

Н. ПЕРЕВАЛОВ

★

ДВЕ МАТЕРИ

Как говорят, зари яснее,
нежна, застенчиво-тиха,
невеста юная краснеет,
касаясь локтем жениха.

А тот сидит, гордясь немножко,
уже чуть-чуть навеселе.
Танцуют сваты под гармошку —
аж рюмки скачут на столе.

И, поминутно заглушая
и смех и свадебный запев,
всё «Горько!», «Горько!» возглашают
деды, к бутылкам пересев.

Гостей прислала вся округа,
и весел свадебный обряд.
И лишь косятся друг на друга,
две грустных матери молчат.

Вздыхают к месту и не к месту,
к веселью каждая глуха.
Одна ревнует дочь-невесту,
другая — сына-жениха.

Родные, старенькие мамы,
зачем ненужная слеза?
Но вот они взглянули прямо
друг другу издали в глаза.

Тихонько рядышком присели,
и холодок уже забыт.
Обнявшись ласково, запели,
запели, старые, навзрыд.

В той песне, может, боль и радость,
и грусть о молодости в ней...
Читатель-друг, гадать не надо —
спроси у матери своей.

М. СИМАШКО

★

В ЧЕРНЫХ ПЕСКАХ

Повесть

Глава первая

Комиссар Савицкий задумчиво смотрел в мерцавшую ночными светляками пустыню. Восемь дней и ночей по плоским такырам и сыпучим барханам гнался отряд за бандой. Сегодня ночью ее остатки укрылись за стенами старой крепости. Особый отряд атаковал ее на рассвете вместе с колючим ветром-афганцем. Ворвавшись туда, увидели только стреляные гильзы да несколько трупов. Кровавого Шамурад-хана среди них не было. Главарь белобасмачей исчез вместе со своим помощником — жандармским приставом Дудниковым. Обыскали каждый могильник, каждый сухой кустик, но никого не нашли. Ровный упругий ветер пустыни быстро засыпал гильзы и трупы...

К вечеру афганец стих. Расставив секреты, отряд спал. Измученные кони всхрапывали у древней стены.

Комиссару не спалось. Нервное напряжение последних дней и глухой клокочущий кашель вызвали болезненную бессонницу. Не давала покоя мысль: куда мог деться Шамурад-хан? Но пустыня после песчаной бури дышала легко и спокойно. Вид темных крепостных стен на фоне мягкого бархатного неба успокаивал и заставлял думать о чем-то неведомом, давно минувшем.

— Шел бы спать, Григорий.

Комиссар оторвался от своих мыслей и повернулся к часовому. Плечистый сормовец Телешов называл его по старой партийной кличке, под какой знали его на заводе. А настоящее-то его имя Николай.

Внизу, в покинутом разрушенном ауле, залаяла собака.

— Бедно тоже живут тут...— Телешов ткнул в темноту спрятанной в рукав самокруткой.— Я думал, хуже, чем у нас в Нижегородской, не найдется голи. А тут два барана да штаны — хозяин...

Комиссар молчал. Телешов уперся сапогом в отколовшийся кусок стены, и тот мягко покатился вниз, в темноту. Не успел затихнуть шорох от падающей глины, как оба насторожились. Возле большого могильника, где сложены были боеприпасы, послышался неясный шум. Крепость охранялась со всех сторон, и никого чужого здесь быть не могло...

Над могильником поднялся кто-то в мохнатой шапке и неслышными шагами двинулся в сторону, на мгновение остановился, потом направился прямо к ним.

— Стой! — негромко приказал Телешов и щелкнул затвором карабина. Человек остановился в трех шагах.

Комиссар зажег спичку. На него в упор смотрели черные немигающие глаза. Космы темной бараньей папахи свисали на лоб и узкие точеные скулы. Неизвестный стоял спокойно и ждал. Когда загорелась вторая спичка, он что-то коротко сказал. Комиссар уловил имя Шамурад-хана.

— Вот что, Степан: разбуди Рахимова, пусть с ним поговорит!..

Пока часовой ходил, ночной гость стоял, как изваяние, и смотрел куда-то в степь. Комиссара встревожил этот взгляд, и он правой рукой нащупал рукоятку нагана.

Подошел взводный Рахимов с фонарем. Комиссар внимательно разглядывал гостя. Это был молодой туркмен, лет двадцати. Худое бесстрастное лицо его ничего не выражало. Такими же бесстрастными и холодными были глаза. Он смотрел прямо, не мигая.

Рахимов о чем-то спросил у него вполголоса. Тот, как бы нехотя, что-то ответил.

— Говорит, нет Шамурад-хана, бежал. А сам в наш отряд хочет...— перевел Рахимов. Пока он говорил, гость настороженно смотрел на него.

— Спроси его, как он подал в крепость,— сказал комиссар.

Гость, ничего не ответив, повернулся и пошел к могильнику. Телешов хотел его остановить, но комиссар сделал знак рукой и пошел за неизвестным.

В отряде уже никто не спал. Группа бойцов собралась возле могильника. Командир Пельгинь, высокий сухощавый латыш с рукой на свежей перевязи, как всегда молчал и угрюмо смотрел на гостя. Тот уверенными движениями разбрасывал сухой бурьян у края древней полуразрушенной ниши. Под ним оказался узкий глубокий проход. Гость прыгнул туда и исчез в темной впадине. Бойцы переглянулись. Комиссар шагнул вперед.

— Давай я раньше!..— сказал Рахимов и, взяв фонарь в одну, а маузер в другую руку, полез вниз. Вслед за ним спрыгнул сменившийся с поста Телешов. Последним в темную дыру спустился комиссар.

Вниз вели неровные каменные ступени. Комиссар насчитал их уже двести, а конца спуска не было видно. Наконец он кончился. Теперь они шли по ровной, выложенной плоским желтым кирпичом галерее. Временами приходилось нагибаться. Вскоре начался подъем, и минут через пять они оказались в большой пещере. Перебравшись через камни, которыми был засыпан вход в нее, вышли к подножию скалы.

Крепость темным пятном выделялась на фоне пустыни. Рахимов осмотрелся, потом несколько раз поднял и опустил фонарь. Из крепости ответили тем же.

— А где же этот парень? — спросил комиссар.

— Вот... только был сейчас...

Телешов растерянно оглядывался и разводил руками.

— Эй, джигит! — позвал Рахимов.

Никто не отозвался. Комиссар озабоченно покачал головой, оглянулся на пещеру, и они медленно пошли к крепости. Пройдя полдороги, комиссар вдруг снова увидел молодого туркмена, который спокойно шел рядом с ним.

— Фу ты, черт! — выругался с сердцем Телешов.— Откуда это ты взялся?

Рахимов спросил по-туркменски. Тот что-то ответил.

— Говорит, все время там стоял,— перевел Рахимов.

— А почему не откликнулся?

— Молчит...

Командир развернул карту. Положение стало ясным. Шамурад-хан с тремя-четырьмя ближайшими приспешниками ушел по подземному ходу, прорытому еще во времена Сасанидов. Путь в горы был для него открыт.

Покамест командование отряда совещалось, молодой туркмен безучастно стоял в стороне. Перебросившись с ним несколькими фразами,

Рахимов сказал, что он назвался Чары Эсеном, чабаном. Знает он ход под землей потому, что жил в этом ауле, возле крепости. Почему хочет в отряд, не говорит...

— Что ж, возьмем его? — спросил комиссар.

Рахимов пожал плечами. Командир молчал.

— Утро вечера мудренее... — подвел итог Телешов.

Отряд спал. Телешов предложил Чары лечь на солому рядом с ним, но туркмен отошел в сторону и сел у стены. Часовому было приказано присматривать за ним.

Утром Телешов, как будто все уже было решено, подошел к командиру и спросил, какую лошадь выделить новичку. Командир кивнул на тонконогую красавца гнедого, захваченного вчера у басмачей. Телешов подвел коня к Чары Эсену и сунул ему в руку уздечку. Тот принялся подтягивать высокое туркменское седло, но, заметив серпообразную метку на ухе коня, опустил руки и отошел.

— Что, конь не нравится? — строго спросил Телешов.

Новичок молчал.

— Эх, хорош конек!..

Телешов потрепал гнедого по шее и неожиданно вскочил в седло. Конь сразу заплясал под ним.

Через полчаса отряд на рысях выходил из крепости. В последней паре первого взвода среди желтых кожанок и серых буденовок особистов выделялись черный тельпек¹ и перевязанный платком красный полосатый халат. Молодой туркмен ровно и привычно сидел на кауром иноходце. Бойцы подшучивали над Телешовым, не привыкшим к туркменскому седлу. Чары Эсен не захотел взять даже седло с гнедого.

Когда проезжали через развалины аула, взводный Рахимов попытался заговорить с новичком. Он что-то спросил, указывая на размытые дождями рухнувшие дувалы селения. Но тот молчал, как глухой.

— Ишь ты, бирик!.. — сказал кто-то неодобрительно.

Новичок обвел смотревших на него кавалеристов холодным недобрым взглядом.

К полудню третьего дня подъехали к полотну железной дороги и свернули влево. Тут, на маленьком, разбитом снарядами полустанке, размещалась основная база отряда.

Откатываясь под ударами Закаспийского фронта к морю, белая армия разваливалась по дороге. От нее откалывались крупные и мелкие банды. Часть их ушла за горы через границу, другая объединилась с отрядами басмачей, которыми командовали местные феодалы. Для борьбы с белобасмаческими бандами, связанными с заграницей и ставшими серьезной угрозой, выделили несколько кавалерийских отрядов особого назначения. Отряду, которым командовал Пельгинь, было поручено разгромить крупную басмаческую группу и во что бы то ни стало захватить главаря, молодого поручика белой армии Ильясова, или Шамурад-хана, как звали его в этих местах. Но Шамурад-хану удалось уйти, и бойцы вернулись на базу угрюмые и злые. В отряде знали, что не пройдет и двух недель, как снова начнутся бандитские налеты на полустанки, поезда и селения у подножия гор, многим жителям которых не мог простить кровавый хан захвата своих бесчисленных стад.

Сразу по возвращении новичку выдали новое обмундирование: широкое кавалерийское галифе, гимнастерку, кожанку и остроконечную

¹ Тельпек — туркменская папаха.

буденовку. Все это взводный Рахимов положил перед Чары Эсенем, или Эсеновым, как записали его в списки отряда. Новичок ничего не говорил и переодеваться не собирался. Только когда взводный коротко пригрозил, что ему придется уйти из отряда, если не наденет обмундирования, Чары Эсен пошел за насыпь и быстро переоделся там.

— Вот теперь кавалерист как следует!.. — попробовал кто-то подбодрить его, но тут же осекся под сумрачным, тяжелым взглядом новичка.

В отряде было четверо туркмен. Каждый из них по-своему отнесся к новичку. Взводный Рахимов, серьезный и рассудительный рабочий Кызыл-Арватских железнодорожных мастерских, казалось, не замечал Эсенова. Он никогда не смотрел в его сторону, не делал ему никаких замечаний. Если тот ошибался, взводный подходил, молча показывал, что нужно делать, и Эсенов повторял прием. Этим ограничивались их отношения.

Два брата Оразовы, лихие конники бывшей «дикой» дивизии, брошенные в семнадцатом году Корниловым на красный Питер и распространяемые в пути, относились к новенькому немного свысока. За их спиной было три года германского фронта, пять фронтов гражданской войны. Они по справедливости считали, что ничего в своей жизни не выдавший чабан из пустыни должен ловить каждое их слово. Но Эсенов выказывал к обоим презрительное равнодушие, и они сами скоро перестали обращать на него внимание.

Правда, на пятый день пребывания в отряде, после каких-то шуточных слов одного из братьев, новичок вдруг побелел от гнева, потряс карабином и злобно выкрикнул что-то. Произошло это на плацу за полустанком. Оба брата сразу же подобрали поводья и отъехали от него.

— Что там случилось у вас? — спросил комиссар.

Младший брат посмотрел на старшего. Тот покачал головой.

— Что он кричал? — строго повторил комиссар.

Старший Оразов долго смотрел в землю.

— Не любит он всех в отряде... И нас еще больше не любит... — ответил он наконец.

Сколько ни допытывался комиссар, о чем кричал новичок, братья только вздыхали и молчали.

И лишь четвертый туркмен, разбитной красноводский грузчик йомуд¹ Мамедов, сразу же резко враждебно отнесся к новичку. Он и не скрывал своих чувств. Уже на второй день явился он к комиссару и заявил, что если они с командиром хотят гибели отряда, то пусть держат змею под халатом.

— Он басмач, враг! — кричал Мамедов. — В этих местах все люди такие. Им старую уздечку нельзя доверить. Из них один только и есть хороший человек — Рахимов...

Когда Мамедов видел Эсенова на плацу, он дрожал от ярости, готов был броситься на новичка, и только авторитет командира и комиссара удерживал его.

Комиссар решил поговорить с Рахимовым.

— Правильно говорят о нем! — подтвердил взводный. — Не любит он нас, ненавидит...

— Так что же делать? — спросил комиссар.

— Ничего не делать... Пусть живет, служит...

Рахимов явно уклонялся от разговора на эту тему.

¹ Йомуды — одно из туркменских племен.

Неожиданную поддержку получил новичок со стороны командира Пельтиня. Суровый латыш, послушав разговоры о подозрительном поведении нового бойца, вдруг коротко бросил:

— Прекратить!

Бойцы удивленно переглянулись. Командир Пельтиня мог произнести одно слово за целую неделю. А с такими словами считаются.

Потянулись однообразные дни учебы. На рассвете — побудка. До обеда — занятия на плацу. После обеда — стрельбы и политчас.

Ездил и стрелял новичок хорошо. Уже на втором занятии он точно выполнял все сложные кавалерийские команды. Как-то на плацу к Телешову подъехал его старый приятель по Сормову, взводный Димакин. Они несколько минут наблюдали, как Чары Эсенов в очередь рубит лозу.

— Уж больно у него выправка гвардейская...— сказал как бы невзначай Димакин.

Телешов нахмурился — он как раз подумал об этом.

— Я в семнадцатом в Питере одного котика зацепил,— продолжал между тем Димакин.— Сверху армячишко. Бороденка, лапти, все как полагается: мужичок с рынка. Только гнуться никак не может, прям уж очень. И смотрю: лапоть-то лапоть, а ногу не сгибает и на всю ступню ставит. Я сам когда-то в лейб-гвардии был... Вот я спереди зашел, вытянулся перед ним и — парадным. Он от неожиданности — раз руку к голове: позабыл, что без погончиков...

Телешов угрюмо слушал. Отъезжая, они с Димакиным перехватили полный ненависти взгляд, каким смотрел на новичка Мамедов. Заметив, что за ним наблюдают, Мамедов выругался и, огрев коня камчой, ускакал с плаца.

Особый отряд был интернациональным. Основу его составляли сормовичи. Кроме них, в отряде были мадьяры, чехи, татары, два австрийца и один китаец. Людям рабочим, им не нужно было особенно хорошо знать русский язык, чтобы понять то, что говорил комиссар на политзанятиях.

Чары Эсенов на политзанятиях сидел неподвижно, глядя в одну точку, иногда закрывал глаза, будто засыпал. Но комиссар угадывал, что он не спит.

— Ты бы переводил ему понемногу, поговорил бы с ним...— предложил комиссар Рахимову.

— Не надо,— ответил тот и поспешно добавил:— Ему не это нужно. Он не хочет слушать...

Комиссар старался разгадать новичка, понять странные отношения, установившиеся между ним и Рахимовым, братьями Оразовыми, Мамедовым, но не мог. Среди русских все было как-то проще.

Не прошло и полумесяца, как в одну из темных ночей была вырезана охрана соседней небольшой станции. Просидевший всю ночь в сухом заброшенном арыке стрелочник рассказал, что среди басмачей он видел двух русских белогвардейцев и Шамурад-хана.

Когда командиру докладывали об этом, Димакин тронул комиссара за рукав и показал глазами на Эсенова. Неизвестно откуда взявшийся в эту минуту, он настороженно стоял у стены полустанка. Заметив взгляд комиссара Эсенов спокойно повернулся и пошел к конюшням.

— Провалиться мне, если этот парень не понимает по-русски, — сказал Димакин.

Вскоре отряд на рысях шел вдоль линии. Через четыре часа подошли к разбитой станции. Мрачно чернели остовы обгоревших домов.

Возле полотна лежали рядышком прикрытые брезентом трупы. Бойцы помрачнели, а новичок равнодушно проехал мимо... Отсюда свернули налево, в пустыню. Вчера только прошел дождь, и следы сотни басмаческих коней оставили четкие отпечатки на серой глине такыра.

До вечера прошли километров тридцать. Привал сделали у самой границы песков.

Костры не зажигали. Молча жевали сухари и курили, прикрывая огоньки полами шинелей. Спали на холодном песке. Кожанки и шинели не могли укрыть от осеннего сырого ветра, и бойцы жались друг к другу.

Комиссару снова не спалось. Он лежал на спине и смотрел в звездное, освободившееся на ночь от туманов небо. И то ли снится комиссару, то ли нет, но он ясно видит свою комнату в Канавине, где он жил, бежав из омской пересыльной тюрьмы. В комнате собрались Димакин, Телешов и другие, называвшие его «товарищ Григорий». Распахнулась вдруг дверь, ветром задуло лампу, а Телешов, почему-то уже в кожанке, с маузером на боку, осторожно трясет его за плечо...

— Вставай, Григорий, дело есть!

Комиссар сразу встал на ноги.

— Что случилось?!

— Новенький исчез... — вполголоса сообщил Телешов.

Разбудили командира, обошли часовых. Никто из них не видел Чары Эсенова. Конь его стоял среди других со спутанными ногами.

— Что ж, утром разберемся... — сказал комиссар. На всякий случай усилили охрану и легли спать. Уже под утро, перед самым рассветом, Телешов снова разбудил комиссара и сообщил, что новичок вернулся. Сделали вид, что никто ничего не заметил, и на заре Эсенов занял свое место в строю.

В тот же день произошла первая стычка с басмачами. Засада Шамурад-хана неожиданно обстреляла разведку отряда. На следующий день завязался настоящий бой. Засев за дувалами возле одного из колодцев, басмачи открыли частый ружейный и пулеметный огонь по наступающему отряду. Кавалеристы спешили. Появились первые раненые.

Задача была ясна. Нужно было охватить противника с флангов, замкнуть кольцо и постараться никого из него не выпустить. Но Шамурад-хан поставил на флангах два пулемета. Кроме того, он выслал по обе стороны в пески мелкие, по три-четыре человека, группы, которые тревожили наступающих и сообщали о малейшем их передвижении. Шамурад-хану во что бы то ни стало нужно было задержать особый отряд, пока не будут угнаны к дальним колодцам, в пустыню, захваченные им стада. Именно там решил создать он основную базу для беспощадной, жестокой войны с новой властью.

В самый разгар боя Димакин, лежавший в цепи рядом с комиссаром, указал ему на новичка. Тот неотрывно глядел в сторону неприятеля. Вдруг он начал проявлять беспокойство: то поднимал, то опускал голову, потом встал во весь рост, снова лег и, ухватившись за бинокль Телешова, потянул его к себе. Телешов отдал ему бинокль, и Эсенов стал разглядывать ближайший бархан, который со стороны басмачей господствовал над местностью. И комиссар начал наблюдать за барханом. Он увидел, что там тоже мелькнул зайчик бинокля и на мгновение приподнялась голова в белом тельпеке. Еще кто-то в цепи, видимо, заметил это, потому что в ту же минуту над вершиной бархана взвилось несколько струек песка от ударивших туда пуль.

Медленно, но упорно продвигались вперед особисты, оставляя в песке длинные взрытые полосы. Песок лез в глаза, рот, уши, набивался в карманы и сапоги. Часа через два Шамурад-хан понял, что колодец ему до вечера не удержать. Оставив небольшой заслон, он начал быстро

уходить к северу, в глубь песков. Басмаческий заслон был немедленно сбит, и к вечеру отряд начал догонять банду. Ночью при проверке боеприпасов выяснилось, что Эсенев в этот день не сделал ни одного выстрела...

Весь следующий день продолжалась погоня. Кони еле вытаскивали ноги из сыпучего уплывающего песка. Если бы не прошедший накануне дождь, то двигаться здесь вообще было бы невозможно.

Басмачи явно нервничали. Они бросались то вправо, то влево, стремясь отвлечь отряд от огромной овечьей отары, которую они угоняли в пески. Но следы овец замести было невозможно.

Наутро третьего дня услышали далекую стрельбу. Она продолжалась часа полтора. Подъехав к небольшому такыру, бойцы остановились, пораженные страшным, невиданным зрелищем. Трупы многих тысяч овец устилали поле чуть ли не до самого горизонта. Кое-где слышались еще предсмертные овечьи хрипы. То один, то другой жирный курдючный баран начинал вдруг биться на земле в предсмертной агонии. Видя, что овец не угнать, басмачи уничтожили всю отару. Вместе с овцами они перестреляли чабанов. Люди лежали среди овец лицом вниз. По окровавленному полю бегали озверевшие лохматые овчарки с обрубленными ушами...

Дальше следы басмачей дробились. Разделившись на мелкие отряды, они разъехались в разные стороны, чтобы через несколько дней вновь собраться на каком-нибудь из дальних колодцев. Операция снова не удалась. Шамурад-хан накапливал силы и не рисковал вступать в открытый бой...

Еще один раз пропадал ночью Чары Эсенев. Случилось это на обратном пути, во время ночевки у заброшенного колодца. Так же как и в прошлый раз, он ушел, когда все легли спать. Часовые его не видели. Не видели они и того, как ушел вслед за ним Мамедов. Часа через два новичок вернулся. А Мамедов пришел только на рассвете, обозленный до крайности.

Утром Димакин решил переговорить с комиссаром.

— Бойцы недовольны, Григорий. Больно уж носимся мы с этим!.. — хмуро сказал он, кивнув в сторону Чары Эсенева.

Комиссар долго смотрел на новичка.

— Не то слово выбрал, Димакин, — сказал он наконец. — Здесь тебе не Сормово, где все уже давно ясно...

— Восточную политику ведешь! — усмехнулся Димакин.

— Что ж, политику... Это ты более подходящее слово нашел, — серьезно ответил комиссар.

На этот раз передышка была еще короче. Уже через два дня после возвращения отряда на базу пришло сообщение о нападении басмачей на крупный аул в предгорьях. На следующий день был обстрелян красноармейский обоз. А еще через два дня басмачи крупными силами напали на соседнюю станцию.

Предупрежденные о приближении Шамурад-хана, путейцы и бойцы железнодорожной охраны укрылись за насыпью и целый день отстреливались от басмачей. К вечеру «кукушка» подвезла два вагона особистов, и банда снова рассыпалась по пескам.

Ясно было, что Шамурад-хан затевает большую операцию. В предгорных аулах появились его агитаторы, которые призывали к священной войне против русских. Когда один старик спросил, почему же в отряде Шамурад-хана есть русские казаки, ему прострелили голову.

На совете командиров и партийцев отряда решено было отойти к аулу, который разграбил Шамурад-хан, и вести оттуда разведку.

Половина кибиток в ауле была сожжена. Шамурад-хан приказал мобилизовать здесь для пополнения своих сил сотню джигитов. Но большинство юношей из аула, узнав об этом, ушло в горы. Тогда басмачи сожгли их жилища и перебили всех родственников.

Отряд расположился в старых байских конюшнях на окраине аула. Оставшиеся в живых жители испуганно шарахались в сторону, когда кто-нибудь из бойцов отряда заговаривал с ними. Шамурад-хан предупредил, что головы полетят с плеч за разговоры с красными. Врачными ходили по аулу Рахимов, братья Оразовы, Мамедов. А новичок спокойно смотрел на трупы и обожженные камни. Лицо его по-прежнему было бесстрастным.

Нетрудно было заметить, что Чары Эсенова в ауле знают. Жители смотрели на него не то со страхом, не то с тайным почтением.

Под вечер следующего дня во время чистки коней к Телешову полетел Мамедов и зашептал что-то на ухо, указывая камчой в сторону гор.

— Ты не ошибся? — спросил Телешов.

— Не ошибся,— загорячился Мамедов.— Он с обеда собирался... Карани проверял. Подруги затягивал. Я давно за ним смотрю!..

По приказанию комиссара Димакин, Телешов и Мамедов выехали из аула и поскакали к горам. Когда поднялись на первый пригорок, Мамедов показал вперед. В наступивших сумерках ясно был виден всадник, двигавшийся спокойной рысью вдоль ущелья. Подтянули поводья и поскакали вслед за ним. Когда стали нагонять его, Димакин придержал коня и сделал предупредительный знак рукой. Поехали тоже рысью, держась в полукилометре от Чары Эсенова. Луна вставала за их спиной, и он был виден как на ладони.

Так двигались часа полтора. Вдруг на одном из пригорков всадник остановился. Замерли и особысты. Было тихо. Слышался лишь далекий шакалий плач. Чары Эсенов в остроконечной буденовке отчетливо выделялся на пригорке.

Вдали послышался мерный стук копыт. Приближался еще один всадник. Он так близко проехал мимо застывших у подножия скалы особистов, что они ясно видели его лицо под космами белого как снег тельпека. Шагах в тридцати от них он сбросил с плеч чопан¹, вытянулся на стремянах и тихо свистнул. Чары Эсенов съехал с пригорка и приблизился к нему. Они, не слезая с коней, стали о чем-то говорить.

Когда Чары Эсенов кончил разговор с неизвестным всадником и они начали разъезжаться, Мамедов огрел камчой коня, гикнул и вылетел из засады. В ту же секунду грохнул выстрел. Всадник в белом тельпеке стегнул коня, и тот, распластавшись, как громадная птица, понес его в степь.

— Стой! — взвизгнул Мамедов и стал посылать вслед беглецу одну за другой пули из карабина. Под тем был, видно, добрый конь. Наперерез ему вынеслись Димакин с Телешовым, но он легко проскочил мимо них. Через пять минут уже стало ясно, что погоня бесполезна. Неизвестный всадник растаял в ночной пустыне.

Бросились назад искать Чары Эсенова. Объездили все ближайшие холмы, прочесали долинку между ними и, лишь когда начал сереть восток, оставили поиски.

В аул вернулись, когда солнце уже поднималось над горизонтом. Отряд строился повзводно возле конюшен. На левом фланге первого взвода спокойно стоял Чары Эсенов. Конь под ним был, как всегда, вычищен, амуниция в полном порядке... Мамедов, Димакин и Телешов, ни слова не говоря, разъехались по своим местам.

¹ Чопан — туркменская бурка.

Доложили обо всем комиссару и командиру. Пельтинь лишь хмурил брови, Савицкий задумчиво барабанил пальцами по футляру бинокля.

— Разменять надо... Басмач!..— настаивал Мамедов. Димакин склонялся к тому же мнению. Но комиссар покачал головой. Телешову с Мамедовым приказано было не спускать глаз с новичка. Особенно во время боя.

— А разменять в случае чего всегда успеем,— коротко закончил комиссар.

Мамедов даже плюнул с досады.

Уже к обеду Чары Эсенов, или человек, назвавшийся этим именем, стал проявлять беспокойство. Может, раньше этого и не заметили бы, но сейчас бойцы неусыпно наблюдали за ним.

С утра возле сухого арыка шли политзанятия. Новичок сидел, как всегда, с устремленными в одну точку глазами. Когда солнце встало над головой, он поднялся и, никого не спрашивая, пошел к конюшням. Пройдя за ним, Телешов увидел, что он седлает коня.

После занятий Чары Эсенов не пошел к полевой кухне, где бойцам раздавали обед. Он все время стоял поблизости от командира, время от времени посматривая на восток. Казалось, он чего-то напряженно ждет. Когда, пообедав, бойцы разошлись — кто постирать портянки, кто написать письмо родным,— новичок еще больше заволновался. Раза два он подходил к комиссару и, потоптавшись на месте, уходил...

В полдень прискакал связной и доложил, что басмачи сделали налет еще на одну станцию и взорвали мост через широкий арык, перерезав железнодорожное сообщение. На станции разграблены два эшелона. То, что басмачи не успели унести с собой, они сожгли. Произошло это на рассвете. Сейчас с востока, в обхват Шамурад-хана, двинулся другой особый отряд. Басмачей нужно было взять в клещи.

Едва увидев связного, Чары Эсенов побежал в конюшню. Еще не было дано сигнала тревоги, а он уже сидел в седле в полном походном снаряжении. Теперь уже и Телешов не сомневался, что дело здесь нечисто. Новичок явно знал о готовящемся нападении басмачей...

На этот раз Шамурад-хану не повезло. Попытавшись уйти с награбленным в восточном направлении, он натолкнулся на отряд, авангард которого уже обходил басмачей с севера, отрезая им отступление в пустыню. Пельтинь двигался с запада. Два взвода под командой Димакина заняли горный проход на юге. Шамурад-хан заметался в кольце.

Банду неуклонно отжимали от гор к полотну железной дороги. Два дня шел жестокий бой у одного из полустанков. Около двухсот басмачей разбежалось или сдалось в плен. Главари с группой верных им людей бежали к холмам, где и были окружены.

Телешов с Мамедовым ни на шаг не отходили от Чары Эсенова. Как и в первом бою, он за все время не выпустил ни одной пули и опять раза два просил у Телешова бинокль.

Особую нервозность начал проявлять Чары Эсенов, когда стало ясно, что Шамурад-хану вряд ли удастся вырваться из окружения. Несмотря на частый огонь, который басмачи вели из засад на вершинах холмов, он то и дело вскакивал и напряженно всматривался вдаль. Он, казалось, был уверен, что пули басмачей его не тронут, и это еще больше укрепило подозрения Телешова.

Во время одной из перебежек Телешов вдруг потерял из виду новичка. Он начал беспокойно оглядываться и тут заметил Мамедова, который что-то кричал, показывая на левый фланг басмачей. Телешов взглянул туда и оцепенел от неожиданности. Прямо у подножия холмов он увидел человека в буденовке. Тот бежал к басмачам, размахивая карабином.

Приложившись к биноклю, Телешов узнал Чары Эсенова. В этот момент Мамедов с колена выстрелил по бегущему. Но было уже поздно. Тот прыгнул в какой-то ров и исчез из виду...

Вскоре остатки банды были атакованы с двух сторон. Басмачи встали из-за камней и подняли вверх руки. Их оказалось шестьдесят человек. Пленные были тут же обезоружены и выстроены. Рахимов с двумя дайханами из разоренного аула прошел по рядам, заглядывая каждому в лицо. Шамурад-хана среди пленных не было. Не нашли особисты и нескольких его приспешников, в том числе двух русских и одного англичанина, которые, по совершенно точным сведениям, находились в банде.

— Где Шамурад-хан?.. — Мамедов бросался от одного пленного басмача к другому. Он встречал равнодушно-тупые усталые взгляды. Лишь один из них, рябой детина со злыми глазами, коротко бросил:

— Нет Шамурад-хана, улетел!.. — и насмешливо показал на небо.

Тогда вмешался Рахимов. Он приказал увести рябого и стал по одному опрашивать остальных. В отсутствие рябого пленные стали отвечать. Выяснилось, что Шамурад-хан приказал держаться до последнего, а сам с группой главарей ушел по высохшему руслу ручья, который от холмов прорезал долину. Рябой дал приказ усилить в этот момент огонь.

На вопросы о перебежчике в буденовке басмачи ничего определенного не сказали. Только один из них как будто видел, что тот тоже пошел вниз по ручью с Шамурад-ханом...

Группой, которая отправилась в погоню, командовал сам комиссар. Уже через двадцать шагов на дне оврага заметили следы подков нескольких лошадей. Проехав оврагом около двух километров, у выхода из него наткнулись на двух красноармейцев соседнего отряда. Один из них был мертв, другой оглушен. Оглушенный уже приходил в себя и, когда Телешов вылил ему баклажку воды на голову, совсем очнулся.

Он рассказал, что его с товарищем оставили здесь для наблюдения за местностью. Они слезли с коней и спокойно следили за боем на холмах. Вдруг из оврага выехали несколько всадников в тельпеках и начали стрелять по ним. Товарища в перестрелке убили, а он успел поймать коня и только хотел вскочить в седло, как кто-то дернул у него повод. Обернувшись, он увидел чернявого парня в буденовке, но повода не отдал. Тогда тот огрел его прикладом по голове, и он потерял сознание...

Следы еще некоторое время вели к северу, потом начали забираться к западу и наконец повернули в юго-западном направлении. Шамурад-хан явно хотел укрыться в горах. Басмачи, видно, очень торопились. Взрытые следы копыт говорили о том, что коней гнали галопом. Через полчаса прямо на пути заметили валяющийся бинокль. Видно, кто-то из басмачей уронил его, но так спешил, что не остановился поднять...

Еще через час увидели труп басмача в тельпеке и халате. Он был убит выстрелом в лицо. Рядом лежал его винчестер. Шагов через триста наткнулись на другой труп. Под буркой на нем виднелся офицерский мундир.

Уже в предгорьях обнаружили сразу два трупа. Басмачи лежали недалеко друг от друга, оба простреленные в грудь навывлет. В одном из них узнали англичанина, которого давно уже искали особисты.

Пятый труп нашли возле ущелья. В груди его торчала рукоятка прямого туркменского ножа. Мамедов соскочил с коня, вырвал нож и с явным удивлением принялся рассматривать рукоятку. Потом он обтер нож полой халата убитого и спрятал его в карман... В убитом опознали ближайшего помощника Шамурад-хана.

Дальше следы пошли вдоль цепи гор. Показались развалины аула и старая полуразрушенная крепость на кургане. Следы вели прямо туда...

Въехав в источенные временем ворота, увидели еще двух убитых.

Один, в красном халате, лежал лицом вниз. Другой — это был Чары Эсенов — лежал на спине, с двумя пулевыми отверстиями в боку и в груди. По краям раны на груди опалилась гимнастерка; выстрел был сделан в упор. Глаза были заклеены зеленой от нас¹ слюной.

Все спешили и стояли вокруг убитых. Молчание нарушил Мамедов. Он вынул из кармана найденный нож и положил возле Чары Эсенова. — Это его нож... — тихо сказал Мамедов и отошел в сторону.

Телешов вдруг нагнулся, встал на колени и приложил ухо к груди Эсенова.

— А ведь он, братцы, еще дышит!.. — дрогнувшим голосом сказал он.

Глава вторая

Буйная зелень раньше всего пробивается между камнями Карры-кала². Еще жмутся к Копет-Дагу гонимые с севера орды угрюмых туч, а уже нет-нет да прорвется между ними яркий столб солнечного света. И склоны старой крепости покрываются кудрявым зеленым каракулем.

А еще через несколько дней, когда отгремят последние ливни, вся пустыня, насколько хватает глаз с высокой крепостной стены, превращается в бескрайнее зеленое море. Оно шумит и волнуется. Кто назовет сейчас эту степь пустыней, а тем более Черными Песками?!

В одно голубое утро цвет степи меняется, как в сказке. Она становится багряной, кроваво-красной. И старая бабушка Аннагуль, крихтя и охая, взбирается на крепостной вал и долго глядит вдаль неподвижным зорким взглядом. Отсюда кажется, что какой-то сказочный Див вылил в пустыню живую горящую кровь, плеснул ею на скаты кургана, облил горные склоны.

Каждую весну приходит сюда Аннагуль в день цветения маков и тюльпанов. Потом, когда солнце выжигает степь, превращает ее в пустыню, Аннагуль сидит за ковровой рамой вместе с внучкой Бибитач. А когда пустыня становится белой от мягкого мокрого снега, приезжает торговец Ибрагим.

Ибрагим — свой человек. Он, слава аллаху, дает за ковер шерсть, краски и списывает с семьи часть старого долга в сто двадцать рублей, которые взяли они в год удачной покупки жены для ее сына Эсена. Не один торговец Ибрагим был хорошим человеком. Первый защитник рода людей, живущих у Карры-кала, — всеми уважаемый и почтенный Ильяс-хан. Он богатый, очень богатый и значительный человек. Не раз приезжал к нему в гости пристав. Два раза он принимал у себя самого начальника области, когда тот с группой офицеров объезжал границу. Для русских гостей в его желтом каменном доме отведены отдельные комнаты с кроватями, диванам и столами. Сам же он простой, хороший человек и, не в пример многим другим богатым людям, принимает с почетом каждого, кто приходит к нему в дом.

Рвутся на толстой цепи звероподобные собаки. Сам Ильяс-хан выходит унять их и сердечно здоровается с Эсеном. После установленных приветствий он приглашает его в дом, и тот, снимая чарыки, заходит. Снимает свои маленькие галоши и Чары.

— Большой у тебя джигит! — хвалит его Ильяс-хан. Эсен, рослый, широкоплечий мужчина, смущенно улыбается. Он очень любит своего младшего сына. Старший, Берды, уже вырос и сам скоро станет хозяином. Кстати, о нем-то и пришел говорить Эсен.

Но начинать деловой разговор рано. Они сидят и беседуют о самых различных вещах: о последних скачках на празднике, о новом ишане,

¹ Нас — истертый в порошок зеленый жевательный табак.

² Карры-кала — старая крепость.

что приехал вместо умершего, о том, что падают нравы и находятся уже люди, которые забывают старые обычаи.

— Все это с тех пор, как пришли русские! — вздыхает Ильяс-хан. Он не любит русских, но говорит, что нужно уметь с ними ладить. Поэтому и отправил он своего младшего сына Шамурада в Петербург, где он учится на офицера вместе с сыном самого начальника области. Шамурад ему рассказывал, что два раза видел самого царя...

Входит Мухамед, старший сын Ильяс-хана. Говорят, он пьет водку и гуляет в городе с русскими женщинами.

Не в отца пошел Мухамед-хан. Он едва поздоровался с гостем и, даже не взглянув на него, сел в углу прямо на подушку. Лицо у него зеленое. Ночью его привезли со станции еле живого от Белого Мамеда, как называют в ауле русскую водку.

Не любит Мухамед-хан кулов. Он считает, что иг¹ не должен даже рядом сажать возле себя полукровок. Их всего пять семей в ауле — чистых игов, и они быстро потеряют авторитет, если будут якшаться с кулами. Так, пожалуй, дойдет до того, что какой-нибудь кул захочет взять в жены девушку из семьи игов, как случилось в соседнем ауле. Но там быстро осадили наглеца. Воспитанные кулы сами знают свое место в жизни. Тем более должны знать его иги.

Ильяс-хан не спорит с этим. Но он мудр и считает, что лаской и хорошим обращением всегда большего добьешься, чем криком и угрозами. Вот, например, Эсен. Он знает и понимает, что Ильяс-хан неизмеримо выше его не только потому, что богаче, но и потому, что Ильяс-хан — иг. И любое слово Ильяс-хана — закон, которого Эсен никогда не переступит. А хорошим обращением только укрепишь это уважение.

Сначала пьют геок-чай. Потом Курт, счетовод Ильяс-хана, вносит в большой глиняной миске шурпу². По указанию хозяина он специально для маленького Чары приносит желтовато-коричневый топленый сахар. Хозяин с гостем выкладывают на лепешки куски мяса и начинают есть шурпу деревянными ложками. Мухамед-хан не ест.

Снова пьют чай. То, что осталось в миске, передается для женщин, на их половину. Не потому, что у Ильяс-хана мало шурпы, — так требует старый закон.

Теперь можно поговорить и о деле. Эсен начинает издалека. Он говорит о своей семье. Не дал аллах ему возможность иметь двух или трех жен, а дал одну. Но он доволен ею. Она родила ему двух сыновей и лишь одну дочку. Два сына — это не так много для мусульманина, но и на том спасибо. Каждый корень пускает побеги. Даже колючка в пустыне и та разбрасывает семена.

Долго говорит Эсен. Терпеливо слушает его Ильяс-хан. Он знает, зачем тот пришел к нему. Недаром каждое утро услужливый Курт докладывает ему не только о его делах, но и о делах каждого жителя аула.

Все законы вежливости соблюдены. Можно переходить к самой сути. И Эсен говорит о том, что пора ему женить старшего сына — Берды. Не говоря уже о том, что ему минуло двадцать лет, их семья нуждается в воде. Достойный Ильяс-хан ведь знает: норма воды стала в два раза меньше, чем в старые годы. Ее едва хватает на огород и десяток лоз винограда. О пшенице и говорить не приходится: нужно покупать. А семья у Эсена немалая. Более зажиточные люди в ауле женили своих сыновей сразу после их рождения и тут же стали получать на них «никах-су» — норму воды на женатого человека. Но у него после рождения сыновей не

¹ Иги — потомки завоевателей, некогда пришедших из северных степей и покоривших оседлое земледельческое население оазисов в Каракумах. Кулы — потомки древнего населения этих оазисов, смешавшиеся с победителями.

² Шурпа — бульон из баранины.

было денег на покупку для них жен. Если вода вздорожала вдвое, то и жена, приносившая с собой в семью лишнюю долю воды, тоже вздорожала вдвое...

Но сейчас уже деваться некуда. Он, Эсен, не бедняк. У него есть собранные им и старой Аннагуль сто двадцать рублей, есть десяток баранов. Если достать еще рублей сто пятьдесят, можно купить неплохую девушку. Шахскую дочь на эти деньги, конечно, не купишь, но им ее и не надо.

Ильяс-хан прекрасно знает, в каком ауле и у кого собирается приобрести жену для сына простодушный Эсен, но он молчит и сосредоточенно о чем-то думает. Эсен — воспитанный человек. Он ждет ответа с видимым равнодушием.

Ильяс-хан наконец берется рукой за бороду.

— Вот какой ответ я дам тебе, Эсен. Другому, может быть, и не дал бы я денег. Но тебя я знаю и уважаю. Ты человек, достойный доверия. Можешь взять эти деньги, и да поможет тебе аллах в твоих начинаниях.

Ильяс-хан делает знак рукой Курту, и тот приносит из другой комнаты сто пятьдесят рублей. Пока он ходит за ними, все молчат. Хозяин берет деньги у Курта и передает их Эсену. Тот с почтением принимает двумя руками зеленоватые бумажки, завязывает их в платок и кладет за пазуху праздничного халата.

— А условия мои нетрудные, — продолжает Ильяс-хан. — Эти деньги будут платой за ту долю воды, что получишь ты на жену своего сына. Считай, что ты продал мне эту воду.

— Но ведь по адату нельзя человеку продавать отпущенную ему воду, — говорит смущенно Эсен, но тут же спохватывается и опускает голову. Ему становится мучительно стыдно. Он просто забыл, что в последние пять лет Ильяс-хан скупил половину воды у жителей аула. Не подумав, он невольно обидел хозяина в его собственном доме.

Ильяс-хан читает мысли гостя. Он ободряюще треплет Эсена по плечу.

— Этот старый закон до сих пор неправильно толковали, — говорит он ласково.

Эсен задумывается. Что же они будут делать в увеличенной семье без той доли воды, на которую они так рассчитывали. Но Ильяс-хан успокаивает его.

— Я дам тебе свою землю и воду в пользование, — говорит он. — А ты будешь сеять, что я скажу, и половина полученного тобой будет моя. Лет за пять подработаешь деньги и купишь лишнюю долю воды. И аллах не все создавал сразу...

Ильяс-хан долгим оценивающим взглядом смотрит на мальчика, прижавшегося в углу.

— Сколько ему лет?

— Десять, яшули¹, — отвечает отец.

— Что ж, пусть пойдет помогать моим чабанам, и каждый год в моем стаде будет прибавляться по три твоих овцы. А там и его, молодца, женим...

Небо белое-белое, а песок такой горячий, что даже собаки не рискуют на него ложиться. У собак квадратные морды, обрубленные уши и хвост и такая густая шерсть, что самому зубастому волку не добраться до шкуры. Волки и не пытаются этого делать. Волчья голова вся без остатка спрячется в страшной пасти чабанской овчарки. Редкий барс отважится выйти против нее один на один.

¹ Яшули — обращение к старику и уважаемому человеку.

Собакам не нужно подниматься на бархан, чтобы увидеть чужого. Они и без того узнают о его приближении за много верст. Пустыня вокруг пахнет лишь выдохшей до звона колючкой и овечьим пометом. Любый посторонний запах заставлял собак глухо ворчать.

Огромная отара рассыпалась по пустыне. Кажется, что могут найти здесь овцы, среди раскаленной пыли и безжизненных, мертвых колючек? Но к осени они нагуливают такие курдюки, что им трудно двигаться.

На песчаном пригорке воткнута в землю длинная палка. На ней висит старая кошма. В тени ее на другой кошме сидит старый Аллаяр и пьет чай. На нем толстый стеганный халат и густой тельпек, которые спасают тело от жгучего воздуха пустыни. Когда-то и он бегал в одних штанах, не боясь солнца, как делает это Чары. И у него было ловкое загорелое тело. Таким же мальчиком купил и отправил его в пустыню дед Ильяс-хана, и с тех пор он не покидает ее... Годам к сорока отец Ильяс-хана купил ему жену: одноглазую, рябую и злую, как дух тьмы. Но, видно, продешевил хозяин. Через два года она умерла. Аллаяр прожил еще сорок лет, но больше никогда уже не просил хана о новой жене.

Мальчик подбегает к старику и просит разрешить ему съездить на коне в соседнюю отару... Быстрее ветра летит тонконогий ахальский конь. А Чары видит себя то Кеймир-Кёром¹, то грозным, непобедимым сердцем разбойников из старых сказок.

Ох, эти сказки!.. Каждый вечер, когда большой красный шар солнца касается земли, высокие темные столбы встают над пустыней. Издали кажется, что невиданные пожары охватили весь горизонт. Но это не дым. Это высоко в небе стоит в неподвижном воздухе черная каракумская пыль, поднятая многими тысячами острых овечьих копыт. Неистово блея, валит к воде овечья стена. В двух шагах ничего не видеть. Горло, нос, уши забиваются сухими непробиваемыми пробками.

А вот и колодец. Глубину его легче всего измерить по узкой верблюжьей тропе. С восхода до заката ходит по ней впряженный в веревку тощий, облезлый верблюд. Никто не смотрит за ним, никто не направляет. Вот он идет от круглой дыры в песке: двадцать шагов, тридцать, сто, сто пятьдесят, пока не показывается из колодца пузатый кожаный мешок. Булькая, течет прозрачная вода в деревянный желоб. Верблюд знает, сколько нужно на это времени. Вот он уже идет обратно. Тонкая веревочная змея локоть за локтем исчезает в колодезной яме. И так все время: туда и обратно, туда и обратно...

Сухой воздух пустыни свободно пропускает звездный свет. Поэтому небо здесь кажется темнее, а звезды ярче и ближе. И до глубокой ночи с другими чабанами слушает мальчик сказки старого Аллаяра о злых падишахах, бедных влюбленных, горячих сердцах и мудрых хитростях вечно юного бедняка поэта...

Зимой холодный мокрый ветер гонит по пустыне низкие туманы. Они насквозь пронизывают старый чопан, обнимают посиневшие голые ноги в размокших от грязи чарыках. И негде укрыться от беспощадного порывистого ветра, проникающего, кажется, в самое сердце...

Пять лет пасет уже Чары хозяйских овец. Он вытянулся, стал почти взрослым. Исчез из глаз живой, веселый огонек. Черные Пески с детских лет приучают быть молчаливым и замкнутым.

А дома плохо. Вчера только приехал с колодцев Чары и не узнал родной кибитки. Три года подряд был неурожай. Хозяин в последнее время заставлял своих арендаторов сеять один лишь хлопок, а его почти чисто выедала тля. Потом пошел мор на овец.

¹ Кеймир-Кёр — герой туркменских народных сказаний.

Прошлой зимой, закончив последнюю стежку на громадном ковре, тихо скончалась старая Аннагуль. Денег теперь ждать неоткуда. Но хуже всего с водой. Все меньше становится су — норма воды на кибитку. С тех пор как пришли русские, кончились войны. Сеять стали больше, а воды не прибавилось. Из соседних аулов власти переселили уже часть людей в другие края...

Еще раз идет к Ильяс-хану Эсен, взяв с собой младшего сына. Все повторяется, как в прошлый раз. Таким же приветливым и добродушным остался хозяин. Он несколько не переменялся за эти годы. Все то же расположение светится в его глазах. Зато переменялся Эсен. Плечи его теперь сильно согнуты, а борода поредела и побелела.

Снова идет долгий разговор о старых обычаях, о добрых временах, когда жить было легче. Снова едят шурпу. Только Чары замечает, что, когда отец берет мясо, руки его дрожат, а во взгляде светится голодная жадность.

Замечает это и хозяин. И когда речь заходит о делах, он предлагает Эсену самый простой выход из положения. Пусть продаст ему, Ильяс-хану, право на свою последнюю долю воды. Хан не даст ему умереть с голоду. Всей семье Эсена найдется что делать в хозяйстве Ильяс-хана.

Опустив голову, долго думает об этом страшном предложении Эсен. Но хозяин легко развеивает его сомнения. Когда улучшится положение и у Эсена появятся деньги, он легко выкупит обратно свой су...

Последние слова отца слышит появившийся на пороге Мухамед-хан. Он раскатисто смеется и, не здороваясь, уходит обратно. Старший сын хана теперь всегда пьян...

Через неделю Чары снова в песках. Летом его опалает горячий, как из тамдыра¹, ветер пустыни, и поднятая овцами пыль заслоняет от него свет. Зимой он дрожит от стужи и сырости. Но теперь ему легче переносить все это. У Чары появился друг — смелый и отзывчивый Таган, внук брата старого Аллаяра. Они похожи друг на друга, Таган и Чары, и им нельзя было не сдружиться. Оба пасут они тех же овец, оба едят одну лепешку и оба слушают сказки старого чабана.

Для кого это сказки, а для них — вся жизнь, великолепная, огромная, сверкающая изумрудами халифских дворцов, пленительными улыбками шахских принцесс и эмирских наложниц. И они мечтают о том времени, когда подрастут и с шайкой верных друзей разбойников уйдут на быстрых как ветер конях в смелый аламанский² набег. И откроются перед ними халифские склады сокровищ, будут робко и застенчиво улыбаться им шахские дочери, а они, гордые, непобедимые, с нескончаемым караваном награбленного добра вернутся в родной аул. И все будут удивляться их силе и храбрости и будут с почтением кланяться им. Даже сам Ильяс-хан с сыновьями...

Не смог уже больше вернуть свою воду Эсен. Два года он кое-как еще перебивался. Но на третий год случилось непоправимое.

За неделю до этого коровы и овцы стали проявлять беспокойство. Собаки тоскливо выли, повернув к юго-востоку лохматые головы. Тревожно поглядывали туда и люди. Самые невероятные слухи бродили по предгорным аулам.

Буря налетела неожиданно, среди бела дня. Могучее черное облако грозной тенью надвинулось на солнце. Стало темно и страшно. И в ту

¹ Тамдыр — печь.

² Аламаны — разбойники, нападавшие на соседей с целью грабежа и кражи женщин, Аламаном также назывался самый набег,

же минуту сотни тысяч тонн мягкой зеленой слизи обрушились на поля, сады и виноградники.

Эсен со старшим сыном, женой, невесткой, дочерью и внуками метался у хлопкового поля. Они жгли сухой бурьян, пускали в канавы воду. Но неумолимая, свирепая масса в пять минут засыпала все. Зашипели и погасли костры. Всепожирающая саранча навалилась на узкие зеленые полоски. На глазах оголялись ветви. От развесистых свежих кустов оставались лишь прутья, негодные даже на то, чтобы истопить тамдыр.

Но его и не нужно будет топить. Не к чему будет примешивать растущую в заброшенных арыках и вязнущую на зубах траву, которую вот уже два года мелко рубит и запекает в лепешки жена Эсена, верная и работающая Нургозель.

И на этот раз не оставил в беде, выручил Ильяс-хан. Он дал денег и муки. Но закон есть закон. Недаром тысячи лет назад его устанавливали мудрые предки. Взятый в долг и не вернувший в срок обязан со всем своим родом бесплатно работать на того, кому он должен. Рабство длится до тех пор, пока сполна и с процентами не будет заплачен долг... Уже следующей весной вся семья Эсена сажала хлопок на хозяйском поле. И уже не половина, а весь урожай шел Ильяс-хану. Год был удачный, и они почти сполна расплатились за нарощие за зиму, весну и лето проценты.

Совсем не узнал сына Эсен, так переменялся и возмужал Чары. Он стал крепким и стройным джигитом с красивыми, серьезными глазами... И Чары, приехав из песков, не узнал отца. Согнутый, седой старик крахтел, охал и все жаловался на боль в пояснице и в ногах, которые так много ходили по топкой грязи политого поля.

В семье оставалась единственная надежда. Пятнадцатый год уже живет на свете дочь Эсена — красавица Бибитач. Немалый калым можно получить за такую девушку, и это, как думает отец, может поправить дела. В соседних аулах знают о красоте Бибитач. Два раза уже приходили с предложениями к старому Эсену. Но он отговаривался, боялся продешевить. Да и не в каждую семью можно продать девушку из их рода!

Наконец он согласился. Жил в соседнем ауле дальний родственник Эсена, Овезкурбан, состоятельный и уважаемый человек. Он собирался женить своего единственного сына — Халлы. Несколько раз приезжал он на белом ишаке к Эсену и вел переговоры, к которым допускалась и жена Эсена — Нургозель. В один из таких приездов позвали Бибитач и надели ей на шею кольцо из тонкой серебряной проволоки. Отныне она считалась обрученной, и если должна была кому-нибудь принадлежать, то только Халлы либо богу. Горе ей, если будет нарушен этот договор. Горе тому мужчине, что посмеет нарушить его!

Началось все с того, что шла Бибитач по тропинке с поля и несла на голове миску с зернами молодой джугары. Сзади слышался мерный лошадиный топот. Нельзя женщине идти по дороге впереди мужчины хотя бы за сто шагов. Девушка сбежала с тропинки и взяла в рот край платка.

Но всадник не проехал мимо. Он тоже свернул с дороги и наклонился к Бибитач. От него пахло перегаром. Лишь на миг подняв длинные ресницы, она увидела мутные, с кровавыми прожилками глаза Мухамед-хана. Ничего не сказал ханский сын. Лишь тронул камчой коня и поехал дальше...

Недели через две праздновал Ильяс-хан приезд на побывку младшего сына. Ловкий и исполнительный, Шамурад-хан, несмотря на молодость, получил уже чин гвардейского поручика и состоял в личной охра-

не дворца. По старой романовской традиции приближали к себе цари княжеских, эмирских и ханских сыновей.

Большой той устроил старый хан. Было чинно и тихо, пока не приехали со станции городские друзья Мухамед-хана: несколько молодых офицеров, господин пристав и трое сыновей самого богатого в области купца. Ящик за ящиком вносились в комнаты. Пустые бутылки выбрасывались прямо в окна.

Вечером озверевший от водки Мухамед-хан заявил, что ему не хватает женщины и он должен немедленно ехать на станцию и в город.

— Неужели не завели себе здесь штучки?.. Не верю-с!.. Не верю-с!.. — Толстый и самодовольный господин пристав погрозил пальцем Мухамед-хану. Тот вдруг вспомнил о чем-то и, шатаясь, пошел к выходу. За ним, по его знаку, вышел ханский счетовод Курт.

В ауле почти все уже спят. Только женщины кое-где заканчивают домашнюю возню. Не спит и Бибитач. Большой трехведерный кувшин с надбитым горлышком стоит в углу глиняной мазанки. За день накаляются горы и воздух. Тяжело становится дышать даже в густой тени. А кувшин в сыром углу сохраняет воду прохладной и чистой. Но наполнять его нужно с вечера. И, взяв другой кувшин, поменьше, идет Бибитач к потоку.

На самом краю аула живет семья Эсена. Шакалы порой дерутся за отбросы у самой кибитки. Мимо оставшихся еще у них шести лоз винограда идет за водой девушка, в тень шелковицы, растущей возле потока.

Спокойно шелестят кусты. Бибитач наклоняется к воде. Тихим звонком отвечает кувшин на удар холодной струи. Все глуше становится этот звон, пока совсем не замирает. Ловким движением вытаскивает девушка полный кувшин. И в этот момент ее хватают сильные руки. Она вскрикивает. Но большая рука с платком зажимает ей рот, нос, глаза. Ее бросают через седло, и она теряет сознание от удушья.

Просыпается она от предутреннего холода и видит вокруг темнеющие громады башен. Бибитач встает, придерживает на себе изорванное в клочья платье, выходит из старой крепости и медленно спускается к дому. Она не заходит ни в мазанку, ни в кибитку, а забивается в проход между кучей сухой колючки и стеной сарая. Там она дожидается первых лучей солнца. Ласково согревает оно остывшую за ночь землю, брызжет ослепительным светом на деревья, траву, овец, собак. Не всходит оно для одной лишь маленькой девочки Бибитач...

Отец, согнувшись, приходит в сарай. Суровый и замкнутый, берет он кетмень, лежащий возле колючки, но не видит ее... Он знает, что она здесь, та, что звалась его дочерью и даже носила женское имя. Но он уже знает и то, что произошло этой ночью. У него уже нет дочери. Нет ее и у Нургозель, как нет сестры у Чары и Берды. Законы Черных Песков неумолимы... Понимает это спрятавшая в коленях голову и закрывшая ее обеими руками Бибитач. Поэтому она ни на что не жалуется и только тихо, про себя, стонет...

В разговорах, которые пошли по аулу, был упомянут Сангсар даш — Камень проклятия. Виновата девушка или нет — неважно. Договор обручения нарушен — земля и небо должны отвернуться от нее.

Под вечер вышел из своего большого дома Ильяс-хан. Медленной, степенной походкой идет он по аулу, вежливо здороваясь со встречаемыми. Провожаемый любопытными женскими взглядами, тяжело поднимая ноги из пыли, направляется старый хан к жилищу своего должника и батрака Эсена.

Пригнувшись, входит он в кибитку. Хозяин молча указывает ему место на кошме. Потом Эсен выходит и что-то говорит старшему сыну. Через несколько минут бьется в предсмертных судорогах последний баран, оставшийся у семьи. Перед гостем ставят полную миску жареного мяса, ломают и кладут половинки только что испеченных лепешек. Хозяин съедает первый кусок и больше не ест. Гость съедает два-три куска и тоже отстраняется. Он пробует завязать разговор, но хозяин молчит. Ни слова не слышит от него Ильяс-хан, кроме приглашения есть. Озабоченный, но внешне спокойный, покидает хан кибитку Эсена...

А Бибитач уже не живет на этом свете. Только руки ее еще шарят каждую ночь в отбросах, чтобы продлить ток крови в теле до тех пор, пока совершит она предрешенное. Каждую ночь приходит к сарайчику высокий суровый старик с длинной белой бородой и направляет ее мысли. Он говорит страшные слова, и, сжавшись в комочек, слушает его девочка. Она готовит себя к необыкновенному дню.

И день этот наступает. С утра, когда все уходит в поле, она собирает у кибитки обрывки старых тряпок и ваты. Все это она навязывает на свое худое, грязное, посиневшее от холода тело. Дико спутаны ее черные волосы. Добела сжаты губы.

Еле хватает в тоненьких руках сил поднять над головой большой жестяной бидон. Противная желтая струя бьет ей в рот и уши, ослепляет и оглушает ее. Ничего, это недолго... Шатаясь, подходит она к горке высыпанных из тамдыра углей и тычет туда куском ваты...

Страшный живой факел загорается над аулом. Ветер рвет и гонит поверху ключья синего дыма. Дикий, заставляющий дрогнуть и каменное сердце вопль проносится над полями, перелетает стены крепости, достигает гор, ударяется о них и катится над пустыней. Факел бежит через поле, падает и догорает куском черного спекшегося мяса...

А на следующую ночь пропадает из дому старший сын Эсена — Берды. Не ночует дома и Халлы, человек, кому предназначалась в жены Бибитач.

Еще через день привозят Ильяс-хану труп его старшего сына. Сердце его насквозь пробито длинным туркменским ножом. Нашли Мухамед-хана недалеко от станции.

В эту же ночь исчезает из аула семья Эсена. На месте, где стояла его кибитка, валяются лишь старые тряпки и обрывки веревок. Неизвестно, где взял Эсен верблюда, но крупные верблюжьи следы ведут от покинутого дома в пески. По этим следам и бросился десяток всадников во главе с поручиком Шамурад-ханом.

Чары торопит коня. Тревожное предчувствие стискивает грудь. Конь выносит его на бархан и вдруг оседает назад, беспокойно поводя ушами. Справа слышатся выстрелы и одинокий крик. Конь заржал и тронулся с бархана. Где-то рядом ему отвечает другой конь. Вот и сам он вылетает из-за бархана и галопом несется к такыру...

Но что это?! На длинном ремне волочится за белым красавцем конем человеческое тело. Не думая, гонит вслед своего коня Чары. Он догоняет и с налету острым, как бритва, чабанским кинжалом перерезает ремень.

Человек связан по рукам и ногам. Чары разрезает кожаные путы и поворачивает труп на спину. Пустыми кровавыми глазницами смотрит в синее небо старый Эсен, его отец.

Минуто, час или день сидит Чары над мертвым отцом, он не знает. Кто-то трогает его за плечо. Вздвогнув, он медленно поворачивает голову и видит морду белого коня, вернувшегося к своей страшной ноше. На ухе белого косой серп. Такая же метка на ухе коня Чары. Едь кони чабанов тоже из ханских табунов...

Чары молча укладывает труп отца на высокое степное седло и тихо идет рядом. Следы белого коня приводят к высохшему озеру. Ровным ослепительным блеском сверкает под солнцем соль. Прямо на белой ее пудре лежит убитый верблюд. Рядом валяются поломанные стойки кибитки, черепки разбитой посуды, старый почерневший казан. А вокруг лежит весь род Чары. Стянутый ремнями труп Берды, догола раздетая и окровавленная его жена, двое мальчиков с переломанными спинами и старая Нургозель с рассеченной надвое головой. Высоко в небе парит над пустыней белоголовый когтистый гриф...

Сбылись мечты юности. В смелый аламанский набег идет джигит Чары. Полсотни крепких, выносливых коней поднимают пыль над пустыней...

Не помнит он, сколько дней и ночей провел на соленом озере. Ганлы — долг кровью до седьмого колена — будет платить ему род Ильяс-хана. Иначе Чары недостоин будет ходить по земле, дышать, смотреть на небо, называться мужчиной. Закон Черных Песков ждет от него, единственного живого представителя рода, получения кровавого долга от рода врага. Отныне не съест он спокойно куска хлеба, не выпьет спокойно глотка воды, пока собственной рукой не зарежет последнего представителя рода Ильяс-хана. А последний представитель этого рода — Шамурад-хан...

Большую облаву устроили на Чары родственники и приспешники Ильяс-хана. Все в ауле понимали, что, пока жив сын Эсена, не может спокойно ходить по земле ни один человек из ханского рода.

Два раза стреляли в Чары из засады, когда он прятался в горах. Один раз чуть не убили его на пороге кибитки старого друга их семьи. И Чары пришлось на время уйти из этих мест.

В соседних краях связался пастух Чары с бандой лихих аламанов. Далекий поход через пустыню на север задумали они. И вот, растянувшись длинной цепочкой, уже скачут через Черные Пески аламань.

Скачут день, другой, третий... То как вихрь несутся они по такыру, вздымая к небу черную пыль, то усталые до смерти кони еле вытягивают ноги из плывущего песка. Уже кончилась вода в притороченных к седлам кожаных курджумах, уже видятся им за каждым барханом бескрайние водные глади.

В темную, беспросветную ночь доскакали до цели аламань. Жарко пылают в ночи сухие кибитки. Стон, плач, дикие, истошные вопли. В щепки разбиваются раскрашенные плоские сундуки, вытряхиваются из них праздничные халаты, кетене и серебряные браслеты, бросаются поперек седел рыдающие женщины... А мужчинам нет пощады. Чем больше останется здесь трупов, тем меньше всадников уйдет в погоню за аламань. И со свистом падают удары направо и налево.

Лежит с рассеченной головой полураздетый дайханин, рядом валяются два его мертвых сына. А там вдоль горящих кибиток несется всадник, вольно на аркане задушенного старика.

Нет, не такими представлял себе Чары смелых аламанов, когда слушал у колодца сказки старого Аллаяра! И, закрыв лицо руками, без дороги скачет он от пожаров, крови и проклятий прямо в ночную тьму. Скачет, сам не зная куда, лишь бы уйти поскорее от этой страшной ночи...

Глава третья

Веселый усатый хирург Демидко, в ярко-красном щегольском галифе, носил в боковом кармане гимнастерки две пули, вынутые из тела Эсенова. Пули у него хранились во всех карманах. Когда раненый выздоравливал и выписывался, Демидко вручал ему на память маленький кусочек металла, выплавленный чаще всего на заводах Бирмингема.

Но особисту Эсенову еще не скоро выписываться: пуля прошла на полпальца от сердца. Только сегодня он пришел в себя.

Сестра милосердия сидела, свесив побелевшие за зиму босые ноги с порога санитарной теплушки, и задумчиво глядела на мятежное весеннее небо. Вдруг она почувствовала на себе упорный взгляд. Только один раненый, самый тяжелый, остался у них с последнего басмаческого набега. Обернувшись, сестра увидела, что он смотрит на нее в упор серьезными немигающими глазами. От неожиданности она растерялась, и они с минуту молча смотрели друг на друга.

— Ну, вот видишь!.. — сказала она ему, как будто он о чем-то спорил с ней. Когда сестра подошла, раненый закрыл глаза.

Чары всей грудью вдохнул свежий весенний воздух и сразу открыл глаза. Через прорезанные в стенах, закрытые марлей окна лился ровный дневной свет. А в раздвинутую настежь дверь теплушки врвалось яркое солнце и буйные запахи цветущей степи... Свет ослепил его. Он на миг зажмурил глаза, но, испугавшись, что снова вернутся мучившие его сны, быстро открыл их. В два ряда стояли восемь крытых белым, упругих кроватей с никелированными шарами, реквизированных в одном из веселых домов Ташкента. Прямо перед дверью стоял крепкий дубовый стол из конторы торгового дома братьев Чибисовых, на котором усатый Демидко делал свои операции. А в дверях спиной к нему сидела женщина. Волосы у нее были темнорусые. Солнце золотило их, а ветер трепал вместе с рукавом белого халата.

Вдруг она обернулась и быстро встала на ноги. Он еще не встречал в пустыне женщин, которые бы так прямо смотрели на него, да еще такими большими серыми глазами. Это поразило его, и он подумал было, что начался другой сон. Но она подошла к нему и что-то сказала очень звонким голосом. Тогда он закрыл глаза...

Потом приходил высокий усатый мужчина, которого он раз уже видел в штабе отряда, спрашивал его о здоровье, а он молчал и смотрел в потолок...

Раненый снова заснул, а когда проснулся, был теплый весенний вечер. В тупик, где стояла теплушка, долетали с полустанка слова кавалерийской команды. Задрожали пол и стены. Осветив на минуту ярким светом окна, прогремел тяжелый товарный поезд с побитыми, расшатанными вагонами. А раненый лежал, смотрел в темный потолок и вспоминал...

Много дней блуждал он по пустыне после аламана. Сначала пал под ним конь. Потом сам он едва не погиб от голода и жажды. Почерневший, обессиленный, лежал он под барханом, когда наткнулись на него кочевники казахи. Семейств пятнадцать их с верблюдами и кибитками заготавливали в песках саксаул и отвозили в город на продажу. Так, привязанным к связке саксаула, чтобы не упал он с верблюда, и привезли его на городской базар.

Чары долго ходил по городу, пугаясь встречных. Потом он приспособился помогать сгружать ящики на складе у богатого купца. За это его кормили. Ночевать он ходил на станцию, где паровозы выбрасывали отработанный шлак. Там было тепло и сухо.

Чары рассчитывал пережить тут зиму, а потом вернуться в родные места и ждать своего часа. Но вышло иначе. Однажды днем увидел его на базаре ханский счетовод Курт, приехавший в город за покупками. Через полчаса Чары арестовали, и дородный жандарм с шашкой на боку отвел его в участок. Сам пристав допрашивал его несколько раз, обвиняя в убийстве Мухамед-хана. Там, в участке, и выбили у него несколько зубов.

Голодный, избитый, лежал он на тюремных нарах и, так же как теперь, молча глядел в потолок. Он давно погиб бы от лишений и побоев, если бы не поддерживала его память о кровавом долге, не оплаченном еще родом Ильяс-хана. Серым степным волком видел себя в мечтах Чары. Это давало ему силы не умирать и страшно, по-волчьи, смотреть на допросах в глаза пристава.

— Я тебя все равно убью, зверское отродье!.. — кричал ему белый от гнева пристав, встречая этот упорный взгляд. Возможно, что пристав и выполнил бы свое обещание, но ему помешали.

Как-то ранним утром до камеры, где лежал Чары, долетели с улицы незнакомые звуки. Играла музыка, громко кричали по-русски. Вскоре двери тюрьмы открылись, и арестанты бросились к выходу. На улице толпились люди. Махали шапками, пели и обнимались. Над толпой горели красные флаги. Господин пристав исчез. Пришел февраль семнадцатого года.

Пока говорились жаркие речи, ничего не понимавший Чары прокрался вдоль забора и, волоча ноги, побрел прочь из города, в пески.

В первом же ауле он нанялся в чабаны и ушел на дальние колодцы. Okрепнув за лето и осень, он зимой купил себе коня и подался в родные края.

В мире творилось что-то непонятное. Перестали подвозить в аулы керосин, соль и спички. Ходили слухи, что будут увеличивать нормы воды, раздавать народу коней и баранов. И действительно, пришли в аулы туркмены из города и стали делить государственные земли. К тому времени почти вся вода в соседних аулах принадлежала Ильяс-хану. Эту воду распределили между всеми дайханами. Сам Ильяс-хан поступил, как всегда, мудро. Он собрал свои пожитки и, оставив дом на попечение Курта, ушел через горы в Персию к своим дальним родственникам. Большой караван верблюдов, груженых ханским добром, отправился вместе с ним. Но когда стали перегонять с колодцев громадные ханские стада, люди из города запретили это.

Чары добрался до знакомых мест, когда Ильяс-хан был уже за горами. Шамурад-хана тоже не было.

Долго стоял Чары у старой разваленной мазанки и смотрел на шесть высохших лоз винограда. Потом медленно пошел в крепость и сел на валу... Нет, не ослабевала в нем острая, не знающая пощады ненависть. Okрепшая в тяжелых испытаниях, она разрослась в груди и холодным лезвием кинжала колола сердце. Скорей умрет он, чем простит врагам кровь своего рода... Терпеливо будет ждать он их возвращения.

На другой день встретил Чары своего друга Тагана. В белом тельпеке и дорогом халате ездил он на чистокровном ахальском коне. Таган рассказал, что недалеко отсюда один из соседних ханов собирает удалых молодцов. Они теперь правят там и делают что хотят.

— Такая жизнь, как у нас, тебе понравится!.. — сказал Таган. Но Чары отверг его предложение и снова пошел в чабаны.

А события шли своим чередом. На станции громыхали пушки. Далекий гул их долетал до старой крепости и эхом отдавался в горах. В один из жарких летних дней появился в ауле Шамурад-хан в парадном халате поверх гвардейского мундира. С ним было несколько русских офицеров. По станции ходили британские колониальные солдаты в светлых гетрах. Один за другим проходили на восток эшелоны с длинноствольными английскими пушками.

Шамурад-хан послал гонцов по аулам с требованием дать джигитов. В приказе о мобилизации говорилось про «священную войну за свободу». Первое, что сделал Шамурад-хан, — он снова отобрал воду и в наказание разорил у Карры-кала больше половины дайханских кибиток. В память

о брате Мухамед-хане вырезал он весь род Халлы, бывшего жениха Бибитач. Самого Халлы привязали за руки и ноги к хвостам четырех горячих ахальских коней и стегали их камчами до тех пор, пока они не разорвали Халлы на части.

Целый отряд послал Шамурад-хан для поимки Чары, но, предупрежденный соседями, Чары вовремя ушел с колодцев.

Снова блуждал он в горах, гонимый, как зверь, людьми Шамурад-хана. Ему нельзя было показаться ни в одном из аулов. Как-то поутру выследили его два родственника ханского счетовода Курта. Целый день гнались они за ним по осыпающимся горным кручам. Под вечер им удалось ранить его в ногу. Забившись в узкую шакалью расщелину, он ждал их приближения. И когда один из них полез было вверх по скале, Чары коротким ударом ножа в шею зарезал его, как барана. Забрав у убитого винтовку, он тут же, в темноте, прострелил голову и другому. Глаза чабана привыкают видеть и ночью.

И снова, волоча раненую ногу, ходил он по горам, как одинокий барс, такой же злой, голодный и страшный...

Нога постепенно зажила. Он нашел далеко в горах небольшую пещеру и там устроил себе логово. О нем знал один лишь Таган, который время от времени приезжал в горы и привозил ему лепешки, геок-чай и патроны.

Почти год прожил в горах Чары. Лишь два раза спускался он в аулы. По непреложному закону дайхане принимали его, кормили и высказывали добрые пожелания. Но сам он хорошо знал, что грозит каждому из них, если всесильный Шамурад-хан узнает об этом. А ханские соглядатаи были на каждом шагу.

Снова гром пушек отдавался в горных ущельях. На этот раз эшелоны везли солдат в белых гетрах в обратном направлении. В аулы группами и в одиночку возвращались джигиты, мобилизованные на фронт Шамурад-ханом. Однажды ночью сам он исчез неизвестно куда вместе со своими друзьями, предупредив напоследок, что «священная война» не кончилась. Она только начинается...

Вскоре по мало кому известным тропам пошли через горы караваны. Вместе с терьяком¹ и сушеными финиками везли они новенькие винчестеры, разобранные трехногие пулеметы и тяжелые светло-желтые обоймы, аккуратно сложенные в длинных, наглухо забитых ящиках. И запылала непокорные кибитки, в страшных мучениях умирали привязанные к конским хвостам дайхане, которые осмелились коснуться ханского добра.

Тогда и выделены были отряды особого назначения для борьбы с басмачами.

Чары спустился с гор... В одном из своих набегов Шамурад-хан окончательно разорил аул возле старой крепости и взорвал водораспределители. Дайхане собрали свой скарб и откочевали кто в пески, кто в соседние аулы. Полуразрушенные мазанки присыпало песком. Сиротливо торчали из земли обгоревшие колья. Здесь, на развалинах родного аула, еще раз встретился Чары с Таганом. Пока в аулах было безвластье, соседний хан, в отряде которого служил Таган, враждовал с Шамурад-ханом. Они не признавали друг друга. Теперь же, с возвращением красных, он по чьей-то команде из-за гор подчинился Шамурад-хану. Таган сейчас сам командовал басмаческой полусотней у Шамурад-хана.

Но дружба двух джигитов крепче дамасской стали. До Шамурад-хана добраться сейчас Чары невозможно. Единственный путь, который одобрял Таган, — пойти в один из красных отрядов и в стычке добраться до ханского горла. Он, Таган, поможет ему в этом. Тагану в конце концов нет

¹ Терьяк — наркотик, примешиваемый к табаку.

дела до Шамурад-хана. У него есть свой сердар, которому он будет верен, пока служит у него.

Всю ночь проговорили друзья. Они условились о способах, которыми будут связываться друг с другом, о местах встреч. Наутро Таган ускакал, а Чары принялся ждать очередного набега басмачей и прихода красного отряда. Таган сообщил ему, что уходить от преследования Шамурад-хан будет этой дорогой, мимо Карры-кала, в ущелье...

Чары не представлял себе, что такое красный отряд и как он туда придет. Таган только сказал ему, что там все русские. А охотятся они в первую очередь за Шамурад-ханом и теми русскими офицерами, что помогают ему.

Чары до сих пор почти не знал русских. Они были для него чужими. Первым русским, с которым свела его близко судьба, был господин пристав. Память об этой встрече осталась у него навсегда. Помнил он хорошо и другого русского — соседа по тюремной камере, бандита-рецидивиста Тришку Шпандыря, как звали его друзья. Когда в первый раз втолкнули Чары в камеру, жандарм подмигнул Тришке, и тот устроил новичку «крещение с вышибанием под нары»...

И вот теперь он должен будет пойти в русский отряд. Но он пойдет и туда, если там проходит ближайший путь к горлу Шамурад-хана! И Чары терпеливо ждал.

На десятый день с севера послышалась стрельба. Чары засел в разваленной мазанке и наблюдал оттуда.

Сначала промчалась к крепости группа всадников в халатах и тельпеках. Следом за ними с двух сторон подошел большой кавалерийский отряд. Солдаты в остроконечных шапках проскакали так близко, что ему пришлось лечь на землю.

Пули свистели над самой головой Чары и глухо ударялись в сухую глину дувалов. Совсем рядом с ним четко и громко заговорил пулемет. С флангов ответили другие. Выглянув из-за укрытия, Чары увидел, как заволакиваются ровными строчками пыли верхушки знакомых крепостных стен. Кое-где обрывались вниз большие глиняные глыбы. Желтые кирпичики разлетались мелкими брызгами.

Стрельба стихла сразу, как по команде. Солдаты двумя цепочками въезжали в крепость... Когда стемнело, над крепостью замигали отсветы костра. Чары встал и пошел им навстречу. Но вдруг кто-то крикнул по-русски и два раза выстрелил в его сторону. Тогда, далеко обходя крепостные башни, он двинулся к заваленной камнями пещере. Здесь ему было все знакомо. Отвалив камни, он вошел и начал спускаться вниз.

Выход из-под земли в крепость был разрыт. Кто-то, видимо, недавно пользовался им. Чары выбрался наружу и, присыпав ход сухим бурьяном, пошел к догоравшему костру. Рядом шелкнули затвором. Чары увидел на валу две тени и направился прямо к ним. Ему приказали остановиться. Он остановился и сказал, что хочет поступить в отряд, чтобы убить Шамурад-хана.

Они не поняли его. Один из них ушел и вскоре вернулся. С ним пришел третий, который заговорил вдруг с Чары на чистом туркменском языке. Это его удивило. Он повторил свои слова о том, что хочет поступить в отряд, а когда спросили, как он попал в крепость, повернулся и пошел к могильнику, чтобы показать подземный ход.

Выйдя из пещеры, Чары заметил у края скалы лоскут от халата. Зоркие чабанские глаза его рассмотрели в темноте след бескаблучного кавалерийского сапога. Это была нога Шамурад-хана. Такой же след, маленький, твердый, прямой, он видел там, на соленом озере, где пал весь его род. След этот он узнал бы днем и ночью среди тысяч других...

Чары долго смотрел на этот след и молчал. Из ущелья доносился до него лишь ровный глухой шум потока.

Обернувшись, он увидел, что фонарь русских, следовавших за ним, удаляется в сторону крепости. Бесшумно прыгая через камни, он скоро догнал их...

На полустанке, куда прибыли они на третий день, ему принесли такую же одежду, какую носили все в отряде. Чары не хотел ее надевать. Тогда командир, говоривший на туркменском языке, — его звали Рахимов — коротко сказал, что, если он не переоденется, ему придется убраться из отряда. Чары переоделся. Свой старый халат и тельпек он аккуратно свернул и отдал на хранение в склад отряда. Он не думал долго задерживаться здесь.

Оказалось, что Рахимов не единственный туркмен в отряде. Другим был Мамедов, который так зло смотрел на него, что Чары ошупывал у пояса нож. Один раз Мамедов сказал сквозь зубы, что видит его мысли, как в чистой воде, и все равно до него доберется. Чары ничего не ответил. У него была своя цель, и он не хотел отвлекаться от нее. Ради нее он переживет все.

Но в соседнем взводе неожиданно увидел Чары двух братьев-туркмен. Они были чистые иги: прямые, с ровной походкой, несросшимися бровями, белолицые и крутолобые. Братья были, пожалуй, еще большие иги, чем род Ильяс-хана.

Вопреки законам пустыни, Чары возненавидел всех игов. Впервые это чувство возникло у него там, на соленом озере, и окрепло во время долгих одиноких скитаний в горах. И когда давно позабывшие в Красной Армии о своем превосходстве братья Оразовы подъехали к нему и весело его приветствовали, Чары не сдержался и угрожающе потряс карабином.

Братья отъехали от него и больше с ним не говорили. Но Чары ждал теперь от них мести. Он знал, что проявил невоспитанность, грубо говоря с игами, и что рано или поздно по закону пустыни последует возмездие. В этом Чары не сомневался.

Прошло еще несколько дней. Нетрудно было выросшему в седле чабану научиться кавалерийскому строю. Он сидел как вылитый в седле, а лоза у него ложилась как срезанная молнией. Стрелял он, пожалуй, лучше всех в отряде... Что же касается рассказов высокого командира, то они не интересовали Чары. Раз нужно ходить в строю, стрелять, стоять на перекличке, он будет это делать. Остальное его не касается. К тому же он по-русски понимал лишь несколько слов. На политзанятиях Чары уходил в свои мечты.

Присмотревшись, заметил он в отряде, кроме туркмен, много других нерусских людей. Первым он выделил китайца Чена, маленького белоzubого и черноглазого пулеметчика. Тот всегда приветливо улыбался всем, в том числе и ему. Чары не отвечал на его улыбки, ему не было дела ни до кого, но терпеливый китаец, казалось, не замечал этого и продолжал при встрече улыбаться, показывая все свои зубы.

Чары не понимал, что понадобилось всем этим разным людям в Черных Песках, зачем они собрались сюда и лезут под пули, если даже халаты и тельпеки с убитых не делят между собой. Но он не стал думать об этом. У них было какое-то свое дело, а у него — свое.

Из русских больше всего обращал на него внимание тот широкоплечий плотный человек, что задержал его ночью в крепости. В отряде его называли Телешовым, а красноармейцы помоложе — дядей Степаном. Этот все пытался о чем-то говорить с Чары, старался помочь ему.

Вообще все они как будто чего-то ждали от него. Чары это хорошо чувствовал. Но он не мог забыть пристава, крещение под тюремными нарами. Он не доверял доброте этих людей, как не доверял всему миру.

За их добротой крылось что-то непонятное. Он, Чары, им явно для чего-то был нужен. А ему, кроме крови Шамурад-хана, ничего не нужно.

В поход Чары пошел с радостью, но как равнодушно смотрел он на прикрытые брезентом изуродованные трупы на станции — что ему до каких-то чужих убитых людей!

В одном из дайхан, укладывающих рельсы на разгромленной басмачами станции, Чары узнал переодетого Тагана, ханского разведчика.

— На первой стоянке сделаешь ночью тысячу шагов к востоку... — шепнул ему Таган.

Ночью, на привале, Чары виделся с Таганом. Тот рассказал ему о планах Шамурад-хана.

У Чары не было никаких счетов с басмачами. Его интересовал лишь один из них. На следующий день Чары увидел своего врага. Его зоркие чабанские глаза заметили белый тельпек Шамурад-хана. Но он не стрелял. Отсюда было очень далеко, а Чары хотел бить наверняка, и не из карабина, а ножом.

Он чувствовал на себе подозрительные взгляды, слышал разговоры о себе, хоть и не все понимал по-русски. Возможно, это и заставило бы его уйти, если бы в отряде не было людей, которые верили ему. Когда Телешов, комиссар или Чен смотрели на него, Чары казалось, что они откуда-то знают всю его историю.

Командира он не понимал. Пельтинь холодно смотрел на Чары своими серыми глазами. И тот, давно уже не боявшийся ничего на свете, побаивался взгляда командира.

Однажды Чары стоял за углом казармы и смотрел в сторону гор. Было уже темно. Лишь едва заметная светлая полоса подчеркивала далекие черные вершины.

И вдруг чья-то большая рука ласково погладила его голову. Чары вздрогнул, поднял глаза вверх и увидел командира. Здесь, в темноте, он впервые заметил, что у командира совсем седые виски.

Пельтинь постоял немного, потом повернулся и ушел своим тяжелым размеренным шагом.

Еще два раза виделся Чары с Таганом. Во второй раз их неожиданно обстреляли неизвестные люди, в которых Чары узнал особистов. Но он не чувствовал за собой никакой вины и вернулся в отряд.

И вот остатки банды прижаты к холмам. Все туже сжимается петля на шее Шамурад-хана. Чары лежит в цепи. Здесь не раз перегонял он по весне отары с зимних пастбищ на летние. Вон там, на большом холме, зажигал всегда старый Аллаяр свой костер, а внизу проходил овраг. Буйные весенние воды неслись по нему с гор. Но теперь овраг должен быть сухим. Его отсюда не видно. Особисты и не подозревают, что осталась еще одна узкая лазейка для Шамурад-хана... Что это мелькнуло над оврагом? Не белый ли тельпек? Чары выхватывает бинокль у Телешова, встает во весь рост и смотрит туда... Так и есть. У самого подножия холма видны конские спины и тельпеки. И, бросив бинокль, Чары бежит прямо туда, к уходящему от него врагу.

Ему что-то кричат сзади, но он не слышит. Взвизгнув, скрежетнула о камень пуля, но Чары уже спрыгнул в овраг. Бегом за Шамурад-ханом, пока тот не унес свою голову!..

Трудно угнаться за конными. Когда Чары наконец выбегает из оврага, он видит только издали семь или восемь скачущих всадников... Чары бросается к оседланной лошади, рвет повод из рук у какого-то человека. Тот не дает ему. Тогда он с маху бьет его карабином по голове и вскакивает в седло.

Кони летят по пустыне. Всадники заметили погоню и хлещут по их гладким, блестящим от пота спинам. Но упорный одинокий преследова-

тель не отстаёт. Именно потому, что тот один, он вселяет в них суеверный ужас.

От группы отделяется всадник с винчестером наперевес и движется навстречу Чары. Как скошенный валится он из седла, выбитый меткой пулей, а конь, заржав, уносится в степь. Никакого зла не имеет Чары к этим людям, окружающим Шамурад-хана, но пусть не мешают они ему свершить правосудие.

Второй всадник поворачивает назад. Серые глаза смотрят так же холодно, как дуло нагана в его руке. Спокойно поднимая наган, он чуть-чуть усмежается, презирая этих дикарей, испуганных одиноком преследователем... Но потухает улыбка, валится из рук наган, а вслед за ним падает на сухой куст колючки обмякшее тело. Распахивается красный полосатый халат и открывает старый офицерский мундир.

Но вот сразу двое завертелись на месте и понеслись: один навстречу, другой в обход. Первого, чернобородого туркмена со свирепыми глазами, Чары снял сразу. Второй, видно, хочет уйти в сторону. Чары не знает этого бледнолицего, с темными усиками, но тот дружит с Шамурад-ханом, а от друзей врага всего можно ждать, и его пуля сбивает с коня второго.

Еще один всадник поворачивает коня.

— Не стреляй, Чары, дорогой!.. — кричит он, спешившись и протягивая вперед обе руки. Чары узнает Курта, ханского счетовода. Тот виноват перед ним, но расчетов кровью между ними нет. Пусть живет!

В ту минуту, когда Чары пролетает мимо него, Курт прыгает вперед, виснет всей тяжестью на его руке и тянет на землю. Свободная рука Чары нашупывает у пояса нож брата и вгоняет его по рукоятку в грудь предателя.

Родные горы, они уже близко. Через разрушенный аул Шамурад-хан несется прямо к крепости Карры-кала. С ним остался только один... По родному заброшенному полю стучат копыта коня. Чары выносится к насыпи и с ходу влетает в древние ворота.

Шамурад-хана не видно. Но против ворот стоит басмач и целится в Чары из винтовки. Пуля срывает с него буденовку. Подскакав, Чары стреляет в упор в басмача. И тут же хватается за бок и падает с коня. Из-за камня выходит его кровный враг с пистолетом в руке. Он медленно подходит, и они долго — кажется, целую вечность — смотрят в глаза друг другу.

— Что, грязный раб, безухая собака, дождался своего конца?! — говорит Шамурад-хан. — Вот этой рукой я убил твоего отца, твоего брата, всех змеенышей из твоего подлого рода... Я бы тебя тоже привязал к хвосту коня, но у меня нет времени и желания пачкаться о твою нечистую шкуру, нюхать твой вонючий пот... Я сейчас с наслаждением убью тебя. Но прежде я плюну в твои глаза!..

Он плюет зеленым насом прямо в широко открытые глаза Чары. Потом он приставляет пистолет к груди и стреляет прямо в сердце...

Глава четвертая

Бесшумно поползла вправо вагонная дверь. Утренняя свежесть сразу вытеснила аптечные запахи. Подобрав одной рукой полы белого халата, держась другой за железную скобу, поднялась в теплушку сестра милосердия. Чары прямо, не мигая, смотрел на нее. Сестра улыбнулась ему как старому знакомому и вынула из кармана халата бутылку с молоком, заткнутую бумагой.

— Будем пить молоко... — сказала она и, приподняв сильной рукой его плечи и голову, взбила подушку. Чары не хотел молока, но невольно стал пить, не спуская глаз с ее белой руки, твердо держащей чашку.

— Вот и все! — Поставив на стол чашку, сестра села на койку возле двери и стала смотреть наружу. Послышались голоса.

— Тут пришли к тебе!..

Она шагнула в сторону и пропустила в вагон двоих: Мамедова и Телешова. Это были люди, которых он видел когда-то в тревожном сне.

— Ну, как самочувствие? — спросил Телешов, присев на край стула.

Чары молчал и смотрел в потолок.

— Ведь ты геройский парень, прямо тебе скажу. Наши ребята одобряют тебя. Вот хоть его спроси... — Телешов ткнул пальцем в Мамедова. — Говорят: свой, пролетарский, значит, человек.

Они посидели немного. Телешов, положив свою чугунную руку на руку Чары, попрощался и сразу ушел, а Мамедов задержался. Раненый настороженно смотрел на него. Он помнил его злобу и вражду. Мамедов за все время не сказал ни слова. Он мялся, тер себе руки и только после ухода Телешова вытащил из кармана платок, развернул его и положил возле Чары так хорошо знакомый ему нож с костяной, правленной серебром рукояткой. У Чары загорелись глаза. Мамедов радостно заулыбался и, пожелав здоровья и успехов, как желают очень уважаемому человеку в пустыне, выпрыгнул из теплушки.

В полдень Чары перебинтовывали. Сестра легко касалась его груди кончиками теплых пальцев, и он каждый раз вздрагивал при этом. Демидко осмотрел раны и уверенно сказал:

— Теперь, хлопец, дело пойдет на поправку!..

Вечером пришел пулеметчик Чен. Он, как всегда, скалил зубы в ослепительной улыбке и смешно сутулил плечи. Слова он сыпал быстро, как горошины, так что слышались только отдельные слоги.

— Молодес, товалиса!.. — выкрикивал он, рассекая воздух маленьким кулачком. — Стлеляй холосо... ко мне плиходи... пулемет учи мала... Настояси класнолмейса будес!..

Вечером его посетил Рахимов. Этот спокойный человек, никогда не надоедавший ему никакими вопросами, молча сел на табуретку у постели. Чары лежал и глядел в потолок. Казалось, он что-то вспоминал. Может быть, своего отца, брата Берды, шум потока за садом, старую Аннагуль, греющуюся на солнце... Рахимов посидел и ушел, так и не сказав ни единого слова. Скорее всего их и не нужно было ему говорить.

На другое утро, вскоре после сигнала побудки, прибежал Мамедов. Он передал сестре милосердия большую пачку зеленого чая, ставшего к тому времени редкостью, и две большие белые лепешки, завернутые в кусок новехонькой портяночной фланели. Кивнув головой раненому, Мамедов убежал на занятия.

В этот день в теплушке перебивало много народу. Все задавали Чары один и тот же вопрос — о здоровье. Потом чаще всего молча сидели и, проговорив на прощание несколько ободряющих слов, уходили.

Зашел и командир Пельтинь. Он не присел, как другие, а ходил из угла в угол. От его тяжелых шагов вздрагивали все предметы на столе. Подойдя наконец к кровати, он положил возле подушки раненого большие серебряные часы с тройной крышкой и, пробормотав что-то, вышел таким же ровным тяжелым шагом. Так и не узнал никогда Чары, что часы эти принадлежали лучшему другу командира Августа Пельтиня, убитому в бою под Орлом, когда они вместе в цепи красных латышских стрелков шли в атаку на денкикинские позиции...

И в следующие дни раненый редко оставался один. Мамедов забегал к нему по нескольку раз на день, приносил лепешку, каурму и смотрел на Чары восторженным, преданным взглядом. Часто заходил и Телешов. Ни разу не пришли к раненому только братья Оразовы.

На все знаки внимания к нему со стороны бойцов отряда Чары отвечал холодным, сумрачным взглядом.

До сих пор он никому не был нужен. И никто, кроме отца и друга Тагана, не заботился о нем.

Чары упорно думал над тем, зачем он понадобился этим людям. Почему они ходят к нему, говорят с ним, дарят часы? Зачем подобрали его, полумертвого, и лечат теперь? Так или иначе, они все еще были для него чужими людьми, у которых есть свои какие-то цели. А он, Чары, не желает знать об этом. У него есть своя цель, свой долг, который он выполнит или умрет...

Комиссар в эти дни отсутствовал. Когда он наконец появился в вагоне санчасти, Чары мог уже сам поднимать голову с подушки. Но он не поднял ее навстречу комиссару, а продолжал лежать, угрюмо глядя в стену.

Комиссар пришел вместе с Телешовым. Они посидели, поговорили с сестрой. И вдруг комиссар понял, что новичок необыкновенно красив. Раньше он не обращал на это внимания. И сейчас не думал об этом. Просто комиссар вдруг перехватил взгляд сестры милосердия, смотревшей на раненого...

Болезненно бледное лицо Чары Эсенова поражало правильностью своих черт, тонких и мужественных. Все портили лишь глаза. Тоже необыкновенно красивые, они горели таким зловещим, холодным огнем, что хотелось поскорее выйти из теплушки в живой весенний мир.

Но смотревшую на Чары девушку как будто не пугал этот холод.

Чары, должно быть, сам не знал, что с ним творится. Он был спокоен, если сестра милосердия была рядом. Когда она хоть на минуту отлучалась, он начинал нервничать, прислушиваться к малейшим посторонним звукам и чего-то ждать. Когда она возвращалась, раненый гневно смотрел на нее. За все время он не сказал ей ни слова...

Однажды вечером у него поднялась температура. Пришел Демидко, осмотрел раны, успокоил сестру и ушел. Температура скоро упала, и Чары заснул. Проснулся он неожиданно, как будто что-то толкнуло его. Чуть приоткрыв ресницы, Чары увидел, что сестра сидит за столом и, отодвинув в сторону лампу и книгу, которую читала с вечера, смотрит на него странным затуманенным взглядом. Она долго сидела так, потом встала и подошла к кровати. Чары лежал, не шевелясь. Вдруг он услышал ее дыхание... Все ближе, ближе, и он почувствовал едва ощутимое прикосновение к своему лбу теплых девичьих губ.

Сестра тихо отошла и села на свое место. Подняв голову, она увидела, что раненый смотрит на нее расширенными, черными, как уголь, глазами. Она вспыхнула и быстро отвернулась. Потом прикрутила лампу и вышла из теплушки.

Все утро Чары настороженно наблюдал за нею. Но она не смотрела в его сторону, а потом надолго ушла, чего не бывало за все эти дни.

Вечером к теплушке подошли два особиста. Сестра звонко смеялась вместе с ними. Раненый лежал, стиснув зубы.

Проходили дни. Сестра вовсе не обращала на него внимания. Она стала даже грубоватой с ним.

Раненый уже вставал. Вечерами он выбирался из теплушки и садился на старую, прогнившую шпалу. Со станции доносились протяжные волжские песни. Порой в песню входил звонкий женский голос, и Чары вздрагивал. Так сидел он, пока она не возвращалась. Каждый раз кто-то провожал ее до теплушки. Завидев издали сестру, раненый уходил в вагон...

Однажды вечером сидел он, как всегда, возле вагона и вдруг увидел, что от станции идут двое: часовой и с ним какой-то туркмен. Присмотревшись, Чары узнал своего друга Тагана.

— Вот знакомый ищет тебя! — сказал часовой и, подозрительно посмотрев на Тагана, ушел. Они остались вдвоем...

Утром сестра милосердия не нашла раненого. Постель была аккуратно прикрыта синим госпитальным одеялом. На столе лежали большие серебряные часы с тройной крышкой.

Телешов и Мамедов побежали к комиссару.

— Что же делать будем?.. — растерянно спросил Телешов. — Ведь пропадет парень. Он же еле ходит. Искать надо...

— Не надо искать... — заговорил вдруг Рахимов и убежденно добавил: — Не надо!

— Это вчера того басмача нелегкая принесла! — с сердцем сказал Димакин. — Провалиться мне, ежели я его у Шамурад-хана не видел...

По гладкому такыру, опустив поводья, едут всадники. Они направляются к горам, стеной встающим на пути горячих северных ветров. Один из них заботливо поддѣрживает другого. Чары еле сидит в седле. Под халатом видны белые полосы бинтов, перекрестившие грудь и плечи. Едут они долго, пока горы не закрывают полнеба. У подножия их выступает вперед холм с полуразрушенными башнями наверху — часовой, принимающий на себя первые удары песчаного моря.

Чары больше нечего было делать в отряде. Таган сообщил ему, что Шамурад-хан уехал далеко за горы, а может быть, еще дальше и теперь не скоро вернется. Чары решил уйти из отряда.

Отец Тагана вернулся с семьей в разоренный аул возле крепости. Таган предложил другу пожить у него, а потом податься к старому сержанту Тагана, который нуждается в таких молодцах. Там он и выждет возвращения Шамурад-хана, чтобы сполна получить с него долг. Тем более что сержант сам ненавидит Шамурад-хана не меньше, чем русских.

Чары согласился пожить в семье Тагана, но пойти к басмачам он отказался. Может быть, придется столкнуться сержанту Тагана с особым отрядом. А стрелять в Рахимова, Телешова, китайца Чена, командира Пельтия Чары никогда не станет. Он подлечится, отдохнет и будет искать Шамурад-хана.

Каждый день ходит Чары в Карры-кала, стоит и долго, часами, смотрит на то место, где лежал он и враг плевал ему в глаза. Страшно в это время смотреть на него...

Потом он выходит на крепостной вал и сидит там до самого вечера. Издали кажется, что неподвижная фигура в тельпекке тоже высечена из камня.

Чары видит перед собой разрушенные дувалы своего аула. Вон там, у самого края, стояла их кибитка... Вечерний, приторно-сладкий дым родного тамдыра снова щекочет его ноздри. Одинокая, горькая, как сок зеленой колючки, слеза выкатывается из глаз и, скользя по окаменелым скалам, падает в пыль.

Быстро темнеет в пустыне. Вот уже сидит Чары в кибитке, глядя через откинутую дверь на веселые отсветы очага. Отец Тагана, высокий мудрый старик, не одобряет образа жизни, выбранного сыном. Помолвившись, заходит он в кибитку и садится напротив.

— Аллах все создал для жизни... — говорит он Чары. — Земля, вода и воздух нужны всему живущему, и великий грех совершает тот, кто хочет отнять у другого эту милость аллаха.

Наперекор пескам, уже хлынувшим на заброшенный аул, очистил старик клочок своей земли, пробил в глине узкий арык и снова посадил здесь несколько лоз винограда. Они дали уже свежие зеленые побеги.

— Самый почетный, самый угодный аллаху труд — это труд земледельца... — так говорит старик.

Быстро заживают раны. Грудь совсем уже не болит. Чары снял грязные бинты. Теперь он каждый день понемногу помогает старику в хозяйстве. Жизнь вокруг кажется мирной и тихой. Никто не появляется возле древних стен Карры-кала.

Вечерами сидит Чары у огня и слушает мудрого старика.

А ночами он разговаривает во сне с Рахимовым, Телешовым, Мамедовым, командиром Пельтинем и комиссаром Савицким. Он им что-то объясняет, доказывает.

Однажды утром Чары седлает коня и, попрощавшись со стариком, уезжает.

Еще издали Чары заметил, что на станции не все как обычно. Он увидел нескольких особистов, быстро идущих через плац к тому месту, где проводятся политзанятия. Там собралась большая толпа. Серо-зеленые гимнастерки перемешались с красными халатами.

Чары едет мимо караульного помещения и вдруг застывает на месте. Открывается дверь, и, жмурясь от солнца, выходит... господин пристав!

Они смотрят друг на друга. Пристав как будто узнает его и отводит глаза в сторону. Позади пристава блестит штык часового.

Господина пристава ведут туда, где волнуется толпа. Чары едет сбоку. Он видит, что грозный начальник постарел, обмяк и осунулся. На плечах его болтается потертая офицерская шинель со споротыми погонами. Он не знает, куда деть свои длинные руки, и нервно сует их то в карманы шинели, то за спину.

Чары садится на то самое место, где сидел он с закрытыми глазами на политзанятиях. Но теперь глаза у него широко открыты. Чары не спускает их с пристава, который сидит перед ним под охраной часовых.

Комиссар на своем всегдашнем месте. Он входит в состав особого трибунала, который рассматривает дело бывшего полицейского пристава Дудникова.

Все как на политзанятии! Только стол накрыт красной материей и рядом с комиссаром сидят четверо. Один из них в бараньем тельпече. Да еще сзади, за спиной Чары, больше людей, чем обычно. Из всех окрестных аулов приехали сюда представители.

Один за другим входят свидетели в ватниках и халатах. Отвечая на вопросы переводчика, они говорят тихими голосами, недоверчиво поглядывая то на подсудимого, то на судей. Говорят о сожженных аулах, вырезанных семьях, привязанных к конским хвостам дайханах... Все это делал Шамурад-хан рука об руку со своим верным помощником, вот этим самым, который сидит сейчас, втянув голову в плечи, нервно сжимая и разжимая кулак с рыжими волосами на пальцах.

Чары, конечно, помнит этот кулак, может быть он даже ощущает во рту привкус крови от выбитых зубов. Подсудимый время от времени ловит на себе тяжелый взгляд Чары, и в его глазах мечется страх.

Подсудимому предоставляется последнее слово. Он встает, моргает и тупо молчит. Ему нечего сказать.

Председатель читает приговор: «...именем Революции, освободившей народ от гнета царских палачей... к смертной казни».

— Расстрелять в двадцать четыре часа! — добавляет председатель уже от себя.

Всю ночь сидит Чары против караульного помещения и смотрит на дверь.

Не он один не спит в эту ночь. Вокруг станции горят костры. Дайхане хотят увидеть своими глазами, действительно ли расстреляют русские господина пристава...

Когда сереет рассвет, Телешов выстраивает отделение. Дудникова выводят на пустырь за станцией и ставят к старому дувалу. Чары стоит в десяти шагах и ждет.

Жесткий, незнакомый голос у Телешова. Таким голосом он никогда не разговаривал с Чары.

— По классовому врагу... — говорит Телешов.

Короткое «Пли!», и господин пристав, дернувшись, валится на землю. Чары подходит, смотрит и отходит в сторону. Примолкшие, задумавшиеся дайхане разъезжаются по аулам.

— Вернулся?! — спрашивает сестра. — Ты чего же, недолечившись, удрал?! Дурачок...

Она ведет Чары в санитарную теплушку, и он послушно идет за нею. Демидко осматривает рубцы и хлопает его здоровенной ладонью по плечу.

— Здоров, як бык!..

После этого он дает Чары два маленьких кусочка металла.

Совсем по-другому встретили Чары в отряде. Командир Пельтинь отвернулся от него. Комиссар строго смотрел прямо в глаза.

— Вот что, джигит, — сказал ему Рахимов. — Если ты хочешь служить рабочим и крестьянам, служи как нужно. У нас тут не аламань! А за самовольную отлучку из отряда командир дает тебе десять суток ареста. Повторишь — пойдешь под трибунал. Иди переоденься!..

Чары надевает свое армейское обмундирование, тут же отдаст пояс, и его ведут в караульное помещение. Он лежит на тех самых нарах, где сутки назад лежал господин пристав.

Не спится Чары. Мерные шаги часового за стеной такие же, как и там, в городской тюрьме. Но это совсем не то. Ведь только прошлой ночью лежал здесь и слушал их господин пристав, которого утром расстреляли. А там, в тюрьме, он выбил Чары зубы...

По классовому врагу!.. Где Чары слышал эти слова? Ах да, их много раз повторял комиссар в то время, когда Чары сидел с закрытыми глазами... Господин пристав — классовый враг. И еще Шамурад-хан. Но с Шамурад-хана раньше всех получит свой долг он, Чары.

Утром Мамедов приносит свежую лепешку. Но начальник караула Телешов забирает ее.

— Служба есть служба... — говорит он строго. — Не царю служим!

Всегда горячий и задиристый, Мамедов на этот раз опускает голову и отходит, не сказав ни слова. А через минуту Чары ловит на себе теплый, как всегда, взгляд Телешова.

Встретившись глазами с Чары, Телешов отворачивается. Он по-прежнему суровый и строгий начальник караула. Но Чары не боится его.

Днем Чары работает: чистит картошку на кухне, моет полы в казарме, убирает конюшни. А ночью думает...

Шамурад-хан объявился так же внезапно, как и в прошлый раз. Банда у него уже значительно меньше. Больше он не рискует нападать на железнодорожные станции.

Шакалом петляет он по пустыне, угоняя и уничтожая стада. Где-то в глубине Черных Песков создал он свою базу. И особый отряд уже две недели кружит по его следам.

Неверные эти следы. Вот ступил конь на мягкий сыпучий песок. Сверху потревоженного бархана бесшумно оплывает песчаная лавина. Ветер разравнивает ее, и никто никогда не догадается, что здесь только что проехал всадник.

Коня и люди долго пьют холодную и чистую, как слеза, воду. Верблюд сегодня ходит по своей тропе дольше, чем обычно. На этом колдце отряд будет ждать рассвета.

Комиссар замечает, что чабаны здесь хорошо знают Чары Эсенова. Они сидят рядом, задают ему односложные вопросы. Он так же коротко отвечает. Когда заканчивают ужин, один из стариков достает дутар. Он трогает струны, слегка касаясь их всеми пальцами, и вдруг начинает петь резким, сильным голосом песню, совсем не похожую на широкие, протяжные песни русской равнины.

И в этот момент громко смеется молодой красноармеец Копылов. Улыбка появляется еще на двух-трех лицах.

Комиссар внимательно оглядывает всех. Он видит, что внешне спокойный Чары Эсенов натянут сейчас как струна. Чары смотрит на Копылова, потом переводит тревожный вопросительный взгляд на комиссара. Взгляд этот перехватывает Телешов.

— Ты чего это зубы скалишь? — спокойно спрашивает он у Копылова. — У одного над песней посмеешься, у другого тебе нос не понравится. А человечества — вон их сколько, не одна Рязань...

— Так я ничего, дядя Степан... — У Копылова сползает с лица улыбка.

— То-то же! Не нравится — не слушай. А смеяться нечего. Тебе смешки, а человека так можешь обидеть, что всю веру у него подорвешь...

Комиссар не спускает глаз с Чары Эсенова. Разговор идет по-русски — понимает ли он? Чары уже понимает.

Шамурад-хан затерялся в песках. Может быть, погиб он где-нибудь, засыпанный ими, а может, снова перебрался на ту сторону гор и залечивает там свои раны. Так или иначе, слухи о нем перестали гулять по пустыне. Захватив в разных местах два десятка его приспешников, отряд вернулся на базу.

Там уже ждали его новый приказ и эшелон. Отряду предписано было погрузиться в течение суток для отправки на большую операцию в район Ферганской долины.

Тридцать человек должны были остаться на месте. Чары Эсенов полдня беспокойно ходил вокруг штаба, потом зашел и, увидев Рахимова, попросил оставить его здесь.

— Я не буду говорить комиссару об этом, — ответил Рахимов. — Ты записан в список отъезжающих и поедешь с нами. Не хочешь — уходи сразу и не возвращайся!..

Понурился Чары, пошел в конюшню, вывел коня и повел к вагону.

— Чего нос повесил? Заходи на остановках чай пить!.. — крикнули ему из санитарной теплушки. Он посмотрел туда отсутствующим взглядом и ничего не ответил.

После многих рывков и толчков эшелон тронулся наконец с места. Чары, сидя на корточках у отодвинутой двери, тоскливо смотрел на далекие горы. Он оставлял здесь родной курган с крепостью и неотмщенные могилы своего рода. И Чары, качая головой в такт колесам, едва слышно, почти про себя, запел песню, что пел у колодца старый бахши...

Ничего, он уже уезжал отсюда и возвращался. И на этот раз вернется. Не уйти Шамурад-хану от его справедливой мести.

Глава пятая

Уже полгода носится Чары Эсенов по зеленой Ферганской долине, глотает красную пыль Кызыл-Кумов; держа коня в поводу, перебирается через белые ледники Памиро-Алая. Только сегодня проделал особый отряд добрых полторы сотни верст вдоль буйной Кара-Дарьи и вышел к Андижану, где ждал его бронепоезд «Роза Люксембург».

Комиссар, обходя эшелон, в котором базировался отряд, остановился, привлеченный резким гортанным голосом Чена. Китаец быстро жестикнул, объясняя что-то Эсенову. Оба они сидели на корточках между путями. Напротив них на стрелке устроился Телешов. Он курил и внимательно слушал китайца, время от времени одобрительно кивая головой. Рядом стоял Мамедов. Этих четверых теперь всегда видели вместе...

Но вот китаец вскочил, и комиссар увидел в его руках грифельную доску из штабного вагона. На ней с большой точностью был изображен дайханин с кетменем, по колено в воде, каких ежедневно видели бойцы по обе стороны от дороги. Еще несколько быстрых штрихов — и верхом на изможденном земледельце уселся толстый самодовольный бай в дорогом халате, с пшалой в руках.

— У-у! Классовый вляг!.. Стлеляй будем!.. — выкрикнул Чен и погрозил бау кулаком.

— Классовый враг! — четко повторил Чары Эсенов и вдруг, забрав у китайца мелок, начал по-своему дорисовывать фигуру бая.

Чары не сидит уже на политзанятиях с закрытыми глазами. Все больше понимает он беседы комиссара. Сама жизнь помогает ему понять их. Повидал он много чужого горя. Немало видел сожженных аулов. Были они узбекские, таджикские, киргизские, но большой разницы между ними не было. И люди, за которыми гонялся теперь Чары по горам и долинам, хотя носили другие халаты и тюбетейки, но злыми делами были похожи на Шамурад-хана, его кровного врага...

Как только возвращается отряд в Андижан, Чары каждый вечер приходит к санитарной теплушке. Они стоят и подолгу смотрят друг на друга.

— Ну, что молчишь?! — бойко спрашивает она. А он молчит и не знает, что ей сказать...

На вокзале, в буфете, работает Машенька, смешливая, курносая и задиристая. Она густо красит брови и при встречах с командирами томно шурит глаза. Проходя как-то ночью мимо сложенных штабелями бревен, Чары услышал глубокий вздох. При ярком свете ферганской луны он увидел за бревнами Машеньку. Рядом сидел здоровенный парень, командир взвода из расквартированного в Андижане Казанского полка, тискал ее... Чары круто повернулся и пошел к своему вагону. До него долетел сзади возбужденный, счастливый смех женщины...

Всю ночь не мог заснуть Чары. На следующий вечер он пошел, как всегда, к санитарной теплушке, где столько дней провел между жизнью и смертью.

Он долго смотрел на полуоткрытую дверь теплушки и вздрогнул, когда в ней появилась сестра. Она прыгнула к нему на полотно дороги.

Он стоял и смотрел на нее.

— Что же ты молчишь?! — спросила она.

— Аня!.. — сказал он тихо. Она широко открыла глаза. Он впервые назвал ее по имени.

Коточка на ней была точно такая же, как у буфетчицы Машеньки... Он неожиданно протянул руку и тронул ее грудь. Она, оторопев, смотрела на него...

И вдруг он почувствовал сильный толчок и резкий удар по лицу.

— Ты!.. Ты!.. — всхлипывала она; потом, расплакавшись навзрыд, бросилась в вагон. В соседних теплушках слышались голоса.

Чары повернулся и, пошатываясь, пошел от вокзала по пыльной андижанской улице.

Густо задымив, бронепоезд «Роза Люксембург» начал набирать скорость. Особый отряд вместе с другими частями рассыпался по степи...

Все было закончено в несколько дней. Бухарский эмират рухнул, как старый, подточенный временем дувал. Кто куда разбежались гвардейские офицеры в высоких белых тюрбанах, заплывшие салом чиновники, изнеженные и сварливые эмирские жены.

Когда атаковали дворцовые укрепления, Чары зацепило левую руку. Пуля пробила мякоть чуть выше локтя. Телешов туго обмотал ему рану бинтом, а сверху — разорванной на полосы гимнастеркой.

Группа особистов стояла у ограды дворца. Курили, смеялись, делились впечатлениями боя. Мимо галопом пронеслись повозки армейского обоза. Одна из них на минуту задержалась. С нее соскочила сестра милосердия и побежала к особистам.

— Кто... как ранен?! — спросила она, тяжело дыша.

Увидев сидящего на краю арыка Чары, сестра бросилась к нему.

— В руку?! А мне сказали...

И, не договорив, принялась разматывать телешовскую повязку. Осмотрев рану, она совсем успокоилась, ловко наложила новую повязку и повесила ему руку на перевязь.

— Утром зайдете... — сказала она, не глядя на него.

Но он смело взял ее за руку, и она вдруг широко, по-детски улыбнулась ему.

Недели через две, когда ликвидированы были оставшиеся от эмирата банды, отряд получил приказ о возвращении на прежнюю базу. В Черных Песках снова свирепствовал Шамурад-хан.

Сидя на корточках перед открытой настезью дверью теплушки, Чары Эсенов напевал про себя все ту же старую песню. В вагон задувал теплый, ласкающий ветерок. Он нес с собой пьянящий запах емшана, горький дымок от горящей колючки и едва уловимый привкус соли... По всей пустыне разбросаны высохшие за лето озера. На дне тонким сверкающим слоем лежит белая соленая пудра. Ветерок подхватывает легкие невидимые кристаллики, и они гуляют с ним из края в край над тяжелыми песками. Вот почему появляется иногда на обветренных губах привкус соли.

Отряд атаковал колодец, который пришлось уже однажды брать ему весной. Басмачи теперь не принимали открытого боя. Рассыпавшись за барханами, они время от времени открывали редкий прицельный огонь.

Чен сидел, как всегда, за «максимом». Кто-то в желтой кожаной куртке полз к нему сзади. Чен махнул рукой, показывая на простреливаемый противником участок, и снова стал наблюдать за боем. Подобравшись сзади, переодетый басмач выпустил ему в спину три пули...

На площадке возле старого засыпанного колодца лежал пулеметчик Чен. Он умирал в полном сознании. Молча стояли вокруг бойцы отряда. Телешов, Чары и Мамедов были рядом с комиссаром и командиром возле умирающего. Чен улыбался им своей ослепительной улыбкой. Но черные раскосые глаза его уже смотрели в лицо смерти. В последний раз взглянул он на всех и закрыл веки.

Еще долго стояли все, не веря в смерть. Потом Телешов наклонился и поцеловал Чена. Вслед за Телешовым встал на колени Мамедов. И весь отряд, один за другим, прошел мимо, наклоняясь и целуя товарища Чена.

А Чары стоял и смотрел на суровых людей с буденовками в мозолистых руках. Когда все прошли, Чары наклонился и последним поцеловал мертвого друга. Выпрямившись, он долго смотрел в ту сторону, куда через пески и топкие солончаки ушел Шамурад-хан...

Трижды полоснул воздух сухой залп. Четкой дробью попрощался с хозяином старый «максим». Отряд ушел дальше на север. А посреди пустыни остался одинокий холмик, сложенный из кусков старого дувала. Сверху лежала краснотелая буденовка. Ветер уже успел занести за ее отвороты первые песчинки. На два метра ниже с тремя пулями в спине лежал в сухом каракумском песке китаец Чен, сын рыбака Вана, приехавший сюда с берегов Желтого моря воевать за революцию.

Хотя Чары оставался замкнутым и неприветливым, но как-то незаметно для себя он сблизился почти со всеми особистами. И только двоих не мог он терпеть. Братья Оразовы лучше других понимали это и сами сторонились его.

И вот, уйдя в разведку, старший брат не вернулся. Три дня искал его отряд. Три дня не ел ничего младший Оразов, никогда в жизни еще не садившийся есть без старшего. На четвертый день разведка наткнулась в песках на пропавшего.

Через полчаса весь отряд подошел к этому месту. Старший Оразов лежал раздетый, с отрезанными ушами и выколотыми глазами. Темно-багровая от спекшейся крови пятиконечная звезда была вырезана от одного плеча к другому. Кровавая корка еще больше подчеркивала белизну тела.

Над трупом, глядя прямо в лицо ему, неподвижно сидел младший Оразов... Вырыли в песке могилу, обложили ее бурым саксаулом, а он все сидел и держал руку брата. Никто не решался подойти к нему.

Тогда вышел вперед Чары Эсенов, мягко тронул за плечо Оразова, сказал два слова на родном языке. И тот вместе с ним отошел в сторону. Так и стояли они рядом, пока над завернутым в брезент старшим Оразовым не выросла песчаная горка.

И снова долго смотрел Чары в ту сторону, куда ушел Шамурад-хан...

Отряд возвращался к югу. Справа, крайним в боковом охранении, ехал Чары Эсенов. И вдруг зоркие глаза его разглядели далеко в стороне белую точку. Не говоря никому ни слова, он повернул коня.

Белая точка замерла на месте. Подъехав ближе, Чары заметил, что точек три: одна белая и две черные. Они начали быстро удаляться. Чары погнал коня. Неожиданно точки разошлись в разные стороны. Но сердце не обмануло его. Он повернул влево, наперерез белой. Минут через двадцать Чары разглядел белоснежный тельпек и прибавил ходу. Передний всадник выехал на высокий бархан, покрутился там, подняв облачко пыли, и погнал коня напрямик к завешенной утренним туманом цепи гор. Чары уже знал, кто впереди.

Далеко позади остался отряд. Давным-давно пропали за горизонтом и черные точки. Еще раз выехал на бархан всадник в белом тельпеке. Теперь он был куда ближе... Сверкнули зайчики бинокля, и тут же полоснул выстрел. Шамурад-хан тоже узнал Чары.

Они гнали коней ровным шагом. Оба они были опытные кавалеристы.

Солнце opisало в небе полукруг. Горы поднимались над горизонтом сплошным широким массивом. А Шамурад-хан и Чары все мчались, не сбавляя шага.

Медленно сокращалось расстояние между ними, но все же сокращалось. Это знали они оба. И вдруг Шамурад-хан исчез.

Но Чары на этот раз не бросился напрямик. Он объехал бархан с другой стороны и осторожно спустился к такыру. Еще не расслышав выстрела, он лежал на песке. Пуля свистнула над самой головой. И сно-

ва понеслись всадники уже по ровному такыру. На один-два пальца был размашистей шаг коня у Чары, но это давало себя знать. Он уже видел, как топорщатся складки халата Шамурад-хана. Тот начинал нервничать. Пять раз он оборачивался, и пять раз гремел короткоствольный смитовский карабин. Чары не отвечал...

Кончился такыр. Опять пошли пески. Каменное дно неуклонно поднималось.

Как только начались пески, расстояние между всадниками сразу сократилось. Шамурад-хан больше не оборачивался. Солнце било в глаза и мешало выбирать дорогу. Загнанные кони спотыкались о крученые корни саксаула. Неожиданно Шамурад-хан выбросился из седла и, став на колено, выстрелил. Диңо заржал и забился всеми четырьмя ногами на песке конь Чары. Шамурад-хан засмеялся и, вскочив в седло, перетянул камчой своего мокрого коня. Но не проехал он и сотни шагов, как конь осел на задние ноги и повалился набок. Только после этого прокатилось по пескам эхо выстрела...

Теперь они шли к горам, тяжело вытаскивая ноги из плывущего песка.

Зем-зем застыл, слегка повернув свою страшную, но безобидную голову. Теперь этот громадный ящер Черных Песков еще больше напоминал крокодила. Из-под старого корня струйкой скользнула змейка со светлой отметинкой на голове. Увидев зем-зема, она окаменела от ужаса. Но тому было не до нее... Он вдруг рванулся и пропал в старых корнях. Только яростное шипение говорило о его присутствии. Сверкнув черной молнией на солнце, пропала змейка. Сухо треснул пистолетный выстрел, и послышались тяжелые торопливые шаги человека...

Они были одни в огромной безбрежной пустыне. Два затерявшихся в песках человека, два последних представителя двух родов.

На Шамурад-хана напал панический страх. Он расстрелял две обоймы из карабина и швырнул его в сторону. Потом сорвал с головы и отбросил легкий белый тельпек. Каждую секунду ждал он выстрела сзади и бежал зигзагами, как затравленный джейран. Но Чары не стрелял. Сдвинув брови, шел он упорно вперед. Между ними оставалось теперь шагов пятьдесят. Оглянувшись, передний ясно увидел лицо того, кто шел за ним. Он дико закричал, выхватил пистолет и начал стрелять с лихорадочной быстротой. Пистолет прыгал в его руке. А Чары все шел...

Вяло шелкнул боёк, не найдя очередного патрона. Тогда Шамурад-хан бросил пистолет и кинулся бежать, не выбирая дороги. Там, впереди, уже ясно вырисовывались древние башни и стены.

До них оставалось немного. Солнце все быстрее скатывалось к западу. Шамурад-хан несколько раз падал и лежал все дольше, хватая ртом теплый осенний воздух. Когда он падал, Чары садился и тяжело дышал, не спуская с него глаз.

Так и подошли они к крепости. Когда длинная тень угловой башни слилась с их тенями, между ними не было и двадцати шагов. Тогда, собрав последние силы, Шамурад-хан пошел вверх. У ворот он упал и, обдирая руки, пополз вперед, оставляя в древней пыли капли крови.

Чары встал, глубоко вздохнул и пошел за ним, упираясь в землю прикладом карабина. Взобравшись наверх, он передохнул и двинулся прямо в ворота. На тех самых камнях, где остался он когда-то умирающий, с заплеванным лицом, лежал теперь его кровный враг, убийца всего его рода.

Шамурад-хан приготовился к смерти. Сложив руки на животе, он смотрел безразличным взглядом в багровое от заката небо. Чары медленно подошел и, чтобы не упасть, оперся о карабин.

Он долго стоял так и смотрел в лицо врага. Взгляды их встретились.

— Убивай, собака, раб!.. — хрипло прошептал Шамурад-хан и закрыл глаза. Чары сунул руку за пояс и вытащил острый нож с серебряной насечкой, запроваженный в узкие кожаные ножны. Нож его брата Берды... Чары посмотрел на нож и сунул его в карман. Потом прикладом толкнул лежащего.

— Встать! — коротко сказал он по-русски.

Они шли обратно через пустыню. Руки Шамурад-хана были спутаны за спиной толстым кожаным ремнем, как ноги пасущегося верблюда. Было темно и тихо. Туманная мгла заволокла звезды. Но оба они хорошо знали эти места.

В полночь завывли шакалы. Тогда они сделали привал. До самого рассвета Шамурад-хан лежал, а Чары сидел рядом и держал обмотанный вокруг руки конец ремня. Потом они пошли дальше. И когда солнце стояло высоко над головой, вдали сверкнула белая гладь. Казалось, раздвинулись пески и легкие волны ходят по чистой воде. Минут через двадцать они уже рвали сапогами застывшую корку соли. Здесь они сделали привал. Это было то самое озеро... Увязнувшие в соли, торчали поломанные стойки кибитки, валялись черепки посуды.

Шамурад-хан лежал, не двигаясь. Чары подошел к нему.

— Встать! — приказал он.

И они пошли дальше.

Во фляге оставалось немного воды. Слюна у них стала липкой и тяжелой. Язык прилипал к зубам. Они все чаще садились отдыхать. Но вот Шамурад-хан попробовал встать и, приподнявшись, тяжело повалился на песок. Тогда Чары отстегнул от пояса фляжку и приставил ко рту пленника. Тот жадно глотал воду, а когда напился, выбил вдруг головой фляжку из рук Чары. Песок впитал остатки воды. Шамурад-хан радостно засмеялся. Чары, ни слова не говоря, подобрал пустую фляжку и снова пристегнул к поясу.

К вечеру Шамурад-хан совсем выбился из сил. Тогда Чары повесил на грудь карабин и взвалил пленника на плечи.

Сырой ночной туман спустился на Черные Пески. Разрывая его, тяжело шагал человек, неся на спине другого. Он опускал его на землю и подолгу лежал рядом, прижимаясь твердыми потрескавшимися губами к отсыревшему песку. Потом снова вставал, взваливал лежащего на спину и, шатаясь, шел дальше.

Отряд строился на поверку. Держа в поводу коней, особисты равняли ряды взводов. Вдруг все замерли. Из-за конюшни бежал подчасок. Он еще издали что-то крикнул командиру. Все разом повернулись к конюшне.

Из-за длинного приземистого здания вышли двое. Передний, в порванном запачканном халате, ковылял, втянув голову в плечи. Задний был бойцом отряда. Пояс туго стягивал статную фигуру. Но такое черное, изменившееся лицо было у него, что только по горевшим лихорадочным огнем глазам узнали рядового Чары Эсенова.

Подойдя к командиру, он приказал переднему остановиться. Потом круто повернулся.

— Товарищ командир! Классовый враг Шамурад-хан... Взят в Карры-кала!.. — доложил он четко. И тут только устало опустился на землю.

г. Ашхабад. 1957 г.

ИЗ КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ

БАРПЫ АЛЫКУЛОВ

Народный акын

★

*Святой ишан*¹

О, снизойди к пустым ушам,
Навеки обяжи,
Открой мне истину, ишан,
Не ведающий лжи.
Поклон тебе мой до земли.
Невежда я, прости.
Подай совет, чтобы могли
Шайтана извести.
Пока ты в доме у себя
Всю, значит, ночь подряд,
О развращенности скорбя,
Святой творишь обряд,
Пока молитвой тихой там
Свой просветляешь дух,
В твоём обличии шайтан
Нам портит молодух.

О, снизойди к пустым ушам,
Навеки обяжи,
Открой мне истину, ишан,
Не ведающий лжи.
Всех правоверных, нету слов,
Отправят на погост.
Пугаясь ада, я готов
Блюсти великий пост,
Чтобы, пройдя ворота в рай,
Деревья, птиц, траву —
Все, чем известен этот край, —
Увидеть наяву.
Запомнил — даром, что дурак, —
Я проповедь твою.
Не помню лишь: когда и как
Ты побывал в раю?

---

¹ Ишан — духовный наставник. (*Примеч. перев.*)

О, снизойди к пустым ушам,
 Навеки обяжи,
 Открой мне истину, ишан,
 Не ведающий лжи.
 О сельских нас, о городских,
 Знать, позабыл аллах.
 А может, попросту в мирских
 Не смыслит он делах?
 Постимся мы, творим обряд —
 Не убывает бед.
 Дехкане наши стар и млад
 Тебе смеются вслед.
 Чтоб знал в грехах погрязший край,
 Что ты и вправду свят,
 Меня достойно покарай,
 Барпы, не верящего в рай,
 Отправь хотя бы в ад.

Молчишь! Глаза потупил ты,
 Ишан почтенный мой.
 Кто молодух ведет в кусты,
 Ночную скрытый тьмой?
 Кто побрякушку выдает
 За божий талисман
 И с нас последний грош берет,
 Чтоб свой набить карман?
 Кто, собирая по грошам,
 Богаче всех, скажи,
 Поборник истины, ишан,
 Не ведающий лжи?

Глаза

Чтоб знали все, как я, ослепнув, жйл,
 Сегодня песню о глазах сложил.

Сравню я, жизни подводя черту,
 Глаза с рассветом, с ночью — слепоту.

По жизни с ними вдаль шагать легко,
 Родимый край нам виден далеко.

Сквозь зелень рощ, над синевой реки
 Глаза ведут нас, как проводники.

С глазами в мире светлом и большом
 Могу рабстать я карандашом.

Как по мосткам, все то, о чем пишу,
 Пройдет к народу по карандашу.

Нечистоплотность оскорбляет глаз,
 И с платья человек счищает грязь.

Мир предстает в улыбке и слезах,
 История творится на глазах.

Как похвала звучит: прозрел поэт,—
Дороже зренья блага в мире нет.

Поэты в старых книгах говорят,
Что ночь страшна, страшнее ночи — ад.

Нет, даль страшней, когда она пуста,
Когда тебя постигла слепота.

Пускай я слеп. Я знаю об одном:
Светлее жизнь киргиза с каждым днем.

Кто дал бы угол мне, тепло и хлеб,
Когда бы в дни былые я ослеп?

Перевел Ю. Гордиенко.

АЛЫКУЛ ОСМОНОВ

★

Школа в горах

Если ехать до Алтая
На подводе иль верхом,
Впереди — гора крутая,
А за нею — школьный дом.

Если ехать до Нарына
На машине легковой,
Между гор, с оградой длинной,
Школьный дом дымит трубой.

Если кто на самолете
В полдень в Атбаши летит,
Между гор, на повороте,
Видно — школьный дом стоит.

Где он только не белеет!
И не знаешь, отчего
У тебя душа теплеет,
Если глянешь на него.

Перевела И. Волобуева.

Голос жизни

У жизни нет начала, нет конца;
Меняются черты ее лица,
И то, что было молодо, стареет,
И смерть, глядишь, нам холодит сердца.

Но не боюсь, старуху смерть кляня,
Ни холода ее и ни огня:
Ведь человек, что явится на смену,
Сильнее будет и щедрей меня.

Я тем утешен, что живу, когда
Столетиям иным равны года,
Что в нашем величавом созиданье
Крупица есть и моего труда.

Друзьям и братьям говорю: «Салям!»
Давно ль сухарь последний пополам
Делили мы на пушечных лафетах?
Мир благодарен за победу нам.

За жизнь борюсь, цепляюсь, как солдат;
Нельзя ни шагу отступить назад.
Обидно, если вдруг изменят силы,—
За окнами цветет весенний сад.

Хочу с детьми соседа поиграть,
Хочу с деревьев урожай собрать,
Хочу любить, хочу дружить и спорить.
...Подумай, как мне трудно умирать.

Перевел Ю. Гордиенко.

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ

★

Надежда

Путь жизни сказанием кажется нам;
В сказании этом ты действуешь сам.
Ты, в дальнюю даль уводимый надеждой,
Идешь по долинам, горам и степям.

Как часто ты голос надежды слышал:
«Ведь близко оно — то, чего ты искал!..»
И пусть было это не тем — не желанным,
Но голос надежды в тебе не смолкал.

Течение дней как стремление вод,
А сердце тебя к перевалам ведет.
Устал ты, в ушах твоих звон... Но надежда
По-прежнему шепчет: «Иди же вперед!»

Порою печаль закипает в груди
О том, что осталось навек позади.
Но душу надежда, смеясь, утешает:
«Все доброе там, впереди! Ты иди!»

И мчится надежда навстречу судьбе.
И радостно дышится снова тебе.
И кажется — цели достиг ты заветной
И тратил года не напрасно в борьбе.

А время и горечь и радость несет
И крылья души призывает в полет,
Все черное, низменное отвергая,
Надежда ведет тебя снова вперед.

А путь по горам и опасен и крут,
И капли горячего пота текут...
Но это надежда, борьба и победа!
И снова тебе они силы дают!

Перевел В. Державин.

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

★

Черная река

В горах у истоков слились родники,
И люди им дали название реки.
Прозрачна, стремительна и глубока,
Бежит Кара-Су по ущелиям горным.
За что же небесного цвета река
Молвою стоустою названа Черной?

Когда, устоявшись надолго, всерьез,
Подкову звенеть заставляет мороз,
Когда, от куста пробегая к кусту,
В снегах костенеет от холода заяц
И птица хохлатая мрет на лету,—
Река эта быстрая не замерзает.

В заснеженных скалах, над кромкою льда
Ревущая, черная брызжет вода;
То шкурою выдры блестит и лоснится,
Грозя и пугая своей быстринной,
То в грозных порогах гремит и дымится,
Снося и ломая барьер ледяной.

За то, что ей сила такая дана,
Иное название заслужит она.
Река в этом горном пустынном краю
Светиться заставит высокие зданья;
Посевам отдаст она силу свою,
И светлое, верно, дадут ей название.

Тьма яблонь

Кара-алма! Кара-алма!¹
В твоих долинах — яблонь тьма,
На перевалах — снег.
Гляжу с лесистого холма
На полотняные дома,
На горный наш Артек.

¹ Кара-алма — тьма яблонь. (*Примеч. перев.*)

Вверху — уступы ледника,
Внизу — прозрачная река,
А между ними — сад.
Край, что в глуши дремал века,
Созвал к себе издалека
Из разных школ ребят.

Встречаю их то здесь, то там,
Спешу тропинкой по пятам —
За ними не поспеть —
К реке и в лес, под хвойный кров.
Не хуже здешних соловьев
Они умеют петь.

А ясным вечером, когда
Взойдет над лагерем звезда
И смолкнет птичий хор,
Среди поляны под сосной
Отряд зажжет в глуши лесной
Торжественный костер.

И я приду глядеть с холма,
Как золотая бахрома
На знамени горит
В родном краю, где яблонь тьма,
Как будто молодость сама
Со мной заговорит.

Пускай танцует детвора
У пионерского костра,
Пускай горит костер —
От ясных детских голосов
Светлеет край густых лесов,
Теплеет сердце гор.

Перевел Ю. Гордиенко.

С. ЭРАЛИЕВ

★

Труженица

Река швыряет брызги в высоту,
И пар клубится на ее воде.
И кажется,
Что вся река в поту.
Шумит, не зная отдыха в труде.

Как седогривый лев, среди камней
И днем и ночью прыгает,
Рыча...
Ведь сколько нужно потрудиться ей,
Чтоб загорелись
Лампы Ильича!

Перевел В. Семенов.

СУБАЙЫЛДА АБДЫКАДЫРОВА

★

Белая береза

В горах Тянь-Шаньских, не боясь
Ни зноя, ни мороза,
Плетет листвы зеленой вязь
Белая береза.

Пахуч и свеж ее наряд,
Густа вершина кроны.
Над ключевой водою рад
С ней постоять и стар и млад,
С красавицей зеленой.

Одежда скромная под стать
Ее цветущей силе.
Завидно с нею рядом встать,
Краса особая и стать
У гости из России.

Перевел Ю. Гордиенко.

СЕРГЕЙ ФИКСИН

★

В КОРУМДУ

Ольджобаю Орозбаеву.

Тихое селенье Корумду.
Я к нему уже привык за лето.
В добром настроении иду
Улицею зелени и света.

А друзья — навстречу.
Сколько их,
Не считая самых, самых милых,
С личиками в каше и в чернилах,
В тюбетейках выцветших своих!

Самый малый выбежал вперед,
Мне опять ручонку подает —
Так уже заведено у нас,
Хоть встречайся в день по десять раз.

Вот мой старый друг Мамыр-аке
На гнедой лошадке. Видно, с тока:
Пыль с кострою на его высоком,
Праздничном когда-то колпаке.

— О, салам алейкум, аксакал! —
Не сходя с седла, он жмет мне руку.
Вижу, как он радостно устал,
И предвижу в хлопотах старуху.

И семью, в которой мир и лад,
И пиал фарфоровую стаю,
И ходячий пузырек насваю,
И окно, распахнутое в сад.

И за садом море в берег бьет.
А за морем — горы до Китая.
«Широка страна моя родная», —
Робсон из Америки поет,
Совершенно не подозревая,
Что Мамыр, лепешку разрывая,
Слушает
И чай блаженно пьет.

АБУЛЬХАСАН РУДАКИ

★

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

В октябре этого года советская литературная общественность отмечает 1100-летие рождения основоположника таджикской и персидской литературы, поэта, мыслителя Абульхасана Рудаки.

Из литературного наследия А. Рудаки, состоявшего, по преданию, из миллиона трехсот тысяч строк, до нас дошло около тысячи. Но даже это немного дает представление о богатстве и глубине его мыслей, поэтическом своеобразии его творчества.

Совсем недавно группе научных работников Таджикской академии наук удалось найти новые тексты Рудаки: двустишия, газели, отдельные фрагменты исчезнувших произведений. Одновременно с этим известный иранский ученый Саид Нафиси прислал на имя председателя правления Союза советских писателей Таджикистана М. Турсунзаде новые, никому не известные стихотворения Рудаки.

Найденные произведения обогащают наше представление о творчестве выдающегося поэта — классика таджикской и персидской литературы.

Ниже мы публикуем двустишия и газели А. Рудаки из вновь найденных текстов.

ДВУСТИШИЯ

Ешь сам и дай другим. Прекрасно то деянье,
Когда с другим свое ты делишь достоянье.

Я в стихотворчестве быстрее, сильнее других:
Из камня высеку узорный, нежный стих.

Только тот, кто пьян любовью, понял, что такое хмель:
Перенес ты бед немало, но такой не знал досель.

Если буду всегда славословить устами моими,
Буду я восхвалять лишь твое несравненное имя.

Ты не газель: в мои тенета идешь, сама того желая,
Так не ищи освобожденья, не вырывайся, дорогая!

ГАЗЕЛИ

Я хочу всегда дышать амброю твоих кудрей.
Нежных губ твоих жасмин дай поцеловать скорей!

Всем песчинкам поклонюсь, по которым ты прошла,
Бью почтительно челом праху под ногой твоей.

Если перстня твоего на посланье вижу след,
Я целую то письмо, что вселенной мне милей.

Если в день хотя бы раз не дотронусь до тебя,
Пусть мне руку отсекут в самый горестный из дней!

Люди просят, чтобы я звонкий стих сложил для них,
Но могу я лишь тебя славить песнею моей!

* * *

Зачем на друга обижаться? Пройдет обида вскоре.
Жизнь такова: сегодня радость, а завтра боль и горе.

Обида друга — не обида, не стыд, не оскорбленье,
Когда тебя он приласкает, забудешь ты о ссоре.

Ужель одно плохое дело сильнее ста хороших?
Ужель из-за колючек розе прожить всю жизнь в позоре?

Ужель искать любимых новых должны мы ежедневно?
Друг сердится? Проси прощенья, нет смысла в этом споре!

* * *

Лицо твое светло, как день из мертвых воскресенья,
А волосы черны, как ночь не знающих спасенья.

Тобою предпочтен, я стал среди влюбленных первым,
А ты красавиц всех стройней, а ты венец творенья.

Кааба¹ — гордость мусульман, а Нил — сынов Египта,
А церкви — гордость христиан, — есть разные ученья.

А я горжусь блистаньем глаз под покрывалом черным,
Увижу их — и для меня нет радостней мгновенья.

Перевел с таджикского С. Липкин.

---

¹ Кааба — место паломничества мусульман. (*Примеч. перев.*)

ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА

АМИН ЗАКИ ХУЛЮФ

★

КАМЕРА № 18

Амин Заки Хулюф — представитель молодой иракской прозы. Несмотря на террористический режим Нури Саида, иракская литература была тесно связана с борьбой народа за национальное освобождение, она старалась помочь иракскому народу разрешить насущные проблемы его национальной жизни. Печатаемый ниже рассказ, посвященный судьбе молодого патриота, не мог быть напечатан на родине во время реакционного режима. Его поместил ливанский журнал «Ат-Тарик».

Закутавшись в пальто, я торопливо шагал по улице, направляясь домой. Мысленно я уже видел себя в теплой постели. Я представлял себе, как буду наслаждаться видом пляшущих языков пламени в очаге, и мечтал о долгом сне после утомительного, беспокойного дня. Было около полуночи... Я вспомнил о том, что завтра свободен ото всех дел, и мне стало хорошо и приятно. Я давно уже собирался провести денек где-нибудь за городом, вдали от обычной суеты и шума.

На улицах тишина, кругом — ни души. Ничто, казалось, не давало повода тревожиться, но меня вдруг охватило какое-то тягостное предчувствие. Вот и наш дом. В окнах темно. Наверно, отец уже лег спать, утомившись от долгого чтения, — он ведь обязательно читает перед сном. И сестры уже спят. А мать, та всегда ложится рано, когда еще и первая стража не пройдет.

Я подошел к входной двери, нащупал в кармане ключ и вставил его в замок. Но едва я переступил порог, как на меня в темноте вдруг навалились какие-то люди и с молниеносной быстротой скрутили руки. Все это случилось столь внезапно и я был так утомлен, что не сразу сообразил, что, собственно, со мной произошло. Но тут я услышал, что должен немедленно отправиться в полицию, и все понял... Полицейские уверенными движениями вывернули мои карманы, привычно ощупали все тело. Только теперь, приглядевшись к темноте, я увидел, как много их. Оказывается, они засели не только в доме, но прятались за деревьями в саду и за домом, поджидая меня. Похоже было, что эти вояки боялись меня куда больше, чем я их. Они все время нервно хватались за кобуры своих револьверов, хотя единственным моим оружием были кулаки.

Не прошло и пяти минут, как меня вытолкнули на улицу и увели прочь от моей уютной комнаты, от теплой постели, от семьи. В неосвещенной прихожей я успел заметить лишь глаза матери. Она была вне себя от горя, но боялась заговорить и даже приблизиться ко мне. Я чувствовал, что все, кто жил в нашем доме, прильнули к темным окнам и смотрели мне вслед.

За углом ждали две машины, а я и не заметил их, когда шел домой. Меня посадили между четырьмя полицейскими, остальные расселись сзади и в другой машине. Мы помчались со страшной скоростью.

Машины пронеслись по улицам спящего города, прогремели по мосту. Значит, мы уже за чертой города. Ясно, меня везут в новую тюрьму.

Становилось холодно. Мысли лихорадочно вертелись в голове. Я понимал, что для меня важнее всего сейчас выдержка, стойкость, что надо взять себя в руки,— ведь мне не впервые приходилось переносить тяжелые испытания...

Машина остановилась. Полицейские повели меня к воротам тюрьмы. Я украдкой огляделся. Передо мной было большое здание с высоким куполом. Его окружали ряды колючей проволоки и несколько маленьких вышек с пулеметами, за которыми притаились караульные. Вдруг раздался протяжный и унылый вой шакала. Я вздрогнул.

В караульном помещении меня встретил офицер. На нем были нашивки королевской охраны. Он злорадно усмехнулся — казалось, он ждал моего прихода.

Я присмотрелся к нему и вспомнил: да ведь он был раньше тюремным надзирателем, я имел несчастье уже быть знакомым с ним. Этот человек не останавливался ни перед чем, чтобы хоть немного продвинуться к власти.

Посередине маленькой комнаты стояла печка с раскаленными углями, совсем такая, как у меня дома; я поглядел на нее, и душа моя наполнилась теплом и покоем. Рядом с печкой стоял письменный стол, а на стене, позади стула, висели стальные наручники. В углу валялась куча разных вещей: часы, карманные фонарики, записные книжки. В другом конце комнаты в строгом порядке стояли длинные толстые палки, назначение которых я скоро узнал.

— А ну, выкладывай, что у тебя в карманах! — гаркнул офицер.

Ему было жарко, он вспотел.

Вся кровь кипела во мне, но я сохранял спокойствие. Медленно вынул я все, что было у меня в карманах, и с отвращением положил к нему на стол — автоматическую ручку, немного денег, темные очки от солнца, кусочек воска, который я любил мять в пальцах, и маленькую тетрадку.

Он схватил ее и ухмыльнулся.

— Ха!.. Дневник!.. Здесь может быть и что-нибудь полезное!

Он поднял восковой шарик, внимательно осмотрел его и выкинул в корзину для мусора. Потом поглядел на остальные вещи, взял очки от солнца и протянул мне.

— На, возьми! Они тебе пригодятся здесь!

Я молча взял очки, не понимая, что он хотел этим сказать.

Офицер швырнул оставшиеся вещи в кучу и приказал одному из дежурных:

— Отведи-ка его в восемнадцатую. Эта как раз для него!

Мы спустились вниз и шли по длинному коридору, освещенному одним лишь фонарем, который нес сопровождавший меня конвоир. На нем тоже были нашивки королевской охраны. Я очень удивился, когда он вдруг наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Плохо тебе там будет... Плохо!..

Мы прошли через высокую дверь, и я увидел четырех тюремщиков, гревшихся вокруг кучи горящих углей, лежащих на каменном полу. При нашем появлении они вскочили. Один из них — со связкой ключей в руках — пошел с нами. Свет фонаря с трудом разрывал кольцо темноты, наполнявшей это мрачное подземелье. Я все время внимательно смотрел по сторонам, стараясь запомнить, где мы идем.

Потом мои конвоиры повернули направо, и мы вошли в другой коридор, еще более сырой и узкий, не более метра шириной. Воздух здесь был невыносимо тяжелый, пропитанный удушливой вонью. По обеим сторонам виднелись двери, расположенные одна напротив другой. Мы остановились перед одной из них. Тюремщик направил на нее свет фонаря, и я прочитал: «№ 18». Так вот оно, мое новое жилище!

Тюремщик открыл дверь, и я вытянул шею, заглядывая внутрь с любопытством и страхом одновременно, но единственное, что я там увидел, была пустая, непроницаемая тьма, мрачная, как сны безумного... И я подумал, что сплю. Меня вернул из забытья голос тюремщика.

— Входи, — буркнул он, заметив мое колебание.

Я сделал первый шаг. Сильный удар в спину помог мне сделать второй... Дверь за мной захлопнулась... Меня окружила тьма. Шаги удалились... Я прислонился к двери. На душе стало немного спокойнее, когда я понял, что под ногами у меня земля, а не пропасть. Нервы были напряжены, но я держал себя в руках. Прислонившись к двери, я стоял и ждал, сам не зная чего.

Проходили минуты — тяжелые, невыносимые минуты. Время всегда течет медленнее, если человек, терзаемый страхом и сомнениями, чего-то ждет. Я все время говорил себе: «Спокойно, спокойно!»

Не знаю, сколько прошло времени, пока я вот так стоял. Темнота не позволяла мне разглядеть стрелки моих часов на руке, все тело было напряжено и готово к сопротивлению. От гробового молчания, от зловещей тишины меня стала охватывать гнетущая тоска. Постепенно сырость проникла сквозь одежду, и от холода начало ломить все тело. Вдруг щелкнул замок и дверь приоткрылась. Я с трудом отодвинулся — ноги стали словно чугунные. В дверях показался тюремщик, подмышкой он держал большой сверток. Луч света от его фонаря на секунду осветил мое новое жилище, я быстро огляделся, но ничего, кроме сырых стен и земляного пола, не увидел. Тюремщик сунул мне сверток. Это были два старых одеяла. Я спросил его, который час. Услышав его ответ, я вздрогнул: значит, я простоял у дверей без сна и еды целые сутки?!

Едза я разостлал на полу одно из одеял, как дверь захлопнулась и меня снова окружил мрак. Я повалился на одеяло, закутался в другое и погрузился в глубокий сон.

Мне снилось, что взошло солнце, по небу проносятся темные облака и листья деревьев в нашем саду омывает веселый, сверкающий на солнце дождь. Я слышал радостное пение птиц, у моих ног прыгала, ласкаясь, наша старая преданная собака. Я торопливо шел по дорожке, аромат цветов наполнял воздух.

Мне снилась моя любимая. Она вышла к себе в сад. Я очень удивился, увидев, что она уже встала, — ведь еще так рано. Быть может, она, так же как и я, провела ночь в страшных сновидениях? Увидев меня, она растерялась, словно не поверила своим глазам. Я хотел объяснить ей, что это я, я! Что ничего со мной не случилось, что был только страшный сон!.. Но ноги невольно уводили меня от нее все дальше и дальше. Я махнул ей на прощание рукой и больше не оглядывался.

Потом я увидел себя в маленьком переулке, где провел свое детство. Я пришел навестить родные места, которые стали частью моей прошлой жизни. Мне снилось, что я по молодости и неопытности собираюсь уйти оттуда, надеясь увидеть свет и начать новую жизнь, не похожую на ту, что была раньше. И мне так захотелось вернуться к моей любимой, ведь любовь этой чистой, нежной девушки была самым прекрасным в жизни, я знал это! Я хотел склонить свою измученную голову ей на грудь. Но я помимо своей воли продолжал идти прочь, пробираясь по узким улочкам нашего квартала...

Темная туча окутала все небо и закрыла от меня яркий свет солнца. Снова пошел дождь... Я понимал, что сплю, но чувствовал, как он падает на мою голову и грудь.

Я открыл глаза, и мне стало жутко: кругом черный мрак и откуда-то медленно падают мне на лицо капли воды. Где я? Что это — страшный сон или действительность? Может, я схожу с ума?.. Нет, я в своем уме, и все это действительность — ведь я в тюрьме. Но тогда откуда же дождь?

Холод все усиливался. На меня непрерывно падали сверху тяжелые липкие капли. Стояла крошечная тьма. Значит, еще ночь. Я стал доискиваться, откуда этот дождь, но мог объяснить его только одним: мое теплое дыхание поднималось к поверхности холодного потолка и возвращалось ко мне обратно в виде грязных капель. Чтобы как-нибудь укрыться от них, я прижал один конец одеяла ногами к стене, а другой натянул на голову. Одеяло приподнялось, и вода больше не проникала ко мне под одежду...

Мне казалось, что я нахожусь здесь уже несколько дней; видно, я начал терять способность различать время. Одеяла мои намокли, и я снова начал дрожать.

Когда тюремщик открыл дверь и подал мне еду, я попросил его как можно вежливее, чтобы он высушил на солнце одеяла. Он пообещал мне сделать это, если ему позволит его начальник. Мне нужно подождать — ведь сейчас еще ночь.

Время шло, и я решил напомнить тюремщику о его обещании. Осторожно и нерешительно постучал я в дверь... Подождал ответа. Постучал еще раз, еще и еще... Ответом была могильная тишина... В нетерпении я набросился на дверь и стал колотить по ней руками и ногами. В коридоре послышались шаги. Нервно щелкнул замок, и дверь с силой распахнулась.

— Чего тебе? — крикнул тюремщик.

Я прохрипел ему в ответ, дрожа от холода и гнева:

— Ведь я же сказал, что мои одеяла промокли! Неужели в тебе не осталось ничего человеческого и ты не можешь посушить их на солнце?!

— Иди ты к чертям со своими одеялами! Где оно сейчас, это солнце, которое будет сушить твои одеяла? Подожди до утра!

Но я не поверил его словам, ведь прошло так много времени! Значит, тоска и вся эта гнетущая обстановка удлиннили часы ожидания? Нет, просто этот злодей обманывает меня! Я почувствовал непреодолимое желание затащить его внутрь и избить. Я должен отомстить за себя и за своих товарищей, которые, так же как и я, загнаны в эти вонючие черные норы. Я убью его, а там будь что будет. Я бросился к нему и изо всех сил схватил его за горло. И тут же сильный удар обрушился на мою голову, пальцы мои разжались, все полпыло передо мной, и я утонул в черном мраке. Потом до меня донесся стук двери, и я снова остался один со своей яростью и болью.

Повернувшись лицом к стене, я думал об одном: как отомстить ему? Медленно и утомительно тянулись часы. Я слышал все время только один звук — хриплое дыхание моей простуженной груди. Вдруг дверь открылась, и глаза ослепил свет фонаря. Я почувствовал, как меня обдали с ног до головы струей холодной грязной воды, и дверь захлопнулась. Все это произошло в одно мгновение. Мои одеяла лежали в луже, одежда была мокра насквозь. От холода сдавило грудь. Я вынужден был раздеться. Сняв пиджак, я тщетно искал какой-нибудь выступ или гвоздь, на который можно было бы его повесить, чтобы он просох. Наконец я нащупал в углу крышку параша. Присев на нее, я снял башмаки и носки. Я совсем окоченел и весь трясся. Силы мои иссякали. Дышать становилось все труднее, я задыхался... Прильнув к замочной скважине, я стал жадно вдыхать зловонный воздух коридора. Мой помутившийся ум не покидала одна только мысль: когда меня вызовут на допрос, оставаться твердым. Ноги мои онемели, холод и сырость разламывали тело. Со страшным трудом я встал и прислонился к стене. Неужели я так и погибну здесь, исчезну, как туман на заре?.. Ведь мне всего восемнадцать лет.

Так я провел второй день, третий... восьмой... десятый... тридцатый... Маятник моих часов не переставал выстукивать вместе с моим сердцем:

тоска... тоска... Ночи не было конца. Теперь я все время думал о маленьком фонаре, который мне дал однажды на одну ночь или, может быть, день — я их теперь не различал — один из тюремщиков. Иногда я вспоминал о свежем ветре, о теплом солнце, о птицах, зеленых деревьях, но тут же старался забыть о них. Чудесная жизнь среди людей и дел почти стерлась в моей памяти. Мысль о ней приносила мне одно только страдание. Я думал теперь и мечтал лишь о маленьком фонаре. Я вспоминал, как протягивал руку, прибавлял фитилек и огонь медленно разгорался. Он был то спокойный и тоненький, то извивался и плясал. Потом я уменьшал фитиль, и огонь прятался — от него оставалась только слабая светлая полоска, которая трепетала, словно протестуя против моей жестокости. Мне становилось жаль его, я снова прибавлял фитиль, и огонь опять ярко разгорался. Я чувствовал, как его свет вливает в меня новые силы, ощущал его на своих руках и теле, любовался на сырых стенах камеры своей огромной тенью. Но фонарь мне дали лишь на восьмидесятый день моего заключения, и только один этот день моя темница была освещена...

Но уже до этого я узнал каждый ее уголок, ощупывая камень за камнем. Теперь же, вспоминая те часы, когда здесь горел свет, я ориентировался в ней совсем свободно. Стены ее поднимались метров на восемь и упирались в плоскую железную крышу. Их сплошь покрывала плесень. Три шага в длину, три шага в ширину мог я делать в ней. Два жалких одеяла, с помощью которых я пытался бороться с сыростью, кружка с водой и жестяная параша в углу, рядом с дверью, — вот все, чем я располагал здесь.

Часы, когда в моей камере горел фонарь, были, пожалуй, самыми счастливыми часами моей тюремной жизни. Потом фонарь отобрали, и меня снова окружил мрак, а вместе с ним вернулись отчаяние и тоска...

Однажды мне послышалось какое-то бормотание. Я нащупал в стене щель и, прильнув к ней, слушал, затаив дыхание. Я услышал человеческий голос, до меня долетали отдельные слова моего соседа, моего товарища по заключению... Как потом он мне рассказал, он нащупал в стене щель и расширил ее обломком ложки. Голос его был едва слышен. А у меня не было ничего, чем я мог бы расширить отверстие. Но уже сознание того, что я слышу голос друга и он слышит меня, вливало в меня бодрость и силы. Как благодарил, как ласкал я эту маленькую щель в грязной, сырой стене. Я шептал в нее слова любви к своему незнакомому другу, ко всем остальным узникам, томившимся в этой страшной тюрьме. Как радостно было услышать, что все они стойко переносят муки заключения, что они не падают духом, не отчаиваются, как думал я раньше! Мне рассказал об этом мой сосед. Как захотелось мне пожать его дружескую руку! Его голос был для меня грустной, трогательной и нежной песней. Это был единственный человеческий голос, который я услышал после шестнадцати недель заточения.

Мой друг сообщил мне, между прочим, что он однажды попросил принести ему чаю и теперь ему иногда дают его. Мне тоже следует попробовать. Я потерял веру в человечность тюремщиков, мне и в голову не приходило просить у них что-нибудь после случая с одеялами. Отвратительное пойло, которое мне приносили, всегда было одно и то же. Лепешки, которые мне давали, были всегда черствыми и твердыми, как камень. С большим трудом разгрызал я их. Как же сильно было мое удивление, когда тюремщик, услышав мою просьбу, принес мне стакан горячего душистого чаю.

Беседы через стены с моим другом воскрешали во мне самое важное — веру в жизнь, даже больше — веру в самого себя. Они укрепляли во мне желание быть стойким и твердым в этом аду.

Мне иногда казалось, что во время наших бесед за дверью кто-то подслушивает. Я ничего не видел и не слышал, но я это чувствовал подсознательно. Они боятся нас даже здесь! Ни одной минуты они не могут чувствовать себя спокойными и уверенными!

Именно потому они и оторвали нас друг от друга. Я не слышал больше глухого шепота, все вновь потонуло в море молчания: изверги перевели моего товарища в другую камеру. Они разлучили нас, и снова потянулась длинная, бесконечная ночь.

Однажды я проснулся от глухих криков и стонов в соседней камере. Волосы поднялись на моей голове. Этот крик, полный страдания, тотчас же напомнил мне орудия пытки, которые я видел в первый день в комнате палача-офицера. Крик был мучительным и ужасным. Сердце мое обливалось кровью... Кто он, этот неизвестный товарищ? Я напрягал слух, и мне показалось, что я слышу голос моего друга. Он становился все слабее и слабее...

Легкий шорох и воркование голубей на крыше — с наступлением теплых дней они залетали сюда — вернули меня к жизни, которая за стенами тюрьмы шла своим чередом. Птицы парили вокруг наших каменных могил, и их голоса то приближались, то пропадали. Я парил в мечтах вместе с птицами, зимою и летом летал с ними над полями, лугами, деревнями, пальмами... и над стенами моей тюрьмы. Пройдет всего несколько часов, и они уже будут лететь над городами Сирии, удалившись от меня и моих товарищей на сотни миль. А я, я не могу пройти и сотни шагов. Мрачное уныние овладело мной, камнем навалилось на грудь. Я долго и тщетно прислушивался — царила мертвая тишина. Одиночество и тоска вновь наполнили мою душу. Слезы жгли глаза.

Я не пытался отсчитывать дни и никогда не спрашивал тюремщика, какое сегодня число или месяц... Я уже ко всему привык, я не мог привыкнуть только к мраку, я не мог забыть, что за этими глухими стенами простираются земля и небо, которым нет границ. Я родился для света и воздуха, и мне никогда не привыкнуть к жизни совы. Обессиленный, измученный, растерянный и одинокий, томился я в своей темнице, а мои мысли были на свободе, среди света, ветра и полей, среди лета и зимы. Я видел переулки нашего старого бедного квартала, его покосившиеся домишки, вдыхал его запахи. Мысленно я был с моими друзьями, занятыми своими повседневными делами или отдыхающими в маленьких кофейнях. Я жил их жизнью и заботами...

Мне казалось, что я брожу с моим другом Аль-Хадж-Ибрагимом Русулем — старым рабочим-каменщиком, человеком большой души. Он всегда ходил с высоко поднятой головой, у него был громкий голос, и всякий раз, встречая меня, он радостно славил аллаха и его пророка и горячо сжимал мою руку. Я вспомнил его маленький домик, его многочисленных детишек.

Я видел Хасана аль-Кассаба и его лавочку, расположенную против нашего старого дома! Он носил всегда высокую чалму, похожую на большой котел.

А Джасим аль-Мукави с его веселым круглым лицом, на котором — сколько лет я его знаю — не прибавилось ни одной морщинки.

А мой друг Разуки, тоже каменщик, верный, сердечный, фанатичный, смелый до безрассудства!

А Фадль, Аббас, Касим, Хашим и многие, многие другие скромные труженики... Быть может, сейчас у себя дома, или идя по улице, или сидя в кофейне, они думают обо мне и желают мне добра, так же как и я, вспоминая их теперь. Они честным трудом добывают свой кусок хлеба, но хлеб этот горек. Их притесняют и преследуют за то, что они любят свою

родину, любят всем сердцем, а не на словах. И они верят, что когда-нибудь заживут по-настоящему... Я снова видел себя вместе со своими друзьями. Не было ни стен, ни мрака, ни мучительных криков. Я был на свободе, со своими родными и близкими. Я чувствовал себя сильнее тех, кто бросил меня в тюрьму, сильнее их пуль. Я чувствовал, что я не склоню головы ни перед ними, ни перед смертью...

Заскрипела дверь, и показалась голова тюремщика.

— Пойдем, тебя вызывают в суд!

Перевел с арабского К. Юнусов.

ЮСУФ ИДРИС

РАЗВЕ ЭТО ИГРА?

Молодой египетский писатель Юсуф Идрис (р. 1927) — по профессии врач. Литературную деятельность начал в 1950 году. Известен как новеллист. Опубликовал несколько сборников рассказов, посвященных жизни простых людей.

Ряд его новелл переведен на русский язык. Публикуемый ниже рассказ взят из сборника «Не так ли?» (1957).

Умение браниться — это искусство, и притом чисто египетское. Им владеет далеко не каждый. Но встречаются такие мастера и особенно мастерицы, которые держат в памяти неисчислимое множество всяких ругательств и бранных слов — от самых простых до сложнейших эпитетов и метафор.

Однако просто знать ругательства — недостаточно. Надо еще уметь так уверенно и безостановочно низать их, чтобы они лились сплошным, стремительным потоком. Далее. Всякому ругательству полагается иметь свой размер и мелодию, а голос непременно должен звучать в определенном регистре, достигая в особо важных местах звонкости колоратурного сопрано и понижаясь на совсем уж оскорбительных словах до контральто, потому что, хотя брань — всегда брань, все-таки встречаются порой выражения совершенно уж непристойные, а мы ведь народ по природе своей вежливый и застенчивый.

Наконец, необходимы природные данные, которые позволили бы повышать голос до крика с наименьшей затратой сил, чтобы не выдохнуться раньше времени и выстоять до конца. Ведь перебранка, в конечном счете, подобна состязанию и побеждает в ней тот, кто перекричит.

А поскольку заниматься искусством необходимо так же регулярно, как принимать пищу, то вполне естественно, что брань в квартале не прекращалась ни днем, ни ночью, ни в малые, ни в большие праздники.

В тот день Шаабан возвращался с работы домой в самый спокойный обеденный час. Но едва он подошел к своему кварталу, как сердце его замерло: неподалеку шла отчаянная перебранка и, по всей вероятности, в ней участвовала его жена. Было чего испугаться! Жена его — тихая деревенская женщина, и если ее втянули в ссору, то да поможет ей аллах! Ведь она новичок в таких делах — где ей тягаться с городскими умельцами! Правда, в последнее время у нее тоже появились кое-какие успехи, но она еще частенько захлебывается, подобно людям, которые учатся плавать уже взрослыми. Единственное, что она умеет, — это, стоя у окна, парировать удары, да и то с большим трудом, потому что женщина она деревенская, стеснительная и на язык не бойкая, не то что городские. Вот и выходит, что все слова ее падают, как осенние листья, бессильные противостоят словесному урагану соперниц.

Опасения Шаабана оказались не напрасными. В перебранке действительно участвовала его жена. Как он того ждал, она стояла с беспомощным видом, а жена Ибрагима-эффенди со своей веранды бранилась на всю улицу, не обращая ровно никакого внимания на прохожих и не стесняясь в выражениях.

Шаабан остановился и прислушался — может, удастся узнать причину ссоры или установить, как далеко зашло дело. Но тут же кровь бросилась ему в голову: речь шла как раз о нем самом и его мужских качествах. Потом в ход были пущены отец и мать и все его предки, вместе взятые.

Стучать в дверь пришлось долго: Фахима, жена, не слышала. Она вообще-то туговата на ухо, а тут еще и дверь такая, что не сразу достучишься. Увидев мужа, Фахима громко запричитала и залилась слезами. Он было прикрикнул и с досады поднял на нее руку: вст ведь какая — языком и то за себя постоять не умеет! Но передумал, вспомнив, что у ссоры должна быть причина, и он уж узнает ее.

Фахима мгновенно затихла, и слезы на глазах ее исчезли так же быстро, как и появились.

— Вон сына чуть не убили! — сказала она и кивнула на диван.

У Шаабана упало сердце, и сам он тоже едва не упал. Он обернулся и, бросив взгляд на диван, увидел сына. Тот сидел на корточках, голова его была повязана платком, на котором проступило большое кровавое пятно. Лицо все в ссадинах и синяках, а в глазах испуг, как у мышонка, попавшего в мышеловку. Но, так или иначе, сын жив!

Поймав отцовский взгляд, мальчик перепугался еще больше и разревелся, бормоча сквозь слезы:

— Это я, что ли? Это он, он по... полез первый!

Шаабан глубоко втянул в себя воздух, пытаясь подавить гнев, и, если бы воздух в то же мгновение не вышел наружу, он, казалось, тут же взорвался бы. Дело стало понемногу проясняться. Мальчишка как пить дать избил кто-то из ребят Ибрагима-эффенди. Их у него восемь. Скорее всего, обидчик тот тонконогий и длинный, как жердь, мальчишка, который вечно слоняется по переулку в коротких желтых штанах. Сам-то Шаабан, конечно, не дал бы ему спуска, но ведь не поднимешь же руку на ребенка!

Впрочем, что удивительного, что мальчишка Ибрагима-эффенди избил его сына, такого же нескладного, как и мать? Правда, тот оболтус побольше его мальчишки и годами и ростом, но все равно, как посмел чей бы то ни было сын избить его сына? Как он посмел насажать ему синяков и разбить голову?

Шаабан шагнул к дивану — прежде всего необходимо осмотреть рану. Увидев, что отец приближается, мальчишка в страхе забился в дальний угол дивана. Бормоча под нос проклятия, Шаабан пробовал успокоить его, уверяя, что хочет всего-навсего только взглянуть на рану. После внушительных угроз мальчуган наконец дал себя осмотреть, но вздрагивал все время, пока отец разматывал платок, и вскрикнул, когда тот потянул за повязку. Рана безусловно не была ни смертельной, ни даже опасной для жизни. Это была не очень глубокая царапина, проходившая наполовину по лбу, наполовину под волосами на голове. Вокруг нее было довольно много крови, но еще больше кофе¹ — пожалуй, хватило бы на целых три кофейника и осталось бы еще на одну заварку.

И хотя у Шаабана вдруг возникло такое чувство, что рана со лба сына словно протянулась к его сердцу, выражение лица его не изменилось и гнев не утих. Он поправил повязку и зарычал, готовый, кажется, растерзать мальчишку:

— А ты почему не дал ему сдачи?

¹ На Востоке — народное средство останавливать кровь, посыпая рану кофе.

Мальчик опять захныкал и, клянясь святым кораном, стал уверять отца, что тоже «дал тому как следует — и кулаками, и зубами, и ногами», но противник предательски стал кидаться камнями и разбил ему голову.

Тут поднялась буря. Фахима кричала, что надо идти в полицию, надо составить протокол, надо убить этого проклятого мальчишку, сына Ибрагима-эффенди! И если он, Шаабан, отец ребенка, этого не сделает, то она немедленно соберет вещи, и пусть он везет ее на вокзал! Она сядет в поезд и уедет в деревню — там у ее мальчика есть дяди, которые сумеют за него постоять!

Раздосадованный Шаабан пригрозил сыну хорошей взбучкой. Пусть только заживет голова, уж он ему всыплет! Ничего, это научит его уму-разуму, уж он будет знать, что надо давать сдачу, а не являться домой! Да, да, не миновать ему трепки, если он сейчас же не пойдет и не расквасит нос сыну Ибрагима-эффенди!

Прошел час. Буря понемногу утихла. Шаабану стало стыдно за свою недавнюю вспышку — бес попутал, — и он уже начал думать, что люди всегда люди, и добром-то оно, пожалуй, лучше, и кому же должен жаловаться мальчик, как не собственному отцу? Да и вообще Ибрагим-эффенди — человек серьезный. Он не одобрит поступка сына и, конечно, накажет. Ну, а если нет, так он сам найдет тысячу способов проучить мальчишку.

Жена решительно отвергла такой исход дела — ведь она тоже пострадала от длинного языка жены Ибрагима. И вообще — око за око, зуб за зуб, а кто первый начал, тот и виноват!

Муж долго успокаивал ее, уверяя, что свое они возьмут сполна, в этом она может не сомневаться. Уж он-то сумеет посчитаться за нее, и не с одной только женой Ибрагима-эффенди, а с миллионом таких, как та.

Но так или иначе, а атмосфера в доме оставалась напряженной. Шаабан снял рабочую блузу и надел рубаху, ему хотелось дать покой рукам после долгой работы за рулем. Переодевшись, он спросил жену, что она приготовила поесть, и, узнав, что обеда нет, обрушился с проклятиями на жизнь, в которой не знаешь ни минуты покоя. На работе трясешься в автобусе, дома тоже вечные встряски, когда ни вернешься, обязательно ждет какая-нибудь неприятность! И потом вообще, сколько неприятностей способен пережить человек на своем веку?

Спустя немного времени Шаабан уже тащил своего дрожащего сынишку к двери Ибрагима-эффенди.

Как только раздался стук, звуки, доносившиеся из-за двери, стихли. Шаабан постучал еще раз. За дверью стояла мертвая тишина. Тогда он принялся барабанить в дверь и барабанил до тех пор, пока она вдруг не распахнулась. Шаабан вошел в большую комнату, в конце которой за столом собралась вся семья: время ведь было обеденное. Стол был маленький и узкий, и все это многочисленное семейство с трудом размещалось за ним.

Здесь восседала дородная Сит Шафаат, жена Ибрагима; ее тучное тело напоминало сложенный пополам мешок с хлопком. С краю примостилась старая, высохшая Хаджат Табарук, мать Ибрагима, с выкрашенными хной в желтовато-красно-сизый цвет волосами. Рядом сидело восемь человек детей, и-оттого, что их было так много, казалось, что их еще больше. И все они — да упасет их аллах от дурного глаза! — кто может в этом сомневаться, были детьми Ибрагима. И на самом углу стола, занимая крохотный, размером не больше почтовой открытки, кусочек места, сидел очень высокий, очень бледный мужчина, с большими, нависающими, как балконы, скулами.

Это и был сам Ибрагим-эффенди, отец семейства, прямой виновник появления на свет божий всей этой оравы живых существ, тот, на ком теперь лежала обязанность сохранить их всех в живых.

За столом происходило настоящее сражение — еды мало, стол узкий, а караваю хлеба, как бы он ни был велик, тоже ведь рано или поздно придет конец. Борьба за каждый кусок, за каждый глоток — дело не шуточное, и азарт борьбы охватил не только членов семейства, но и кошек. Ведь и здесь, как и во всякой порядочной семье, жили четыре кошки, и вся эта армия детей, кошек и котят должна была кормиться, а стало быть, вести борьбу за каждый вершок пространства, чтобы урвать себе что-нибудь со стола.

Сражение происходило при полном молчании, действовали только ложки, зубы и челюсти, да слышались глухие звуки пинков, которыми то и дело награждали друг друга или одаряли кошек сидевшие за столом.

Внезапное появление Шаабана произвело сильнейший переполох. Ибрагим-эффенди вскочил и стал приглашать гостя к столу. Сит Шафаат ужасно смутилась этим несвоевременным визитом, еще больше был смущен и сам Шаабан. С обеих сторон посыпались любезности и бесконечные заверения и клятвы, стулья за столом были сдвинуты еще теснее, запищал кто-то из младших детей, завизжала кошка. Наконец Шаабан присел на тахту, голоса смолкли, и вся орава вновь сгрудилась за столом. Снова воцарилось молчание, нарушавшееся только дружным чавканьем да голосом Ибрагима-эффенди, который, набив полный рот, пытался продолжать с Шаабаном любезный разговор, а про себя строил самые разнообразные предположения, пытаясь уразуметь причину столь неожиданного визита.

Было ясно одно — Шаабан явился неспроста и скандала не миновать.

Шаабан сидел мрачный и прикидывал в уме, что он скажет и как.

Ибрагим-эффенди уже сообразил, что, конечно, кто-то из его ребят набедокурил. Один из них, видно, разбил голову мальчишке Шаабана. Ну, и жена, наверное, как всегда, не упустила случая рассудить дело по-своему. А теперь извольте расхлебывать! Значит, ему предстоит доказывать Шаабану, что ребятишки его ни в чем не виноваты, и расписывать, какие они паньки. Потом, если это не удастся, придется придумывать объяснения, извиняться, а то и наказывать кого.

Сит Шафаат, видимо, уже совсем забыла, что еще так недавно на чем свет стоит честила этого сидящего перед ней человека. Сейчас она угодливо улыбалась, не переставая думать, что бы такое сказать мужу в оправдание сына, да и в свое собственное оправдание, если он спросит, почему она скрыла от него происшествие. Но ее трудно было застигнуть врасплох, она всегда была готова вступить в перебранку и заранее припасла для Шаабана пару крепких слов, собираясь пустить их ему вдогонку, когда он будет уходить.

Сердца у мальчишек бились часто-часто. Было ясно, что виновный среди них. И все-таки каждый с радостью думал, что виновный не он, и предвкушал удовольствие, которое получит, присутствуя на «классной» трепке не в качестве наказуемого, а просто как зритель. Однако их надеждам не суждено было сбыться: очень скоро отец громовым голосом приказал им «выкатываться» из комнаты, а матери велел убирать со стола. И хотя отцовский голос гремел в доме редко и обычно только в присутствии посторонних, тем не менее действие он оказывал внушительное.

Остатки обеда были убраны, и на столе остались только ложки, тарелки да редкие зернышки риса, которые закатились в щели стола, и ни детские пальчики, ни кошачьи коготки уже не могли выковырять их оттуда.

Ибрагим-эффенди собрался было повысить голос в третий раз и приказать жене оставить их вдвоем с Шаабаном, но, усомнившись, встретил ли его окрик должное повиновение, счел за благо в присутствии гостя сохранять мир и не омрачать его ни словом, ни взглядом. Поэтому, чтобы выпроводить жену, он медовым голосом, как и подобало истинно счастливому супругу, попросил ее приготовить кофе. Ответом ему был косой взгляд, означавший, что кофе в доме нет.

Тогда, издав некое подобие смеха, Ибрагим-эффенди хлопнул Шаабана по колену.

— В таком случае выпьем чаю! Я знаю, ваш брат шофер большой охотник до чая! Только сделай чай покрепче, женушка!

Чай варился, но «женушка» и не думала оставлять их одних. Словно нарочно, она ходила по комнате взад и вперед, передвигала с места на место стулья и то и дело спрашивала Ибрагима-эффенди, не надо ли ему чего-нибудь. (Но горе ему, если бы вдруг он и вправду чего-нибудь захотел!) Наконец, улучив удобный момент, Ибрагим-эффенди произнес:

— Ну...

Шаабан молча указал на сына.

Ибрагим-эффенди изобразил на лице величайшее огорчение.

— Что такое? Что с ним? Что с тобой, детка? А?

— Его изуродовал ваш сын,— сказал Шаабан.

— Мой сын? — переспросил Ибрагим-эффенди с укоризной.— Вы в этом уверены? Нет, вы действительно хотите сказать, что его побил один из моих мальчиков, которые только что были здесь?

— Да.

— Ребята! А ну-ка, идите сюда, вы двое тоже! — Голос Ибрагима-эффенди звучал торжественно и важно.

Мальчишки вошли, прячась друг за друга.

— Станьте как следует! — прикрикнул на них отец.— Сними руку с его плеча, невежа!

Ребята стали в ряд. Их было восьмеро, и они образовали как бы треугольник с линией пола — самый меньший из них был всего нескольких вершков росту, а самый старший был даже чуть-чуть повыше отца. Ибрагим-эффенди пристально их всех оглядел, словно стараясь угадать, кто же виновник. Сознание того, что вся эта шеренга мальчуганов ему подвластна и он волен командовать ею, видимо, влило в него уверенность, и он сказал, обращаясь к сыну Шаабана:

— Ну, кто из них побил тебя, малыш?

Мальчик указал на Фуада, стоявшего посередине.

— Вот этот!

И тут все смешалось.

Шаабан — и куда только девались его смущение и неловкость — стал громко требовать, чтобы обидчик немедленно получил хорошую трепку... Да, да, сейчас же, в его присутствии, а не то он за себя не отвечает! Ибрагим-эффенди пытался возражать ему и тоже кричал. Сит Шафаат не отставала от них, помогая языку и руками, и глазами, и гримасами.

Ребята рассыпались по углам, передразнивая кто отца, кто мать, кто Шаабана. Кошки и те вошли в раж и мяукали без удержу. В умывальной комнате что-то упало и с грохотом покатилося по каменному полу; владелец соседней кофейни включил на полную громкость приемник, а уличный торговец кислым молоком начал вдруг во весь голос зазывать покупателей.

Внезапно все опять стихло, и в наступившей тишине прозвучал голос Ибрагима-эффенди:

— Зачем тратить столько слов? Давайте разберемся! Но уж кто виноват, пусть пеняет на себя!

Следствие началось. И сразу же снова возник спор — кому из поправшихся говорить первому? Наконец решили дать слово «пострадавшему» — пусть расскажет все как было. Пострадавший, сын Шаабана, только собрался было рассказывать и раскрыл рот, как все вокруг насторожились и умолкли; испугавшись внезапной тишины, мальчик смутился, стал заикаться, а потом и вовсе замолчал, и только грозный окрик отца заставил его заговорить снова:

— Мы... мы играли... Потом разделились... и я защищал... а он,— жест в сторону Фуада,— ...он был флот... А потом он увидел, что не может со мной справиться, и как пихнет меня!

Долговязый Фуад не выдержал:

— Это я-то не смог с тобой справиться? А разве мы не говорили, что кирпичами нельзя? А ты взял и запустил в меня кирпичом! Скажешь, нет?

Отец цыкнул на него, и Фуад прикусил язык. Умолк и сын Шаабана, и снова воцарилось молчание. Потом Шаабан, кашлянув, сказал:

— Ты, сынок, расскажи по порядку! Вы играли, ну и что потом?

Ибрагим-эффенди встрепенулся и протестующе замахал руками.

— Э, нет, вы, Шаабан, уж лучше не вмешивайтесь. Пусть ваш сын сам, без посторонней помощи, расскажет, как было дело.

Шаабан развел руками.

— Да я что? Я только хотел узнать...

А сын тем временем продолжал:

— И... и он пихнул меня, когда не смог справиться так... а потом взял камни и стал... стал кидаться... и я... и мне...

Мальчик захныкал, но отец прикрикнул на него:

— Перестань, слышишь? Сейчас же перестань! Перестань, говорю тебе, сук... Девчонка ты, вот ты кто! Не смей распускать нюни!

Окрик отца возымел волшебное действие. В первый раз за все время мальчик поднял голову, смело оглядел присутствующих и, тыча пальцем в Фуада, заговорил снова:

— А ты.. ты трус! Да! Когда не смог меня одолеть, так камнями стал кидаться!

Тут же все закричали, чтобы он замолчал, но мальчик продолжал твердить свое, огрызаясь, как маленький зверек:

— Подумаешь, у него флот! Да если б у тебя был хоть миллион флотов... все равно ты не смог... все равно! Потому что ты трус, вот ты кто!

Отцовский подзатыльник — «вот тебе, вот!» — заставил его замолчать, и снова воцарилась тишина. Никто так ничего и не понял. Напротив, разговор мальчиков еще больше осложнил дело. И если раньше каждый из отцов думал, как бы защитить своего сына, то теперь они уже заинтересовались самой ссорой. Было ясно, что выяснить причину у самих участников не удастся. Пострадавший настроен очень агрессивно, а обидчик отрицает все начисто. Где-то между этой агрессивностью и отрицанием скрывается истина. Но где? Похоже было, что без посторонней помощи не обойтись, и Ибрагим-эффенди, только что так решительно возражавший против вмешательства Шаабана, решил теперь взять ведение дела на себя — ведь как-никак, а он отец обидчика и не может быть пристрастным к пострадавшему!

Вытянув шею и наклонив голову, как заправский помощник прокурора, он обратился к сыну Шаабана:

— Ну-ка, отвечай мне: во что вы играли?

— В канал! — быстро вставил Фуад.

Отец цыкнул на него и снова обернулся к пострадавшему.

— Мы... мы играли... в канал! — пролепетал тот.

— В канал?!

Ибрагим-эффенди растерялся.

— А это что же за игра такая? В мяч, что ли?

— Да нет же! Канал... ну, это такая игра... В общем... мы разделились... Мы были египетская армия, а они — английский флот. А потом... потом мы провели черту... вот так... как будто это канал...

И со всей своей детской непосредственностью мальчик вышел на середину комнаты и стал показывать. Застенчивость и страх его исчезли без следа.

— ...Провели вот так черту... Как будто это канал... Здесь стояла египетская армия... А флот английский шел вот отсюда... вот... Если они перейдут эту черту, значит они нас победили и взяли канал!

Ибрагим-эффенди весело подмигнул Шаабану — может, тот улыбнется? Но Шаабан не улыбался. Он стоял по-прежнему мрачный и непримиримый, твердо решив убедиться: был ли его сын избит по заслугам или пострадал невинно? А если так, то тогда пусть присутствует при расправе с обидчиком.

Что же касается Сит Шафаат, то она молча стояла тут же, с отвращением взирая на этого сопливого «высочку». Ребята были целиком увлечены рассказом об игре в канал и мысленно прикидывали, к какому бы лагерю они примкнули, если бы играли тоже.

Зловещее молчание окружающих снова заставило сына Шаабана умолкнуть, но отец подтолкнул его:

— Ну же! Говори!

Обрадованно, как будто ему разрешили побегать во дворе в поздний час, мальчик продолжал:

— Я был в египетской армии. Вот тут, справа... А он, Слюнтяй, напал на меня!

— Какой еще слюнтяй? — резко оборвал его Ибрагим-эффенди.

— Да вот он, Фуад! Мы все так его зовем!

Ибрагим-эффенди метнул на Фуада гневный взгляд и, повернувшись снова к сыну Шаабана, процедил:

— Его зовут Фуад! Понятно? Что это еще за Слюнтяй!

— А потом... — хотел было продолжать мальчик, но Ибрагим-эффенди вдруг резко обернулся к сыну и, задыхаясь от злости, крикнул:

— Значит, тебя зовут Слюнтяем? Прекрасно! Полюбуйся-ка на своего сына, ханум! Полюбуйся на Слюнтяя!

Он хотел, видимо, добавить еще что-то, но сдержался и снова обратился к сыну Шаабана:

— Ну, продолжай, братец, продолжай, козявка ты эдакая!

— Потом один из ихнего флота сумел перейти черту, и, значит, они нас победили. Со мной были Бундук, Хашаба и Хисам. Потом они все сдались, а Слюнтяй как набросится со своей армией на меня одного!..

Ибрагим-эффенди прервал его:

— Сколько раз я говорил тебе: его зовут Фуад, ясно?

Тут встрепенулся Шаабан:

— Да оставьте его, Ибрагим-эффенди, что с него взять, ребенок ведь! Пусть уж говорит, как умеет!

Но Ибрагим-эффенди не сдавался; выпучив глаза, он прохрипел:

— Говорить-то пусть говорит, да только ведь сказал же я ему — никаких слюнтяев! Парня зовут Фуад, понятно?

Тем временем Фуад исподтишка погрозил кулаком сыну Шаабана: «ну погоди ж ты у меня!»

Однако тот не испугался и продолжал:

— Остались мы двое, я и он... Он-то выше меня, ну и захотел меня повалить, а я взял и подставил ему подножку! Он и грохнулся прямо носом! А ребята стали над ним смеяться и дразнить его: «Э-ээ! Иден, Иден! Балда!» Тогда он разозлился и как хватит меня камнем по голове!

— Ну и врешь! — не выдержал Фуад. — Все врешь, все! Вот клянусь аллахом, отец, я его не трогал! Он сам упал! А я-то при чем? Мы договорились, что если двое из них сдадутся, то мы победили, и тогда остальные пусть сдаются тоже. А он не захотел сдаваться и стал толкаться. Ну, а мы тоже стали толкать его, тогда он упал и расшибся!

Ибрагим-эффенди все время делал вид, что хочет прервать сына, но не прерывал до тех пор, пока наконец не почуял в его словах зацепку.

Тогда он приказал ему замолчать и, вытянув шею, спросил мальчишку Шаабана:

— Это правда, вы договаривались, что если двоих победят, остальные тоже сдаются?

Все находившиеся в комнате напряженно ждали ответа, забыв и об обидчике и о пострадавшем, настолько сильно завладел их вниманием рассказ об игре.

Ребята перестали шуметь. Сит Шафаат, уперев руки в бока, вся превратилась в слух. Шаабан подался вперед, не отрывая глаз от сына, бабка перестала кряхтеть, и даже кошки притихли и притаились.

Все в той же роли помощника прокурора Ибрагим-эффенди вернулся к допросу:

— Так как же, дружок, договаривались или нет?

Сын Шаабана запнулся, потом посмотрел на отца, как бы пытаясь по глазам прочесть его мысли, и сказал:

— Мы договаривались, это верно... только, только...

Вздыхнув с облегчением, Ибрагим-эффенди наклонил голову и задал последний, уничтожающий вопрос:

— Так почему же ваша милость в таком случае отказалась сдаться? Мальчик взглянул на него в полном недоумении.

Ибрагим-эффенди наклонил голову в другую сторону.

— Да так, как уговорились... Чего ж ты не выполнил уговора, а?

— Но ведь если бы я выполнил, значит они бы выиграли?

Ибрагим-эффенди прищурил правый глаз.

— Стало быть, выиграли бы!

Недоумение на лице мальчика стало еще сильнее.

— И значит, они бы нас победили?

Ибрагим-эффенди прищурил другой глаз.

— Стало быть, так! Ну, чего же ты не сдался?

— Но ведь тогда они захватили бы канал! — воскликнул мальчик.

Рот Ибрагима-эффенди расплылся в улыбке.

— Ну и захватили бы!

Мальчик закричал, разозлившись не на шутку:

— Да как же так? Разве... разве это игра?

Отец его тоже не выдержал.

— Да разве так можно, Ибрагим-эффенди?

Страсти готовы были разгореться вновь.

— Тише, да тише же! — закричал Ибрагим-эффенди. — Друзья, да что случилось? Ведь это всего-навсего игра! Ты ответь-ка мне все-таки, мальчик, почему ты не сдался?

— А как же я мог сдаться? — вопросом на вопрос ответил мальчик.

— Да, да, как же он мог сдаться? — вставил отец.

— А вот так, как все люди сдаются, — ввернула Сит Шафаат.

Тоший Фуад выскочил опять:

— Вот видишь, папа! Он думал, это взаправду! Мы говорили ему: «Сдавайся!», а он стал ругаться и пихаться, чтоб не дать нам перейти черту. Это он, это он сам меня повалил и стал драться и кусаться... три раза укусил... прямо как бешеный... А я-то что? Я ни при чем, он сам упал и разбился... Ей-богу, я его даже не тронул, я только подошел к нему, а он сразу драться...

Фуад разревелся.

Тут Ибрагим-эффенди заорал на сына еще громче, чем до него Шаабан орал на своего.

— Замолчи! Ревет, как баба, дурень!

— Да что ты, Ибрагим, — вступилась жена, — зачем кричишь на ребенка? И вообще, при чем тут бабы? Нельзя так, надо быть справедливым!

В последней фразе Ибрагим-эффенди уловил скрытую угрозу, и это моментально возымело свое действие.

Снова все запуталось, и все заговорили разом. Густой бас Шаабана; хриплый, нудный, как автомобильный клаксон, голос Ибрагима-эффенди; высокий и гнусавый, словно идущий из одной ноздри, голос Сит Шафаат; тягучий, неотвязчивый, как сырая веревка, голос бабки, матери Ибрагима-эффенди, точь-в-точь как голос сына, словно она и не бабка вовсе, а дед...

Шаабан громко протестует, Ибрагим взывает к миролюбию — не пристало-де взрослым людям вести себя, как детям, Сит Шафаат тоже нет-нет да и вставит словечко, будто кондуктор трамвая за веревку звонок дернет...

Слов было сказано много, и не обошлось, конечно, без парочки-другой проклятий, отпущенных бабушкой в адрес врага — неважно какого, так, вообще!

Но наконец все успокоились, и Шаабан сказал:

— Ну да все равно! Чего уж там! Помиримся!

Обидчик поцеловал пострадавшего в голову, обе стороны обменялись шутками, приличествующими в данном случае, а Сит Шафаат снисходительно рассмеялась. Ребята разбрелись кто куда, и вся история кончилась.

Подоспел чай, и Шаабан с Ибрагимом-эффенди выпили чайку «за дружбу между соседями». Потом заговорили о политике, и Ибрагим-эффенди сказал: «Вот аллах с нами, и мы победим неверных», на что Шаабан ответил, что у англичан совсем уж тонка кишка стала. А все оттого, что очень уж много пьют вина. Чуть толкни такого, он и на ногах не устоит, сразу валится.

Потом пришло время уходить. Шаабан начал извиняться, что засиделся, Ибрагим-эффенди стал из вежливости уговаривать его остаться поужинать, но Шаабан был непреклонен и ушел, взяв сына за руку.

Уже на лестнице они услышали голоса сверху. Они остановились на минутку, и Шаабан узнал гнусавый голос Ибрагима-эффенди:

— Будешь, щенок, еще играть с этими мальчишками?

Последовал отчаянный крик, и детский голос заверещал:

— Ой, не буду, папочка, не буду!

И снова голос Ибрагима-эффенди:

— Чтоб не смел больше играть в этот канал и не знаю там во что еще!

— Не буду, папочка, не буду!

— Чтоб не смели называть тебя Слюнтяем, несчастный!

— Клянусь, не будут больше, папочка!

— И чтоб я не слышал больше от тебя: «флот», «Иден» и всех этих слов!

— Ой, не буду, не буду, папочка, клянусь, никогда больше не буду!

— Ну хватит, хватит, Ибрагим,— заскрипела Сит Шафаат.— Он больше не будет! Чтоб ему пусто было, этому Идену и всем им!.. Ну-ну, не надо, мой мальчик, не надо, будь умницей!

Уже на последней ступеньке Шаабан поворачивается к сыну и, поправив повязку на его лбу, говорит:

— Смотри у меня! Чтоб и в другой раз тоже не стал сдаваться!

Мальчик поднимает глаза и, схватив его большую грубую руку, прижимается к ней лицом и молча улыбается.

Перевела с арабского Е. Стефанова.

К конференции писателей стран Азии и Африки

Б. ГАФУРОВ

Член-корреспондент АН СССР, академик АН Тадж. ССР

★

ФОРУМ ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

Мне, человеку, и своим происхождением и всей своей деятельностью кровно связанному с Востоком, события последнего времени дали обильную пищу для размышлений и обдумывания различных проблем культуры и жизни восточных народов. Тем более, что нам, советским востоковедам, выпала нелегкая, но почетная задача быть устроителями и хозяевами — надеемся, гостеприимными — встречи писателей Азии и Африки.

Мы отдаем себе отчет, сколь важна и необходима эта встреча в дни, когда грозные тучи клубятся над странами Ближнего и Среднего Востока, когда народы Африки расправляют плечи, стремясь сбросить ярмо колониализма, когда над многими странами Дальнего Востока ярко сверкает солнце свободы и сотни миллионов людей трудятся на благо мира и процветания своей родины. Есть о чем поговорить, есть что обсудить, есть чем поделиться писателям этих стран. Есть над чем поразмыслить и писателям Советского Востока и нам, советским востоковедам.

Как историку, мне не хотелось бы, да и, как говорится, не по плечу, углубляться в подробный анализ или обзор литератур народов Азии и Африки. Я попытаюсь поделиться своими соображениями более общего характера по поводу судеб этих литератур и путей их развития.

Когда окидываешь мысленным взором литературу современного Востока, невольно приходит на ум сказочная птица Феникс: испепеленная огнем, она, казалось, навсегда исчезнет, погибнет. Но нет, чудесным образом возродясь из пепла, она снова направилась свой полет в заоблачную высь.

Не то же ли самое происходит ныне, на наших глазах, с литературами Востока, с той лишь разницей, что возрождение птицы Феникс — это поэтический миф, а чудесный взлет литературного творчества народов Азии и Африки — реальная действительность.

Былую славу великих цивилизаций Китая и Индии, озарявших своим светом все народы мира, не отрицал и не мог отрицать даже самый заядлый расист, но к концу XIX века очень многим и очень доброжелательным людям Запада казалось, будто спит непробудным сном отгороженный высокой стеной народ «Срединной империи», будто иссякли родники творчества в придавленной британским сапогом Индии. Но вот на заре XX века изумленную Европу потрясла чарующая муза Рабиндраната Тагора, вслед за тем все передовое человечество восхищалось неповторимыми в своем своеобразии творениями Лу Синя!

Когда же благодатный ветер Октября достиг и самых отдаленных пределов Востока, то оказалось, что буквально во всех странах Азии и Африки из недр народа пробилась и зацвели свежие, молодые таланты, появились зачинатели новой литературы древнего Востока.

Что же вызвало к жизни и вдохновляет этот новый литературный подъем? Сейчас уже нет и не может быть никакого сомнения в том, что причина этого — всенародное возмущение и борьба против позорной колониальной системы, борьба народов за национальную независимость и человеческое достоинство. Борьба эта, начатая азиатскими революциями, последовавшими за русской революцией 1905 года, после Великого Октября развернулась во всю мощь в Азии и перекинулась затем на африканский континент, особенно усилившись после разгрома фашизма во второй мировой войне.

Теперь уже любому трезвому политику ясно, что с образованием мировой системы социализма империализм не в состоянии удержать на штыках свое господство в захваченных им странах. Сплоченная и решительная борьба народов Азии и Африки уже привела к краху колониализма в ряде стран. В огне этой борьбы родилась великая народная китайская держава; образовались народно-демократические республики Монголии, Кореи, Вьетнама; освободились от колониального ига Индия, Объединенная Арабская Республика, Индонезия, Бирма, Пакистан и другие; появились на карте колониальной Африки первые суверенные республики. Освобожденные народы Востока недвусмысленно заявляют о том, что они не намерены сменить разорванные ими железные цепи векового колониального рабства на золотые цепи неоколониализма, которые упорно, но безуспешно пытаются надеть на них американские миллиардеры.

Для всех народов Азии и Африки — а они составляют половину человечества — вдохновляющим примером служат социалистические республики Советского Востока. И это понятно: ведь народы их первыми сорвали с себя с помощью российского пролетариата цепи империализма и пошли по пути свободного развития, плоды которого поражают каждого непредубежденного человека.

Отзвуки борьбы народов Азии и Африки за освобождение от колониального гнета прокатываются сегодня по всему земному шару, возвещая окончательную гибель системы империализма. Империализм не только грабительски расхищал и расхищает национальное достояние и материальные ресурсы стран Востока, — он иссушает душу народов, разрушает созданную ими тысячелетнюю культуру, насаждает дух раболепия и невежества, поддерживает феодальные нравы и пережитки. Вот почему борьба народов за национальную независимость, против империализма — это вместе с тем и борьба за культурное возрождение, за подъем духовных сил народов Востока.

Да, именно неукротимое стремление многомиллионных народных масс Востока к свободе, независимости и счастью, а не пресловутый «экспорт коммунистических идей» или «пронски большевиков» поднимает народы против их поработителей, выступающих теперь под маской добрых «лекунов» и «покровителей». Именно это естественное стремление людей к свободе и счастью и служит источником поэтического вдохновения, той питательной средой, которая порождает таланты в восточных национальных литературах.

За много веков до наших дней Омар Хайям, стараясь понять смысл общественного бытия, с тоскою вопрошал: «Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим? В чем жизни нашей смысл? Он нам непостижим». Поэт не мог тогда найти ответа. Ныне у писателей Востока ответ на этот «вопрос вопросов» есть — перед ними ясная цель, они могут расправить крылья!

Сила новой литературы Востока в том, что она выступает от имени и во имя народов, которые вместе с рабочим классом и всем демократическим лагерем Запада неуклонно и решительно отвоевывают свое право на свободу и счастье, приближая историческую победу над империализмом.

Современная литература народов Востока, многообразная по жанрам и идейному содержанию, развивается отнюдь не в одном направлении. Чтобы составить себе верное суждение о характере этой литературы, о ее достижениях, исканиях и заблуждениях, следовало бы хоть бегло представить эти направления.

Совершенно бесспорно, что у некоторых народов Востока уже сложилась своя литература социалистического реализма. Правда, под влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в ней время от времени происходят срывы, проявляются от-

дельные ошибки, но в целом она непрерывно набирает высоту. Я имею в виду литературу народного Китая, Кореи, Вьетнама и другие.

Рядом с литературой социалистической развивается литература, вдохновленная идеей национального освобождения. На этой литературе, в общем остро антиимпериалистической и антиколонизаторской, довольно сильно сказывается идеология национальной буржуазии. В современных условиях, когда борьба с колониализмом ведется не на жизнь, а на смерть, это направление играет прогрессивную роль, тем более, что в творчестве наиболее талантливых и ярких представителей этого направления проявляются более широкие тенденции, приближающие их произведения к литературе социалистической.

Есть среди литераторов Востока еще немало и таких, которые, находясь в плену буржуазного мировоззрения, видят свое призвание в служении «чистому искусству», сторонятся реальной жизни и борьбы масс. Подражая «утонченным» модернистам Запада, они в мельчайших подробностях описывают психологические переживания личности, как правило, совершенно далекой от всего, что волнует мир; они мучительно и бесплодно блуждают в дебрях отрешенных от действительности символических категорий в поисках идеала абстрактной Любви, Красоты. К счастью, это направление не делает погоды в литературе современного Востока.

Мне кажется, что критерием для определения творчества любого писателя любой из стран Востока может быть то, как он устами своих героев, их поступками, их думами, всем пафосом своего произведения подводит читателя к выводу, что смысл жизни в нашу эпоху состоит в действии, в борьбе против империалистического гнета, за свободную, мирную, счастливую жизнь. Я говорю об этом столь категорично и прямо для того, чтобы не оставлять места никаким кривотолкам в главнейшем вопросе: чем определять, как оценивать прогрессивность направлений в современной литературе народов Востока?

Либо защита империализма и колониального гнета в любой форме, либо борьба против империализма, за национальное освобождение — другого пути нет сейчас для литераторов стран Востока, как нет и быть не может других критериев для определения их творчества. Те из писателей, которые думают, что существуют иные критерии, на наш взгляд, глубоко заблуждаются, и их стремление занять какую-то третью позицию — не что иное, как попытка сидеть между двух стульев. А исторический опыт говорит нам, что такая шаткая позиция ни к чему хорошему не приводит.

Империалистические идеологи много писали о созерцательности восточного человека, о свойственном «восточной психологии» тяготении к неподвижности, покою, «нирване». Это не случайно.

Пассивный, неспособный к действию, к сопротивлению человек — безусловно весьма удобный объект колониальной эксплуатации. Современная литература Востока своим содержанием разоблачает этот вымысел. Ее положительным героем, центральной типической фигурой стал человек действия, активный участник борьбы за преобразование жизни.

Еще в древнем народном творчестве Востока мы находим образы неутомимых и деятельных людей: могучего Фархада, пробившего в скалах путь воде, чтобы оросить выжженную пустыню; Юй Гуна — героя, задумавшего передвинуть горы; беспокойного Синдбада-морехода, обуреваемого жадной открытой неизведанное. Но если в этих образах народ выражал свою еще не осознанную до конца мечту о людях, способных принести ему лучшую долю, то в современной литературе Востока впервые за ее тысячелетнюю историю появился герой, сознательно борющийся за свободу и счастье своих соотечественников.

Этим героям принадлежит будущее. Они сами явственно различают его черты в сегодняшнем дне, они умеют за него бороться, и они не одиноки в своей борьбе. Подлинного героя литературы Востока, человека передовых взглядов, окружают и поддерживают массы, которые жаждут свободы и полны стремления к действию. У алжирского писателя Абд аль-Вахида Ибрахима есть небольшой рассказ «Цена ковра» — о том, как несколько юношей, коренных алжирцев, воспитывавшихся во француз-

ской школе, решили тайно изучить родной арабский язык. Ибрахим взволнованно пишет о том, как жадно впитывают молодые алжирцы каждое слово учителя о родной земле, как крепнут их патриотические чувства. Когда же колонизаторы подвергают их учителя репрессиям, ни один из юношей не отрекается от него, и после его освобождения из тюрьмы они все до единого вновь приходят к нему на урок.

Оптимизм, пылкая вера в победу их правого дела характерны для творчества лучших современных писателей Востока.

Однако неверно было бы думать, что в литературах народов Азии и Африки преобладают одни лишь победные ноты. Борьба с империализмом еще не закончена, его попытки вернуть свое былое могущество продолжают, а его пагубные последствия в странах, завоевавших независимость, слишком часто и сильно дают себя знать. Поэтому литература по-прежнему разоблачает ту зловещую роль, которую сыграл колониализм в жизни народов Востока. Века рабства оставили кровавые рубцы в душе миллионов людей, и подлинно народная литература не может пройти мимо этой трагической темы.

Растоптанные надежды, поруганное человеческое достоинство, исковерканные судьбы будут еще часто воскресать перед нами на страницах книг, написанных в Индии, в Бирме, на Цейлоне, в Ливане и Тунисе. Но писатели Востока раскрывают темные стороны жизни, рисуют мрачные и зловещие картины не из холодного, натуралистического любопытства, столь обычного для многих художников Запада. Нет, это пишется для того, чтобы читатель почувствовал боль и гнев, ощутил ненависть к душителям народов, осознал свою личную причастность к борьбе за уничтожение позорной системы колониализма.

Для прогрессивной литературы зарубежного Востока характерно обращение к теме простого человека. В мире происходят большие события, огромные изменения, говорят писатели. А как живет «маленькому человеку»? Правдиво, без прикрас показывают они его трудную жизнь. И здесь проявляется традиционная черта многовековой литературы Востока — неподдельный гуманизм, страстная заинтересованность в счастье для каждой человеческой личности.

Еще более двух тысячелетий назад боль за униженного и оскорбленного человека отразилась в стихах великого китайского поэта Цюй Юаня. А гениальный китайский поэт VIII века Ду Фу так выражал свою мечту:

О, если бы
Такой построить дом,
Под крышею
Громадную одной,
Чтоб миллионы комнат
Были в нем
Для бедняков,
Обиженных судьбой...

Омар Хайям страстно желал, чтоб «человек мог жить, тоскою не томим». Гуманистическая вера в торжество человека, гордость за все прекрасное, что есть в людях, проступают и в мудрых афоризмах «Гулистана» Саади, и в чеканных строфах «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, и в пленительных стихах «Гитанджали» Рабиндраната Тагора.

В гуманизме, в глубокой любви и уважении к человеку слились воедино этические и эстетические идеалы передовой литературы народов Востока. В творчестве современных прогрессивных художников это сказывается с особой силой.

Один из крупнейших современных индийских поэтов, Шри Шри, глава поэзии на языке телугу, создал в наши дни поэму, воспевающую Человека-титана, мятежника, разрушающего старый мир, Человека-творца, создающего мир новый. От книг, проникнутых сочувствием к «маленькому человеку», к книгам о Человеке с большой буквы — такова восходящая линия развития современной литературы Востока.

Современная передовая литература Азии и Африки бичует феодальные пережитки, на которые опирается империализм, решительно выступает против всего отжившего, заскорузлого, заслоняющего рассвет нового дня и прежде всего против социального

неравенства и несправедливости. Даже в самых отсталых странах, где литература делает свои первые шаги, она начинается не с придворных панегириков, не с хвалебных од в честь феодалов, не с идиллических пейзажных зарисовок, а с резких и острых картин реальной жизни, в которых нищета и бесправие одних противопоставляются роскоши и произволу других. Художественная проза Саудовской Аравии еще очень молода, но в одном из первых рассказов молодого аравийца Юсуфа бен аш-Шейха Якуба речь идет о том, как голодного бедняка посадили в тюрьму за то, что он пытался добыть объедки на кухне богача. Герой рассказа ненавидит роскошный дворец, олицетворяющий для него все несчастья, все зло жизни; он еще не знает, как бороться с этим злом, но ему уже известно, против чего он будет бороться. Естественно, что в более развитых странах Востока антифеодальные мотивы в творчестве писателей звучат еще явственнее, еще резче. Но рассказ Якуба очень характерен для сегодняшнего дня, когда любая, даже самая молодая литература Востока с самого возникновения начинает говорить о наиболее насущных проблемах.

Подъем национального самосознания народов Востока помогает писателям противостоять чужеродным, разлагающим страну влияниям. Литераторы-патриоты умеют найти разящие слова и образы для разоблачения и осуждения людей, зараженных американизмом, в конечном счете торгующих своей родиной. В этом смысле очень интересен и характерен новый роман молодого турецкого прозаика Орхана Ханчерелиоглу «Али». Автор зло высмеивает современную действительность американизированной Турции.

Поэтов и прозаиков Востока никогда не покидала мысль о прекрасном мире будущего, а в наши дни это стало непосредственным их устремлением. «Писателей великих континентов Азии и Африки вдохновляет мечта о новом мире, в котором народы избавятся от безысходности и мрака недавнего прошлого и выйдут на светлую дорогу возрождения», — отмечает в своем Обращении Подготовительный комитет по проведению конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте.

Писатели Востока отлично понимают, что главное условие для осуществления дерзновенной мечты человечества о счастье для всех людей — это мир. И поэтому борьбе за мир, против угрозы всеобщего истребления посвящены их самые пламенные строки.

Крупнейший из современных иранских поэтов, ныне покойный Мохаммед Таги Бахар, заслуженно носивший почетное звание: «малек аш-шоар» — царь поэтов, — на склоне лет деятельно включился в движение сторонников мира и создал взволнованную поэму «Сова войны». Он заявлял в ней:

Сова войны нужна дворцам, хозяевам и сытым,
 Кто хочет жить чужим трудом,
 Чужую кровь мешать с вином и падалью кормиться...
 Пора! Пора убить сову проклятую войны!
 И бросить труп ее немой
 К ногам голубки молодой, прекрасной белой птицы!

В своем отношении к войне писатели Востока умеют подняться над абстрактным, пацифистским отрицанием любой войны, всякого насилия. Выступая против угрозы новой войны, они провозглашают идеи дружбы, взаимопонимания, обмена культурными достижениями между всеми народами нашей планеты.

История жестоко посмеялась над словами Киплинга о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд». Эти строки, ставшие девизом империалистов Запада, блекнут и утрачивают свой оракульский пафос, они звучат в наши дни напыщенным анахронизмом. Насколько выше этого стоит писатель Востока, индеец Али Сардар Джафри, который, обращаясь к своему другу, писателю Запада англичанину Джеку Линдсею, пишет:

Как Востока сады, так и Запада парки
 Овеваются ветром одним;
 Леденяще-морозный, прохладный иль жаркий, —

Он поит нас дыханьем одним...
 Красят девушек Индии черные косы;
 Как пучина, бездонны глаза,
 А красавицы Англии светловолосы, —
 Взоры ласковы, как бирюза.
 Твой костюм европейский своеобразен,
 У меня — свой одежды покрой,
 Но цветна аромат не узнаешь по вазе,
 Как по чаре — напиток хмельной.
 Отличаются формы, но истина — та же,
 Человек в ней повсюду велик...
 Человечности долг пробуждается в каждом
 И народам сродниться велит.
 На Востоке и Западе люди во имя
 Расцветающей в душах весны
 Непреклонны в стремленьи сердцами своими
 Оградить этот мир от войны.

Идея дружбы между всеми народами земли выступает в литературе Востока не как отвлеченный тезис всеобщего братства и примирения. Немало острых и гневных произведений посвящено в Азии и особенно в Африке разоблачению врагов содружества народов — империалистов, проповедников зоологического расизма и дискриминации. Литература Арабского Востока клеймит презрением тех представителей Запада, которые считают арабов неполноценными людьми, рассматривают их как рабочий скот. Писатели Индии выступают против пережитков кастового строя. Молодая, еще набирающая силы, литература африканских народов набатным колоколом возвещает неизбежный конец расизма. Песни поэтов Южной Африки о борьбе против «апартейда» — сегрегации коренного населения Южно-Африканского Союза — стали чуть ли не народными гимнами.

В своей борьбе за счастливое будущее литература Востока обращается прежде всего к тем, для кого она создается, — к молодому поколению, к юношеству, к тем, кто примет эстафету!..

Ташкентская встреча писателей стран Азии и Африки — огромное событие в истории мировой литературы. Грандиозный форум тех, кто глаголом жжет сердца людей, будет горячо и страстно обсуждать жизненно важные вопросы литературы, животрепещущие общественные проблемы. Разве может сейчас хоть один честный художник закрыть глаза на то, что империалистические силы пытаются возродить давно прошедшие времена и наводнить своими войсками страны Ближнего и Среднего Востока?! Разве может молчать в такие дни хоть один честный писатель азиатских и африканских стран?! Нет никакого сомнения в том, что, встретившись за круглым столом конференции, они во весь голос выскажут свой гневный протест против империалистических происков и совместными усилиями решат многие задачи, стоящие перед литературой народов Востока, будут способствовать укреплению и расширению братства между всеми народами, воспитанию граждан своих стран в духе гуманизма, мира и демократии.

И разящее перо сатирика, и эпическое повествование романиста, и звучный, исполненный глубокой мысли стих, и волнующее творение драматурга. — все должно быть поставлено на службу подлинному творцу истории — народным массам Востока. Народы ждут, что их писатели будут деятельными участниками национально-освободительной борьбы, верными хранителями народности и самобытности своих литератур, пропагандистами достижений мировой литературы.

В заключение мне хотелось бы коснуться одной из тех проблем, в решение которой советская литература внесла известный вклад, дающий нам возможность поделиться опытом с литературами других стран. Речь идет о вставшей перед современной художественной литературой Востока проблеме соотношения традиций и новаторства.

В литературной жизни многих стран Азии и Африки нередко приходится сталкиваться с делением писательской общественности на «консерваторов», сторонников ху-

дожественных традиций литературы прошлого, и «новаторов», стремящихся коренным образом видоизменить сложившиеся литературные формы. Подобное разделение часто приводит к острой борьбе между обоими направлениями.

В современной иранской поэзии, например, давно ведется затянувшийся спор между сторонниками классического стиля и поэтами-новаторами, поклонниками стиха, известного под названием «шере ноу» — «новый стих». Аргументация сторонников классического стиля сводится к тому, что «шере ноу» не дает поэтам возможности достичь совершенства стихотворной формы. «Новаторы» в свою очередь критикуют своих противников за архаичность и старомодность, за несостоятельные попытки писать на современные темы традиционным стихом.

Нам представляется, что решение этого спора и аналогичных дискуссий в литературной среде стран Востока невозможно, если речь будет идти лишь о форме художественного произведения в отрыве от его содержания. Литературе наносят равный вред и стремление сохранить обветшалые художественные формы и стремление придумывать необычные, «сверхсовременные» формальные приемы. Основная задача литературы — выразить новое содержание жизни, и при этом писателю совсем не безразлично, какими средствами он будет этого добиваться. Форма должна быть новой и современной в той мере, в какой она помогает наиболее глубоко, правдиво и выразительно раскрыть новые жизненные процессы, коллизии, типы. Между традициями и новаторством нет непроходимой пропасти; подлинное новаторство — это не голое отрицание всяких традиций, а развитие, продолжение и критическое освоение всего лучшего, что накоплено творческими усилиями предшественников.

Художественная литература Советского Востока немало усилий положила на то, чтобы найти средства выразить новое содержание в наиболее совершенной и современной форме. В произведениях многих наших писателей органически слиты литературные приемы в духе лучших национальных традиций с новыми художественными средствами; их произведения завоевали широкую популярность. Достаточно назвать романы Садриддина Айни, произведения Мухтара Ауэзова «Абай», Берды Кербобаева «Решающий шаг», Аскада Мухтара «Сестры», стихи Гафура Гуляма, Мирзо Турсунзаде, Аалы Токомбаева, Самеда Вургунга и многих других. Советская литература бережно хранит лучшие традиции прошлого — достижения народного поэтического творчества и произведения классиков национальных литератур — и вместе с тем органически усваивает те художественные средства, которыми обогащает литературу вечно меняющаяся жизнь.

Показательно, что симпатии читателя в большинстве случаев оказываются на стороне поэтов и прозаиков, умеющих разумно сочетать традиции и новаторство. Это же вполне закономерно проявляется и в ходе литературной борьбы в иранской поэзии. Поэтесса Лобат Шейбани пишет, что, помимо «консерваторов» и «новаторов», выкристаллизовалось третье направление, пользующееся у читательских кругов большим успехом. «Принадлежащие к нему поэты, — подчеркивает Шейбани, — не впадают в крайности. Наиболее талантливые из них, как, например, наш крупнейший лирик Шахрияр, сохраняя верность классическому стилю, умеют находить новые средства и свежие образы».

Пример удачного сочетания нового и традиционного — недавно законченная поэма известного китайского поэта и драматурга Хэ Цзин-чжи, который известен советскому читателю как один из авторов пьесы «Седая девушка». Поэма называется «Во весь голос пою!». Она посвящена великим историческим событиям, происшедшим в жизни Китая за последние десятилетия. Критика справедливо отмечает глубокую идейную и тематическую близость поэмы Хэ Цзин-чжи к поэме В. Маяковского «Хорошо!».

Автор поэмы «Во весь голос пою!» — смелый новатор в области поэтической формы. Он вводит в поэму многочисленные политические термины и современную общественную лексику. Хэ Цзин-чжи умеет подчинять эти новые средства своим художественно-творческим задачам. Вместе с тем в поэме проявились лучшие традиции тысячелетней китайской классической поэзии — ее строгий лаконизм и эмоциональная насыщенность.

Теснейшим образом связан с проблемой новаторства такой вопрос, как литературная учеба, усвоение опыта других, более зрелых литератур. В Советском Союзе исклю-

чительно плодотворной для молодых литератур национальных республик оказалась учеба у великой русской литературы. Писатели народов СССР видят в русской литературе не только неиссякаемый источник художественного мастерства, но и образец верного служения народу. Русская литература в лице ее лучших представителей всегда боролась за высокие человеческие идеалы. Советская литература унаследовала эту благородную традицию и продолжает ее. Именно это и привлекает к ней внимание и интерес писателей современного Востока. «Я с жадностью впитывал в себя произведения бессмертных писателей России...— писал крупнейший ливанский прозаик Михаил Нуайме.— Первое, что я узнал и понял,— это святость человеческой личности. Я глубоко ощутил, как прекрасны справедливость и свобода, как гнусны угнетение и рабство».

Установление и развитие дружеских связей между литературами Востока и СССР должно, безусловно, привести к еще большему взаимному обогащению, к творческой дружбе писателей разных стран.

Огромны и сложны задачи, необозримы перспективы, раскрывающиеся перед писателями Азии и Африки. Достаточно перечислить круг вопросов, которые будут обсуждаться на конференции:

- взаимосвязь культур Востока и Запада;
- международная напряженность и ее влияние на писателей;
- проблема детской литературы и ее воспитательное значение;
- вклад женщины в литературу Востока;
- связь радио, кино и театра с литературой;
- поощрение дружественных контактов между азиатскими и африканскими писателями.

Писатели обсудят и такие специальные проблемы, как становление новых литератур, внедрение в поэзию и прозу разговорного языка, развитие на Востоке романа, очерка, драматургии.

Мы, советские люди, вправе ожидать, что конференция писателей стран Азии и Африки даст немало нового для решения этих и многих других проблем.

Встреча в Ташкенте являет всему человечеству готовность писателей Востока отдать свои творческие силы созданию такого мира, в котором не будет порабощения, нищеты и войн.

КАРА СЕЙТЛИЕВ

Туркменский писатель

Привет вам, дорогие гости!

Пятнадцать лет назад в числе других советских писателей мне довелось побывать в Иране. Нас дружески встретили и дружески проводили. И вот во время проводов один иранец запел песню, слова которой мне были хорошо знакомы. Это были стихи Махтума-Кули. Я спросил, знает ли он, чьи это стихи.

— Знаю, это стихи нашего иранского поэта Махтума-Кули.

— Но Махтум-Кули — туркменский поэт, — возразил я.

— Он у нас известен так же хорошо, как и у вас. Так же хорошо, как если бы он был иранским поэтом, — ответил иранец.

Почему я вспомнил сегодня об этом? Этот коротенький диалог мне кажется живым примером силы и давности наших культурных связей с народами Востока. Эти связи мы сейчас стараемся восстановить. Два года назад на конференции в Дели встретились писатели Азии. Сейчас в Ташкенте мы собираемся в более широком кругу. Надеюсь, что здесь будет поднят вопрос и о том, чтобы к третьей конференции круг расширился еще больше и в него вошли писатели других стран мира.

Но сначала вернусь к конференции в Дели. Каждый из ее участников, выступая тогда, излагал свои взгляды на литературу, свое отношение к фактам и явлениям жизни. Высказывания были самые разнообразные. Но в одном, однако, они были почти единодушными: писатель должен быть в первых рядах бойцов, если его народ борется за свое счастье и свободу. Только ради этой высокой цели стоит жить и творить!

Эта общая идея сблизила тогда людей самых разных политических убеждений, мировоззрений и религиозных верований, литераторов разных дарований, школ и направлений. Мне кажется, что каждый писатель, каких бы взглядов он ни придерживался, если он хочет быть выразителем чаяний своего народа, не может оставаться безучастным к его великому движению за национальную независимость. И сегодня, когда мы с волнением следим за развитием национально-освободительной борьбы арабских народов, слово писателя должно прозвучать в защиту и поддержку этой борьбы.

Мы, советские писатели, строя наше государство, в котором нет места угнетению человека человеком, считаем, что песня поэта должна звать в бой за право человека на свободную жизнь. Туркмены по печальному опыту царской России хорошо знают, что такое рабство, и имеют право сказать, что особенно близко принимают к сердцу борьбу народов арабских стран против колонизаторов. Конечно, не только мы, но и все прогрессивно мыслящие люди, все передовые писатели мира сочувствуют этой борьбе. Ясно всем — колониализм доживает свой век. Колесо истории невозможно повернуть вспять. Эту простую и много раз повторенную истину должны наконец понять и сами колонизаторы. А если это им непонятно, то тем хуже для них!

К конференции в Ташкенте мы приходим с большими достижениями: каждая из советских республик — участниц встречи внесет свой вклад в дело укрепления культурных связей народов Востока. Мы покажем нашим зарубежным гостям много книг писателей их стран, переведенных на языки наших народов. Туркмения, например, продемонстрирует свыше сорока книг. Здесь и Тагор, и индийские сказки, и Лу Синь, и Го Мо-жо, и китайский фольклор, и сборники сказок Индии, поэзия Бирмы, рассказы арабских прозаиков, произведения японских литераторов. Здесь и переводы из классиков и лучших современных писателей братских республик Советского Союза.

Наши гости увидят, как в Советской Азии популяризируются лучшие образцы их литературы, как развиваются и крепнут наши культурные связи, установившиеся с давних времен.

В рукописном отделе одного мусульманского университета я видел диваны (сборники стихов) Низами, Навои, Физули, творения Махтума-Кули. С другой стороны, в любой нашей библиотеке можно найти сочинения Омара Хайяма, Фирдоуси, Саади, Хафиза. Тагор, побывавший в России почти 30 лет назад, писал о новой, рождавшейся в те годы Советской республике — Туркмении. А сегодня мы покажем индийским писателям пьесу, поставленную по его роману «Крушение». И не только «Крушение», но и спектакли «Тайфун», «Легенда о любви», «Белый лотос», созданные по сюжетам и мотивам произведений писателей разных стран Азии.

В Дели мне было поручено открыть выставку советской литературы. На открытии выступили индийские писатели: Мульк Радж Ананд, который говорил о том, какое влияние оказали на его творчество русские писатели Тургенев и Достоевский, и Яшпал, рассказавший, что он перевел «Решающий шаг» Берды Кербабаева.

Писательские съезды способствуют не только укреплению культурных связей, но и установлению личного творческого общения между литераторами. Направляясь в Дели, мы знали многих писателей Востока только по их произведениям; на состязании поэтов, установленном в дни конференции, я познакомился с индийской поэтессой Амритой Притам, с крупным пакистанским поэтом Фаизом Ахмад Фаизом. Вернувшись домой, я перевел их стихи. Может быть, теперь кто-нибудь из наших индийских гостей привезет с собой в Ташкент переводы из советских поэтов?

Мы покажем зарубежным гостям лучшие образцы искусства Советской Азии, покажем документальные фильмы, где наглядно будет продемонстрирована наша жизнь до революции и теперь, а путешествие по республикам, которое предпримут наши гости, поможет им увидеть воочию наш образ жизни, наш быт, нашу промышленность.

Мы постараемся показать им как можно больше, чтобы они могли увезти из Советского Союза разнообразные и правдивые впечатления о нашей жизни. И пусть вместе с этими впечатлениями они увезут с собой ощущение радушия и гостеприимства, которыми они будут окружены у нас. Есть туркменская поговорка: «Гость старше отца, а отец в доме каждого — самый дорогой и почитаемый человек». Пусть же наши гости убедятся в жизненности этой поговорки.

ЛЮ БАЙ-ЮЙ

Китайский писатель

Дорога к единству и дружбе

В начале октября писатели Азии и Африки соберутся в Ташкенте, чтобы обсудить вопросы свободного развития литератур стран Азии и Африки. Эта встреча — важнейшее событие в нашей литературной и общественной жизни.

Писатели Китая горячо приветствовали идею созыва такой конференции и проделали большую работу в связи с ее подготовкой. У нас переведено и издано много произведений писателей стран Азии и Африки. Наши журналы готовят специальные номера, посвященные «Розовому саду» персидского поэта Саади, 1100-й годовщине рождения таджикского поэта Рудаки, поэзии Тагора, египетской прозе, стихам поэтов Азии и Африки. Выйдет в свет перевод «Песни Кашмира» узбекского поэта Рашидова, сборник стихотворений таджикского поэта Турсун-заде и многое другое.

Я назвал лишь небольшую часть произведений писателей стран Азии и Африки, которые станут достоянием китайского читателя, однако уже из этого краткого перечня видно, какой замечательный вклад внесли эти народы в сокровищницу духовных богатств человечества.

Действительно, когда мы говорим о культуре и идеях различных народов мира, мы не можем не думать о влиянии, которое оказала на них азиатская и африканская литература. В наши дни, когда почти все азиатские и африканские народы вступили в новую эпоху своего развития, писатели в тесном единстве друг с другом, обогащенные новым опытом, должны добиваться еще большего расцвета своих литератур, еще более смелого творческого взлета.

Когда мы усядемся за круглый стол Ташкентской конференции, в наших сердцах с новой силой оживут сокровенные мечты и стремления азиатских и африканских народов. Они, и только они, будут подсказывать выносимые нами решения.

Есть древнее китайское предание о том, что огонь не был послан на землю с неба, а его добыл путем трения человек по имени Суй Жэнь-ши. С помощью этого огня он разжег пламя человеческой цивилизации. Но не всегда огонь служит такой благородной цели. Империалисты пытаются разжечь пламя новой губительной войны. Они хотят, чтобы во имя их грабительских интересов лились слезы и кровь человечества.

Долгое время народы Азии и Африки переживали величайшую трагедию, их духовные ценности варварски уничтожались. Свежий востер рассветающего дня веет ныне над Азией и Африкой. Литература — самый верный выразитель стремлений народа, голос народной души. Поэтому в период, когда пробуждается сознание миллионов, литература снова расправляет свои опаленные крылья. Мы, писатели стран Азии и Африки, хорошо знаем горе и радость своих соотечественников, наши сердца слиты с их сердцами. С чувством огромной ответственности заполним мы залы, заботливо приготовленные для нас в Ташкенте. Мы понимаем, что литература наших дней должна превзойти литературные достижения наших предков, мы должны сложить новую, радостную песню о великой борьбе наших современников, достойную их славных дел.

Мы счастливы, что встреча с нашими собратьями состоится в Средней Азии, по земле которой еще в далекие времена проходил знаменитый «шелковый тракт» — дорога культурного обмена между народами. Если можно сказать, что литература — это путь к сердцу человека, то мы можем быть уверены, что наша встреча будет путем к единству и дружбе народов Азии и Африки.

ТОМОДЗИ АБЭ

*Японский писатель***Писатели и борьба за мир**

Принято считать, что литература призвана изображать жизнь человека, так сказать, его многообразное физическое существование. В то же время она должна глубоко раскрывать перед читателем и душевный мир людей. Тут писателю приходится иметь дело с тем, что можно назвать «гуманистической природой» человека. Многие считают эту «гуманистическую природу» неизменной в веках. Верно ли это? Нет, не верно: она тоже постепенно изменяется. Однако есть в гуманистической природе человека и такое, что меняется очень уж медленно, настолько незаметно для глаза, что мы почти неспособны уловить эти перемены. Оттого-то мы и теперь, спустя тысячелетия, по-прежнему находим прекрасными античные статуи. Думаю, что не будет большой ошибкой назвать эти свойства человеческой природы вечными.

Стремление к счастью тоже неизменно, вечное свойство человека, и мы, писатели, должны стараться сберечь в нем это свойство. Все, что наносит вред жизни человека, все, что служит препятствием на его пути к счастью, необходимо устранить, и притом, по возможности, скорее. Вот тут-то мы прежде всего и сталкиваемся с проблемой войны и мира.

Как ни странно, даже в нашу эпоху нередко встречаются люди, которые убеждены, будто война возникает в силу «неизменных свойств человеческой природы». Предотвратить войну, заявляют сторонники такой точки зрения, так же невозможно, как предотвратить землетрясение или тайфуны. Короче говоря, они считают, что, пока существует человечество, будут происходить и войны.

Устарелые, ошибочные взгляды! Люди уже доказали, что они в силах переделать старый общественный порядок и построить новое общество, в силах они покончить и с войнами.

Писатели, правильно сознающие свой долг перед народом, обязаны вести решительную борьбу с пропагандой фатальной неизбежности войн. Они должны это делать прежде всего средствами художественного слова. Их произведения должны доходить до сердца читателей, убеждая их в том, что война вовсе не относится к числу «неизменных свойств» человека.

В наши дни слово «мир» постоянно находится у всех на устах. Но зачастую люди сами того не замечают, что многие из них, к сожалению, сторонники мира всего лишь наполовину. Я имею в виду тех, которые, постоянно твердя о мире, беспокоятся только о том, чтобы атомная бомба не упала на них самих, на их семьи, на их страну. Мне могут возразить: «Что же в этом неправильного или плохого?» Разумеется, ничего плохого в этом нет. Это совершенно справедливое желание, но справедливое только наполовину. Подлинными, а не половинчатыми сторонниками мира можно считать лишь тех, кто тревожится не только о том, как бы уберечь себя, свою семью, свою страну от атомной бомбы, а с негодованием и ненавистью отвергает и борется против угрозы войны также и для всех других народов, населяющих земной шар.

Мне случилось как-то раз поделиться этими мыслями с рабочими одного из металлургических заводов Токио, где я присутствовал на собрании. Признаюсь, я опасался, что мои рассуждения насчет «полноценных» и «половинчатых» сторонников мира покажутся чересчур сложными для этой аудитории и рабочие меня не поймут. Как я ошибся! Теперь я со стыдом вспоминаю о своих опасениях. Я убедился, что именно люди труда наиболее восприимчивы к таким идеям и обладают высокоразвитым гуманистическим чувством. Рабочие встретили мои слова горячими аплодисментами. Для них это была неоспоримая и очевидная истина, ибо рабочий класс меньше всего заинтересован в том, чтобы угрожать другим странам, другим народам атомным оружием.

Те, кто пытается убеждать в неизбежности войны, тоже не прочь поговорить о мире. Но, если даже допустить, что они говорят искренне, все это не больше чем те «половинчатые» идеи мира, о которых я писал выше. Подлинные, искренние сторонники

мира — это люди труда, и только трудовой народ способен воплотить идеал мира в реальной жизни. Мы, писатели, должны не щадить усилий, чтобы стать такими же полноценными сторонниками мира. Я — японский писатель — много размышляю сейчас вот о таких, казалось бы, простых вещах.

МИРСАИД МИРШАКАР

Таджикский поэт

„Будем братьями!“

Мне вспоминается сегодня, в канун открытия Ташкентской конференции, та обстановка, которая сопутствовала подготовке первой встречи писателей Азии в Дели. Я был ее участником и помню, что далеко не все писатели относились сочувственно к задачам и целям этой конференции. Некоторые литераторы, враждебно настроенные к идеям прогресса и дружбы, распространяли слухи о том, что эта конференция не состоится, ибо никто не захочет участвовать в ней вместе с советскими и китайскими коммунистами. Были и такие, которые даже требовали созыва конференции без участия писателей Китая и СССР.

Однако время шло, и неотвратимо приближался час открытия конференции. Тогда газеты, вещавшие сперва о ее несостоявшемся провале, стали пророчествовать, что, как только на трибуну поднимется первый делегат-коммунист, весь зал встанет и демонстративно покинет собрание. Однако и это предсказание не сбылось. Хотя, действительно, весь зал встал, когда делегатка СССР — узбечка Зульфия — поднялась на трибуну. Но встал не для того, чтобы бойкотировать ее выступление, а чтобы бурными аплодисментами поддержать предложение Зульфий о проведении следующей такой встречи в Ташкенте.

Да и как могло быть иначе? Слишком много у народов Азии общих корней в прошлом их культур. Куда бы я ни приехал — будь то Дели, Бомбей, Калькутта, — где бы ни встретился с писателями, преподавателями или студентами университета, всюду меня жадно и заинтересованно расспрашивали о моей родине, о Бухаре и Самарканде, с любовью рассказывали, что их деды и прадеды бывали в этих местах. У многих сохранились книги, вывезенные десятки лет назад из Бухары. Я в свою очередь рассказывал, что во многих личных и государственных библиотеках Таджикистана легко найти книги, изданные в Бомбее на таджикско-фарсидском языке.

Стараниями колонизаторов с годами ослабли, а порой и вовсе прервались связи между народами Азии. «Белые господа» не только не поощряли их дружбу, но делали все, чтобы посеять рознь между народами, — так им легче было бороться против освободительных идей и движений угнетенных наций. Но и этим их стараниям пришел конец.

Мне вспоминается, как однажды в Дели, во время экскурсии, мы проходили мимо одного здания, которое в свое время занимали англичане. На фронтоне отвалился кусок штукатурки, обнажив скрытый под нею рисунок национального орнамента. Один из наших спутников — индеец Ансори — сказал мне:

— Смотри, Миршакар, здесь были английские казармы. Когда они разместились в этом старинном здании, англичане покрыли его новой штукатуркой. Но, как видишь, она отлетела. Так и в жизни — все наносное непрочное, оно не держится долго, и национальная культура вновь выступает вперед. Мы скоро полностью освободимся от наслоений колониалистской «цивилизации», и жизнь наша станет богаче и лучше...

Я видел старинное роскошное здание крупнейшего архитектурного памятника Индии «Лолкала», в мраморных стенах которого зияли небольшие отверстия, — это англичане вылушили из стен самоцветные камни и жемчужины, украшавшие их. Колонизаторы не щадили ни национальных сокровищ Индии, ни ее многовековой самобытной культуры.

Пенджабские писатели, с которыми мне приходилось общаться, рассказывали, что они перевели на родной язык роман нашего классика Айни «Рабы», а бирманский писатель господин Парагу, узнав, что я таджик, спросил меня с видимым удовольствием: «Вы, значит, из страны Айни?» Я с гордостью ответил: «Да!» Он протянул мне руку и сказал, что отныне мы будем дохунда — братья! Позднее я узнал, что он перевел на бирманский язык с языка хинди книгу Айни «Дохунда» и намерен перевести «Смерть ростовщика». Я видел, как писателям Индии приятно было узнать, что у нас в Таджикистане изданы произведения таких писателей, как Рабиндранат Тагор, Мульк Радж Ананд, Али Сардар Джафри, Аббас и другие. Мы рады были поделиться литературными новостями и перспективами культурной жизни наших стран. Ведь все мы хорошо понимали, что такое общение стало возможным лишь благодаря освобождению от колониализма и эксплуатации. И это общение теперь растет с каждым годом. Только за последнее время в Таджикистан приезжали писатели Кореи, Китая, Индии, Бирмы, Афганистана, Ирана. Наши писатели, артисты, художники побывали во многих странах Востока; вот и сейчас Памирский этнографический ансамбль гастролирует в Кабуле. И везде, куда ни приезжали бы представители СССР, они неизменно слышат предложения расширять культурные связи наших стран.

Вот почему писатели Таджикистана с таким воодушевлением готовятся к встрече в Ташкенте. Мы встретим наших гостей переводами произведений китайских, индийских, корейских, афганских, пакистанских писателей, изданных на нашем языке. Многие из них уже появились в продаже. Выходят в свет произведения крупнейшего иранского поэта-классика Бехара, молодого современного поэта Халили Сомони, мною подготовлен к печати сборник избранных произведений пакистанского поэта-мыслителя Мухаммеда Икбола.

Если на первой конференции писателей стран Азии возник вопрос о приглашении на вторую писателей африканских стран, то, мне кажется, сейчас в Ташкенте неизбежно встанет вопрос о еще большем расширении писательских связей. Молодой пенджабский литератор Нафтеч сказал мне в Дели:

— С нетерпением жду того дня, когда для каждого из нас паспортом и визой станет слово «писатель». Надо, чтобы наша профессия открывала нам все границы!..

ТАРАШАНКАР БАНЕРДЖИ

Бенгальский писатель

Несколько слов о бенгальской литературе

На моем родном языке бенгали, языке древнем и богатом, говорит около семи-десяти миллионов человек, населяющих Индию и Пакистан, а произведения литературы, созданной на этом языке, знакомы очень многим народам мира. Творения великого бенгальца Рабиндраната Тагора переведены почти на все европейские языки. В Китае и в других странах Азии его книги пользуются большой популярностью и любовью. Но бенгальская литература существовала и до Тагора. Романист Банкимчандра и поэт Мадхушудан Датта были родоначальниками современного литературного бенгальского языка. Одновременно с Тагором в нашу литературу пришел Шаратчандра Чаттопадхьяй. Он был талантливым романистом, подлинным певцом человеческой души.

В 1941 году Рабиндраната Тагора не стало. После его смерти бенгальские писатели немало сделали для родного языка и литературы. Но это была пора расцвета не поэзии, не стиха, а романа и короткого рассказа, это была пора прозы. По образности и выразительности средств бенгальская проза может соперничать с многими литературами мира. Основой ее успеха послужило то, что бенгальские писатели соединяли в себе глубокое знание народного языка и народной жизни. В их творчестве нашли отражение многие противоречия действительности и повседневная нелегкая борьба за существование простых, обездоленных людей — крестьян, рабочих, бездомных,

нищих, бродяг, заклинателей змей и т. д. Немало написано и о национально-освободительной борьбе индийского народа против английских империалистов. Бенгальские короткие рассказы по праву могут занять достойное место в мировой литературе. И в жанре романа послетагоровская литература дала таких видных художников, как Бибхути Бхушон Бандападхайя и Маник Бандападхайя. Книга Бибхути Бандападхайя «Рассказ о путешествии», рисующая картины жизни индийской деревни, отмечена несколькими премиями в Европе. А роман Маника Бандападхайя «Лодочник с Падмы» переведен на несколько европейских языков и получил заслуженное признание.

В Бенгалии хорошо знают и любят произведения Премendra Митра, Ононадашанкара Рай, Прабадха Шаниала. Недавно на русском языке был издан сборник рассказов Премendra Митра. Из молодых писателей уже завоевали себе известность Шомореш Бошу, Нарен Митра и Нараэн Гангападхайя.

После того как Индия обрела независимость, в ее многоязычной литературе наступил особый подъем. Правда, в результате заговора империалистов Индия была разорвана на две части. От этого раздела больше всего пострадали Пенджаб и Бенгалия. Пенджабская проблема была решена путем переселения людей. Но в Бенгалии переселения не происходило, и поэтому раздел ее постоянно ощущается и поныне. Большой вред нанес он и бенгальской литературе. Тем не менее новый творческий подъем сказался и здесь. В наши дни бенгальская литература развивается в новых для нее направлениях: в историческом и критическом. Но и в области художественной прозы явственны искания новых форм и тем.

В нынешнем году была отмечена премией Тагора книга Биноя Гхоша «Культура Бенгалии». Со времени создания Индийской республики бенгальское правительство ежегодно присуждает лучшим произведениям две премии Тагора, а Индийская академия литературы вот уже три года как присуждает премии четырнадцати лучшим произведениям, написанным на четырнадцати языках Индии. В 1955 году эту премию получил ныне покойный поэт-бенгалец Джибанананд Дас за книгу избранных стихов. Премию Тагора в том же году получила писательница Ранн Чанда за книгу об индийских паломниках «Полный кувшин». В следующем году книга автора этих строк «Клиника индийского врача» была отмечена одновременно премией Тагора и премией Академии. Она посвящена жизни и деятельности одного выдающегося врача; ее хорошо принял читатель. Теперь Академия готовит издание этой книги на четырнадцати языках Индии. В прошлом году обе премии получил Премendra Митра за сборник поэм «Возвращение с моря». Эта книга — образец современной бенгальской поэзии.

С самого начала нашего века в Бенгалии усилился интерес к произведениям иностранной литературы. Лучшие ее образцы переводятся на бенгальский язык. В наши дни стремление бенгальцев познакомиться с литературой и жизнью других народов возросло небывало. Бенгальские писатели глубоко верят в благотворное действие культурного обмена между странами. Эта вера объясняет их энтузиазм и энергичную деятельность, которую они развивают в связи с созывом конференции писателей стран Азии и Африки. С этой верой они шлют своих представителей на эту конференцию,

---

ИОСИЭ ХОТТА

Японский писатель

Лицом к Азии

Японская литература минувших веков развивалась под значительным воздействием идейных течений других азиатских стран — в первую очередь этических учений Китая, а также религиозно-буддийских доктрин Индии. Однако с тех пор, как после буржуазной революции 1868 года Япония все свои усилия обратила на скорейшее приобщение к западноевропейской цивилизации, культура азиатских стран, к сожалению, совершенно перестала интересовать японцев. И хотя Япония сама является азиатской страной,

взоры ее в области культуры были постоянно обращены к Европе. Именно поэтому в духовной жизни японского народа явно чего-то недоставало, обозначилась какая-то пустота.

Влияние Запада сказывалось на японской литературе в разные исторические периоды по-разному. Первым проник в Японию политический роман Франции и Англии. Было это в период революции Мэйдзи. Под воздействием этой литературы появилось то, что принято называть теперь «политическим романом Мэйдзи», и начался период становления новой литературы. Вслед за тем Япония познакомилась с Флобером, Мопассаном, Золя. Они оказали благотворное влияние на развитие японской реалистической литературы. Роман Таяма Катай «Постель», произведения Токуда Сюсай, шедевр Симадзаки Тосон «Перед рассветом» — лучшие образцы японской литературы этого направления. Роман «Перед рассветом» рисует нам Японию в период революции Мэйдзи. Если бы эта книга была переведена на русский язык, она помогла бы советским людям лучше понять японцев, их психологический склад, исторические условия их жизни. Эта книга, пожалуй, занимает такое же место в нашей литературе, как «Хождение по мукам» Алексея Толстого в русской.

Почти одновременно Япония узнала русскую литературу — от Пушкина до Горького. В десятых годах нашего века творчество русских писателей пробудило в японской литературе гуманистическую струю. Особенно сильное влияние в этом смысле оказал на нее Лев Толстой. В Японии появилось целое литературное направление, известное под названием «Белая береза». К нему принадлежали такие выдающиеся писатели, как Санэацу Мусьякодзи, Наоя Сига, а такое произведение, как «Пути во мраке» Наоя Сига, стоит в одном ряду с романом Симадзаки Тосон «Перед рассветом» и принадлежит к лучшим созданиям новой японской литературы. Достоевский показал японским писателям, как надо изображать человека во всей сложности его духовного мира, показал «загадочность» человеческой личности и свойственных человеку переживаний. В Японии никогда не уменьшается число его читателей и почитателей. Чехов же помог японцам лучше понять их собственную жизнь, лучше уяснить характер тех непрерывных социальных потрясений, которые свойственны японскому обществу.

Вслед за русской большое влияние на японскую литературу оказала литература Франции XX века. Оно не столько сказалось на самих художественных произведениях японских литераторов, сколько способствовало оживлению японской литературной критики.

Многому научился у французских критиков, в особенности у тех, кто выступал на этом поприще после Сент-Бёва, такой видный японский критик, как Хидэо Кобаяси. Ему принадлежат глубокие исследования творчества Достоевского и национальной японской литературы.

В последние десятилетия большое воздействие на развитие новой японской литературы оказал марксизм. Однако в силу жестоких преследований со стороны реакционных властей, а также из-за незрелости молодых прогрессивных литераторов идеи марксизма на первых порах воспринимались и преломлялись несколько упрощенно, механистически. За исключением нескольких более или менее удачных вещей, число которых, к сожалению, невелико, они пока еще не привели к созданию значительных произведений японской литературы. Тем не менее можно назвать широко известный переведенный на многие языки роман Сунао Токунага «Улица без солнца», многие произведения Такидзи Кобаяси, Юрико Миямото, стихи и романы Сигэхару Накано. В наши дни идеи марксизма все глубже проникают в сознание японцев. После войны прогрессивная литература вновь возродилась и создала уже несколько хороших произведений, таких, например, как роман Сёдзи Симода «Остров Окинава».

Но как бы то ни было, можно считать роковой ошибкой то обстоятельство, что современная Япония всегда обращала свои взоры к литературе Европы, почти совершенно игнорируя Азию. И мне кажется, что это было своего рода национальной трагедией Японии, которая привела к определенному пробелу в духовном мире японцев. Пожалуй, можно сказать, что послевоенная судьба Японии — это возмездие за то, что японцы перестали сознать себя, свою страну частью Азии.

После военного разгрома в 1945 году Япония снова очутилась под сильнейшим политическим и экономическим давлением Запада, в особенности со стороны Америки,

однако, что касается влияния в области культуры, то современная американская литература, например, почти ничего не дала Японии. Японские литераторы занимают весьма критическую позицию, в отличие от современной американской литературы, и это, возможно, свидетельствует об определенном, достаточно высоком уровне развития самой японской литературы.

В последнее время в японской литературе наметился интерес к литературе и идеологии народов Азии, и возникло желание почерпнуть новые идеи из культурного источника Азии.

Вот почему интерес японских литераторов к конференции писателей Азии и Африки, которая состоится в Ташкенте — в самом сердце Азиатского материка, — имеет глубокие корни, уходящие в самую историю японского народа. Японские писатели надеются многому научиться у своих азиатских собратьев по перу и тем самым открыть новую страницу в развитии японской национальной литературы.

ГО СЯО-ЧУАНЬ

Китайский поэт

Во имя счастья народов

Мы с нетерпением ждем начала большого разговора о единстве, о дружбе, о литературе вообще и о поэзии в частности стран Азии и Африки, который, без сомнения, состоится на Ташкентской конференции.

Сюда, в Узбекистан, на землю великого поэта Алишера Навои, съедутся писатели со всех концов Африканского и Азиатского материков. В своей замечательной поэме «Фархад и Ширин» Навои на материале древней легенды, распространенной в равной степени и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии, и в Синьцзяне, создал два бессмертных образа, олицетворяющих благородство и красоту человеческой души. Существует версия, что Фархад был сыном китайского князя. Он без колебаний расстался с беспечной жизнью в роскошном княжеском дворце и отправился в горы Армении, чтобы своим удивительным мастерством камнереза помочь прорубить гранитную скалу, преграждавшую путь источнику. Вот как говорится в поэме о его приходе:

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?
Он добровольно нам в беде помог...
Сокровища растрчивала я,
Напрасный труд оплачивала я
И говорила уж себе самой:
«От той затеи руки ты умой.
Арык не будет сделан никогда,
И во дворец мой не пойдет вода!»
А этот чужеземец молодой,
Я верю, осчастливит нас водой.
Чем эту птицу счастья привязать?
Ей нужно уваженье оказать.

Как трогательно выражено здесь неумирающее чувство единения и дружбы между людьми! Неверно было бы видеть в поэме только любовь китайского юноши Фархада к армянке Ширин. Это глубоко символические образы. В их дружбе и любви отражены отношения между народами Востока, существовавшие в глубокой древности и сохранившиеся до наших дней.

Мы можем с гордостью сказать: мы не забыли мудрых уроков наших предков. В нашу эпоху, в особенности в последние годы, традиционная дружба между народами Азии и Африки крепнет и ширится. Мы живем в мире друг с другом и глубоко уважаем друг друга. И тот факт, что посланцы наших народов решили провести свою историческую встречу на родине потомков великого Навои, — яркое тому свидетельство. Взоры всех китайских писателей прикованы ныне к Узбекистану,

к Ташкенту, к конференции. Мы надеемся, что эта конференция будет содействовать не только дальнейшему процветанию литератур стран Азии и Африки, но и еще большему укреплению их единства и дружбы.

В дни, когда шла подготовка к конференции, в сердцах народов снова поселилась тревога. Американские и английские агрессоры топчут солдатским сапогом землю Ливана и Иордании. Писатели, собравшись в Ташкенте, не забудут о том, что землю Азии и Африки орошают не только благодатные дожди, но и кровавые слезы. Бремя чужеземного ига, которое, как тяжелая скала, долгие годы давило на плечи наших народов, еще не уничтожено до конца.

Как нужны сейчас бесстрашные и умелые люди, подобные Фархаду! Об этом нам, поэтам, нельзя забывать. Обсуждая вопросы единства, дружбы, литературы, мы должны смотреть на наши конкретные задачи с высоты великих целей. Во имя счастья наших народов мы должны не шадить своих сил.

От всего сердца приветствую конференцию писателей стран Азии и Африки.

ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ

По страницам иностранных литературных журналов

Трибуна Литераторов Кореи

Журнал «Чосон мунхак» — одно из самых популярных изданий в стране.

«Чосон мунхак» — ровесник демократической Кореи, он стал издаваться вскоре после освобождения страны от японского колониального режима. И с первых же своих шагов он привлек к себе все лучшие литературные силы республики, стал их трибуной. Именно на страницах «Чосон мунхак» появились первые произведения, посвященные жизни освобожденного народа.

Нелегкими путями пришлось идти корейской демократической литературе. Ведь еще немногим более десяти лет назад национальную культуру сковывали, душили цепи японских колонизаторов. Правда, и тогда, в годы безвременья, жили среди передовых литераторов Кореи демократические тенденции. Видные деятели Корейской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), существовавшей с 1925 года, такие, как Хан Сер Я, Ли Ги Ен, Тё Мён Хи, Сон Ен, Цой Со Хэ и другие, еще до освобождения страны создали немало произведений, в которых воспевали стремление народа к свободе, выражали гневный протест против гнета и унижения простого человека. Два романа корейских писателей того периода — «Человеческая проблема» Кан Гён Э и «Сумерки» Хан Сер Я — вышли в переводе на русский язык (последний — весной этого года), и советский читатель может оценить мастерство этих больших художников.

Но только после 15 августа 1945 года перед литераторами КНДР открылся широкий творческий простор. Вернулись к активной деятельности «старые» писатели. В литературу пришла молодежь. Литературная жизнь переживала благодатный период расцвета, какого прежде не знала Корея. И этому во многом способствовал журнал «Чосон мунхак», который собирал вскруг себя литературные силы, сплачивал их. На его страницах впервые увидел свет роман «Земля» Ли Ги Ена (тоже знакомый советскому читателю), романы и повести Хан Сер Я, страстная поэзия Тё Ги Чена, стихи Пак Пхар Яна и Пак Се Ена.

О чем же пишет журнал сегодня? Вот июльский номер; в разделе поэзии привлекает стихотворение Ан Рён Мана «Родина моя». Читаешь его, и с каждой строкой перед тобой раскрываются страницы героической, полной пафоса борьбы и созидательного труда истории корейского народа. Поэт вспоминает «сопки, где каждый куст, как брата, встречал партизан», говорит о приходе советских бойцов, сделавших мечту о свободе прекрасною явью. Ан Рён Ман рисует картину «буйного моря золотистых риса колосьев», воспевает призывные гудки заводов. Поэт с радостным волнением видит, как быстро поднимаются и крепнут ростки новой жизни.

Ан Рён Ман — молодой поэт. «Родина моя» — одно из первых его стихотворений. Еще не отточено его поэтическое мастерство, но взволнованность стихов, их искренний пафос не могут не тронуть душу читателя.

В этом же номере «Чосон мунхак» опубликовано еще несколько стихотворений, среди них особенно запоминается «Разговор с делегатом Африки» Чон Ха Чхона. Поэт рассказывает о своих встречах на четвертом конгрессе Всемирной федерации профсоюзов, изливает свои теплые чувства к трудовым людям Черной Африки, для которых «потерять работу — значит лишиться жизни». Чон Ха Чхон вспоминает, что так совсем недавно было и в Корее, но «те мрачные дни уже канули в вечность».

Корея

«Чосон мунхак» («Корейская литература»), ежемесячный литературно-художественный журнал. № 7—8. 1958. Год издания одиннадцатый. Пхеньян. Издательство Союза корейских писателей. Главный редактор Пак Ун Голь.

★

Теме интернациональной дружбы, солидарности народов стран социализма посвящены стихи «В городе, очень далеком от Кореи», «Друг», «Интернационал», «Она должна жить» — об алжирской патриотке Джамиле и другие.

Много стихов в «Чосон мунхак» посвящено трудовым будням народа. Ветеран корейской поэзии Пак Пхар Ян, который еще в 1925 году был одним из организаторов Корейской ассоциации пролетарских писателей, в стихотворении «Домна» воспевает героев металлургического завода в Сонниме.

Почти в каждом номере журнал публикует новый роман или повесть. Характерно, что корейские писатели смело берутся за современную тему, много пишут о людях своей родины, которые в невиданно короткие сроки сумели восстановить страну из руин и пепла. Конечно, не все эти произведения удалась полностью. Но радует искреннее стремление молодой литературы создать образ своего героического современника. Вот один из таких людей, старый слесарь Квон — герой одноименной повести Ким Сан О. Квон трудится всю жизнь, он стал настоящим мастером своего дела. Сын его — начальник департамента в министерстве. Отцу в его преклонные годы можно бы пойти на пенсию. Но не таков старый Квон, ворчливый и беспокойный. Он не хочет бросить работу, понимая, как нужны именно сейчас его опыт и знания. Образ Квона выписан с большой убедительностью, и вся повесть — несомненная удача писателя Ким Сан О.

Несколько произведений, опубликованных в этом году в «Чосон мунхак», посвящено корейской деревне, трудностям в становлении новой жизни. Но не на них, а на опубликованном недавно в «Чосон мунхак» романе Юн Се Дюна «В огне испытаний» хочется мне остановиться.

Писатель задался целью нарисовать широкую картину трудового героизма людей, восстанавливающих металлургический комбинат, хочет показать, как преодолевались огромные трудности, вставшие на пути рабочих, и как в огне борьбы закалялся человек, как он поднимался до нового, социалистического отношения к труду. Сам писатель долгое время был на этом заводе простым рабочим, жил вместе с рабочими. Сюжет романа вкратце таков. Герой романа Рим Тхэ Ун, сын рабочего-металлиста, окончил советский вуз. По возвращении на родину он направляется инженером мартеновского цеха комбината. В это время в цехе шли восстановительные работы пятидесятитонного мартена. Бригадир восстановителей Ким Ю Сан — старый рабочий, не жалеющий ни сил, ни времени, чтобы быстрее ввести в строй печь. Но не все в его бригаде думали и действовали так же, как он. Со Ман Док — тоже опытный рабочий, но он по-иному относится к своему труду. «Зачем спешить? — рассуждает он. — Поспешить — людей насмешить». Со Ман Док оказывает дурное влияние и на других рабочих, работы тормозятся. Со Ман Дока поддерживает профессор научно-исследовательского института Ким Дэ Чун, который «научно» обосновывает невозможность в короткие сроки пустить мартен.

Основной конфликт возникает между энергичным инженером Рим Тхэ Уном и рабочим Ким Ю Саном, с одной стороны, и профессором Ким Дэ Чуном — с другой. Рим Тхэ Ун решил реконструировать печь и довести ее объем до ста тонн. Профессор Ким Дэ Чун и молодой научный сотрудник — девушка Юн Сон Дю воспротивились этому. Рим Тхэ Уна поддержали партийные организации. В итоге все-таки удалось пустить стотонный мартен. Но на этом конфликт не исчерпан. Когда молодой инженер стал вводить новую технологию плавки стали, пытаться варить металл скоростными методами, против этого выступило большинство рабочих во главе с начальником цеха и профессором, который занимал должность научного консультанта. Опытные плавки не удались, сказалось пассивное сопротивление противников новаторства Рим Тхэ Уна. В довершение всего, рабочий Ким Ю Сан получил тяжелые ожоги и попал в больницу. Против инженера-новатора возбудили «дело», обвинив его в легкомысленном отношении к технике безопасности и в авантюризме в производственных вопросах.

Но тут вскрылись факты, которые не были известны ранее. Оказалось, что профессор Ким Дэ Чун в прошлом активно сотрудничал с японцами и сейчас продолжал вести вредительскую деятельность. Сыграли свою роль и личные мотивы в отношениях между профессором и инженером. Рим Тхэ Ун однажды выступил в инсти-

туте с разоблачением профессора, который, имея жену и нескольких детей, надругался над одной аспиранткой. С тех пор профессор стал мстить инженеру. Ему удалось ввести в заблуждение и начальника цеха, консервативного, но честного человека, и отсталого рабочего Со Ман Дока и многих других.

Рим Тхэ Уна решено снять с должности инженера. В это время из министерства поступает указание освоить технологию новой марки стали, а опытные работы поручить Рим Тхэ Уну. Дважды опыты оказываются неудачными. Инженер днями не выходит из цеха. Даже те, кто раньше еще верил инженеру, как, например, директор комбината, и то начали сомневаться в его способностях и рекомендовали прекратить опыты. Но Рим Тхэ Ун не соглашается. Состоялось бурное цеховое собрание. Большинство осуждает Рим Тхэ Уна. Это же хотел сделать и рабочий Со Ман Док. Но, накануне выпив изрядно, он проболтался, начал говорить о том, как его уговаривал профессор и поучал, что говорить. Зал зашумел. Выступила и аспирантка Юн Сон Дю, до этого поддерживавшая доводы профессора. Но в последнее время у нее зародились сомнения. Проверив их, она пришла к выводу, что позиции инженера правильны, и об этом сказала на собрании. В итоге было решено дать Рим Тхэ Уну возможность закончить опытные плавки. Вскоре новые опыты принесли успех. Рим Тхэ Уну удалось доказать свою правоту.

Такова основная сюжетная линия романа.

Роман Юн Се Дюна вызвал большие споры среди корейских критиков. Одни положительно оценивали его. Критик Пак Ян Ен писал, например: «В этом произведении мы увидели и полюбили молодого инженера Рим Тхэ Уна, выросшего в рабочей семье. Он вызывает стремление подражать ему. В этом романе мы познакомились и с другими людьми, узнали их характеры. Каждый из них поучителен. Нет сомнения в том, что роман «В огне испытаний», правдиво отражающий нашу действительность, будет с интересом прочитан читателями».

Несколько иного мнения критик Юн Се Пхен. В июльском номере «Чосон мунхак» он подробно разбирает этот роман в статье «Тема социалистического труда и проблема ее отражения». В целом положительно оценивая роман, он указывает и на его недостатки. Так, по мнению критика, роман страдает рыхлостью композиции, не оправдано перенесение действия из стен института на завод и так далее. Критику кажется лишней сюжетная линия аспирантки Юн Сон Дю, да и вообще весь традиционный «треугольник»: Рим Тхэ Ун — профессор — аспирантка. Юн Се Пхен считает неудачным поведение парторга Пак Чхен Мина, нетипичным образ рабочего Со Ман Дока и некоторых других персонажей.

Безусловно, доля истины есть в этих замечаниях критика. Но нельзя, на наш взгляд, утверждать, будто Со Ман Док, да и другие отсталые рабочие, выступающие в романе, нетипичны, нежизненны. Здесь, нам думается, сказалась тенденция, нередко, кстати сказать, проявлявшаяся в корейской критике, к известному приглаживанию, приукрашиванию действительности. Но так ли уж гладко происходит сложный процесс утверждения подлинно социалистического отношения людей к труду? Такой ли уж безобидный характер носит классовая борьба на нынешнем этапе социалистического преобразования в КНДР?

Вряд ли кто даст утвердительный ответ на эти вопросы. А между тем над ними да и над многими другими вопросами, выдвигаемыми жизнью, следует задуматься и писателям и критикам. Правда, в последнее время в литературных кругах КНДР усилился интерес к теоретическим проблемам. Печать Кореи не всегда уделяла им столько внимания, как в минувшем и нынешнем году.

Большое место занимают эти вопросы и в «Чосон мунхак». В этом году журнал опубликовал несколько интересных статей, таких, например, как «За тесную связь критики с жизнью и творчеством» Ким Мен Су (№ 3), «На пути к высокому художественному мастерству» Ке, Бука (№ 2) и другие. Появление этих статей было вызвано тем, что в литературных кругах КНДР и по сей день, к сожалению, раздаются голоса, которые, правда не всегда прямо, заявляют о необходимости пересмотреть отношение к методу социалистического реализма, дескать, этот метод повинен в появлении слабых книг, не вызывающих у читателя интереса, не волнующих его.

«Чосон мунхак» дал достойную отповедь, показал всю несостоятельность рези-

зионистских уловок таких писателей, как Хон Сун Чер и его сторонники. Журнал разбил их фальшивые доводы и показал, что создавать и хорошие и плохие произведения можно, пользуясь самыми разными художественными методами. Разве литература критического реализма всех стран и народов создала одни лишь шедевры, которые вошли в мировую сокровищницу?! Точно так же и литература социалистического реализма создала и свои хорошие образцы, наряду с произведениями слабыми, незрелыми.

Разве, называя имя писателя Ли Ги Ена, мы не вспоминаем колоритные образы батрака Квак Ба Би, ставшего вожакom крестьян после освобождения Кореи, крестьянина Теи До Рена, революционеров Сен Нима и Сок Пона?! Разве, когда мы говорим: писатель Хан Сер Я — перед нами не встают образы рабочих Мен Хо и Чун Сик, интеллигентов Ре Сун и Тхе Хо?!

Конечно, ярко выписанный образ положительного героя не такое уж частое явление и на страницах «Чосон мунхак» и в книгах корейских писателей. Но это объясняется отнюдь не свойствами метода социалистического реализма, а незрелостью самих произведений, степенью дарования их авторов. Вот бригадир сельскохозяйственного кооператива Кун Чхиль из повести Кан Хён Гу «Ячмень» (№ 5). Автор задался благой целью показать ростки социалистических отношений в корейской деревне, становление коллективного хозяйства крестьян. Но герой повести Кун Чхиль получился безликим, какой-то ходячей схемой. Он сразу все видит, одним взмахом руки разит врагов кооператива, в два счета справляется со стихийным бедствием, грозившим погубить посевы ячменя. И говорит он будто бы правильно, но читатель не верит ему. Уж слишком смахивает он на лубочного праведника, которому приделай только крылышки — и попадет он в рай. И противник Кун Чхилиа, кулак Ток Вон, который вначале активно действует во вред кооперативу, вдруг сразу же, едва только Кун Чхиль выступил против него, становится смиренным ягненокom.

Неудачи повести «Ячмень», как и пьесы Хван Ы Хен «Крестьяне», романа Хван Гона «Плато Кэмак» и некоторых других недавно появившихся произведений, протекают, на наш взгляд, из недостаточного знания писателями жизни, из незрелости художественного мастерства. Последнее сказалось во всем: и в неумении проникнуть во внутренний мир своих героев, передать их переживания и чувства, и в неудачной композиции, рыхлости повествования. Так, в рассказе «Кокс» писатель Ли Гап Ки добрую половину отвел описанию технических изобретений рабочего Ким Му Соба, ходу восстановления металлургического завода. Сам герой и другие рабочие не живут, не действуют — они лишь бесплотные тени на фоне разрушенных домов и вагонеток.

Читая в «Чосон мунхак» статьи Ким Мен Су, Он Хо Сожа, Чо Чун Гона и других корейских критиков, выступавших по вопросам литературной теории или же разбиравших отдельные произведения, приходишь к выводу, что теоретический уровень корейской критики стал значительно выше. Отрадно и то, что в ней появились новые имена.

Говорят, в спорах рождается истина. Дискуссии, которые в последнее время стали частым явлением в литературной жизни Кореи, помогли корейским писателям осмыслить сложные проблемы литературного творчества, выявить верное направление в своей работе. «Если до Второго съезда писателей КНДР, — пишет в мартовском номере «Чосон мунхак» критик Ким Мен Су, — в нашей критике наблюдалась тенденция вульгаризации социалистического реализма и известный догматизм, то сегодня мы стоим на позициях бескомпромиссной борьбы против этого. Если в прошлый период в области критики имели место неприципиальное захваливание или, наоборот, незаслуженный «разнос» отдельных произведений, то теперь с этим покончено. Если раньше были случаи, когда мнение, раз высказанное каким-либо литературным «авторитетом», тут же слепо подхватывалось другими критиками, то теперь наша работа проходит в обстановке творческих дискуссий, глубокого анализа, борьбы противоположных мнений».

Сейчас литература демократической Кореи на большом подъеме. Чувствуется, что корейские писатели не хотят отставать от уверенной поступи своего народа. И в этом большую роль играет журнал «Чосон мунхак» — боевая трибуна литераторов демократической Кореи.

Д. УСАТОВ.

В БОРЬБЕ ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА

ГДР

Немецкий писатель Эрвин Штрिटтматтер, выступая недавно на конференции по вопросам социалистического реализма, рассказал о таком случае. В деревне, где он живет, созвали однажды собрание членов сельскохозяйственного производственного кооператива. Собрание было немаловажным — требовалось утвердить план развития общественного животноводства. Казалось, все было предусмотрено: проведена соответствующая разъяснительная работа, были приглашены представители районных властей, наметили докладчика, но... собрание не состоялось. И не состоялось вот по какой причине: в этот вечер в семье деревенского богача, яркого врага новых порядков, стравляли свадьбу. Любителей бесплатного угощения оказалось немало, нашлись такие и среди членов кооператива, кстати сказать, еще весьма немногочисленного по своему составу. Таким образом, план остался неутвержденным, а кулак торжествовал победу.

«Зоннтаг» («Воскресенье»), еженедельник по вопросам культуры, политики и развлечений. №№ 24—29. 1958. Место издания — Берлин, ГДР. Год издания 13-й. Главный редактор Бернт фон Кюгельген.

★

Если бы какой-нибудь писатель, продолжал Э. Штрिटтматтер, задумал положить эти факты — а ведь они действительно имели место — в основу литературного произведения, то картина получилась бы довольно безрадостная: пьянка среди членов кооператива, отсутствие заинтересованности в развитии животноводства, всеислие кулака, с такой легкостью срывающего важные политические мероприятия. Именно так можно было написать об этом, не зная о дальнейшем ходе событий, не понимая основных тенденций исторического развития Германской Демократической Республики. А события-то происходили дальше вполне закономерно: собрание было проведено на следующий день, в кооператив вступили новые члены, через неделю кулака оштрафовали за незаконный убой скота, а спустя еще некоторое время деревенский богатей окончательно утратил свою власть и влияние, на него отказались работать не только его батраки, но даже собственный сын, чью свадьбу он отпраздновал с такой пышностью.

Если бы какой-нибудь писатель, продолжал Э. Штрिटтматтер, задумал положить эти факты — а ведь они действительно имели место — в основу литературного произведения, то картина получилась бы довольно безрадостная: пьянка среди членов кооператива, отсутствие заинтересованности в развитии животноводства, всеислие кулака, с такой легкостью срывающего важные политические мероприятия. Именно так можно было написать об этом, не зная о дальнейшем ходе событий, не понимая основных тенденций исторического развития Германской Демократической Республики. А события-то происходили дальше вполне закономерно: собрание было проведено на следующий день, в кооператив вступили новые члены, через неделю кулака оштрафовали за незаконный убой скота, а спустя еще некоторое время деревенский богатей окончательно утратил свою власть и влияние, на него отказались работать не только его батраки, но даже собственный сын, чью свадьбу он отпраздновал с такой пышностью.

Вопрос, затронутый в выступлении Э. Штрिटтматтера, — это вопрос о жизненной правде, о коренном отличии ее от бескрылого правдоподобия, от слепого следования за фактами, произвольно выхваченными из реальной действительности. Для писателей Германской Демократической Республики, где в условиях классовой борьбы утверждаются основы нового, социалистического бытия, умение правильно разобраться в происходящих событиях, определить подлинную правду жизни приобретает первостепенное значение. Однако, как отмечает передовая немецкая критика, не всем и не всегда это удается.

Некоторые писатели, стремясь к ложно понятой объективности, старательно выискивали отрицательные, теневые явления в окружающей действительности, несомерно преувеличивали их опасность и, напуганные ими же самими раздутыми фактами, пытались «напугать» и своих читателей, посеять в них сомнение в правильности того пути, которым Германская Демократическая Республика идет к миру и социализму. В определенных кругах молодых поэтов стало «модным» подражать дурным образцам западной литературы, воспевать в своих стихах «мировую скорбь» и безысходность.

Не рассказывай мне
о силе твоих рук.
Камни ломаешь ты,
деревья ломаешь ты,
хлеб ломаешь ты,
но свергнешь ли ты давящий тебя гнет?
Я не верю
в силу твоих рук, —

так писал молодой, не лишенный таланта поэт Гейнц Калау, открыто выражая неверие в силы и способности рабочего класса сбросить с себя ярмо капиталистической эксплуатации.

«Мы обращаемся к миру. В стихах мы ставим вопросы себе и вам. Дайте нам ответ!» — под таким девизом выходила до недавнего времени в Германской Демократической Республике библиотечка современной немецкой поэзии. Следуя этому призыву, некоторые авторы считали для себя необязательным и ненужным активно вмешиваться в жизнь, давать ясный и недвусмысленный ответ своим читателям на волнующие вопросы современности.

Причины этих нездоровых явлений в немецкой литературе следует искать не только в том вредном влиянии, которое оказывает на неустойчивую часть писателей декадентская литература Запада, но и в неправильном освещении основных вопросов литературной теории, имевшем место на страницах демократической немецкой печати. Идеальная путаница в работах некоторых литературоведов и критиков, неумение их разобратся в особенностях художественного творчества способствовали известному оживлению упадочнических и ревизионистских настроений. Как уже отмечала немецкая партийная печать, серьезный вред литературе нанесли ревизионистские наскоки на принцип социалистического реализма, попытки принизить значение немецкой пролетарской литературы двадцатых — тридцатых годов и произведений, посвященных жизни Германской Демократической Республики, что было характерно для статей ренегата А. Канторовица, А. Антковица и некоторых других.

За последнее время писательская общественность ГДР уделяет большое внимание вопросам литературной теории и критики. На страницах газет и журналов все чаще появляются глубокие и содержательные статьи, авторы которых творчески раскрывают проблемы социалистического реализма, дают сокрушительный отпор явным и замаскированным попыткам ревизовать основные положения марксистско-ленинской эстетики. Справедливой и принципиальной критике были подвергнуты ошибочные концепции проф. Ганса Майера, против которых выступал в свое время и наш журнал (см. «Новый мир» № 3 за 1957 год), а также отдельные положения статей Г. Цвойдрака, Г. Дейке, Е. Герлаха, дезориентировавшие немецких писателей, удивившие литературу Германской Демократической Республики в сторону от важных и актуальных задач.

В борьбе за очищение литературной теории от ревизионистских и демагогических извращений активно участвует и еженедельник «Зоннтаг». Именно этот еженедельник, весьма популярный в кругах интеллигенции, пытались года два тому назад пробравшиеся в редакцию вражеские элементы превратить в рупор чуждых, антисоциалистических идей. Но все эти попытки были решительно пресечены, и со страниц газеты повеяло дыханием борьбы за новую литературу. В опубликованных за последнее время статьях К. Либмана «Как представляется ревизионизм в искусстве?», Х. Енера «Против законсервированного искусства», А. Аккермана «За ясную и твердую линию» отстаиваются принципы социалистического искусства, искусства, служащего народу. К числу сотрудников были привлечены известные немецкие писатели и критики, которые помогли поставить еженедельник на верный путь, сделать его подлинным выразителем взглядов передовой литературной общественности.

В рассматриваемых нами номерах «Зоннтаг» опубликован интересный и важный материал о проходившей в Берлине в июне этого года теоретической конференции Союза немецких писателей, в работе которой приняло участие свыше трехсот писателей, критиков и представителей широких читательских кругов Германской Демократической Республики. Конференция подвела итоги прогрессивной немецкой литературы за послевоенные годы, наметила пути ее дальнейшего развития.

«Мы говорим открыто, что рассматриваем литературу как оружие, — заявила в своем докладе критик Иоганна Рудольф. — Мы отвергаем всякие попытки скрыть наши взгляды на политико-воспитательный характер нашей литературы, на ее роль, которую она может и должна играть в воспитании социалистического сознания».

Тесно связанные с народом, с партией рабочего класса, писатели Германской Демократической Республики успешно овладевают новой тематикой, совершенствуют свое художественное мастерство. Появившиеся за последний год произведения убедительно свидетельствуют о том, что передовая немецкая литература действительно помогает утверждению нового, беспощадно развенчивает идейно чуждые, враждебные взгляды. В числе таких произведений на конференции были названы романы Эрвина Штриттматтера «Чудодей», Герберта Иобста «Найденыш», Аннемари Рейнхард «День в ту-

мане», пьеса Гельмута Байерля «Выяснение», поэма Луи Фюрнберга и Кубы «Мирской гимн», новые стихи и рассказы Франца Фюмана.

Центральной фигурой романа «Чудодей» автор сделал молодого ремесленника Станислауса Бюднера, проследив его жизнь на фоне событий, разворачивающихся с 1909 по 1943 год. Унылое и безрадостное детство, колотушки и издевательства пекаря, к которому Станислаус был отдан в учение, потом потянулись казавшиеся бесконечными годы безработицы, постоянных неудач и лишений, а потом власть в Германии захватили гитлеровцы, и вскоре началась война. Бюднер никогда не задумывался над тем, почему так несправедливо устроен мир, в котором он живет. Покорно и безотчетно воспринимал он всё, как веление судьбы, как неизбежность. И только война заставила его наконец задуматься над смыслом всего происходящего. Нет, Бюднер не стал антифашистом, не вступил на путь сознательной борьбы с ненавистной ему войной. Просто он любил людей, жизнь и не хотел умирать. Бюднер дезертировал из гитлеровской армии и, переодевшись в монашескую рясу, отправился искать спасения в одном из монастырей на острове в Эгейском море. Неизвестно, как сложится дальше жизнь Станислауса Бюднера, — писатель опубликовал пока первую часть своего романа, — но заложённые в нем человеческие качества: доброта, готовность прийти на помощь попавшим в беду людям, природная сметка — позволяют надеяться, что со временем может из него выйти честный труженик, подобный тысячам других, чьими руками залечивались тяжелые раны, нанесенные Германии гитлеровскими правителями.

Содержащиеся в романе острые антиклерикальные мотивы вызвали злобное раздражение немецких церковных кругов, и автор, как он сам рассказал на конференции, получил уже немало угрожающих писем, написанных реакционными церковниками. Что ж, это лишний раз подтверждает, что сатирические стрелы, пущенные Штритт-маттером, точно попали в цель.

Историю жизни маленького подкидыша — Адама — рассказывает в своем романе писатель Герберт Иобст. Скитаясь по чужим людям, Адам разделяет горькую участь обездоленных. Единственным светлым воспоминанием детства осталась у него заботливая доброта приютившего его раббего, дяди Карла, который позволял Адаму вытаскивать за обедом самый большой кусок мяса из кастрюли. Но и это счастье было недолгим: дядю Карла расстреляли за участие в восстании 1924 года. Так суровая действительность неумолимо вторглась в жизнь маленького Адама и навсегда укрепила в нем любовь и симпатии к простым трудовым людям, ненависть к их угнетателям.

Писатель раскрывает в книге запоминающиеся картины немецкой действительности двадцатых годов, рисует яркие образы представителей различных социальных слоев Германии.

Если действие названных романов при всем их актуальном звучании относится к прошлому, то пьеса молодого драматурга Гельмута Байерля «Выяснение» написана по горячим следам событий сегодняшней немецкой действительности. Автор показывает возвращение в родную деревню крестьянина, бежавшего в Западную Германию из-за страха «быть записанным» в сельскохозяйственный производственный кооператив. Оправдываясь перед своими односельчанами, вернувшийся пытается свалить всю вину на председателя кооператива, якобы угрожавшего ему репрессиями. Однако дело обстояло не совсем так. Жители деревни принимают горячее участие в решении этого спора и общими усилиями выясняют истину. А истина заключалась в том, что и председатель, хотя и побуждаемый добрыми намерениями вовлечь в кооператив новых членов, не проявил нужного терпения, чтобы разъяснить крестьянину-единоличнику выгоды и преимущества коллективного труда, и сам крестьянин оказался слишком большим эгоистом, упрямо предубежденным против всего нового. Автор гневно обличает косность и предрассудки, мешающие перестройке немецкой деревни на социалистических началах.

Высокую оценку участников теоретической конференции получила поэма Фюрнберга и Кубы «Мирской гимн», посвященная Советскому Союзу, величественным подвигам советского народа, руководимого Коммунистической партией.

Успехи социалистической немецкой литературы могли быть еще значительнее, еще нагляднее, если бы литературная критика всегда оказывалась на высоте стоящих перед

ней задач, поддерживала новые и нужные творческие замыслы. В этой связи на конференции отчетливо прозвучало стремление положить конец ревизионистским тенденциям в литературной критике, связанным с работами Г. Лукача и некоторых его последователей в Германской Демократической Республике. С развернутой и убедительной критикой идейных ошибок Лукача на конференции выступили писатели Вилли Бредель, Александр Абуш, Отто Готше, Альфред Курелла и многие другие.

Конференция, писал «Зоннтаг», «явилась победой социалистического искусства... показала необходимость тесных связей с рабочим классом и идеологией этого класса, показала, что социалистический реализм — высший творческий метод в литературе, поставила перед нашими писателями задачу создать произведения о растущих новых людях из рабочего класса». Писатели Германской Демократической Республики снова подтвердили свою единодушную приверженность к идеям социализма и мира. В этом верный залог дальнейшего расцвета передовой немецкой литературы, литературы социалистического реализма.

В. СТЕЖЕНСКИЙ.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

БОРИС БАБОЧКИН

★

МЕСЯЦ В ИНДИИ*

Мадрас

Нам оставалось всего пять часов до отъезда на аэродром. Нужно было выспаться. Но в двенадцать ночи под окнами отеля «Вест-Энд» закричал первый петух. Ему откликнулись другие, и через минуту кричало, казалось, не менее ста петухов.

Я вскочил с постели, ничего не понимая, и даже в некотором ужасе. Многоголосое «кукареку» продолжалось. Я начал успокаивать себя тем, что мне это чудится. В самом деле, сколько же петухов может быть в центре Бомбея? Ну, пять-шесть... Значит, это просто от усталости.

Я попытался заснуть, но неистовый крик петухов продолжался. Я вышел на балкон шестого этажа. Неподалеку от отеля раскинулась освещенная площадь. За два дня нашего отсутствия она стала неузнаваемой: на ней разместились республиканская выставка домашней птицы. Несколько сотен птиц, опережая график, приветствовали завтрашний день — 12 января.

К нашим бессонным ночам прибавилась еще одна...

Ранним утром мы в последний раз проехали на машине по просыпающемуся Бомбею — неповторимому, единственному по своеобразию городу, который вобрал в себя, наверное, все существующие в мире контрасты.

На аэродроме нас уже ждали наши трогательные друзья — иптовцы. Последние рукопожатия, последние взмахи рук...

В большом четырехмоторном самолете много народу. С особым вниманием и уважением вводят и усаживают молодую женщину в ярком сари под элегантным европейским пальто. Она поистине редкой красоты, со строгим, хотя чуть сердитым лицом.

Почти все остальные места заняла большая группа туристов из Швейцарии — полный состав какого-то автомобильного клуба.

Самолет пролетел больше тысячи километров — всю Индию от берега Аравийского моря до Бенгальского залива. Там порт и столица штата, город с населением в полтора миллиона человек — Мадрас.

Большая группа встречающих шла нам навстречу по полю аэродрома. И вдруг наша индийская красавица, обогнав нас, присоединилась к встречающим. Ее лицо, показавшееся нам сердитым, было сейчас приветливым, добрым и милым.

Потом выяснилось, что это одна из самых замечательных танцовщиц Индии, одна из знаменитых «Траванкорских сестер» — Падмини. Она снималась в Москве в фильме «Хождение за три моря» и влюблена в нашу столицу. В Мадрасе она снимается, а завтра дает со своей сестрой Рагини концерт.

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 9 с. г.

Вместе с традиционной гирляндой цветов нам вручают приглашение на этот концерт.

Мы знакомимся со встречающимися. Это не только работники Ассоциации, но и члены других организаций и обществ Мадраса. Возглавляет делегацию человек, который сразу обратил на себя наше внимание. На нем белое дхоти и белая рубашка навыпуск; через плечо висит полотенце, на лбу желтая и две белые полосы. Этот невысокий человек по-европейски подвижен и по-индийски любезен. С ним его жена и две дочери. Девочки одеты по-европейски, мать — в национальном костюме, а ее уши и ноздри украшены более чем десятком крупных бриллиантов. В руках у женщины гирлянды цветов.

Это семья господина Субраманьяма. А сам господин Субраманьям — кинорежиссер и продюсер — крупный прогрессивный общественный деятель Индии, член Всемирного Совета Мира, президент Мадрасского центра искусств, Всеиндийской академии танца, вице-президент ИПТА и Южноиндийской ассоциации артистов и т. д. и т. п. К этому неполному списку чинов и званий можно было бы прибавить не менее страницы эпитетов, характеризующих энергию, деловитость, любезность и большое личное обаяние господина Субраманьяма.

Пока мадрасские фотокорреспонденты, а с ними и швейцарские туристы снимают церемонию встречи, господин Субраманьям приглашает нас безотлагательно нанести визит губернатору штата, о котором говорят как о большом знатоке и покровителе искусств.

Губернатор такого штата, как Мадрас, с населением почти в шестьдесят миллионов человек, это уже, в сущности, глава большого государства. Его белоснежный дворец стоит в парке, в котором, кстати сказать, живет тысяча антилоп.

Мы подъезжаем к дворцу вместе с господином Субраманьямом и одной из его дочерей — юной танцовщицей. В вестибюле дворца нас встречает громадного роста полковник — адъютант губернатора — и через великолепный зал с тремя хрустальными люстрами проводит в не менее великолепную приемную. Здесь все — произведения искусства: ковры, картины, скульптуры, мебель...

Губернатор спрашивает нас о московских театрах, высказывает свое сожаление по поводу того, что никогда не был в Москве. Правда, Художественный театр он видел во время его гастролей за границей и считает себя большим поклонником Станиславского и Немировича-Данченко. Губернатор очень ценит также вклад Эйзенштейна и Пудовкина в развитие мирового киноискусства...

Да, перед нами бесспорно культурный, знающий человек.

Обласканные его любезностью, мы начинаем мадрасский период нашего путешествия.

Пока машина везет нас в отель «Коннемара», мы рассматриваем город. Он производит странное впечатление. Непонятно, где же живут полтора миллиона человек, населяющих его? В тени садов — маленькие домики. Улицы узкие. Все имеет какой-то сельский вид. Жители почти голы.

Около отеля заклинатели змей со своими кобрами, удавами и мангустами ждут заказчиков и зрителей. Бой мангусты с коброй продолжается меньше минуты. Заклинатель играет на дудке — из корзинки поднимается кобра с раздутой шеей и ненавидящими всех глазами. Заклинатель перестает играть и выпускает из другой корзинки мангусту. Кобра пытается от нее ускользнуть, но мангуста мгновенно настигает ее и математически точно, молниеносно перегрызает ей позвоночник у затылка. Представление окончено...

После короткого отдыха господин Субраманьям снова берется за дело. В течение двух дней он проявлял бешеную энергию, стараясь, чтобы

мы увезли с собою из Мадраса максимум впечатлений. Его административный размах и организаторские способности парализовали нашу волю, и мы чувствовали себя почти что пленниками. Но этот плен был очень приятным, а наша мадрасская «программа» насыщенной и предельно интересной.

Первый визит — в музей музыкальных инструментов, который является в то же время чем-то вроде научно-исследовательского института. Он расположен во втором этаже очень хорошего театрального здания, первого в Индии, где мы увидели не только большой зал и хорошую сцену, но и великолепную отделку лестниц, фойе и т. д. В музее собраны все старинные народные музыкальные инструменты Индии начиная от первобытных примитивных барабанов, флейт, каких-то тычков на палке с одной веревочной струной, пастушьих рожков и медных труб длиной в три метра, и кончая сложнейшими конструкциями струнных инструментов, разукрашенных прекрасными инкрустациями. Здесь и набор простых стеклянных пиал с водой, по которым стучат деревянными палочками, и обыкновенная мандолина.

Мы постучали по барабанам и по ксилофонам, подудели в трубы, доставив нашим хозяевам большое удовольствие, и перешли к другому, так сказать, изобретательскому и конструкторскому отделу музея. В заключение директор музея — «лучший знаток музыки во всей Южной Индии» — сыграл нам печальную, заунывную мелодию на скрипке. Потом, полюбовавшись закатом солнца и великолепной набережной Мадраса, мы поехали в клуб Южноиндийской ассоциации артистов.

Эта ассоциация, вице-президентом которой является наш друг Субраманьям, зародилась, как мне здесь сказали, еще около тысячи лет назад. Факт замечательный, и мы высказали мнение, что хорошо бы отпраздновать этот юбилей, пригласив на него все театральные организации мира.

Клуб ассоциации занимает всего две комнатки во дворе небольшого домика, в тени пальм. Обстановка более чем скромная. В одной из комнат — большая фотография красивого молодого мужчины и три совершенно натуралистически раскрашенные гипсовые статуэтки: Будды, Христа и Махатмы Ганди.

Собралось человек двенадцать актеров, одни мужчины. Присхал и сам Рамчандр — «великий индийский киноактер», чей портрет висит на стене клуба. «Великий» — это, очевидно, его официальное звание.

Рамчандр очень красив и очень скромен. Ему примерно 35 лет. У него буйная шевелюра, огненные глаза и детская улыбка. В театре он трагический актер, но играет только в индийском репертуаре. А жаль, это был бы великолепный Отелло! В кино он герой и режиссер. У него одновременно больше двадцати контрактов, и работает он буквально день и ночь. Судя по глубокой почтительности, которую ему оказывают окружающие, даже те, кто много старше его по возрасту, Рамчандру принадлежит исключительное место в индийском театре.

Вечером мы были в театре. Он похож на наш Зеленый театр ЦПКО. Зрители, около четырех тысяч человек, сидят на открытом воздухе, места расположены амфитеатром. Небольшая сцена радиофицирована.

Шла пьеса об одном из героев Национального восстания 1857—1859 годов, владетельном князе, живущем в роскошном дворце.

Представление интересно необычайно высоким профессионализмом, которым отмечены все элементы спектакля. Смена картин молниеносная, буквально после минутного затемнения раздается полицейский свисток и возникает совершенно новая сцена. Костюмы актеров роскошны и ослепительны. На передевание тратятся считанные секунды — это настоящая трансформация.

По жанру пьеса, несмотря на ее героическое содержание, — типичная оперетка с балетом, пением, музыкой и световыми эффектами, которыми явно злоупотребляют.

Актеры говорят в быстром темпе, не общаясь друг с другом, а обращаясь в зрительный зал. Пауз нет. Все это производит впечатление пулеметной перестрелки. Впрочем, тамилы (основное население штата Мадрас) вообще говорят очень быстро.

За кулисами нас поразили идеальный порядок, тишина и четкость всего процесса закулисной жизни. Иначе, вероятно, и нельзя при столь быстром темпе и таком количестве перестановок и переодеваний.

Публика замечательно принимает спектакль, очевидно предьявляя к нему именно те требования, которые он и удовлетворяет. Это — ремесло, но ремесло высокого класса. Очень своеобразное и интересное зрелище.

Почти в полуобморочном состоянии от усталости мы наконец вернулись в отель. Петухов в эту ночь не было. По неопытности мы при открытых окнах зажгли в комнатах свет. А когда хватились, было поздно: в комнатах стало темно от тропических комаров.

Ночь прошла более чем тревожно, а уже в восемь часов утра в вестибюле отеля нас ожидал неутомимый Субраманьям. Опять садимся в машину и мчимся по городу, куда-то заезжаем, пересаживаемся в другой автомобиль, едем дальше, снова пересаживаемся и снова едем. Наконец Субраманьям передает нас своему сыну, звукооператору киностудии, и через час мы на берегу океана.

Раскаленный песок, раскаленное небо, маяк на берегу и безбрежный седой океан... Красиво так, что дух захватывает. Здесь такие же, как в Эллоре, храмы, высеченные из скал. Они сооружены в I веке до нашей эры. Их окружают изваяния слонов, быков, львов. Один из храмов — на самом берегу. Он защищен от волн нагромождением больших кубических камней. Их заливают морская вода, в их расщелинах живут крабы.

Я влез на камни, чтобы сфотографировать храм. Двое голых мальчишек стремглав подбежали ко мне, схватили меня за руки и стащили на сухой берег. На камнях быть нельзя — может смыть волной. Мальчишки, жестикулируя, пытаются рассказать, очевидно, какую-то страшную историю и показывают на дощечку с надписью: «За жизнь купающихся правительство штата не отвечает. Акулы!» Мы отошли на почтительное расстояние — подальше от греха!

Неподалеку отсюда — знаменитый барельеф «Сошествие Ганга», высеченный в скале в VII веке. Это удивительная по композиции, в добрых три сотни квадратных метров, аллегорическая картина на сюжет, взятый из индийской мифологии. Рядом за забором, частный музей, а вернее, торговля древними скульптурами и обломками барельефов иной раз двухтысячелетней давности.

Музей похож скорее на кладбище, а статуи и каменные плиты — на надгробные памятники.

У музея к нам подошел нищий — прокаженный; вид его был так страшен, что я почти побегал к машине. Однако он легко догнал меня, и пришлось дать ему монету. Вообще такого настойчивого попрошайничества, как в Мадрасе, я не видел нигде в Индии. Здесь оно принимает характер, близкий к шантажу, и им занимаются, кажется, не только нищие.

На обратном пути мы остановились около самого города, где вдоль рыбацкой деревни раскинулся чудесный пляж. Предостережений относительно акул не было, и мы искупались в такой горько-соленой воде, которая даже глаза ест. Нас «обслуживало» человек пять взрослых

«спасателей» и десяток мальчишек, отделаться от которых при всем желании невозможно.

В городе мы долго осматривали замечательный своими оригинальнейшими скульптурными украшениями храм, расположенный на берегу большого искусственного водоема, заросшего лотосами. Этот храм очень хорошо заснят оператором Р. Карменом в фильме «Утро Индии». Храм действующий, внутрь не пускают, а по его двору мы ходили, оставив обувь на улице, ходили и любовались покрытыми яркой глазурью изображениями богов, людей и животных, облепивших высокое и стройное здание фантастической формы.

После обеда мы были на домашнем концерте у господина Субраманьяма. Во дворе его небольшого и очень скромного домика — специальный концертный зал.

Замечательно танцевала классические танцы дочка господина Субраманьяма, та девочка, которая встречала нас на аэродроме.

Угловатая четырнадцатилетняя худышка в танце словно преобразилась. Какой темперамент, какая мимика, сколько юмора и сколько зрелого мастерства в ее исполнении! Недаром, очевидно, господин Субраманьям — президент Академии танца!

На этот концерт приехали и две наши советские девушки: Вера Бочарова и Наташа Пугачева. Они учатся в Мадрасском колледже танца. Вообще, Мадрас — это центр классического искусства Индии. К искусству здесь причастно едва ли не большинство жителей. Их интересы, дела, разговоры — все вращается вокруг вопросов искусства, и нигде оно, пожалуй, так не ценится, как в Мадрасе.

К сожалению, нам не удалось побывать в двух колледжах танца, возродивших классический стиль «Бхаратнатя». Это древние танцы, уходящие в глубину истории. Они исполнялись в течение веков поколениями храмовых баядер. Давно забытые, они сейчас возрождаются, и энтузиаст этого возрождения — госпожа Эарюндил, ректор колледжа, получившая недавно за заслуги в области искусства высшую награду индийского правительства.

Другой школой танца ведает госпожа Бала Сарасвати — великая актриса, начавшая свою жизнь в нищете.

Оба колледжа находятся в окрестностях Мадраса, но мы попали сюда во время каникул и как следует ознакомиться с этими интереснейшими школами искусства нам не удалось.

В этот вечер наша советско-китайская театральная делегация увеличилась еще на два человека — к нам присоединились Вера и Наташа. В своих ярких сари обе они очень походили на настоящих индийских девушек, только Наташу выдавали ее длинные русые косы.

Девушки были в восторге от возможности хоть вечер провести среди своих советских товарищей и чувствовать себя снова вполне взрослыми. Очевидно, дисциплина в колледже довольно строгая.

После того как перед нами выступили индийские музыканты, хозяин дома, господин Субраманьям, обратился к нам с речью.

Оказалось, что сегодня в Индии встречают Новый год. И, встречая его, каждый индиец думает о том, чтобы этот год не принес народам войну. Господин Субраманьям приветствует представителей СССР и Китая как хранителей мира во всем мире, он говорит, что на земле должны процветать дружба, счастье и искусство, а не война. Путь сторонников мира — трудный путь, и, чтобы осветить его, семья Субраманьям дарит нам традиционные в Индии шандалы, которые зажигают в индийских домах под Новый год, чтобы они отгоняли демонов. «Пусть отгонит свет нашей дружбы демонов войны...» И госпожа Субраманьям торжественно поднесла нам медные подсвечники.

Рассматривая альбомы и фотографии, мы поняли, что здесь, в этом доме, бывали представители многих стран. Вот с дочерьми господина Субраманьяма сфотографировался Чжоу Энь-лай; вот первые советские гости в Индии — Пудовкин и Черкасов; вот фотография, в центре которой Майя Плисецкая...

Семья господина Субраманьяма, прогрессивного деятеля Индии, семья, живущая интересами искусства, вызвала у нас самые теплые, самые лучшие чувства. Однако в карманах лежали приглашения на вечер «Траванкорских сестер», и мы поспешили в тот же театр под открытым небом, где были вчера.

Мне трудно передать то чувство, которое ощущаешь, глядя, как танцуют Падмини и Рагини, — передать это, по-моему, невозможно. Это — высочайшее эстетическое наслаждение. Перед тобою не девушки танцуют, а два невесомых божка, и танцы их — чудо выразительности, темперамента, изящества, красоты. Их исполнение пронизано такой жизнерадостностью, таким великолепным юмором, что мы сидели как зачарованные. А об успехе и о любви, которой пользуются «Траванкорские сестры», можно судить хотя бы по тому, что после номера им не аплодируют. Когда я спросил, чем это объяснить, мне ответили: это невозможно, они слишком хороши для аплодисментов, их искусство божественно. И я согласился с этим определением — точнее не скажешь.

«График» господина Субраманьяма был тверд, а сам его составитель неутомим, и, не досмотрев концерта до конца, мы поехали на Мадрасскую киностудию, где нас ждал Рамчандр. Через проходную мы вошли в великолепный тропический сад и, миновав его, оказались в большом производственном павильоне, где Рамчандр снимал свой фильм.

Тщательно выполненные декорации изображают большой индийский дом. Освещение, очевидно, постоянное. К потолку, собранному из простых деревянных колосников, подвешены на канатах деревянные мостки в форме кольца. На них установлена осветительная аппаратура. На актерах очень красивые, несколько более яркие, чем полагалось бы в цветном фильме, костюмы.

Съемочная группа невелика — четыре-пять человек. Обслуживающих съемку рабочих почти не видно. Режиссер, сняв первый дубль сцены, тихим голосом сделал актерам какие-то замечания, снял второй дубль и перешел к следующей сцене.

Актеры заняли места, очевидно, по заранее намеченной и уже известной им мизансцене...

Эта студия принадлежит частному лицу и выпускает восемнадцать художественных фильмов в год!

В другом павильоне снималась массовая сцена, в ней было занято человек пятьдесят, но тишина и спокойствие те же.

Рамчандр устроил для нас прием. Очень красив был стол, накрытый в саду. В вазах с чудесными цветами были спрятаны электрические лампы, и от цветов исходил нежный фантастический свет. Нас угощали настоящим индийским, браминским ужином. Большинство индийцев — вегетарьянцы, и здесь были только рис, молочные блюда, овощи и фрукты. Почти во всех штатах Индии сухой закон, но мне кажется, что у большей части индийцев вообще нет потребности в алкоголе. Они его просто не любят, и я нахожу, что это еще одна симпатичная черта людей Индии.

Во время приема все работники студии высказывали большое желание завязать деловые связи с советским кинематографом. Говорили о возможности совместных постановок и не могли скрыть чувства некоторой ревности к бомбейским кинематографистам, уже осуществившим совместную индо-советскую картину «Хождение за три моря».

Рамчандр показал нам новый, еще не законченный фильм, в котором он играет две роли — двойников, как в «Принце и нищем» Марка

Твена. Действие фильма происходит в какой-то фантастической стране, сюжет занятый, однако художественный уровень его невысок. Сам же Рамчандр, конечно, замечательный мастер, и мы поняли секрет его огромного успеха.

Утром мы прощались с Мадрасом, городом искусств, городом-садом, городом узких улочек и живых, веселых людей...

На аэродроме нас провожало много новых друзей, пришли попрощаться Наташа и Вера. А уже через десять минут я пытался записывать свои впечатления от Мадраса. Подо мной было три тысячи метров воздуха и несколько сот метров горько-соленой воды Бенгальского залива. А впереди — Бхубанесвар, главный город штата Орисса...

Орисса

Но где же он, этот город? Пыль, степь, ветер, жалкие кусты, кучка маленьких домов с плоскими крышами. Вдалеке — одинокое серое унылое здание больницы. И на отлете — прекрасный, как и везде в Индии, отель для туристов. Вокруг цветы, несколько деревьев, а дальше — почти пустыня. Тишина, глушь... В большом отеле нет никого, кроме нас, и после шумных дней Бомбея и Мадраса мы наслаждаемся покоем и одиночеством.

Когда стемнело, мы вышли в степь, пошли по асфальтовой дороге к нескольким огонькам вдаль и, рискуя сбиться с пути, достигли центра города. В сущности, это небольшой гостинный двор с пятью-шестью лавчонками, где продаются парфюмерия, мыло, кустарная обувь, шерсть... И ни одного покупателя. Чего и кого ждут в эту ночь коммерсанты Бхубанесвара?

Приход такой большой группы покупателей, как мы, не произвел, однако, никакого впечатления. Орисские купцы не зазывали нас в лавки, не расхваливали свои товары — во всем апатия, тишина, бесстрастность.

Мы вернулись в отель. Было девять часов вечера. Вокруг — черная ночь и мертвое молчание. Даже цикады и кузнечики молчат. Или их вовсе нет в этой пустыне? И как попали сюда мы четверо?..

Я заснул со странным ощущением полной оторванности от мира.

Утром за нами приехал старый драндулет туристской компании. Мы поехали в Пури, маленький приморский городок в семидесяти километрах от Бхубанесвара.

С первым чудом Ориссы мы встретились всего через четверть часа езды. Это опять группа скальных храмов удивительной архитектуры. Первый сооружен две тысячи лет назад царем Ашокой. Единственным украшением этого просто и грубо вырубленного в скале храма являются тринадцать изображений Будды, маленьких и примитивных.

Вторая пещера — смесь религии завоевателей, буддизма, с местной религией, джайнизмом. Здесь статуи богов приобретают реалистический характер. Поднимаемся выше по скале. По дороге — маленькие кельи-пещеры, площадью в полтора квадратных метра. В них жили святые. Еще маленький джайнистский храм. На капителях колонн — миниатюрные голые боги. На самом верху холма — святыня джайнистов — большой действующий храм.

Оставляем обувь у входа и вступаем на большой двор, который, собственно, и есть храм. Сюда до сих пор сходятся тысячи паломников. В высокой часовне за железной решеткой — громадная, из черного мрамора, статуя Махавира, главного бога джайнистской религии. Он окружен беломраморными богами «второстепенного значения». Сам Махавира — обнаженный гигант. В этой скульптуре есть то, что мы привыкли считать стилизацией и модерном. Но, очевидно, наше представление

о грани между подлинным и стилизованным искусством весьма приблизительно.

Впервые в Индии мы увидели, что скалы, деревья и скамьи вокруг храма изрезаны подписями побывавших здесь людей. Это напомнило наши курортные места в Крыму и на Кавказе и неприятно поразило. Но еще раз пстворяю — больше нигде мы этого не видели.

Мы спустились с холма вниз, к автомобилю. В изнеможении от жары я сел в тени баньяна. По пыльной дороге бродили куры, прошла женщина с вязанкой хвороста на голове. В полуземлянке напротив меня зажегся огонь, потом другой и третий. Я подошел к открытой двери и увидел келью брамина. Он зажигал свечи перед лубочной олеографией Кришны. Я стал наблюдать за этим черным бородатым человеком и приготовился фотографировать его. Он разложил на подносе цветы, потом стал посыпать лепестками какой-то поднос на полу. Одним глазом он уже следил за мной.

Из соседнего дворика вдруг раздался отчаянный крик. Я оглянулся. Старая и тоже, очевидно, «святая» женщина кричала брамину, что я наблюдаю за ним. Он что-то ответил ей, и она успокоилась. Я навел на его келью фотоаппарат, но он повернулся ко мне спиной, не прекратив своих священнодействий. Я тихо позвал: «Мистер!» Браммин повернулся, не переставая шептать. Я жестом попросил разрешения снять его. Он не прервал своего шепота, но сделал страшное лицо, поднес палец к губам, требуя тишины, и продолжал молиться. Я вынул из кармана рупию и бросил ее к ногам брамина. Он покосился на монету. Я показал ему, что нужно повернуться к свету. Продолжая молиться, он выполнил все мои указания. Съемка состоялась...

Пустынный пейзаж становился все более живописным по мере приближения к океану, но когда мы подъехали к Пури, то поняли, что вознаграждены за всю утомительность путешествия. Даже среди отличных туристских отелей Индии отель в Пури выделялся комфортом, уютом и месторасположением. Первозданная тишина лежала над океаном, пустынным пляжем и чудесным цветником, окружающим отель. Вдалеке виднелась рыбацья деревня. Жаркое солнце делало океан серебряным, переливчатым или ослепительно синим. Когда мы собрались, усевшись в глубокие кресла на террасе отеля, то решение пришло само собой, без дискуссий: здесь нас никто не знает, мы еще ни с кем не встретились, да и какие театральные дела могут быть в этой тишине, среди девственной природы? Значит, два дня полного отдыха, без встреч, гирлянд, автографов, речей и обсуждений!

И мы перестроились на отдых...

Купание здесь изумительное. Мы спускались в море прямо по белым ступеням отеля, проходили по раскаленному пляжу и бросались в кружевную гигантскую волну... Нас окружал покой, а перед экзотикой Пури меркло все виденное до сих пор.

По установившейся традиции осмотр города начали с храма. Это тоже какое-то святое место индусов, место сборища пилигримов со всей страны.

Внутри его нас не пустили.

У ворот храма лежали, сидели и стояли иссушенные солнцем паломники в запяленных разноцветных хламидах, с женскими прическами и ярко раскрашенными лицами, на которых все же можно было уловить выражение священного трепета. Громадная толпа нищих атакует каждого появляющегося вблизи, особенно европейца. Между нищими толкаются маленькие толстые черные коровы с венками желтых цветов на рогах. Они, в сущности, тоже нищие, только привилегированные.

Чтоб осмотреть храм, нас приглашают подняться на плоскую крышу расположенного рядом отеля для пилигримов. Это бетонный шестизэтаж-

ный дом без всяких удобств, с террасами, выходящими в четырехугольный мрачный двор-яму.

Мы поднимаемся по грязной крутой лестнице, заглядываем в раскрытые двери комнат. Там ад. Вповалку лежат люди, пришедшие со всех концов Индии, а может, и не только Индии... Плоская крыша, огороженная парапетами, тоже приспособлена для жилья. Мы шагаем через лежащих и отсюда, сверху, делаем несколько снимков.

Потом идем по узким кривым улицам. Нас обгоняют группы паломников, они спешат к храму, расположенному в другом конце городка. Мы не успеваем надивиться на одну группу, как внимание отвлекает другая, еще более экзотическая, еще более живописная...

В центре города — большая длинная площадь; она тянется до второго городского храма, обнесенного стеной, но открытого для всех. На площади — базар, здесь много дешевых олеографий, гирлянд из золотой канители, бамбуковых тростей и зонтов, больших крокодиловых кож. А больше всего нищих. Нищенство дошло здесь до степени виртуозного и отвратительного мастерства. Нищий лежит в яме. Верхняя половина его туловища вместе с лицом и головой скрыта, и жалобный и заунывный крик доносится, как из могилы...

В шалаше, около погасшего костра, на циновке неподвижно сидел осыпанный пеплом голый старик. Это святой.

В сумерках на базар вышли два громадных слона с разрисованными лбами, и как на грех в этот момент у меня в аппарате кончилась пленка. Слоны — собственность местного раджи — невозмутимо прохаживались по базарной площади.

Лавируя в толпе и непрерывно трезвоня велосипедным звонком, пробежал почти голый потный рикша; в коляске восседала пожилая англичанка с вязаньем в руках...

Мы возвращались в отель по тихой, пустеющей набережной. Навстречу шли рыбаки с сетями на плечах, с серебряным уловом в плетеных корзинах, усталые и молчаливые. Их ждали на дороге женщины, голые ребятишки. Первобытная жизнь! Как контрастирует она с блеском электричества в отеле, со строгостью ослепительно чистых террас, с богатой сервировкой в ресторане!..

Наступило время позднего, на английский манер, обеда.

Во время обеда официант вручил нашему переводчику Шишкину записку: «Сэр, не могли ли бы Вы передать нашим русским друзьям покорнейшую просьбу уделить мне несколько минут для разговора, и не сообразовали ли Вы принять участие в этом разговоре в качестве переводчика?» Подпись.

Из-за соседнего стола нам улыбался молодой импозантный индиец, ожидавший ответа. Мы сказали, что будем рады увидеть мистера N после обеда на террасе отеля. И через некоторое время состоялась политико-дипломатическая конференция, фоном которой служил шум океана.

Наш собеседник представился нам: он владелец нескольких типографий в Канпуре, Калькутте и Бомбее; сейчас отдыхает здесь со своей супругой. Узнав, что его соседи по отелю — советские люди, он не мог отказать себе в удовольствии познакомиться с нами и выяснить некоторые интересующие его вопросы.

После этого N наговорил нам кучу комплиментов по поводу спутника Земли, угостил нас бетелем и, узнав, сколько времени мы в Индии, ринулся в атаку: убедились ли мы, его русские друзья, в том, что в Индии социализм невозможен?..

Нет надобности пересказывать содержание этой, в общем-то, довольно нудной беседы. Через несколько минут было ясно, что случай свел нас с представителем той индийской буржуазии, которая боится своего

народа и очень хотела бы получить наибольшую для себя выгоду от общения с СССР.

Раннее утро следующего дня было чудесным, и наше твердое решение отдыхать только укрепились. Мы начали день с купания. Рыбаки тянули на пляж невод. Эта тяжелая работа не была облегчена даже самым примитивным воротом, — ничего, кроме силы человеческих мышц.

Вокруг ватаги сидели женщины, дети, они ждали улова, от которого, вероятно, зависело, будет ли сыта сегодня семья рыбака. И вдруг мы заметили вдали группу индийских интеллигентов, направлявшихся к берегу.

— Это ИПТА, — сказал я шепотом.

Так оно и оказалось. Ориссское отделение Ассоциации, упустившее нас вчера, приняло энергичные меры розыска, и министр внутренних дел сообщил, где мы находимся, — ведь нас официально объявили гостями штата! Все это было трогательно, и мы так обрадовались дорогой нашей ИПТА, что никаких сожалений о несостоявшемся отдыхе не было. Уже через полчаса мы катили на двух машинах назад, в Бхубанесвар, где, оказывается, есть много достопримечательностей: замечательные памятники архитектуры, археологический музей, директором которого оказался один из наших новых спутников, скромный и милый молодой человек, энтузиаст своего города и археологии, которую он также считает глубоко своей...

Мы въехали в Бхубанесвар по другой дороге. У въезда нас встретил одинокий и заброшенный храм бога Шивы, напомнивший старый ветряк где-нибудь на выселках приволжского степного села: такой же серый, печальный и никому не нужный, особенно в сравнении со своим соседом — уютным, красивым и как бы обитаемым храмом, окруженным большими деревьями.

В водоеме у второго храма купалась индийская женщина. Я заметил, что индийцы очень часто купаются в водоемах, находящихся около храмов. Женщины купаются в сари, одновременно стирая его. Таких купальщиц-прачек мы видели очень много еще в центре Мадраса.

К вечеру мы поехали в самый крупный культурный центр Ориссы — город Каттак. По дороге спустила шина, мы остановились для починки недалеко от небольшой деревни. К нам подошли двое прохожих. Узнав, кто мы, они страшно обрадовались. Один из них — секретарь местного отделения ИПТА, работает в национальной Музыкальной академии города Каттак. Едва познакомились, как он заговорил о Станиславском, и я подумал: вот это — слава! В глуши Индии, на сельской дороге, встречаешь человека, который счастлив поговорить с русским, соотечественником Станиславского.

Каттак — город с двадцатью тысячами жителей, но в нем есть колледж на тысячу восемьсот студентов, один музыкальный и один танцевальный колледжи, большой спортивный стадион и три профессиональных театра. Кроме того, Каттак — центр производства филигранных изделий из серебра, а это производство стоит всего остального. Мастера-ремесленники создают произведения уникального и тончайшего искусства, которые высоко ценятся по всей Индии. Таким образом, это город не урядный, а действительно крупный культурный центр Индии.

Прежде всего мы отправились в колледж. Ректор — лощеный молодой человек с надменным лицом — встретил нас с ледяной любезностью. Колледж построен по типу восточных медресе, с террасами, выходящими на площадку большого двора. На тысячу восемьсот студентов всего сто сорок пять девушек. За двенадцать лет обучения здесь можно получить все ученые степени: бакалавра, магистра и доктора наук. Сам ректор — доктор экономических наук, он учился в Англии, у Ласки. Слышали ли мы эту фамилию? Да, конечно, слышали — это лидер лейбо-

ристской партии. Но вообще-то ректор — последователь экономической школы Веббов. Знаем ли мы что-нибудь о них? Да, мы о них знаем. Ленин пользовался трудами супругов Вебб и переводил их сочинения. Слышал ли об этом господин ректор? Нет? Но это именно так!

Он показывает нам колледж — аудитории, библиотеку и издали — лаборатории. Был ли ректор в Москве? Нам кажется, что ему интересно было бы посмотреть новый московский университет...

— Ах, это, кажется, самое большое здание в мире?..

В интонации господина ректора слышится явная ирония.

Мы проходим в другой двор, где находится ботанический сад. Нас встречает профессор ботаники, очень приветливый, простой и обаятельный. В саду много цветов, но деревья, как мне показалось, — самые обычные для Индии. Я говорю, что даже между такими далекими одна от другой странами, как Индия и Советский Союз, все же больше сходства, чем разницы. Вот, например, эти цветы — у нас их называют львиный зев, а это — георгины. Вот астры, а вот на ветке наши воробьи.

Профессор ботаники смеется:

— Да, но у нас это зимние цветы. Летом цветут совсем другие.

Я спросил ректора, сколько стоит обучение в колледже. На этот вопрос ответа не последовало. А изучают ли студенты европейскую классическую литературу? Да, на филологическом факультете изучают английскую литературу. А имеют ли студенты колледжа возможность знакомиться с советской литературой? Лицо ректора становится каменным. Он не знает, что такое советская литература.

Мы раскланиваемся и отправляемся в колледж искусств.

Крошечные душевные комнаты, теснота. Собралось много народу. Колледж находится в ведении Всеиндийской академии танца, музыки и драмы. Профессора и учащиеся знакомят нас со своим искусством.

Опять барабаны и мелодичное, монотонное, как бы равнодушное пение.

Мы сидим на стульях, остальные — на полу. У стены, тоже на полу, две дамы в сари, в золотых очках и с золотыми украшениями в ноздрях. В перерыве между номерами они обращаются к нам: они надеются, что мы успели по достоинству оценить старинную архитектуру Бхубанесвара, не так ли? Мы отвечаем, что город этот произвел на нас очень большое впечатление. Оказалось, что дамы приехали из Бхубанесвара, специально чтобы встретиться с советской делегацией.

Но уже начался следующий номер — песня, прославляющая бога Джанатх: «Я смотрю на твое лицо, бог, и забываю свои печали...»

Победоносно посматривает на окружающих автор этих стихов, находящийся здесь же. Это молодой человек китайского типа, который непрерывно что-то жуёт. Его представляют нам как самого знаменитого лирика Ориссы. Впрочем, здесь вообще очень много знаменитых, замечательных, выдающихся, первых и даже великих. Я думаю, что эти эпитеты — простое проявление восточного красноречия и особой вежливости, свойственной народу Индии.

...Два с половиной часа живописной дороги через бамбуковые заросли, через множество очень красивых деревень, где стены глиняных домов разрисованы тонким орнаментом. Кокосовые пальмы, пруды, заросшие лотосами, почти голые люди с раскрашенными лицами, женщины с вычурными украшениями в ноздрях, голые ребятишки с ожерельями ниже пояса, красная почва, красная пыль над дорогой, и вот наконец чудо из чудес — Храм Солнца.

На дне громадного, вырытого в земле котлована — пирамидообразное сооружение высотой с семиэтажный дом. Двадцать четыре каменных колеса на фундаменте здания делают его похожим на гигантскую колесницу. Каждое колесо, так же как и все здание, сверху донизу в скульпту-

рах, сейчас уже полуразрушенных. Есть скульптуры небольшие, есть выше человеческого роста. А содержание их не поддается описанию. Этот храм посвящен земным радостям, и самая безудержная фантазия меркнет перед тем иступленным гимном плотской любви и наслаждению, которым, в сущности, является этот храм. Думаю, что ни в одной религии нет ничего подобного, и странно, что эти настроения уживаются с иступленным аскетизмом, которым отличается индуизм.

Наш проводник, директор Орисского археологического музея, дает весьма туманные объяснения. Он утверждает, например, что здесь не было храмовой проституции, и в то же время говорит, что скульптурные изображения — это, в сущности, практическое руководство в любви. Он обращает наше внимание на то, что самые нижние скульптуры, те, которые могут рассмотреть даже дети, совсем приличны, и мы не можем с этим не согласиться.

Но если не брать в счет эротические скульптуры (кстати говоря, внутри храма их нет), то здание Храма Солнца действительно уникально и грандиозно...

Мы долго сидим на пустынном аэродроме, где свистит степной ветер. Перед закатом солнца прилетела старая «дакота», которая странно выглядела на фоне унылого первобытного пейзажа. Вскоре она поднялась в воздух, и под нами вновь заблестел Бенгальский залив.

Мы приближались к последнему пункту нашего путешествия — к загадочной для нас Калькутте.

Калькутта

С воздуха Калькутта производит очень внушительное впечатление. Громадный город, освещенный вечерними огнями, эффектен. Но вот мы въезжаем на узкие калькуттские улицы, и это впечатление блекнет. Бедность, граничащая с нищетой, бросается в глаза с первых же кварталов, по которым мы едем с аэродрома в центр. А когда маленькие азиатские постройки сменяются в центре громадными европейского типа домами, ощущение бедности только усиливается.

Город наполнен ужасающим чадом, трудно дышать, трудно смотреть — дым ест глаза. На тротуарах, в подворотнях домов дымят бесчисленные печурки, жаровни, отравляя вокруг воздух, и без того отравленный запахом нищеты. Бездомные готовят свою скудную пищу здесь же, на улице. А бездомных в Калькутте — больше миллиона на пять миллионов населения. Миллион бездомных, не считая беженцев из Пакистана — нового громадного бедствия страны! А сколько в Калькутте безработных — этого, я думаю, не знает никто.

Здесь есть и роскошные магазины, и громадные дома, и кварталы особняков, и целые «комбинаты» разнузданного веселья. А лицо Калькутты определяют нищета, обездоленность, грязь. Самое гнетущее, самое тяжелое, самое печальное впечатление в моей жизни — это впечатление от Калькутты.

Мы ненавидим колониализм, мы полны сочувствия к странам, освобождающимся от колониального гнета, потому что для психологии советского человека несправедливость колониализма — аксиома. Но только тот, кто видел Калькутту, в полной мере понимает ужас колониализма.

Калькутта полна памятников, оставленных здесь англичанами. Лучшее здание города — «Виктория Мемориал», музей-памятник королеве Виктории. Но самый впечатляющий и самый жуткий памятник — это облик современной Калькутты, с ее бедностью, нищенством, проституцией, с ее беженцами и бездомными, с ее безработицей, кабацкой роскошью и грязью.

Импозантный фасад калькуттского «Гранд-Отеля» мы знали уже давно по многочисленным рекламным фотографиям туристских компаний Индии. Вблизи он не так уж роскошен. Мы долго заполняли карточки в вестибюле гостиницы и расписывались в разных гроссбухах. Потом шли по закоулкам, маленькими дворами, под пальмами, около пивных баров, под оглушительный грохот джазов, и наконец нашли свой подъезд. Грязный лифт поднял нас на шестой этаж одного из корпусов. Да, этот номер, как говорят, видал виды... Самый воздух комнаты, выходящей на крышу, кажется, наполнен миазмами столетней грязи и беспутства. После идеальной чистоты государственных отелей Индии, здесь, в калькуттском «Гранд-Отеле», принадлежащем английской компании, мы, естественно, были потрясены. Но что поделаешь! В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Единственное, чего мы все-таки добились, это чтобы сменили постельное белье. И его сменили: грязное на такое же грязное, но выглаженное. А ночью мы с нежностью вспоминали бомбейских петухов и мадрасских комаров, потому что перед ночными шумами калькуттского «Гранд-Отеля» меркнет все. Три джаза в разных ресторанах передавались по радио и гремели до трех часов ночи, прерываясь лишь хором «прекрасных гёрлс», и трудно сказать, что было хуже. От шума, духоты и вони наших комнат мы сбежали на улицу. Но это была ошибка: на улице всего этого было еще больше. На тротуарах около каждого дома валялись бездомные. Нищие, которые здесь «работают» даже ночью, не давали прохода, и от этих наглых профессионалов невозможно отделаться небольшой подачкой, — наоборот, она вдохновляет их на еще более энергичные действия. Только один наш товарищ, переводчик Шишкин, находил какие-то слова, чтобы избавиться от преследований. Очевидно, это были не самые вежливые слова, но... мы не знаем хинди!

Всю ночь торгуют маленькие ларьки с сигаретами и мелкими аптекарскими товарами. Впрочем, это, пожалуй, естественно в условиях ночной жизни Калькутты. А вот то, что почти всю ночь открыты книжные лавочки, где наряду со всякой дребеденью есть много хороших книг, — это удивительно. Или, может быть, владелец книжной лавки тоже бездомный и ему все равно некуда идти?

На каждом шагу к прохожим пристают отвратительные молодые люди — комиссионеры, предлагающие ночные развлечения. С большой печалью мы глядели на индийскую девушку с сигаретой в зубах, с подчеркнута расхлябанной походкой и с американско-жаргонной руганью на устах.

У подъезда дома остановилось такси, из него вывалился какой-то «бледнолицый брат» с фосфорически светящимися обнаженными красавицами на рубашке навыпуск. Горланя песню, он влетел в дверь.

Дети, почти голые, несчастные и уже жуликоватые, бродят по тротуарам до поздней ночи и тоже что-то предлагают, куда-то зовут.

Дантов ад!

Мы вернулись в отель и под визг «прекрасных гёрлс» заснули тяжелым сном.

Следующий день был посвящен осмотру города, и этот осмотр только подтвердил первое гнетущее впечатление. Правда, днем город не развлекается, а торгует, но и в этой тотальной торговле есть что-то несерьезное, пустое, обманчивое.

Здание большого крытого рынка — это какой-то лабиринт мелких лавок. Боже, какой крик там поднялся, едва мы вошли! Нас хватали за руки, преграждали дорогу, чуть не силой заставляя зайти в лавку, которая нам вовсе не нужна. Зазывалы ругались между собой, а когда мы, избежав опасности, проходили мимо, ругали, кажется, и нас. С трудом вырвались мы на улицу, залитую жарким и тусклым от смрада солнцем, стали в тень и огляделись. Вавилонское столпотворение! И над всем

этим, на террасах громадных зданий, как сигнальные флаги на океанском корабле, треплется на ветру разноцветное белье, вывешенное для просушки.

Мы осматривали гигантский порт Калькутты, расположенный в устье Ганга. Ослепительно белое здание «Виктория Мемориал» царит над окрестностью. Случайно довелось увидеть, как из своего дворца выезжал в автомобиле губернатор штата Западная Бенгалия. Это одна из прогрессивных женщин Индии. Ее мать еще во время владычества англичан также была губернатором одного из штатов.

Есть в Калькутте громадные парки с чудесными газонами, и не такие пыльные, как весь город, но там почему-то людей почти нет. Вся жизнь концентрируется вокруг торговых улиц и базаров.

Большая площадь одного из парков огорожена забором — там загон для коров, которые становятся бедствием города: их некуда девать, и они плодятся без зазрения совести. Странный город!

Вечером мы поехали в театр, профессиональный драматический театр «Бишарупа», существующий уже восемьдесят лет. Нас познакомили с хозяином театра. В небольшой каменной будке с надписью «Дирекция» сидел толстый молодой индеец, одетый по-европейски. Он весьма равнодушно разрешил нам осмотреть сцену. На этом наше знакомство кончилось. Но наши коллеги — бенгальские артисты — оказались хорошими товарищами. Они, очевидно, были взволнованы визитом гостей и проявили большое радушие.

За кулисами бенгальского театра нам было все знакомо, — все, в общем, так же, как у нас. И актеры такие же. Очевидно, профессия эта накладывает на человека свой отпечаток, независимо от его национальности.

Пожилые актеры были тихи, приветливы и вежливы по-особенному, как могут быть любезны, добродушны и вежливы только старые актеры. Они говорили нам, что будут очень счастливы играть сегодня, — ведь их будут смотреть представители великого искусства Советской страны. А молодые старались показать свою независимость и незаинтересованность в нашей оценке их игры...

За кулисами все ходили без гримов, в тех костюмах, которые обычны для индийцев среднего класса, скорее бедных, чем зажиточных. Никто не гримировался.

Мы подумали, что еще рано, и вышли в зал.

Театр — большой, около тысячи мест, с одним балконом. На потолке вместо люстр большие железные вентиляторы. Нас посадили в первый ряд и принесли крепкого чаю с молоком. Зал постепенно наполнялся. Сегодня шла современная пьеса бенгальского драматурга Б. Бхотчардже «Голод», шла в стовосьмидесятый раз. Кроме этой пьесы, театр сейчас вообще ничего другого не ставит, так как она дает хорошие сборы.

Признаюсь, я не ждал от этого спектакля ничего интересного. Занавес открылся, мы увидели примитивную декорацию, примитивное освещение. Первые реплики актеров, появившихся без грима, понравились — показались очень естественными. Мы стали присматриваться к происходящему на сцене и все с большим интересом прислушиваться к переводу пьесы; переглянулись с китайскими товарищами, — на их лицах был вопрос. А через четверть часа мы уже были покорены замечательной пьесой и изумительной игрой бенгальских артистов. Началось то чудо, которое и есть настоящий театр, настоящее большое искусство.

В пьесе показана грустная история трех молодых индийских инженеров-неудачников. Много времени бродят они по улицам Калькутты в поисках работы и уже стали похожи на нищих. За пятнадцать рупий в месяц они снимали комнату в семье небогатого домовладельца, но шло

время, и из аккуратных плательщиков они превратились в безнадежных должников. Внучка домовладельца, Маноби, любит одного из неудачников, Рома, и ночью приносит ему лепешку: она знает, что инженеры страдают от голода. Однажды голодные неудачники приходят в чужой дом на свадьбу с одной лишь целью — наесться. Их разоблачают как мошенников, и слуги хозяина, жестоко избив их, выбрасывают из дома. Тогда Рома, жених Маноби, бросает друзей и невесту и один уходит искать счастья. Счастье улыбнулось ему — он становится главным инженером шахты. Хозяин шахты уже подумывает о том, как бы женить Рома на своей дочери. Но накануне помолвки Рома узнает о страшной судьбе Маноби и своих друзей: домовладелец умер, семья разорена, Маноби стала донором — это единственный способ заработать деньги. Несколько раз в месяц под разными фамилиями она отдает свою кровь — это практикуется среди безработных Калькутты. А друзья-неудачники стали грузчиками, и одному из них раздробило на работе руку. Рома отказывается от своего благополучия, он спешит к Маноби, к своим друзьям. Однако возвращается к ним слишком поздно: его невеста умирает от истощения.

Простая и печальная история передана автором так правдиво, так глубоко заглянул драматург в душу своих героев, что пьеса, с моей точки зрения, выражает главное содержание «жизни человеческого духа» современной Индии. А актеры, чутко схватившие замысел автора, обогатили его своим истинно реалистическим мастерством и создали замечательный по глубине спектакль.

Да, сюжет его грустен. Но мы видим перед собой твердых людей, верящих в будущее, и этой верой, удивительным чувством юмора и оптимизмом проникнут весь спектакль. Просмотрев его, я понял, почему индийские актеры так живо интересуются системой Станиславского. Их стихия — реализм, жизненная правда, и в этом смысле игра актеров безукоризненна, ей можем позавидовать даже мы, признанные поборники реализма и правды.

Наша встреча после спектакля была тем более трогательной, что актеры увидели наше волнение и нашу благодарность, а это, в свою очередь, растрогало и взволновало их.

При выходе из театра мы остановились у памятника, стоящего перед подъездом. Это памятник умершим артистам театра «Бишарупа». На нем надпись: «Вы ушли, но вы всегда с нами». Мы возложили к подножию цветы, которые поднесли нам бенгальские друзья, и минутой молчания почтили память пионеров бенгальского современного театра, чьи традиции так живо проявились в сегодняшнем спектакле.

Девятнадцатого января рано утром, после еще одной тревожной ночи в «Гранд-Отеле», мы в сопровождении наших друзей из ИПТА поехали в Кришнанагар, небольшой промышленный городок Бенгалии. Поездка не входила в нашу программу, но в этом городе до нас не было людей из Советского Союза, и муниципалитет через ИПТА обратился к нам с приглашением.

Калькуттский вокзал. Раннее утро. Привокзальная площадь переполнена беженцами из Пакистана...

Мы пережили страшную войну, я видел беженцев из оккупированных районов СССР, я видел беженцев первых дней войны, заставшей меня в Риге. Я видел матерей, потерявших детей, раненых, бежавших от гитлеровцев в одном белье, я видел привокзальную площадь Ташкента в ноябре 1941 года. Кажется, что может быть страшнее этого? Но потрясающее зрелище Калькуттского вокзала до сих пор перед моими глазами.

Когда люди потеряли все, но у них осталась надежда на будущее, это еще люди. А когда потеряна и надежда, люди перестают быть людьми.

Большинство без движения лежит на мостовой, на каменном полу вокзала. Глаза устремлены в одну точку. Эти люди уже не взывают о помощи, не просят милостыню. Наиболее энергичные и сильные сидят на полу. Перед ними две-три пачки сигарет — они торгуют ими поштучно. А рядом с этими «торговцами» валяются голые, высохшие, похожие на скелеты, маленькие, неподвижные и тихие дети.

Спиной ко мне сидит девочка лет восьми. Около нее трое маленьких детей. Когда девочка обернулась, я увидел, что это вовсе не девочка, а высохшая женщина, мать этих детей. У нее лицо старушки, а в громадных тоскливых глазах тень перенесенных страданий.

Вот сидит в окружении семьи старая женщина. Ее глаза закрыты, она раскачивается из стороны в сторону, как тяжелый маятник. Катятся тележки с багажом, шумят, кричат суетливые носильщики, возбужденные пассажиры, а беженцы, тихие и молчаливые, словно не слышат вокзального шума — они уже ни на что не реагируют.

Много уроков политграмоты дала нам поездка в Индию, но самый впечатляющий и горький мы получили на Калькуттском вокзале 19 января 1958 года.

Сейчас правительство Индии принимает поистине героические меры для спасения несчастных беженцев, и многие уже вырваны из рук смерти. Но на смену им прибывают все новые и новые толпы, и только в самое последнее время этот поток начал несколько ослабевать.

С тяжелым чувством сели мы в вагон первого класса, такой же пыльный, как и все другие вагоны. Невеселый пейзаж тянулся за окнами: бедные лачуги, грязные болота, насквозь пропыленные рабочие поселки, чахлые пальмы...

Мы молча сидели, подавленные только что виденным на вокзале, и даже не делились впечатлениями. А наши добрые иптовцы чувствовали себя неловко, будто это они были во всем виноваты.

Так прошли три часа дороги. С перрона станции, к которой мы подъезжали, до нас донесся какой-то странный шум. Это сотни полторы школьников дудели в большие раковины. В толпе, заполнявшей перрон, стоял высокий человек с длинными черными развевающимися волосами. С адским темпераментом, высоким голосом он выкрикивал какие-то лозунги, и их подхватывала толпа, а ребята дудели еще сильнее.

Так нас встречали. Мы даже растерялись. На нас навесили гирлянды цветов, наши лбы смазали сандаловым маслом, множество самых неожиданных традиционных церемоний было совершено, прежде чем пожилой смуглый человек с энергичным лицом, член местного муниципалитета, старый коммунист, прошедший тюрьмы и не раз бежавший от английского колониального «правосудия», обратился к нам с короткой приветственной речью.

Опять затрубили раковины, и мимо застывшего бородатого полицейского, отдающего честь, мы прошли в одну из комнат вокзала. Но перевести дух не удалось: дети вошли в комнату с книжечками для автографов. Пока давали автограф одному, остальные трубили в раковины, и это продолжалось довольно долго. Наконец мы вышли на вокзальную площадку, заполненную народом, и под приветственные крики пешком двинулись к зданию муниципалитета.

Впереди процессии ехал «джип» с тремя флагами: индийским, китайским и советским, а за нами со скоростью пешехода двигалось около сотни велосипедистов, множество рикш, ехали автомобили и, наконец, повозки, запряженные разукрашенными лошадьми. Шествие в высшей степени оригинальное! По стенам довольно большой комнаты муниципалитета стояли столы. Начинается прием. Мэр города, человек профессорского вида, говорит:

— Наш маленький город — восемьдесят тысяч жителей — счастлив видеть своими гостями представителей двух великих народов, России и Китая, — лучших друзей Индии. Вы — представители нового мира, и мы гордимся вашими успехами так же, как гордились бы своими собственными. Вы открыли новую эпоху — эпоху Спутника, вы летите над Вселенной, и мы благодарны вам за то, что у вас нашлось желание приехать к нам и посмотреть на нашу жизнь. Мир! Дружба!

— Мир! Дружба! — подхватывают все присутствующие.

После чая с индийскими сладостями и после фотосъемки во дворе муниципалитета мы садимся в две машины и мчимся через весь город по дороге к Гангу. Цель путешествия нам неясна. Через час пути, на поляне, среди бамбуковых зарослей, останавливаемся у надгробного памятника. Нас ждет группа людей, человек тридцать. Это интеллигенция окрестных сел — школьный учитель, провизор, писарь, хранитель памятника.

Мы на могиле великого поэта Бенгалии Криттибаса Оджха. Это он перевел на бенгальский язык «Рамайяну». Идет церемония возложения венков, короткие речи, на которые индийцы большие мастера и охотники. Потом нас приглашают посмотреть место, где поэт был сожжен, — всего метров двести отсюда. Мы идем по бамбуковым зарослям, под ногами трещит, ломаясь, толстый слой сухих бамбуковых листьев. Посмотрели это место. Здесь, сидя на берегу Ганга и любуясь им, великий поэт сочинял свои стихи и песни. Спрашиваем: а где же Ганг? А Ганг переменил свое русло и сейчас протекает в двух милях отсюда.

Рядом с этим достопримечательным местом другая достопримечательность — неглубокая яма, выложенная кирпичом. В ней просидел всю свою жизнь какой-то местный святой, обладавший такой внутренней силой, что, когда к нему в яму заползала кобра, он усыплял ее взглядом.

— А что, здесь есть кобры и сейчас?

— Да, очень много, они вообще любят жить в бамбуковых зарослях. Пауза.

Мы принужденно улыбаемся, внимательно смотрим под ноги и с удовольствием возвращаемся к автомобилям.

В скромном двухэтажном доме на главной улице города живет секретарь местного отделения ИПТА — наш сегодняшний хозяин. Он бухгалтер в банке. Мы приглашены к нему на обед.

Очень интересно побывать в индийском доме, в индийской семье. Наш хозяин — молодой человек исключительной красоты. Его белая одежда, кашмирская шаль на плечах, которую он носит с античной пластикой, его гордый профиль и короткие курчавые волосы — все делает его похожим на древнего римлянина. Кожа у него почти черная. Он молчалив, неподвижен. Семья большая, девочки — школьницы, мальчики поменьше. Жена тихая и хлопотливая.

На террасе, выходящей во двор, прямо на полу, на мангале, пожилой индиец готовит обед, и пряный запах разносится по всему дому.

Мы с любопытством присматриваемся к быту индийского интеллигента. Квартира очень скромна, единственное ее украшение — стеклянный шкафчик, где хранятся спортивные призы, завоеванные хозяином дома. А в остальном — только необходимые вещи, простые, как в нашем деревенском доме.

Девочки, рядком усевшиеся на обитой клеенкой старой кушетке, поглядывают на нас, шепчутся и хихикают, с трудом сдерживаясь, — вероятно, подмечают в нас что-то смешное.

К обеду маленькая квартира переполнена гостями. Здесь и мэр города, и иптовцы, и родственники хозяев. Нам подают ложки и вилки, не нужные индийцам. Тушеные овощи, капуста в уксусе, мясо, сладости, рис — все это подается одновременно.

Индийцы едят быстро, энергично, с аппетитом. Иногда в дверях появляется озабоченная хозяйка, которую мы так и не могли уговорить сесть за стол, как, впрочем, и хозяйина.

После обеда настроение за столом поднялось, начались шутки, послышался веселый, добрый смех.

Я снимал маленького сына, дочерей хозяйина, их подруг и самого хозяйина. Только хозяйка дома застеснялась и не хотела сниматься.

...Солнце садилось, и мы поехали на общегородской митинг Общества индо-советских культурных связей.

На большом дворе, окруженном забором и домами, — небольшая сцена. На земле сидят уже тысячи три жителей города. На сцене много народу — представители разных городских организаций. Нас усаживают на пол, увешивают гирляндами цветов. Народ все прибывает, идут непрерывно и старые и малые, и молодые и пожилые. Скоро двор забит. Люди появляются на крышах соседних домов, на заборах — ведь это митинг в честь первой встречи граждан Кришнанагара с советскими и китайскими товарищами!

Нас приветствуют дети, студенты колледжа, представители профсоюзов, спортивные общества, политические партии, писатели, поэты, музыканты. Они говорят речи, читают стихи, написанные на кусках шелка, поют песни. А народ все прибывает, и к тому времени, как подошло время нашего ответа на приветствия, людьми облеплены все заборы, все деревья, все крыши близлежащих домов. Уже тысяч пятнадцать людей заполнили большой двор, толпа становится все гуще, и дети уже начинают покрхтывать и покрикивать от тесноты.

Нас охватила тревога. Дело действительно принимало серьезный оборот. Мое выступление прошло еще в относительной тишине. После меня выступил товарищ Я Ча. Это был импровизированный танец и песня, слова которой варьировали лозунг: «Хинди — чайна, чайна — руси, хинди — руси бхай, бхай!»

Здесь началась уже настоящая давка. Положение стало критическим. Наш визит мог окончиться трагически. На сцене царила растерянность. И тут наш друг, старый индийский коммунист, вскочил на ноги и подошел к рампе. Сильным, высоким, пронзительным голосом он прокричал в толпу несколько фраз, в которых слышались и упрек, и приказ, и просьба. И через несколько секунд полная тишина воцарилась на площади. Все зрители сели на землю. Митинг продолжался. Был восстановлен полный порядок.

Поздно ночью мы вернулись в Калькутту, чтобы провести в ней свою последнюю ночь в Индии. С утра снова ездили по городу, были в пыльном зоологическом саду, зашли в кино, где шел американский «психологический» фильм о раздвоении личности. Главную роль в фильме играла очень хорошая артистка, но зачем картина сделана и кому нужна — не поняли ни мы, ни еще десятка два зрителей, затерявшихся в большом кинозале.

Последний визит был в колледж искусств — тесное здание, где в маленьких комнатах, разгороженных не доходящими до потолка перегородками, идут занятия по сценической речи, театрально-декорационному искусству, пантомиме, анатомии (это связано с мимикой и сценическим движением) и танцу. В одной комнате репетировали драматический спектакль. Преподаватель очень много раз заставлял исполнителя повторять одно и то же движение, добиваясь... Впрочем, мне трудно было понять, чего именно он добивается.

В большом зале колледжа нам показали концерт силами студентов. Вечером, перед вылетом, мы встретились с нашими советскими товари-

шами — работниками генерального консульства. Вместе с нами были приглашены и наши китайские товарищи, и друзья из ИПТА, и работники китайского, польского и чехословацкого консульств. Мы провели этот вечер, словно в своей семье. Провожало нас много народу. В последний раз мы обняли дорогих иптовцев, которых полюбили всей душой.

Самолет поднялся в воздух, впереди — одна ночь до Дели; там пересядем на самолет «Эрль Франс», который доставит нас в Париж; еще две пересадки — и мы дома.

В Праге мы увидели первый снег, а еще через несколько часов мчались по зимним улицам нашей родной Москвы...

ПУБЛИЦИСТИКА

В. ДРОЗДЕНКО

Секретарь ЦК ЛКСМ Украины

★

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ КОМСОМОЛЬСКИХ

«Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должен быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка».

В. И. Ленин

(Из речи на III съезде РКСМ).

«Комсомол активно участвует в подъеме народного хозяйства... Комсомольцы и молодежь Украины с честью справились с заданием Коммунистической партии и в рекордные, не знающие примера в мировой практике шахтостроения сроки построили 37 новых угольных шахт в Донбассе».

(Из отчета ЦК ВЛКСМ XIII съезду).

Пройдет время, и, несомненно, об истории этого строительства и о тысячах комсомольцев, соорудивших за год в степи тридцать семь угольных шахт, — о героических юношах и девушках Украины — расскажут в повестях и поэмах, о них напишут романы и пьесы.

Но когда пройдет время, не трудно ли будет восстановить многие подлинные факты, не потеряются ли мелочи и детали, такие дорогие и важные еще сегодня для нас, современников?

Очень хочется по горячему следу рассказать обо всем, что по-житейски называлось «Строительством 37 комсомольских», что было заключено для нас в этих словах.

Конечно, это лишь беглый очерк, продиктованный желанием передать сотням тысяч тех, кто вступает сегодня на новые строительные площадки страны, некоторый опыт комсомола Украины.

Автору посчастливилось стоять у истоков подвига, встречаться со строителями в буднях работы, слушать их песни, разговаривать по душам. Эти живые встречи и наблюдения помогли многое увидеть и осознать.

Автор призвал на помощь и беспристрастных свидетелей жизни и труда молодежи на шахтах — документы, сводки, личные письма, материалы молодежных газет.

Изо дня в день на всех шахтах велись дневники. Эти немудреные книги стали зеркалом — отражали все явления, если они волновали молодежь, тревожили юные сердца. Вот лежат передо мной эти боевые и верные спутники строителей. Переплеты потерялись, сами дневники стали пухлыми от вклеенных фотографий, телеграмм, сводок, писем, рассказывающих о том, как складывалась жизнь людей в донецкой степи в эти незабываемые месяцы 1956—1957 годов.

Почти каждый комсомольский дневник начинается примерно такой фразой: «Мы приехали на пустое место. Забили колышки там, где будет строиться шахта».

Настоящие записки — тоже первый колышек. Может быть, послужат они ориентиром для произведений, которых ждет наша молодежь.

ПО ПРИЗЫВУ ПАРТИИ

Партия зовет...

Газеты вышли с огромными шапками. Радио передавало весть по городам и селам. По всей Украине неся клич: «Молодежь, на строительство шахт Донбасса!»

Комсомольские комитеты в эти дни были переполнены. Юноши и девушки несли заявления — короткие и пространные, вдохновенные и лаконичные. О своем решении поехать на строительство шахт писали рабочие, колхозники, инженеры, школьники, студенты, демобилизованные воины.

Шла осень 1956 года. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли решения, направленные к тому, чтобы в кратчайший срок ликвидировать разрыв, образовавшийся между насущными потребностями народного хозяйства в донецком топливе и имеющейся добычей. В числе других мер шахтостроителям Украины поручено построить дополнительно в течение одного года тридцать пять новых шахт.

Тридцать пять шахт — и каждую вместо обычных трех-четырёх лет за один год!

К тому же сооружение этих шахт не было предусмотрено пятилетним планом. Их должно построить сверх программы. Стране дополнительно нужен донецкий уголь. Ждать нельзя.

Задача была большой, сложной и ответственной. И на помощь партии снова пришел комсомол: комсомольцы Украины вызвались взять строительство шахт в свои руки.

Речь шла не о простом шефстве, а о строительстве комсомольских шахт силами молодежи — своими силами. Речь шла не о помощи кадрами строительным организациям, — приняв на себя почетное обязательство, комсомол теперь вместе со строительными комбинатами и трестами нес полную ответственность за весь ход работ: за состояние строительства, снабжение его, за изготовление оборудования, инструментов, за доставку материалов и техники, за темпы работ и качество их, за строительство жилья и учебу рабочих, за дороги и спецодежду, за культурный отдых молодых строителей.

Было решено: строго распределить силы; каждую из тридцати пяти шахт строят с начала и до конца не вообще комсомольцы Украины, а комсомольская организация и молодежь определенной области. Новостройке присвоить название той области, которая взяла над ней шефство.

Дать название... Может быть, это мелочь, частность? Нет, имя, каким нарекут, не из последних вещей. Уедут через год строители, — куда-то еще забросит их жизнь, — а навсегда в историю войдет имя «Киевская-комсомольская», или «Сумская-комсомольская», или «Закарпатская-комсомольская»... Так юноши и девушки из Киева, Сум, Закарпатья, еще только отправляясь на строительство, уже чувствовали свою кровную связь с ним.

Сначала было известно, что сооружаются тридцать пять шахт. Но вот услышали об этом наши соседи, комсомольцы Молдавии. И они захотели построить на донецкой земле дополнительную, свою шахту. Так была заложена 36-я комсомольская шахта. А потом порешили по-новому и луганцы. Они с первых дней стали соревноваться с комсомольцами Сталинской области. Но те строили на своей земле не две, а три шахты. Тогда, по их примеру, луганские комсомольцы тоже задумали подарить стране еще одну новостройку. И на донецкой земле началась закладка 37-й шахты — «Луганской-комсомольской» № 3.

К чести наших проектировщиков надо сказать, что они в кратчайший срок составили проектно-сметную документацию. Эти «кабинетчики», на которых всегда и везде принято сваливать всю вину, сумели в небывало короткое время снабдить стройки первоочередными рабочими чертежами, выдавая их буквально из-под рейсфедера, «горяченькими». В разработке проектов и смет приняло участие около трехсот инженеров и техников.

На очередь встала проблема материально-технического снабжения новостроек. Строительство поверхностных зданий решено было производить индустриальным методом, максимально используя сборный железобетон. С первых же дней работы на предприятиях-поставщиках установили комсомольские посты контроля над выполнением заказов комсомола — на каждом заводе ведь тоже работали комсомольцы, и своевремен-

ная закладка и ввод шахт в действие были делом и их чести. Сразу сказалась новая форма шефства: плановое снабжение было облегчено во всех звеньях, где это только зависело от комсомольцев.

Кадры строителей.. На первых порах это был, пожалуй, самый важный и сложный вопрос. Никто не скрывал от молодежи трудностей, никто не говорил хлопцам и девушкам, что их ожидает легкая жизнь. Все отъезжающие на стройки прекрасно знали, что они едут в степь, что им предстоит все сделать своими руками: нужно будет построить дома, в которых они станут жить, воздвигнуть клуб, в котором они смогут отдыхать, вокруг будущих поселков посадить деревья, чтобы легче дышалось. И многое, многое другое, необходимое для жизни и быта советского человека, надо было сделать за самое короткое время. Но главное — в трудную пору неприветливой донецкой осени и лютой зимы, в суровых условиях степи заложить шахты, а потом совершить то, чего до них еще никто не делал, — построить в небывало короткий срок шахты, которые в первый же год эксплуатации дали бы стране шесть миллионов тонн угля!

Какие специалисты требовались новостройкам? Само собой понятно, что современное строительство шахт — это строительство высокомеханизированное. Значит, нужны были люди, в совершенстве владеющие горной техникой. Но предстояло соорудить не только шахты, но и школы, больницы, магазины, прокладывать водопровод, вести линии электропередач, укладывать дороги: почти все строительные площадки зачищались вдали от населенных пунктов. В степи были колышки, и только.

Итак, в донецкую степь потребовались трактористы и электросварщики, слесари и шоферы, крановщики и бетонщики, каменщики и плотники, инженеры и техники, бухгалтер и учетчики, кулины и парикмахеры. Перечень всех необходимых для стройки профессий занял бы очень много места.

И все же было решено послать не более пяти тысяч специалистов. Пять тысяч, хотя нужны на строительстве шахт более тридцати тысяч молодых рабочих. Чем же было вызвано такое решение? Мы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве следует направить на стройки тех, кто еще не имеет производственных навыков, дать преимущество молодежи, недавно окончившей десятилетку.

Нас пугали: «Зачем преднамеренно создавать трудности?» Нам говорили: «Это же получается парадокс — чтобы быстро и высококачественно построить шахты, нужен народ опытный, квалифицированный, а комсомол хочет решить задачу скоростного строительства силами людей, подчас даже и не знающих, что представляет собой шахта». И такие «двожды» были: «Подумайте сами, ведь нужно как можно скорее дать стране уголь. Зачем же мудрить? Не так уж сложно отобрать имеющих специальности парней, девушек и, если потребуется, немножко их переобучить. Зато таким людям не надо привыкать с азов к умению работать. А вы — прямо со школьной скамьи!..»

Конечно, все это могло облегчить работу, но и решило бы только часть задачи. Комсомольцы Украины избрали иной путь, пусть более трудный. Суть всей идеи усматривалась не только в том, чтобы в срок построить наши шахты. Мы хотели, чтобы здесь, в овечьей славе донецкой степи, выполняя ответственнейшее задание партии, десятки тысяч молодых людей закалились в труде, получили квалификацию, стали бы умелыми рабочими.

В тот год, выступая на Всесоюзном совещании молодых строителей, Н. С. Хрущев от имени партии сказал: «За последнее время среди некоторой части молодежи стали проявляться неправильные взгляды на труд в нашем советском обществе. Это находит выражение в таких, например, фактах. Окончив десятилетку, некоторые юноши и девушки говорят: неюже геперь нам, образованным людям, идти на завод, на строительную площадку, в совхоз или колхоз. И вот такие образованные люди не задумываются над тем, что живут они в доме, который строили рабочие-строители, что их отцы работают на заводах и фабриках, что они едят хлеб, выращенный в совхозах и колхозах нашими советскими людьми, неутомимыми тружениками».

Партия призвала молодое поколение к труду. Вот почему комсомол Украины решил дать предпочтение молодежи, которая еще не имела трудовых навыков. Для большого числа начинающих шахтостроителей работа в донецкой степи должна была стать первой производственной школой.

В СТЕПИ ДОНЕЦКОЙ

«Ведь само собой разумеется, что если бы здесь было все, что положено, тогда здесь могли бы работать и старики. Но потому, что здесь трудно, но надо! — сюда призвана молодежь».

(Из дневника шахты «Житомирская-комсомольская»).

Первые эшелоны с комсомольцами почти повсеместно начали прибывать в Донбасс в ненастную осеннюю пору. Грязь, распутица, свирепые ветры и проливные дожди.

На долю первых строителей выпало много испытаний. Размещались, где могли. Вот раскинулся в степи палаточный городок полтавцев. Комсомольцы Винницкой области живут «целиком на колесах» — в степи, в вагончиках. Многие строители расселились у местных жителей.

Времени очень мало, и оно не ждет. Прежде всего как можно скорее нужно построить жилье, чтобы можно было принять последующие партии молодежи. А горные работы уже начались, с каждым днем уходят шахтопроходчики все глубже в землю. Нарастающими темпами прибывают грузы. Комсомольцы едва успевают принимать краны, тракторы, бульдозеры. С поездов сгружают механизмы, электрокабель, оборудование. Уже прибыли автоколонны из Черкасс, Николаева, Ровенской области. Машины и сами по себе были очень дороги строителям — они были до зарезу нужны. Но каждая привезла и подарки. Из Ровно своим ходом прибыли два сборных дома, печное литье, фанера, рукавицы и фартуки.

...В течение трех месяцев — по январь 1957 года — были заложены почти все комсомольские шахты.

В труде приходила дружба. Обживались, узнавали друг друга, «притирались» характеры, и уже то были не отдельные люди — коллектив! Прежде всего создали комсомольские группы. Появились первые «молнии», первые стенные газеты. Избраны культурно-бытовые советы общежитий, старосты комнат. Организованы штабы по наведению порядка, села «на коней» легкая кавалерия. Ушли в почтовое отделение заявки на газеты и журналы. Шахта-новостройка по всем советским правилам приобрела права гражданства.

Уже тогда стали выявлять возможности сокращения и без того предельно напряженных сроков. Комсомольцы «Житомирской» решили пусковой период свести к минимуму. День закладки шахты — невиданное дело! — явился и первым днем прохождения горных выработок. Нет еще лебедки для выдачи породы, но кто это сказал, что нужна непременно лебедка? Можно на первых порах прекрасно обойтись и конвейером...

Наступала героика трудовых будней.

Но навсегда сохранятся в памяти строителей те дни, когда прибывали в степь зачинатели, когда ты услышал здесь первый стук топора, когда рождалось крепкое товарищество, о котором, наверное, будут бывшие строители рассказывать и своим внукам.

Пусть же эту страницу летописи «Тридцати семи комсомольских» откроют сами строители — это их право. И они сделают это лучше, нежели кто-либо другой с их слов.

Слово — дневникам, письмам и донесениям тех дней. Привожу их с некоторым сокращением.

Шахта «Сумская-комсомольская». «Ноябрь 1956 года. 19 ноября прибыла первая группа на строительство шахты «Сумская-комсомольская» в количестве 102 человек. На месте строительства были одни только деревянные колышки, забитые в землю.

Декабрь. Донецкий край встретил посланцев комсомола холодным зимним ветром. Жить, конечно, было нелегко, и вновь прибывшие были расставлены по частным квартирам села Фазцевка. Жители с охотой брали наших ребят, приютили их, как родных. Правда, с Фазцевки до строительной площадки шесть—восемь километров.

В распутицу, когда не проходили машины, молодые строители добирались до стройки пешком, увязая по колено в грязи, проделывая в день по десять — пятнадцать километров. Среди них были такие товарищи комсомольцы, как Кобзаренко Николай, Хлопов Юрий, Лобода Николай, Щетинина Валентина, Дубровна Людмила, Бойко Александра и ряд других, которые, преодолевая трудности, служили примером выполнения своего комсомольского долга. За ними подтягивались и более слабые, для которых первые трудности казались непреодолимыми.

Совместно со строителями, прибывшими в первой партии, комсомольцы, прибывшие во второй партии, приступили к работе 16 декабря.

Месячное задание бригада каменоломов (бригадир Коломиец Виктор) выполнила на 360 процентов.

Новый, 1957 год. Строители встретили его новыми трудовыми успехами, отметили комсомольскими гуляньями, играми и другими развлечениями.

В январе начались на промплощадке земляные работы. При копке траншей под фундаменты временных подъемов главного и вспомогательного стволов мерзлую землю били кайлами, лопатами. Траншеи, выкопанные сегодня, на другой день заносились снегом, и их надо было очищать снова. Раствор, полежав немного на стройке, замерзал, его необходимо было разогревать открытым огнем и подавать в стволы для кладки стен. Особенно хорошо показали себя в работе бетонорастворного узла бригада Голик Елены и бригада десятиклассников Бойко.

Началась подвозка оборудования из других районов Донбасса. Передовики производства получили подарки из Сумского обкома комсомола: радиоприемники, шахматы, фотоаппараты, гармонии, балалайки, гитары, а также большое количество инструмента...

Шахта «Одесская-комсомольская» № 2. «14 декабря 1956 года. На станции нас встретили представители Должанского строительного управления. На машинах и автобусах поехали мы на место будущего поселка. Большая часть нашей партии, человек сорок, поселилась в единственном пока домике поселка. Дом еще не был закончен, не было облицовки, комнаты не оштукатурены, двери и окна не покрашены, но печи, сложенные только лишь перед нашим приездом и обильно побеленные, дышали жаром. Спать первую ночь пришлось прямо на полу, тесно прижавшись друг к другу. Утром, вскочив на ноги, мы не узнали друг друга. Оказывается, весь пол залит был известью, а ночью без света мы этого не заметили и походили все на дедов-морозов.

Выйдя на улицу, мы увидели стены еще четырех домов, построенные нашими товарищами, приехавшими сюда с первой партией 27 октября 1956 года.

16 декабря. Были созданы три бригады: две комплексные и одна бригада грузчиков. Разгрузка вагонов велась днем и ночью. Приходилось выгружать огромное количество деталей сборных домиков, леса, досок, кирпича, цемента, песка. Тяжелее всего приходилось с выгрузкой песка. Сырой песок, загруженный в вагоны, смерзлся и становился тверже камня. Кирка от него отскакивала, как от резины, ломы моментально тупились, куски песка летели в рот, глаза, за воротник. Несмотря на мороз, работали в мокрых от пота рубашках...

Большинство девушек вошло в бригаду отделочников. Но и им было нелегко. У каменщиков, работавших на облицовке домов, раствор моментально замерзал. Его приходилось с большим трудом разогревать в железных ящиках. Девушкам, кроме своей работы, приходилось ежедневно дежурить в домах, в которых они вели отделочные работы, для того чтобы поддерживать постоянную температуру, иначе портилась бы краска.

20 января 1957 года. Созван объединенный комитет комсомола всех шахт: Одесской № 2 и № 1, Молдавской и Черновницкой. На нем обсуждалось, как лучше организовать комплексные бригады; много критики поступило в адрес руководства, которое не явилось на заседание комитета. Говорили о создании учебного пункта, обо всех производственных недостатках.

25 января. Мы получили из Одессы подарки, которые нам очень понравились, очень обрадовали нас..»

Шахта «Житомирская-комсомольская». «Шахту начали строить 28 октября 1956 года. В этот день на месте, где должны быть стволы, впервые в донецкую землю вошла лопата: работали две бригады — Полякова и Анатия.

19 декабря состоялось первое комсомольское собрание. Избран комитет. Секретарь — товарищ Крымко...

24 декабря распадается на два звена бригада Райзберга Георгия. Во главе второго звена становится Рогальский Анатолий. «Стыдно смотреть, как они работают, их надо проучить», — заявил Рогальский. А знал ли он, что позже его звено станет ударной бригадой? Что все они будут награждены? Нет, не знал. Не знал он и того, что на опыте работы его бригады будут учиться многие. К концу дня звено Рогальского вырыло в шесть раз больше, нежели звено Райзберга. Выпущена «молния» о соревновании. Дан урок тем, кто говорил, что земля мерзлая и нормы выполнить нельзя. Четыре нормы дало звено; разговоры о невыполнении норм прекратились.

25 декабря. Образовались кружки художественной самодеятельности. За работу отвечает Парфенов Валерий.

31 декабря. Пройдено 156,4 погонного метра горных выработок. Проходчики ушли под землю. Там скрывается «хлеб нашей промышленности», который должен выйти на-гора. И выйдет! Доставать его ушли сильные, смелые. Морозы сковали землю. Работать очень тяжело. Нет еще спецовок, нет рукавиц. Тяжелое положение с транспортом, работают только два вездехода «ГАЗ-63», людям зачастую приходится ходить домой пешком.

Бригада Стрихаря Леонида — это бригада электрослесарей. Тяжело лезть на столб без рукавиц, но еще тяжелее там работать. Но ведь надо! Стоять нельзя. И ребята работают. Замерзают руки. Погрели — и дальше. Лучшими работниками показывают себя Шевчук, Стрихарь, Волюнец, Вахраменко.

Январь 1957 года. Выходит первый номер нашей комсомольской газеты «Смена». Дан первый молодежный вечер для молодежи нашей стройки. Концерт, правда, не очень блестящий, но весьма положительный.

Мы поселили в своем красном уголке ребят из Винницкой области. Наши ребята шумели, не хотели уступать красный уголок. Но в этом была необходимость, и они согласились.

Освободили комнату в общежитии № 2 Житомирском — тоже для винницких ребят. Савицкий Цезарь, как обычно, начал оспаривать такое решение комитета: «Нам и так уже тесно». Но его убедили. В общежитии № 1 не хватало койки для Тищенко Виктора. Он решил спать на одной кровати со своим братом.

29 января. Ночью прибыл эшелон со стройматериалами. Разгрузить его надо немедленно, иначе простой. Но как разгрузить, вот вопрос. Рабочие ведь отдыхают. Поднимаем ребят с постели. Идут ребята из бригады Мовчанюка Аркадия, всегда веселого, дисциплинированного нашего гармониста. Идет бригада плотников Троца Ивана, которая только что вернулась с работы. Ребята даже не успели раздеться и поужинать. Идет бригада Бугайченко Владимира — крепко поработали комсомольцы землянки, и вот еще ночью пришлось. Идет бригада плотников Ционеля Антона. Не весьма приятно подниматься с постели и идти в морозную январскую ночь на срочную выгрузку эшелона. Однако надо. Идут ребята, зная, что утром придется опять идти на свои объекты. Садятся на машины и уезжают. И вот выгружен эшелон. Экономии 52 тысячи рублей. Трудно выгружать цемент, однако он был выгружен. Были выгружены кирпич и трубы. Позже других окончила работу бригада Троца Ивана. Уставшие ребята пешком с Яблунёвки шли в свое общежитие.

30 января. Утро пасмурное и холодное. На работу все бригады выходят своевременно. Опоздала только бригада Савицкого Владимира. Это уже в третий раз. Вечером проведена беседа со всей бригадой. Савицкий вызван в комитет и строго предупрежден.

По производственной работе идем первыми. Обогнали дрогобычан. Переходящее знамя Стройуправления как будто наше.

Показатели работы лучше, чем в прошлом месяце. Однако могут быть еще лучше.

Завтра рабочее собрание, кто же получит переходящее знамя?

Февраль 1957 года. Уже начались морозы посильнее. Работать очень трудно и тяжело...

Первого февраля днем был корреспондент газеты «Красная звезда». Ему давали материал о лучших наших людях, бывших бойцах Советской Армии, уволенных в запас. Рогальский Анатолий, бригадир плотников, бывший балтийский моряк, его брат Рогальский Дмитрий, электросварщик, бывший военный автомеханик, сфотографировались для газеты.

Вечером рабочее собрание. Мы вышли на первое место и получили переходящее Красное знамя!

На собрании принято обязательство: шахту сдать в эксплуатацию раньше срока на два месяца...»

Из выступления бригадира проходчиков шахты «Хмельницкая-комсомольская» № 2 Валентина Качанова:

«По приезде в Донбасс вся наша энергия, все силы были отданы на то, чтобы как можно скорее оснастить наши шахты и пустить проходку стволов. Много пришлось преодолевать трудностей. Бездорожье, нет подъездных дорог, необжитая жизнь, нет общежитий. Все это не подрывало нашего духа, и порой эти трудности придавали столько сил, что мы работали вместо восьми по двенадцать и тринадцать часов, с тем чтобы выполнить то, что мы хотели сделать, зачем мы ехали на Донбасс,— построить наши шахты досрочно.

Первое февраля 1957 года — это был день, который весь наш коллектив шахты праздновал. Это день, когда мы открыли стволы и начали проходку. Вся комсомольско-молодежная бригада, которая вела бетонные работы, влилась в старую кадровую бригаду и стала работать под землей.

Скажу прямо, что труд шахтерский—это нелегкий труд. Нам приходилось тяжело. Вернешься домой — рук не чувствуешь и говоришь сам себе: наверное, завтра не пойду работать. Ведь в смену надо было выдать не менее тридцати двух полуторакубовых скипа, закрепить два с половиной метра, то есть проходка доходила до пяти-шести метров в сутки. А это очень большой объем работ. Но увидишь, как работают старые кадровые проходчики, и начинаешь понимать, что мы так же можем работать и с такой же гордостью потом говорить, что это наша шахта, мы ее строили.

Через три с половиной месяца, раньше установленного графика, мы окончили проходку стволов грузозового и вспомогательного и уже стали не новичками, а старыми рабочими — так называли нас новые партии ребят, которые приезжали по комсомольским путевкам.

Мы организовали свою комсомольскую бригаду и назвали ее именем Николая Островского...»

В БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ КОЛЛЕКТИВА

Молодой донецкий поэт Николай Домовитов посвятил строителям много стихотворений. Словами одного из них мне хочется открыть эту главу.

Здесь, в открытой степи, под напором ветров
И под свист оголтелой январской метели
Поднимали романтики вышки копров,
Над кострами ладони промерзшие грели.
Здесь стучали сердца — хоть поэму пиши,
На лесах новостроек ребята узнали,
Что глаза у девчат и в метель хороши
И лучистой, пожалуй, они не сияли.
Здесь тонули в сугробах колеса машин
И звенел под лопатой промерзший суглинок.
Это молодость наша один на один
С непокорной землею вела поединок.
И победу упорством взяла молодежь.
Вы серьезно ошиблись, бездельники-франтики!
Никогда и нигде на земле не найдешь
Ярче этой, в труде обретенной, романтики!

...Весной 1957 года на всех шахтах, кроме «Одесской-комсомольской» № 2, началось строительство поверхностных сооружений. Возрастали темпы проходки горных выработок.

Но работать было очень трудно: дожди, туманы, грязь. Однако настроение молодых строителей было бодрое.

Прибывало уже и новое пополнение. В конце февраля приехала очередная группа комсомольцев из Запорожской области. По письмам земляков они знали, что много трудностей ждет их на строительных площадках. Однако это не остановило их. Они твердо решили помочь своим товарищам сдержать слово — построить две «Запорожские» шахты к 7 ноября.

В дневнике «Одесской-комсомольской» № 2 читаем о новом пополнении отрядов шахтостроителей, разбивших в небольшой низинке три палатки: «Здесь поселились молодые патриоты. Ночи холодные, спать приходится на голых нарах, но это не может помешать смеху, веселым песням».

Все они приехали с комсомольскими путевками — рабочие Харькова, Киева, хлебопашцы из Таврических степей, пастухи с Карпатских гор, школьники из Сум. Но не все они были одинаковы. Некоторые родители комсомольцев, в особенности девчат и совсем молодых ребят, с самого начала не хотевшие отпускать своих детей так далеко, потом в письмах упрашивали, чтобы те вернулись домой. На «Запорожскую-комсомольскую» к Ане З. даже приезжал отец, требовал, чтобы вернулась дочь домой, — что, мол, ей делать здесь в грязи и на студеных ветрах, без нее справиться. Но девушка осталась: «Как же я могла уехать? всю жизнь бы себе не простила, постоянно мучилась бы и ругала себя».

Однако не все сумели выдержать экзамен на преодоление трудностей. Были и такие, что испугались неудобств жизни, непривычного труда и дезертировали со стройки. Их было немного. Но и о них, не оправдавших надежд своих товарищей, нужно сказать.

Кто спорит — не так уж просто покинуть дом, теплый, обжитой, разом оторваться от семьи, матери и друзей и очутиться в неприветливой степи, в палатке, вдали от привычной жизни и любимых людей. И нелегко — для этого нужно достаточно силы воли — вставать с зарей в любую погоду, шагать по грязи в распутицу, испытывать множество лишений. Все это требовало сильных характеров.

И вот читаем документ: «3 января дезертировал со стройки Герасименко. Он ушел ночью, незаметно. Ему тяжело было жить с нами: он привык жить, держась за мамину юбку, быть на всем готовом, а у нас надо было все готовить для себя. Жаль только то, что он не вынес трудностей, ушел из коллектива. Но придет время, он поймет. И сам от себя он никуда не уйдет. Ведь от своей совести нельзя уйти. Она всегда напомнит ему о пройденном прошлом».

Находились и такие, кто плохо работал, отказывался выполнять трудные задания. Вот еще одна выдержка из дневника: «Люди наши, некоторым из них исполнилось 18 лет, работают как герои, но прибыли, правда их очень немного, типы, которые ехали за длинным рублем. Долго они у нас не держатся. Мы их выгоняем с комсомольской стройки. Так был выгнан Кондратюк Петр. Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны бригады, он совершал систематические прогулы, на замечания не реагировал. Решением комитета комсомола был выгнан со стройки... Когда положение на строительном участке вдруг ухудшилось — нет половой доски, бруса, — проявил малодушие бригадир плотников Николай Клон, который отказался работать и на заседании комитета ЛКСМУ был исключен из рядов ВЛКСМ».

«Прилагаем все усилия, чтобы сколотить настоящий боевой коллектив нашей организации, коллектив, способный выполнить любое задание», — записано в дневнике шахты «Житомирская-комсомольская».

Но там, где комсомольская работа велась вяло, сейчас же появлялись те самые «овцы», которые все стадо могут испортить. К сожалению, не всегда удавалось быстро и безболезненно пресечь враждебные действия распоясавшихся людей. Я подчеркиваю: враждебные, так как жизнь очень убедительно подтверждает, что хулиганы и пьяницы — злейшие враги нашего общества.

Одним из наиболее активных работников штаба по борьбе с хулиганством в поселке, где размещались рабочие шахт «Вольнская» и «Черкасская», был Иван Третьяк, секретарь участковой комсомольской организации. Бесстрашно навел Третьяк порядок у себя на шахте. И вот однажды ночью, когда он возвращался домой, мерзавцы подло напали на него и зверски убили. Убийцы были вскоре найдены и осуждены. Имя Ивана Третьяка было навечно занесено в списки комсомольской организации шахты «Черкасская-комсомольская».

Комсомольские штабы строго несли охрану общественного порядка. Вот запись из дневника житомирцев: «22 декабря 1956 года был организован штаб по борьбе с хулиганством, организовано ежедневное дежурство. Через два месяца хулиганство на стройке совершенно прекратилось. Были случаи, когда штабисты приводили хулиганов в комитет и по решению комитета они направлялись в милицию. В скором времени слова «комсомольский патруль» стали действовать на пьяных, как вытрезвитель. Лучше стали налаживаться производственная работа, бытовые условия жизни».

Отлично выполняли свою миссию — сплачивали коллективы новостроек — комсомольские газеты.

Многим памятна корреспонденция о том, что случилось однажды на шахте «Черкасская-комсомольская» № 1.

Собираясь на смену, бригадир Владимир Ноздратенко попросил одного парня сбегать на квартиру к Бевзу и Евстратенко. Почему-то их нет. Спят, что ли?

Но в комнате ребят не оказалось. Их не было и в столовой. Нигде не могли их разыскать.

— Ясно. Удрали. Ну и черт с ними! — сказал кто-то из комсомольцев. — Чем скорее отсееется дрянь, тем лучше будет.

Утром бригада в полном составе пришла в комсомольский комитет передать решение, которое вынесла на своем совещании. В нем говорилось: «Так как с уходом двоих в бригаде теперь четырех рабочих рук не хватает, а работа срочная и не ждет, считать, что количество человек в бригаде не уменьшилось. Дезертирство двоих на работе коллектива отразиться не должно. Ежедневно перевыполнять норму выработки».

В тот день бригада Ноздратенко выполнила задание на 199 процентов, а секретарь комитета написал письмо на родину — в Черкассы, в областную газету: пусть все черкассские комсомольцы знают, что Александр Бевз из села Родниковка, Уманского района, и Иван Евстратенко из села Гречановка, Шрамковского района, позорно бежали со стройки.

На комсомольском собрании бригадир Владимир Ноздратенко сказал: «Завидовать нам еще они будут! Не только они — хорошие хлопцы нам позавидуют, как завидовали мы тем, кто построил Комсомольск-на-Амуре».

В степи тогда было очень холодно, горячие обеды еще не каждый день привозили. Однако на доске показателей против фамилии бригадира Ноздратенко цифры выполнения задания неизменно росли.

— Ничего, — говорил Владимир Ноздратенко, — ничего, ребята, что холодно, и что не очень уютно, и что устаем крепко. Все это пройдет, и еще с какой сердечной радостью вспомним эти горячие денечки. Ведь благодаря нам в Донбассе добавится еще одна шахта — «Черкасская-комсомольская»!

А потом произошло вот что.

Как-то к вечеру поднялась сильная метель, и секретарь комсомольского комитета Швец никак не ожидал, что сегодня к нему кто-нибудь еще явится. Но дверь распахнулась, и вошли двое. Одного он узнал сразу — на пороге стоял, обивая валенки рукавицей, раскрасневшийся от мороза Володя Ноздратенко. Но второго, того, что сверху донизу был весь залеплен снегом, как будто видел впервые.

— Вот, заявился, — кивнул на него Володя. — Поговорить хочет.

— Примите обратно, — тихо сказал вошедший, снимая шапку. Перед Швецом стоял Иван Евстратенко.

— Сначала перед ребятами ответ будешь держать, а потом на комитете разберемся.

— Наказывайте как хотите, но примите, — повторил Иван. — Не могу я иначе.

...Вот и май подошел!

«На жилстройплощадке выросла первая улица под названием «Комсомольская», — написано в одном из дневников строителей. «Все убеждены, что при желании все можно», — читаем в другом.

Как же изменилось все вокруг за несколько месяцев!

Кажется, совсем недавно приезжал сюда, и тогда еще была только вскрыта шейка ствола. Помню выросшие в степи временные будки-обогревательники, склад инструментов, еще кое-какие первые сооружения. А теперь уже полным ходом идет рытье траншей, завозятся материалы. И проходчиков не видно — только огонек в глубине земли.

Прошел еще месяц, и вот уже идешь по рештакам, ступеням довольно глубокого земляного тоннеля. А наверху здание поднялось кирпичное — дома строятся!

КОМСОМОЛЬСКИЕ ВОЖАКИ

Только-только родившиеся, едва сформировавшиеся комсомольские организации с ходу начинали жить и работать.

Отказал насос... Не работает электросверло... Погас свет... На прирельсовых складах застряли сборные домики.

Комсомольские комитеты сразу стали боевыми штабами. Сюда обращались и по вопросам организации труда и по бухгалтерским делам. Сюда шли, если не было товара в киоске, если думали об учебе, если приехали родственники, если было горе, если была радость, — поделиться, поговорить, посоветоваться, как в семье идут к старшему, строгому, но любящему. И победа или неудача в любом звене нашего общего дела во многом зависела от тех, что были тогда членами комсомольского комитета новостройки.

Двери в комитет комсомола не закрывались, телефонные звонки один за другим тревожили секретаря. Период пусковой: неурядицы возникают на каждом шагу.

Строительство шахт — кропотливое дело. Здесь силой не возьмешь, здесь необходимо умение, опыт, смекалка. И требует эта очень сложная работа множества разных специалистов. Строительство комсомольских шахт было скоростным — следовательно, и обучать кадры следовало скоростным порядком.

Как же организовать учебу на шахтах?

Вместе с администрацией комсомольские комитеты создали самые разнообразные курсы. Но подавляющее большинство молодежи получало квалификацию и совершенствовало свое мастерство в ходе практических работ. Производственные бригады формировались с таким расчетом, чтобы во главе каждой стоял опытный, знающий дело человек. На него возлагалась обязанность обучить всех, кто попадал в его бригаду.

Надо отдать должное — те, кто был умудрен опытом строительства, сумели стать прекрасными педагогами.

Молодежь должна была не только овладеть профессией, но и быть готовой к тому, чтобы с первых же шагов работы использовать самые новые, самые лучшие образцы, приемы и методы труда. Скоростные темпы проходки стволов, многоцикличный график — все это осваивали ребята на живом примере, непосредственно в процессе труда.

И плоды этой системы не замедлили сказаться. За четыре месяца напряженной учебы отличными проходчиками стали и Владимир Ясинский и Алексей Позднышев. Павел Фурик и Владимир Левченко не столь еще давно вместе забивали первые колышки на площадке будущей «Николаевской-комсомольской». Теперь Левченко стал электрослесарем, а Фурик может работать на угольном комбайне. Легко привести тысячи подобных примеров.

Очень интересно было наблюдать, как в процессе труда постигали комсомольцы и сложные методы управления производством. Помню, на одном из технических совещаний выступал секретарь комсомольского комитета шахты «Львовская-комсомольская» Кулик. Какой аргументированный и доказательный это был доклад! Посторонний

никогда не подумал бы, что перед ним человек, который еще недавно не знал азов шахтостроительного дела. Кулик вовсе не был исключением.

Есть у военных такой термин: «упредить противника». Это значит — сделать необходимое, прежде чем нагрянет опасность, предотвратить ее своевременными действиями. Комсомольцы шахтостроители учились этой предусмотрительности.

Учились, как и полагается хорошим хозяевам, видеть все, все держать в поле своего зрения.

Активно вмешиваясь в организацию труда, в производственный процесс, комсомольские организации становились настоящими помощниками хозяйственных руководителей.

«Перед вами, — обращаясь к комсомольцам на III съезде РКСМ, говорил В. И. Ленин, — задача строительства, и вы ее можете решить, только.., умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы». Когда я перечитываю эти ленинские строки, перед моим мысленным взором один за другим проходят комсомольские вожаки — шахтостроители. Я вижу их снова — как тогда на строительстве — в гуще рабочих, в потоке дел, на бурных молодежных собраниях или в своих комитетских комнатах, склонившихся над сводками, графиками, планами.

Вот Трошкалев, секретарь комитета шахты «Николаевская-комсомольская», надежный помощник партии, напористый, волевой, побеждающий в спорах своей железной логикой.

Вот Павловский, с «Киевской-комсомольской» № 1, инженер-горняк, сразу же изъявивший желание поехать на строительство. Комсомольцы избрали его секретарем комитета, и никто из них ни разу не пожалел об этом. Он умел разобраться во всех вопросах хозяйственной деятельности, удивительно быстро почувствовать все то, что заботило молодежь, глубоко вникнуть в каждый вопрос, волновавший горячие юные сердца.

Вот бывший инструктор обкома Юрий Балмашнов. На шахте «Луганская-комсомольская» № 2 он завоевал большой авторитет, и вскоре ему доверили руководство комсомольской организацией новостройки. На редкость настойчивый, горячий, он все принимал близко к сердцу и всегда добивался того, чего хотел.

В одном из донесений Луганского обкома комсомола сказано так: «Как боевой штаб зарекомендовал себя комитет комсомола шахты «Луганская-комсомольская» № 2 (секретарь т. Балмашнов). Здесь все вопросы, связанные с производственной деятельностью молодежи, не решаются без комсомола. Коллектив строителей этой шахты неоднократно выходил победителем в республиканских и областных соревнованиях».

Одним из самых уважаемых людей на стройке шахты «Сумская-комсомольская» стал Владислав Збитнев. И не только потому, что занимал он здесь пост секретаря комитета ЛКСМУ, — нет, любили и уважали его прежде всего как человека настоящей, большой души.

Этот на редкость организованный, собранный и по-военному подтянутый человек очень гармонично сочетал в себе юношеские качества с опытом и степенностью взрослого. Его советам следовали, к его голосу прислушивались, с ним считались все хозяйственники. Не случайно на собрании к комсомольцам-сумчанам приходила не только молодежь, а и старые горняки, инженеры, руководители. И не просто полюбопытствовать, о чем здесь говорят, но и принять участие в дебатах, что-то присоветовать, из чего-то извлечь пользу и для себя.

Был такой случай — в забоях появилось много воды, а запасных насосов нет, не хватает и светильников. Пока суть да дело, кое-кто из ребят сплеховал, нервы сдали, мужество и выдержка уступили место унынию. В контору начали поступать заявления о расчете. Все ждал, что скажет комитет комсомола. Конечно, легче всего было сказать: «Скатертью дорожка» или поставить вопрос о пребывании в комсомоле. Но Збитнев и его товарищи по комитету поступили иначе, как свидетельствует о том и запись в шахтном дневнике. Вот она: «Каждому разъяснялось, каждый надумавший оставить стройку, вызывался на заседание комитета комсомола, которое проходило

каждую субботу. Комитет сумел поддержать дух ребят, пробудить у них чувство гордости за порученное дело, наконец, просто развлечь».

Как это по-человечески, по-товарищески, сколько здесь понимания того, что среди массы молодых шахтостроителей были совсем еще юные, впервые пробующие силу своих крыльев!

Удивительно ли, что «авторитет комсомола рос среди шахтостроителей: по любым наболевшим вопросам юноши и девушки обращались в комитет комсомола, после чего эти вопросы решались общими силами».

«Общими силами» — вот в чем был корень вещей! По-видимому, в этом стиле работы надо искать причины успеха деятельности комсомольских организаторов. А ведь многие из них впервые сами проходили эту школу жизни, правда, школу редкую по тем возможностям, которые открывались перед каждым, кто действительно стремился поучиться у жизни в свои юношеские годы.

ФАКТОР № 1 — ТВОРЧЕСТВО

«Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй. А особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую догадку, т. е. соединял голову с руками. Вы попали на эту дорогу. От души желаю вам и дальше двигаться по этой единственно обеспечивающей счастье человека дороге».

(Из письма академика И. П. Павлова
донецким шахтерам).

Петр Маслов был уже немолодым человеком. Специалист с большим стажем работы, он замещал главного инженера на строительстве шахты «Киевская-комсомольская» № 1. Приключилась с ним история грустная и поучительная.

Его огорчило, что на стройку прибывают юноши и девушки, ничего не смыслящие в горняцком деле. Ну как может, размышлял он, эта не имеющая специальности зеленая молодежь показать пример всем шахтостроителям, да еще в скоростном сооружении шахт?

Трудно было ребятам с этим человеком, который относился к ним с недоверием. Скажет вежливо, но как-то всегда снисходительно, точно сверху вниз смотрит.

Шла стройка, со всеми своими трудностями, горестями и радостями. Неуклонно набирала темпы. И уже в январе стало ясно, что есть все возможности пустить в эксплуатацию «Киевскую-комсомольскую» № 1 не через год и даже не к годовщине Октябрьской революции, как это было решено на многих стройках, а и того раньше — к августу, ко Дню шахтера.

Тогда и пришел этот час — тяжелый час в жизни инженера Маслова. Он вдруг увидел, что эта самая «зеленая молодежь» обогнала его, старого инженера, в умении организовать работу.

Маслов был честным человеком. Он понял, что ему на этой стройке делать нечего, — он и не руководитель и не помощник этой молодежи, а он откровенно заявил, что хочет отойти в сторону, «чтобы не гасить задор и энергию молодых, чтобы не быть тормозом на пути этого коллектива, в его стремительном движении».

— Грустно, что поделаешь, но такие темпы не для меня, не угнаться мне за нынешней молодежью, — сказал он в заключение.

Его просьбу удовлетворили.

Были и другие, которые так же, как и Маслов, не поверили в силы молодежи, не поняли ее, так же с высоты своего опыта полупрезрительно смотрели на этих ничего еще не видевших на своем веку ребят.

Однако подавляющее большинство инженеров — партийных и непартийных, представителей разных поколений — нашло великолепный контакт с молодыми добровольцами строек.

— Как только было получено государственное задание за год — невиданный до этого срок! — построить комсомольские шахты, — рассказывал старший инженер произ-

водственного отдела треста «Шахтерскшахтострой» В. Тювакин, — инженеры треста собрались на совещание. Мнение было общим: старыми методами новые шахты в срок не построишь. Фактором № 1, самым решающим фактором, должно стать творчество.

И это было абсолютно верно сформулировано.

Теперь, когда уже можно подвести некоторые итоги, видно, что молодые строители сказали новое слово в практике шахтостроения.

Обычно шахты сооружаются так. Вначале строители «обживают», возводят временные промышленные здания, устанавливают лебедку, сооружают несколько помещений для жилья. И только после этого приступают к проходке. Но это означало потерю целых месяцев на оснастку поверхности. На комсомольских новостройках отказались от таких методов. Одновременно со строительством приступали и к прохождению горных выработок.

Много поправок внесли комсомольцы и в практику строительства комплекса поверхностных сооружений. Разработанные ранее графики сооружения подверглись основательному пересмотру. Строители подчинили свою работу интересам монтажников — в первую очередь «налегли» на те здания, где предстоял большой объем монтажных операций. Обычно считалось технологически правильным поступать так: забьют строители последний гвоздь — только тогда на объект вступают монтажники. А комсомольские стройки торопились окончить отделку внутри здания, приостановив работы снаружи. Почти на каждом здании монтажные и строительные операции велись параллельно, и этим достигалась невиданная ранее скорость сооружения шахт.

Да, «фактор № 1» — новаторский, творческий подход к делу — дал огромный выигрыш во времени, а значит, и в производительности труда.

Попытаюсь проиллюстрировать то, о чем говорит В. Тювакин, конкретным примером. Это будет рассказ об инженере и комсомольцах.

Нодара Медзмаришвили после окончания института оставляли на научной работе. Перспектива была заманчивой, но Нодар решил, что чем лучше будет знать производство, тем меньше затратит времени на необходимые научные поиски. Он отказался от работы в научно-исследовательском институте в Тбилиси, перебрался в Донбасс Молодого инженера в Донбассе знали — он проходил здесь практику. Ему предложили работу в тресте. Нодар не принял это предложение.

— Но куда же вы хотите идти?

— В шахту.

— Руководителем работ?

Нодар на мгновение задумался, потом спокойно ответил:

— Зачем руководителем работ, думаю — рано. Хочу идти горным мастером.

Нодара направили в шахту в бригаду проходчиков. Он бурил, вел взрывные работы, крепил, овладевал всеми процессами строительства шахт, точнее, как он любил рассказывать, «познавал характер подземных работ». Затем молодой инженер, он же квалифицированный проходчик, последовательно проходил все ступени инженерной и хозяйственной работы — шел туда, куда его посылали, стал сменным, а затем и главным инженером шахты.

Когда началось строительство комсомольских шахт в Донбассе, в числе молодых инженеров отобрали и Нодара Медзмаришвили. Он был направлен начальником строительного управления. На его долю выпало построить скоростными темпами две комсомольские шахты — «Донецкие-комсомольские» № 1 и № 2.

Руководить — значит предвидеть. Но что это означает, скажем, если вы возглавляете строительство шахты?

Многие шахты, которые строила молодежь, испытывали недостаток в строительных материалах, и это вызывало простои, — ведь новостройки неожиданно ворвались в план и приходилось дополнительно изыскивать все для них необходимое. А вот у начальника стройки инженера Нодара Медзмаришвили строительных материалов было вдоволь. Что же это — ловкость рук? Нет, совсем другое.

Вот, к примеру, записка начальника строительного управления Медзмаришвили секретарю комсомольской организации шахты «Донецкая-комсомольская» № 2 Георгию Чуйкову:

«Дорогой мой! Мы скоро очутимся в прорыве, ведь строительство идет с опережением плана, а снабжают нас по плану. Посуди сам — получается недоразумение. Мы можем сорваться, но этого не хотим, как по-твоему? Конечно, не хотим, нужно ликвидировать ножницы между плановым снабжением и нашими темпами работы, превышающими план. Тут есть два пути: или снизить темпы строительства и быть в плену планового снабжения, или вырваться из плена. Ты спрашиваешь, как? Очень просто. У нас под боком есть залежи бутового камня. Этот камень прекрасный материал для надшахтных зданий. Так зачем же мы будем ждать, когда нам будут привозить камень издалека? Недаром говорят: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Давай отбросим рубль за перевозку, оставим себе полушку; много денег государству сэкономим. А потому моя просьба такая: подбери, пожалуйста, ребят с огоньком, чтобы их можно было послать добывать камень и чтобы сразу доставляли они его на стройку. И дешево и хорошо. Иначе сползем вниз».

Конечно, ребята с огоньком были подобраны. Они стали добывать камень. Только одна эта простая инициатива дала возможность сэкономить полмиллиона рублей. Камень был рядом, доставка его стоила гроши.

Но это еще не самое главное: в этой записке был поставлен принципиальный вопрос большой государственной важности.

Узнав об использовании бутового камня на «Донецкой-комсомольской» № 2, задумались в комбинате, задумались и в тресте. Схватились за эту идею и секретарь Шахтинского райкома партии Комаров — всегда верный и постоянный советчик в трудных делах. В самом деле, как же это получается: строители работают с опережением графика, а снабжение? В лучшем случае оно идет по уже устаревшему плану. Прав Нодар — получаются ножницы!

Вот почему инициатива Нодара Медзмаришвили — самого молодого в Донбассе начальника строительного управления — пришлась многим очень по душе. Местные газеты сразу сумели сделать идеи молодого инженера достоянием всех шахтостроителей области. Речь шла о необходимости иметь единый, подчиненный социалистическим обязательствам рабочих план снабжения.

Однажды спросили Нодара Медзмаришвили, что он считает самой большой удачей в своей инженерной работе за этот год.

— Если говорить всерьез, — ответил он, — это вывод для всех нас, инженеров: за этот год мы научились опираться на комсомол, использовать поистине, скажу, неиссякаемые силы его.

Как-то мне довелось рассказать донецким горным инженерам, что Медзмаришвили всегда очень хорошо знает, что делается не только у него на участке, но и в каждой строительной бригаде. Один из присутствующих заметил:

— В этом нет ничего удивительного, Нодар Медзмаришвили тут ничего не изобрел. Мы тоже к концу дня всегда сводку имеем. А сводка, каждый знает, — это зеркало; глянешь, и все ясно: какой участок впереди, какой отстает. Так чем, собственно говоря, здесь восхищаться?

Товарищ не учел лишь одного: Медзмаришвили получал, кроме общепринятых сводок, еще и подробные рапорты комсомольских контрольных постов. Эти посты на «Донецких-комсомольских» были созданы с первых дней на каждом строительном объекте, на каждом участке, в каждой бригаде.

На одном из совещаний Нодар Медзмаришвили рассказывал:

— Это было 23 июля 1957 года на «Донецкой-комсомольской» № 1. Сводка пришла хорошая. Не сводка, а поэзия: план подземных работ выполнен на 130 процентов. С успехом велись надземные сооружения. Любого хозяйственника, скажу вам, такие цифры порадовали бы. Очень обрадовали они и меня. Но вот вслед за сводкой пришел рапорт комсомольского контрольного поста. Читаю: «Проходчики простояли час двадцать минут, потому что несвоевременно поднималась на поверхность порода». Так, думаю, вон дела-то какие! Читаю дальше: «Цементный раствор доставлялся на стройку с перебоями, в общем, если посчитать по всем бригадам, то простояли они 8 часов». А, каково?! Вот так комсомольцы и помогали нам, хозяйственникам, помогали видеть больше, чем мы могли это сделать физически.

Комсомольцы-шахтостроители наверняка упрекнули бы автора этих записок, если бы он, говоря о новаторском труде, запамätтовал такого знатного человека, как молодой проходчик Григорий Мовчан.

Когда-то начинал Гриша Мовчан в колхозе трактористом. Потом захотелось посмотреть страну: уехал на стройку в Латвию. Отслужил в армии и решил послушаться сестру, которая звала его к себе в Донбасс. Там он и стал учиться на шахте проходческому делу. Уже был Мовчан бригадиром, когда услышал, что едут со всех концов Украины добровольцы строить комсомольские шахты.

Он сказал:

— Хлопцы-то едут неопытные в горняцком искусстве, а дело срочное. Надо и нам на комсомольскую стройку проситься.

И порешили всей бригадой идти на «Дрогобычскую-комсомольскую». Вместе со всеми начинали с колышка — на открытом пригорке, где должна была вырасти шахта.

Бригаде Григория Мовчана поручили проходку главного ствола. Проходчики сразу же продемонстрировали свое мастерство и добились рекордных показателей. Григорий потом рассказывал:

— Мы подсчитали и увидели, что если работать «как положено», то есть обычными темпами, то строительство шахты затянem. Это уже точно. Значит, нужно искать выход. А какой мог быть выход? Выход был один — с самого начала повысить нормы, начинать работать так, как работают самые что ни на есть передовые бригады в Донбассе. А это значило, что каждый из членов бригады должен научиться скоростной проходке: попросту говоря, каждый должен был в совершенстве овладеть бурильным молотком, научиться наращивать конвейер, настилать пути, ставить крепежные рамы.

Пока шли подготовительные работы, опытные проходчики Василий Рожко, Геннадий Соколов, Сергей Мещеряков взялись учить новичков — молодое пополнение бригады; и скоро уже дрогобычские комсомольцы Яков Цвинтарный, Евгений Янушевский, Роман Сковоронюк не уступали учителям.

В первый месяц бригада Мовчана прошла 52 метра. Это был неплохой результат. Запестрели плакаты, в которых бригада проходчиков восхвалялась на все лады; выходили листовки, призывающие брать пример с Григория Мовчана, а местные поэты составили частушки о бригаде горнопроходчиков, которая с первых дней стала перевыполнять план. Это, конечно, было приятно. Да и заработки были неплохие, каждый месяц проходчики получали три-четыре тысячи рублей.

Однако, когда Григория попросили выступить на семинаре бригадиров, он сказал:

— Нас такие темпы все же не устраивают. Если мы все будем так работать, как работали в первый месяц, то и за год шахту не построим. Тут нужно что-то придумать, чтобы вести строительство действительно скоростными темпами. Вот пишут про нас, шахтеров, хорошие стихи:

Сокрушай кремневую породу,
Доберись до угольных пластов,
Гвардия подземных скороходов,
Молодых донецких горняков!

Только никакими подземными скороходами мы не стали, и насчет гвардии — это тоже приукрашено: самые что ни на есть обыкновенные ребята. А что тут предпринять, надо думать сообща.

И именно коллективный поиск нового принес успех, молодые рабочие применили совершенно новые формы труда при проходке ствола. Предоставим слово бригадиру.

— Сейчас трудно сказать, — говорит Мовчан, — кому первому пришла в голову эта мысль. Но поддержали ее все. Обычно отверстия в забое, куда закладывается взрывчатка для разрыхления породы, пробуриваются одним молотком. А что, если ставить на бурение одновременно двух человек? Тесновато им будет, зато работа вдвое ускорится. В феврале попробовали бурить по-новому. Сразу стало заметно, как ускорилось дело. Каждые сутки мы продвигались на два с половиной — три метра, а к концу месяца подсчитали: пройдено два норматива.

Бригада прошла за месяц 82 метра ствола!

Впереди на пути проходчиков лежали породы большой толщины и точно кремень по твердости. Все же решили пройти в марте не менее ста метров ствола. Экономили каждую минуту, до предела сокращая простои. Вот когда пригодилось умение каждого свободно выполнять любую операцию! Это был штурм, успех которого решили организованность, смелость и умение.

— Породы крепкие, а тут еще вода заливает, в иные дни приходилось работать, стоя по колено в холодной воде. Однако, несмотря на особенно тяжелые условия, март стал для нас рекордным. На сто один метр углубились под землю за этот месяц.

Главный ствол шахты сдали в мае, обогнав время на три месяца. И сразу же, не сбавляя темпов, начали пробивать штреки, нарезать лавы.

Может быть, рассказ о Григории Мовчане и его друзьях-товарищах заставит задуматься тех, кто не понимает еще огромного значения комплексных бригад. Комплексный труд дает в нынешних условиях наибольший эффект не только потому, что быстрее идет работа при такой системе, когда каждый может заменить другого. Создается атмосфера творчества и трудовой дружбы, при которой рождаются технические предложения замечательной смелости.

Здесь уместно вспомнить слова двадцатисемилетнего главного инженера шахты «Луганская-комсомольская» № 3 товарища Шарапова, который сказал на собрании в день пуска шахты:

— Если кто-нибудь когда-нибудь будет удивляться нашей хорошей работе в будущем, — ведь нам предстоит еще много и много строить, — то мы можем с гордостью сказать: не удивляйтесь этому — мы прошли хорошую школу на строительстве комсомольских шахт.

ГЕРОИКА БУДНЕЙ

Это случилось, когда устанавливали восточный копер. У всех было хорошее настроение — задание выполнили на десять дней раньше графика. Старый плотник, бригадир И. А. Горобец, осматривая работу, вдруг увидел на верхнем узле, на поперечном бревне, старательно вырубленное топором слово «Полтава».

Кто из ребят и когда это сделал? Как это он, Горобец, не заметил? В первую минуту чуть было не рассердился старик. А потом вдруг усмехнулся, покачал головой. Все понял. Остро и сильно, как давно уже не было с ним, вспомнилась молодость, первая самостоятельная работа. Ведь тоже тогда вывел он старательно на уголке бревна неуклюжую подпись — имя и фамилию. Пусть знают люди: сделал эту работу Иван Горобец. Вот и этот клопец не утерпел, значит, расписался. Только поставил-то ведь он не свою фамилию — вырубил имя родного города: «Полтава». Мало ему, значит, что вся шахта называется «Полтавская-комсомольская», — еще и бревно это на верхнем узле восточного копра вытесал не кто-нибудь — полтавский паренек.

Слово «Полтава», вырубленное комсомольцем плотником на бревне копра, деревянные и железные арки в голой осенней степи у палаточных городков с надписью: «Полтавская-комсомольская»... Если вдуматься, это — явление одного и того же порядка. Мне кажется, что именно здесь начиналась наша победа при сооружении тридцати семи комсомольских. С самого начала все дело строительства новых шахт удалось организовать так, что оно стало как бы личным делом каждого строителя. Во-первых, потому, что шахта была комсомольской, во-вторых, потому, что «Полтавской», в-третьих, потому, что ехал он сам, по своей доброй воле, строить ее. И не просто строить, а в кратчайший срок. И не просто добровольцем — он ехал по призыву партии, по комсомольской путевке.

Успех сопутствовал комсомолу Украины и потому, что в ходе строительства комсомольских шахт он сумел использовать и возродить лучшие традиции и богатейший опыт самого живого и самого действенного социалистического соревнования, накопленный советским народом.

Соревнование... Оно прежде всего предполагает необходимость преодолеть какую-то трудность, состязаться в решении какой-то сложной задачи. Без соревнования

друг с другом, коллектива с коллективом, может, и не было бы той героини, которая так ярко освещала изнутри будничный труд строителей комсомольских шахт.

Бригада каменщиков Андрея Полторацкого обязалась в апреле вывести стены бытового комбината. «Бригада выходила на работу в 4 часа утра, чтобы, пользуясь заморозками, помочь транспортникам подвезти камень. А с 8 часов утра бригада приступала к кладке здания. Что заставляло нас так поступать? Твердая решимость во что бы то ни стало, наперекор трудностям выполнить задание нашей родной Коммунистической партии. Мы знали, что стране нужен уголь» (из дневника шахты «Луганская-комсомольская» № 2).

Молодые строители вошли в темп работы. Они не уходят со строительной площадки в течение двенадцати часов, но возвращаются оттуда не столько утомленные, сколько довольные и радостные: «Выполнили! За нами не было задержки». Этими и подобными словами пестрят протоколы, дневники, донесения, газетные статьи каждый день. Каждый день на протяжении десяти месяцев! Трехсот дней! Какую силу духа нужно иметь, какую волю к победе!

И вот все осталось позади — бездорожье, грязь, туманы. Наладилось снабжение, все прибывает техника. Стройки стали полнокровными. «Луганскую» № 2 начинали строить всего семь человек, теперь здесь семьсот рабочих.

Ширится разворот работы. Приступили к бетонированию фундамента под подъемную машину главного ствола. Начали строить туннель от ствола к породному террикону. Устанавливают металлический копер. К месту установки вентиляционного комплекса подтянуты мощные вентиляторы. Прохождение шурфа идет при помощи отбойных молотков. Началось арочное крепление стволов. В забоях проводятся буровзрывные работы. Полный ход набирает проходка горных выработок...

Три четверти работ выполнили юноши и девушки самых разных профессий. Но одна четверть легла на плечи тех, что назывались проходчиками.

Проходчик — это не обычный рабочий. Это рабочий самой высокой квалификации: он должен быть и каменщиком, и плотником, и слесарем, должен владеть своим основным инструментом — отбойным молотком, электробуром. Проходчик должен быть человеком особого характера — смелым, находчивым, изобретательным.

...В забое вспомогательного ствола, где работала бригада Ивана Онищенко, резко усилился приток воды. Она была всюду — хлюпала под ногами, стучала по каскам, сочилась серебристыми струйками кругом. Угольная сажа — первый признак того, что уголь близко, — вместе с водой образовала такую вязкую массу, которая забивала транспортеры, а лопатами грузить эту жидкую грязь невозможно. Но проходчики не унывали, голов не вешали. За месяц они прошли 66 метров выработки — выше норматива.

Так было на «Ровенской-комсомольской».

В дневнике «Луганской-комсомольской» № 2 есть короткая запись 23 марта 1957 года: «Очень плохо сложились дела в горном цехе. Крепко подвели нас геологи». Уголь должен был встретиться на шестидесятом метре. Но пройдено шестьдесят, сто, наконец, сто восемьдесят — в три раза больше, чем следовало по геологическим данным, а угля не было. Запись за записью в дневнике: «Все ищем уголь». Главный инженер распорядился пробурить скважину недалеко от забоя — проверить, далеко ли еще идти вниз до угля. Но и через три метра не было угля, зато вдруг ударил поток воды. Тщетными оказались попытки заклинить пробуренную скважину. Главный ствол затопило.

Нет, не сдавались луганцы! Работали в труднейших условиях, но своего добились. Два месяца шла борьба под землей, и вот 23 мая появилась запись в дневнике: «Сегодня радостное событие: на 259-м метре сели на уголь. Сколько волнений было из-за этого пласта! 200 метров шли по пустым породам. Ну, зато пласт встретили хороший, в 1,08 метра».

Это произошло на «Луганской-комсомольской» № 2.

Но не легче было ребятам и на «Волинской-комсомольской».. Об этом все мы с волнением читали в «Комсомольце Донбасса», об этом рассказывали и пересказывали на всех шахтах. На «Волинской» неожиданно произошла тяжелая авария. Из большой

трещины, вдруг образовавшейся в кровле, не ослабевая хлестал поток. Произошла авария: прекратили работать насосы — сгорели оба мотора. Слушая шум воды, рабочие сурово молчали.

— Ну, вот работать нельзя, подождем, пока починят,— сказал наконец кто-то из новичков.

Свет пяти шахтерских ламп одновременно ударил в лицо говорившего. Тот зажмурился и невольно отступил на шаг. Все ждали, что скажет бригадир.

И бригадир Иван Рупинец твердо сказал:

— Сдаваться не будем. Сделаем волокушку, откачаем ведрами, касками, ладонями, а задание выполним!

Так начался этот поистине самоотверженный штурм проходки. Комсомольцы западной разрезной печи Николай Кузьмин, Иван Рябов, Михаил Андреев, Степан Степченко, Юрий Миронов и другие за пятнадцать дней выполнили месячное задание — прошли сорок погонных метров.

Можно рассказать о героизме и мужестве комсомольцев всех шахт, но я скажу еще только об одной.

На строительстве шахты «Киевская-комсомольская» № 2 работы развернулись во всю ширь. Проходчики уже готовились приступить к уборке породы. И вдруг после взрыва шпуров с кровли сплошной лавиной хлынула глиняная масса. Отбойные молотки, буровые штанги — все оборудование осталось под трясинной. Необходима срочная помощь, а на дворе лютый мороз. Стоит только впустить холод сюда, в выработку, как он тотчас же в камень скует подземный пльвун, и тогда невозможно будет извлечь оборудование, нельзя будет вести и дальнейшую проходку ствола. Казалось, выход мог быть только один — немедленно начать бурение скважины и приступить к замораживанию подземных вод. Конечно, доставка сложнейшего оборудования, его установка и эксплуатация — все это будет стоить больших денег, а главное, потребует очень много времени. Но что же предпринять?

И вот тогда ребята из молодежной бригады Владимира Дудки придумали смелый выход. Они предложили вскрыть грунт вокруг ствола. Предложение молодежи поддержали, и люди вступили в круглосуточную борьбу с подземными водами и глинистыми пльвунами. На поверхности, там, где под землей должен будет пройти ствол, мощные машины стали принимать грунт. Молодые слесари Иван Кузьмук, Федор Григоренко, Николай Желтышев быстро установили водоотливные насосы, когда же приток воды увеличился, они смонтировали запасный насос. Отлично трудились в эти дни и откатчики, они ни минуты не задерживали порожняк. Настоящее мужество показали звеньевые Владимир Пухов, Николай Семистроков.

Сколько же времени длился этот героический поединок людей и природы? Дни? Неделью? Месяц? Нет. Почти полгода бригада Владимира Дудки держала оборону в забое... Только в первых числах сентября пришла победа. Из котлована было вынуто шестьдесят тысяч кубометров земли. Стволы закрепили арочной металлической крепью. Выход к пласту был полностью открыт. Шахта «Киевская-комсомольская» № 2 была предьявлена к сдаче досрочно — 15 декабря 1957 года.

С беспримерным энтузиазмом выполняла молодежь почетное задание партии. Мужали характеры, крепили сердца, сильнее и щедрее становились души.

«Кто борется с природою, тот обогащает и самого себя и всех окружающих людей...» Это сказал Д. И. Писарев в прошлом столетии в своих «Очерках из истории труда». Эту замечательно верную мысль подтвердили тысячи комсомольцев шахтостроителей. В борьбе с природой они обогатили свою жизнь, обогатили страну, обогатили молодое поколение пятидесятых годов своим примером.

Бесспорно, это был подвиг. Подвиг во имя Родины. Но это было и личное счастье.

22—24 августа, на четыре месяца раньше срока, вступили в строй «Киевская-комсомольская» № 1, «Донецкая-комсомольская» № 1, «Закарпатская-комсомольская». Вскоре была сдана «Тернопольская». Одна за другой были представлены к сдаче и остальные шахты в октябре—декабре 1957 года. Большинство из них было сдано за восемь-девять месяцев. Многие строители остались на своих шахтах добывать уголь.

Комсомольские шахты строила молодежь всей Украины.

Есть такие цифры: на комсомольские шахты-новостройки было послано из подшефных областей более семидесяти тракторов, двадцать экскаваторов, сорок бетономешалок, большое количество автокранов, насосов, компрессоров, токарных и сверлильных станков и иное оборудование. Цифры внушительные сами по себе. Но вот их история: комсомольцы, молодые рабочие промышленных предприятий Украины, изготовляли все эти станки и механизмы во внеурочное время, из сбереженных материалов.

Еще одна цифра: только различного инструмента было отправлено в Донбасс на шесть с половиной миллионов рублей. Но государству весь этот инструмент не стоил ни копейки. Даже материал для него комсомольцы добыли сами: его сэкономили в процессе работы на производстве, его собрали на субботах и воскресниках; изготовлен инструмент был в нерабочие часы — это был подарок подшефникам.

С наступлением холодов молодые рабочие Дарницкого, Стрийского, Панютинского и Попаснянского вагоноремонтных заводов и депо Донецкой железной дороги сверх плана оборудовали тысячу товарных вагонов-теплушек и срочным маршрутом направили их на комсомольские стройки для жилья.

Комсомольцы Харьковской чулочной фабрики из сэкономленного сырья и в нерабочее время изготовили для новостроек тысячу триста пар рукавиц. Дрогобычские комсомольцы из сбереженных материалов и на деньги, заработанные на воскреснике, послали на стройки семьсот пятьдесят пар рукавиц, десять гармоний, спортивный инвентарь.

В течение года на строительство комсомольских шахт поступило различных подарков за счет полученных молодежью средств от сборов металлолома, макулатуры и проведенных субботников и воскресников на сумму около двадцати миллионов рублей.

В борьбу за быстрее выполнение заказов ударных донецких новостроек вступил комсомол всего Советского Союза. Повсеместно эти заказы были взяты под комсомольский контроль. Стоило только обратиться к автозаводцам Горького, как они направили в Донбасс досрочно изготовленные тридцать автомоторов «ГАЗ-51». Ранее планового срока выпустили в Кутаиси двадцать восемь автомобилей, предназначенных для комсомольских шахт. Минский завод «Ударник» досрочно отправил сюда погрузчики, челябинские тракторостроители — бульдозеры. Молодежь предприятий Латвии в ударном порядке сделала пятнадцать тысяч кроватей для Донбасса. Из Ивановской, Брянской, Великолукской областей, с Кинешемского, Селецкого, Нелидовского заводов Российской Федерации вне всякого плана прибыло около ста тысяч квадратных метров сборных домов.

Эти примеры можно умножить.

Коллективное усилие сотен тысяч людей приобщало каждого молодого рабочего и колхозника к великому чувству товарищества в общем труде. Комсомолец Урала или Каунаса, стремившийся помочь комсомольцу Украины быстрее дать на-гора тонны угля, по-особому чувствовал в эти дни принадлежность свою к комсомолу — организации, которая должна по завету Ленина проявлять во всяком деле свою инициативу, свой почин. В этом труде — не для себя, а для незнакомых ему товарищей, работающих где-то за десятки тысяч километров от него, проявляя заботу и о тоннах угля, которые достанутся не лично ему, а всему народу, — он, может быть и не зная того, уже проявлял себя коммунистом.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

За строительство тридцати семи шахт комсомол Украины удостоен высокой награды — ордена Ленина. В своем Указе Президиум Верховного Совета СССР отметил «...большую работу, проведенную комсомольскими организациями Украинской ССР по мобилизации молодежи на успешное выполнение заданий Коммунистической партии и Советского правительства по скоростному строительству новых шахт в Донбассе, и проявленную в этом важном, государственном деле инициативу...».

Тысяча двести шестьдесят восемь молодых строителей получили правительственные награды.

Горячим было стремление молодежи Украинской республики помочь партии в решении важнейших задач дальнейшего развития производительных сил СССР, повышения жизненного уровня всего народа.

Владимир Ильич Ленин говорил: «Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем...»

Молодое поколение Украины взялось за строительство комсомольских шахт, которые ежегодно будут давать стране около шести миллионов тонн угля. Юноши и девушки, состоящие в Союзе молодежи, сказали в ответ на призыв правительства, в ответ на лозунг партии с необходимости скоростного сооружения шахт в Донбассе: «Это наше дело, мы объединимся и пойдем».

С трибуны XIII съезда комсомола прозвучали слова Н. С. Хрущева, сказанные от лица партии: «Комсомольцы сдержали свое слово».

Уголь комсомольских шахт в 1958 году составит половину всего прироста угледобычи, намечаемого по Донецкому бассейну на этот год. В кратчайший срок соорудив тридцать семь новых угольных шахт, комсомольцы выполнили задачу большой государственной важности.

А трехмиллионный комсомол республики уже идет от одной осуществленной задачи к решению все новых и новых заданий народа, заданий родной и любимой партии.

В ходе строительства шахт осенью минувшего года комсомольцы Украины проявили новую инициативу, взяв на себя сооружение снова в рекордно короткие сроки пяти мощных металлургических предприятий.

В канун сорокалетия Ленинского комсомола юноши и девушки Украины смогут рапортовать Советской Отчизне:

— Четыре из пяти домен — «Днепропетровская-комсомольская», «Криворожская-комсомольская», «Донецкая-комсомольская», «Енакиевская-комсомольская», — домны огромной мощности, самые мощные в Советской стране, за месяц до срока, взятого по обязательству, вступили в строй. В разгаре стройка гигантского Ново-Криворожского горнообогатительного комбината имени Ленинского комсомола.

И вот уже комсомол в новом походе: взято шефство над строящимися в республике предприятиями химической, нефтяной и газовой промышленности.

Комсомол и вся молодежь Украины — миллионы сынов и дочерей республики — готовы выполнить любое твое задание, любимая наша Родина!

Б. СВЕТЛИЧНЫЙ

★

ЗАБОТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЕЙ

(Заметки архитектора)

БОЛЬШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Едва ли какое-либо другое искусство в такой степени связано с проблемами улучшения быта, укрепления здоровья, повышения культуры людей, как градостроительство. Его успехи — это рациональное, экономичное строительство жилых домов и больниц, детских садов и яслей, магазинов и столовых, театров, музеев и учебных заведений, садов и парков, фабрик и заводов, иначе говоря — всего того, что создает среду, в которой рождается, воспитывается, творит и трудится современный человек.

История советского градостроительства начинается с той поры, когда после двух войн и двух революций, интервенции и разрухи молодое Советское государство крепко встало на ноги и в памятный 1929 год приступило к индустриализации своего хозяйства. Теперь, по прошествии почти тридцати лет, становятся особенно ясными все величие и все трудности прошлых лет.

За годы пятилеток население наших городов увеличилось на огромную цифру в шестьдесят миллионов человек. А ведь это равно сумме населения девяти таких стран, как Швеция, Норвегия, Финляндия, Голландия, Бельгия, Австрия, Швейцария, Греция и Болгария.

Шестьдесят миллионов человек из деревень и сел устремились в города, на заводы и стройки, и все эти шестьдесят миллионов должны были получить жилье, которого не хватало и без того, — ведь средняя норма жилой площади на человека в городах царской России была крайне низкой.

В голых степях и таежных делях, среди гор и в северной тундре возникали тысячи новых фабрик, заводов и шахт, а вместе с ними строились населенные пункты. При Советской власти в стране сооружено около шестисот новых городов, и среди них такие индустриальные центры, как Магнитогорск, Сталинск, Комсомольск-на-Амуре, Запорожье.

Второе рождение пережило большинство старых городов. Население, например, Еревана выросло с тридцати до четырехсот тысяч человек, Фрунзе — с двенадцати тысяч до ста девяноста. Затерянный «на краю света» кишлак Дюшамбе насчитывал шестьсот жителей; в нынешнем Сталинабаде живет около двухсот тысяч человек.

Заново перестраивался чуть ли не каждый город. На месте узких кривых улочек появлялись прямые широкие асфальтированные магистрали с трамваем, троллейбусом. Берега рек, ранее захлапленные складами, свалками, преобразовывались в благоустроенные набережные с бульварами и садами. Вы увидите их теперь в Баку и Свердловске, Сталинграде и Ростове-на-Дону, в Горьком, Куйбышеве, во многих других больших и малых городах.

В годы войны гитлеровские захватчики разрушили и сожгли более трех миллионов жилищ, десятки городов превратились в груды развалин. Предстояло создавать все заново, и это было сделано в кратчайший срок. Наши архитекторы сумели перестроить старые города на новый, современный лад. Посмотрите хотя бы на Минск и Сталинград — какими они были до войны и что представляют собой сейчас! Все изменилось в них — и структура, и масштаб, и весь их облик.

Дальнейшее развитие советской экономики, прогресс науки и техники открыли перед страной величественные перспективы. Сейчас мы стоим на пороге новой, гигантской революции в городском строительстве.

Решение партии и правительства о ликвидации в ближайшие десять—двенадцать лет жилищной нужды вызвало такую мощную волну в застройке городов, которой не видало до сих пор даже советское градостроительство. Только за годы шестой пятилетки у нас будет построено жилой площади почти в два раза больше, чем ее было во всех городах царской России, включая и такие, как Москва, Петербург, Киев, Баку, Одесса, Нижний Новгород, Самара, Саратов, Ростов-на-Дону и сотни других. Каждый год в среднем мы будем строить — в переводе на жилую площадь — по сорок новых городов на сто тысяч жителей каждый!

Однако дело не только в грандиозных масштабах градостроительства. В нем произойдут небывалые качественные изменения. В отличие от прежних лет подавляющая часть нового жилого фонда будет возводиться в четырех- и пятиэтажных домах и сопровождаться широкими работами по инженерному оборудованию, озеленению и благоустройству городов.

Все это очень радует и обнадеживает, но в то же время создает немало поводов для раздумий.

ВОЛНУЮЩИЕ ВОПРОСЫ

Как строить города, чтобы жить в них было легко и удобно, чтобы каждый город был здоровым, веселым, красивым?

Во всем мире архитекторы бьются над тем, как лучше реконструировать крупные города, возникшие еще много веков назад и давно уже не отвечающие условиям жизни современного человека.

В августе этого года в Москве проходил Пятый конгресс Международного союза архитекторов. Около полутора тысяч делегатов из сорока пяти стран мира собралось в нашей столице, чтобы обсудить наиболее острые проблемы градостроительства. В дебатах и дискуссиях старались они найти пути и средства, с помощью которых можно было бы исправить недостатки существующих городов, не допустить ошибок в строительстве новых.

Город — это организм. Он переживает свое рождение, расцвет, старость, а иногда и смерть. Он может болеть тяжело и долго. Методы лечения различны, в зависимости от недуга: иногда это просто косметические меры, иногда — сложные операции.

В условиях капитализма исцеление дается нелегко.

Город разедает трущобная болезнь; злокачественная ткань ползет и ширится, отравляя город,— нужно сделать резекцию: разрушить, изъять трущобные районы, заменить их новой здоровой тканью — нужна реконструкция.

Воздух, которым дышит город, заполнен дымом и пылью; фабрики, заводы, гаражи и склады, наступая на город, съедают остатки зелени; город лишается легких, задыхается, — нужно удалить источники смрада, очистить воздух, восстановить и расширить легкие города — сады и парки, дать городу дышать легко и свободно.

Транспортные магистрали — это городские артерии; они несут в себе жизнь, питают все части и ткани, все клетки городского организма. Но вот они переполняются, закупориваются огромными потоками транспорта; сосуды сужаются, наступает склероз, грозящий параличом, — нужны неотложные меры: расширить транспортные артерии, усилить пульсацию.

Эти и другие проблемы занимали делегатов конгресса. Прильнув к наушникам крохотных полупроводниковых радиоприемников, изготовленных нашей промышленностью, они часами слушали своих коллег, речи которых передавались коротковолновой станцией на пяти языках, живо реагировали на каждую ценную мысль, дельное предложение. А в перерывах завязывали знакомства, менялись адресами, спорили о том, в чем разошлись во мнениях. Сотни делегатов подолгу толпились у стендов огромной выставки, где многие страны показывали свои достижения, ставили проблемы, предлагали пути их решения. Все надо было увидеть, изучить, запомнить, применить в последующей работе.

Много забот и у советских градостроителей.

Города живут веками, и потому, строя город, нельзя не думать о его будущей судьбе, о судьбе его будущих поселенцев. Для советских архитекторов это означает: сооружение любого города в СССР должно быть основано на ясной и твердой концепции, вытекающей из передовых идей градостроительства. Концепция эта созрела и развивалась у нас не сразу, вместе с постепенным увеличением объемов строительства, прогрессом экономики и техники, с ростом культурных потребностей советского человека. Эта концепция вытекает из плановых основ нашего государства, социалистического характера его народного хозяйства, быстрого продвижения нашего общества к коммунизму, стремления к постоянному улучшению быта и здоровья советских людей.

Нашим градостроителям предстоит решить еще много важных задач.

Возьмем хотя бы вопрос о дальнейшем росте крупных городов.

Согласитесь, что большой город не так уж удобен для жизни людей. Его перенаселенность, обилие промышленных предприятий зачастую создают нетерпимую санитарную обстановку. Как правило, велики расстояния от места проживания человека до места его работы. Это требует лишнего времени на переезды и увеличивает расходы семьи. По той же причине подчас не захочешь лишний раз побывать в театре, на концерте, в загородной местности — поближе к природе. Чем дальше растет город, тем больше растут эти трудности. Все сложнее становятся проблемы уличного движения, снабжения города водой, продуктами питания, топливом, газом, электричеством; все труднее организовать культурно-бытовое обслуживание горожан.

Коммунистическая партия, Советское правительство неоднократно указывали, что нельзя беспредельно нагромождать промышленность в крупных городах и тем самым искусственно вызывать их чрезмерный рост. Все же промышленные министерства и горисполкомы построили в ряде городов, и без того имевших развитую промышленность, много новых крупнейших предприятий. Зачем дальше развивать, скажем, такие города, как Сталинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Харьков, Новосибирск, Днепропетровск, Красноярск? Они уже сейчас растянулись на многие десятки километров, вокруг некоторых из них сплошным кольцом расположились заводы и фабрики.

Отсюда все беды: беспорядок в размещении жилых и промышленных районов многих городов, удлиннение и удорожание городских коммуникаций, осложнение задач жилищного строительства. Этим отчасти объясняется тот факт, что в крупных промышленных городах, несмотря на огромные объемы ежегодного строительства, все еще наблюдается большой недостаток в жилой площади. Министерства и совнархозы, размещая новые предприятия в крупных городах, к сожалению, чаще всего руководствуются лишь тем, что на первых порах здесь легче создать строительную базу, получить энергию, воспользоваться готовой сетью водопровода, железных и автомобильных дорог, поселить первых строителей.

Но разве не ясно, что постоянное следование этой, казалось бы, естественной закономерности в конечном счете привело бы к стягиванию подавляющей части промышленности в несколько крупнейших центров и к созданию городов-гигантов?

Крупный город — это снежный ком: чем он больше, тем больше к нему липнет. И этот процесс может катастрофически нарастать, если вовремя его не ограничить.

Известно, что экономической основой развития советских городов является социалистическая индустрия. Где растет промышленность, растет и город, где нет заводов, фабрик, шахт — город не развивается, консервируется, стареет.

В этой связи следует подумать о положении, в котором находятся малые города. Многие из них возникли когда-то на речных и сухопутных путях как центры торговли хлебом, лесом, скотом, пушниной, рыбой. Старый стимул их развития прекратился, а новый в ряде случаев не появился. Из-за отсутствия застройщиков развитие таких городов почти прекратилось; жилой фонд в них не возобновляется, благоустройство не осуществляется, города заметно хиреют, а жители нередко терпят большие неудобства. Свободное население, не находя достаточного применения своим силам на месте, стремится в крупные промышленные центры, увеличивая их перенаселенность.

Между тем перспективы малых городов отнюдь не безнадежны. Представим себе, что в тихом «заштатном» городишке появились кое-какие фабрики, заводы, производственные мастерские. Не много потребуется времени, чтобы в корне изменился облик этого населенного пункта. Вскоре и следа не останется от его прежней провинциальной жизни. Бесспорно, размещение предприятий в таких городах больше приобщит их население к созидательной деятельности, устранив неправильную и неоправданную в условиях планового социалистического хозяйства резкую неравномерность в развитии наших городов.

При этом возникли бы и другие очень важные следствия.

Известно, что интересы государства и благосостояния народа требуют, чтобы каждый человек давал обществу максимум того, что он может. Нельзя поэтому мириться с тем, например, фактом, что в ряде местностей значительная часть колхозников в течение длительного осенне-зимнего периода не имеет возможности полностью использовать свои силы. Размещение в небольших городах, расположенных в окружении сельскохозяйственных районов, предприятий по сезонной переработке льна, конопли, подсолнуха, свеклы, картофеля, кукурузы, а также, скажем, предприятий промышленной кооперации явилось бы делом весьма полезным и рентабельным; оно заметно повысит уровень материального положения колхозного крестьянства, будет способствовать дальнейшему развитию его культуры. Конечно, все это скажется и на закреплении на селе коренного населения, в особенности молодежи. А главное — уменьшится потребность в постоянных рабочих кадрах промышленности, возрастет производительность общественного труда.

Проблема индустриализации малых городов пока что не заняла присущего ей места в плановой работе общегосударственного масштаба.

Хуже того, наблюдаются случаи, когда даже в очень крупных городах местные руководители настойчиво стремятся привлечь сюда все новые и новые предприятия, надеясь таким образом заполучить дополнительных застройщиков, которые смогут быстрее построить, реконструировать и благоустроить город. В Минске, например, за последние два-три года размещен целый ряд новых, не предусмотренных генеральным планом развития города крупных заводов. В результате численность населения здесь в ближайшее время почти на триста тысяч человек превысит запроектированную цифру. Между тем в городе уже сейчас возникают серьезные трудности с жилищным строительством; при таком положении они будут из года в год обостряться. Да и для самих заводов в Минске уже не хватает места, из-за чего одно из больших предприятий вынуждено было расположиться между двумя основными парками города, угрожая их существованию.

Известно, что Сталиноск сейчас насыщен крупными заводами, задымляющими город со всех сторон. Уже нет сколько-нибудь пригодных строительных площадок, так как все свободные территории либо заболочены, либо заняты угленосными отложениями, либо непригодны по рельефу. Несмотря на это, по инициативе бывшего министерства черной металлургии, с согласия горисполкома, в Сталиноске начинает строиться еще один металлургический комбинат и несколько сопутствующих ему больших заводов. И без того разросшийся город увеличится на полтора-два — двести тысяч жителей; создастся труднейшая проблема расселения, а строительство на неблагоприятных территориях связано с большим удорожанием. Проектировщики ссылаются на необходимость сокращения сроков строительства, на отсутствие времени для изыскания других площадок. При этом умалчивается о том, что проектирование комбината ведется... с 1933 года!

За последние тридцать лет в нашей стране количество городов с населением более ста тысяч человек увеличилось с 31 до 135. За тот же срок у нас появилось около двадцати городов, насчитывающих свыше полумиллиона жителей.

Необходимость борьбы против дальнейшего образования городов-гигантов очевидна. Наши архитекторы-планировщики заняты решением проблемы, каким образом облегчить жизнь горожанину, открыть ему доступ к природе, воздуху, солнцу. Предлагается вынести в окрестности часть предприятий, которыми перегружен город, разместить невдалеке от них, в здоровой, живописной местности, жилые городки для рабочих и служащих, соединить эти районы хорошими путями сообщения.

То, что можно сделать у нас, в условиях социализма, невозможно осуществить в капиталистических условиях. Кто там согласится перенести из города свою фабрику или завод, кто даст землю для новых городов? Не случайно города-спутники в странах Запада насчитываются единицами и строятся медленно, в течение долгих лет. А пока что горожанин, крепко привязанный к месту своей работы, — постоянная угроза оказаться безработным! — вынужден устраниваться где-то очень далеко от него. Так образуется «город-спальня», где глава семейства становится для своих детей чужим ночлежником и редким воскресным гостем. Поистине трагичной называют зарубежные архитекторы судьбу жителей пригородов — людей, разъезжающих из одного района в другой: оттуда, где они живут, но не могут работать, туда, где они работают, но лишены возможности проживать.

Оздоровление городов — одна из главных задач современного градостроительства. Однако в капиталистических странах стремление выжать из земли максимум прибыли вызывает переуплотнение городов, образование новых трущоб. Автору этих строк приходилось видеть за рубежом хорошо разработанные проекты городов, жилых кварталов и новых парков. Но сколько таких проектов годами пылятся на полках, потому что земля, намеченная к освоению, требует выкупа по недоступной для города спекулятивной цене. При реконструкции одного из центральных перекрестков Вены магистрат выплачивал за каждый квадратный метр земли по восемнадцати тысяч шиллингов, что равно почти годовой зарплате среднего инженера. Недаром реконструкция одной из главных улиц города — Кернтнерштрассе — продолжалась тридцать лет.

Не приходится удивляться, что на Пятом международном конгрессе архитекторов в Москве жалобы на права частного землевладения звучали в выступлениях почти каждого архитектора из капиталистических стран.

Докладчик от Западной Германии, профессор Рудольф Хиллсбрехт, заявил: «Мы градостроители, обязаны выступить от имени общества и поднять голос в пользу необходимости пересмотра понятия собственности на землю. Эта проблема давно вышла за рамки частного технического вопроса градостроительства и переросла в общественно-политическую задачу первостепенного значения».

Это беспокойство понятно. Западная Германия является одной из стран в Европе, где после войны был полностью сохранен принцип незыблемости частной собственности на землю. В результате, несмотря на большой объем восстановительных работ, в этой стране, как это отмечалось другим докладчиком конгресса, почти нет примеров полноценной перепланировки и комплексной застройки больших участков городских территорий.

Из доклада на конгрессе американского архитектора Генри С. Черчила видно, что из трехсот утвержденных в США проектов планировки городов за последние десять лет были осуществлены, и то в некоторой части, только семнадцать. Даже такой огромный город, как Лос-Анжелос, застраивался без какого-либо плана. Имелось только два предложения о реконструкции его отдельных районов, но и они не вышли из стадии предварительного проектирования.

Отсутствие у нас частной собственности на землю, плановое хозяйство обеспечивают беспрепятственное претворение в жизнь каждого разумного проекта.

Еще мыслители древности отмечали, что если размеры города будут выше или ниже определенного предела, нормальные его функции окажутся нарушенными. Однако ни во времена античности, ни при феодализме, ни тем более в хаосе капитализма проблема регулирования роста городов не получила своего решения, да и сама задача эта была на долгие годы забыта.

В наше время и в наших условиях наиболее экономичными и удобными для жизни, видимо, нужно считать города с населением в сто—двести пятьдесят тысяч жителей. Это значит, что они должны быть примерно такими «средними» добротными городами, как Курск, Орел, Рязань, Калинин, Фрунзе, Вильнюс, Симферополь.

В городах этой величины хорошо размещается несколько крупных предприятий и в то же время нет чрезмерно дальних концов для поездок на работу; они близки к природе, хорошо омываются чистым воздухом скружающих полей и лесов. Сравнительно недорогим будет здесь строительство городского транспорта, водоснабжения и кана-

лизации. Такие города можно сделать очень уютными, красивыми. Ко всему этому они достаточно велики, чтобы оправдать существование театров, музеев, консерваторий, стадионов и других учреждений, необходимых для удовлетворения высоких культурных запросов их обитателей.

Чтобы регулировать рост городов, нужно регулировать размещение промышленности, решать вопросы социалистического расселения. Большое значение тут имеет разработка комплексных проектов планировки районов, где будут сооружены группы промышленных предприятий и связанных с ними городов и поселков. Проекты эти призваны облегчить намеченную директивами XX съезда КПСС задачу кооперирования промышленности по экономическому району страны и крупным промышленным центрам, а также обеспечить наиболее целесообразное размещение общерайонных энергетических устройств, организацию единой сети железнодорожных и автомобильных магистралей, правильное распределение на территории района населенных мест санитарно-курортных, дачных и парковых зон.

Надо сказать, что работы по районной планировке развиты еще очень слабо и не имеют должной организации. Даже такие важнейшие промышленные центры, как Кузбасс, Карагандинский угольный бассейн, новые районы нефтедобычи, зоны влияния мощных гидроэлектростанций, развиваются без единых планов. Уже сейчас это вызывает серьезные осложнения в строительстве. Несвоевременная разработка схемы районной планировки Иркутско-Черемховского промышленного района привела к ошибочному размещению одного из крупнейших предприятий, вследствие чего вместо строительства в этом районе одной гидроэлектростанции на реке Ангаре пришлось проектировать две станции, так как проектный бьеф оказался разбитым на две части. Многие города и угольные поселки Кузнецкого бассейна развиваются без увязки друг с другом; иногда вырастает огромный и бесформенный сунбур из поселков, шахт, заводов, высоковольтных линий и железных дорог. Все это расползается в разные стороны, «наступая друг другу на ноги».

Уместно будет упомянуть, что, например, в Чехословакии районной планировкой охвачена почти вся территория страны. Крупные работы в этой области ведутся и в других странах. В Нидерландах запрещается составлять планы строительства городов до тех пор, пока не будет разработана схема планировки каждого района.

Слабое развитие этого дела в нашей стране объясняется не только отсутствием руководящего методологического и организующего центра, но и неподготовленностью самих проектных организаций. Министерство угольной промышленности разрабатывало схему районной планировки Карагандинского угольного бассейна больше пяти лет, израсходовало для этой цели около семи миллионов рублей, а в результате работа оказалась непригодной из-за некачественного проектирования. По меньшей мере странно, что такие крупнейшие проектно-планировочные организации, как Гипрогор в РСФСР и Гипроград на Украине, созданные в свое время специально для исполнения планировочных работ, подчас используются неправильно, загружаются проектированием мелких второстепенных объектов, вплоть до «привязки» отдельных типовых проектов.

ГОРОДА-СЕМЬИ

Одной из новых проблем в нашем градостроительстве нужно считать проблему строительства городов-спутников в связи с децентрализацией и разуплотнением крупных промышленных городов. Об этом впервые с наибольшей ясностью было сказано на XX съезде КПСС.

По решению правительства в скором времени под Москвой, в районе станции Крюково, начнется строительство города-спутника на шестьдесят пять тысяч человек. За ним последует несколько других.

Места для них должны выбираться вблизи электрифицированных железных дорог и автомобильных путей, среди зелени лесов и полей, на берегах рек и водоемов, а где их нет, нужно строить искусственные водохранилища. Жить в таких городах будет хорошо и удобно. Там же будут размещены небольшие предприятия, научно-исследовательские институты. Люди смогут работать поблизости от жилья.

Конечно, все это сейчас в новинку, вызывает и сомнения и споры. Некоторые склонны полагать, что для создания наилучших условий жизни населения город-спутник должен быть вовсе очищен от предприятий, превращен в сплошной сад, куда люди будут приезжать только отдыхать и наслаждаться благами природы. Но разве не ясно, что такой спутник будет мертвым городом.

Жизнь в крупном городе станет просторной и здоровой, если изрядную долю его населения переместить в спутники, иначе игра не будет стоить свеч. Нет смысла в том, чтобы в угоду моде каждый большой город строил себе один-два спутника и расселял в них пять—десять процентов своих жителей. Такими полумерами нельзя решить основных и принципиальных проблем в этой области. Нам думается, что создание городов-спутников должно стать широкой и постоянной градостроительной политикой, рассчитанной на длительное время. С этой точки зрения представляются интересными предложения архитекторов Куйбышева. Из девятистот тысяч человек будущего города они намечают четыреста тысяч расселить в нескольких городах-спутниках. Такое решение способно вызвать к жизни новую систему в виде развитой «семьи городов», члены которой будут располагаться вокруг породившего их города-отца.

Существен вопрос о размерах городов-спутников. Полвека тому назад англичанин Эбенизер Говард, автор идеи городов-садов, назвал цифру населения такого города в тридцать—пятьдесят тысяч жителей. С той поры эта величина без особой критики повторяется всеми архитекторами, а сейчас отнесена и к городам-спутникам.

Разумеется, ряд преимуществ здесь налицо. Можно обойтись без дорогостоящего городского транспорта: в любой конец города дойдешь пешком за пятнадцать—двадцать минут. Коммунальные услуги тоже обойдутся значительно дешевле, чем в большом городе. Сравнительно небольшая удаленность от крупных центров даст возможность пользоваться всеми их основными благами. Таким образом может быть обеспечено полноценное удовлетворение культурных потребностей населения.

Все же определение наилучшего размера города-спутника требует еще серьезной экономической проверки. Ясно, например, что строительство трех городов по тридцати тысяч жителей обойдется намного дороже, чем одного города на девяносто тысяч человек, а такой город тоже может быть удобным.

Нужно хорошенько продумать и структуру новых городов — от нее в значительной степени зависят и условия жизни населения и стоимость строительства.

В течение многих лет в советском градостроительстве господствовала идея компактного города. Расчлененность города, наличие в нем нескольких обособленных районов считались большим пороком. Поэтому проектировщики и городские архитекторы ориентировались, как правило, на размещение жилищного строительства в пределах существующей застройки. Больше того, во многих случаях старательно ликвидировались даже исторически сложившиеся разрывы между отдельными районами города, что приводило к образованию гигантских массивов сплошной городской застройки. Так были заполнены свободные пространства между городом Горьким и Автозаводским районом, между городом Куйбышевым и Безымянкой, между отдельными районами Сталинграда. В итоге — чрезмерная концентрация населения на ограниченных территориях, ухудшение санитарного состояния городов.

Требует пересмотра и существующий в планировочном проектировании прием концентрического развития городов путем наложения все новых и новых колец асфальта и камня вокруг сложившейся застройки. Главнейший его дефект — это «выжимание» природы из пределов города. А ведь это вещь серьезная!

На наш взгляд, гораздо более правильным является принцип звездообразного развития города по основным направлениям. Тогда леса, холмы, поля и водоемы, расположенные между растущими «лучами» городской застройки, остаются в теле города, превращаясь в сады и парки, глубоко пронизывающие и оздоравливающие городской организм. Имеет смысл принять расчлененную систему планировки крупных городов. Пусть получают право на самостоятельное существование отдельные городские районы, связанные с той или иной группой промышленных предприятий. И жители будут только радоваться, если жилые массивы отделятся друг от друга, скажем, сосновым бором, березовой рощицей, речкой и залившим цветущим лугом.

Стремление во что бы то ни стало получить компактный план города было причиной многих недостатков и в размещении промышленности. Немало вреда в этом отношении принесла и ведомственная система проектирования и строительства. Каждое министерство создавало собственное хозяйство, подчас не считаясь с городом и соседними предприятиями.

Новый порядок управления промышленностью и строительством, создание совнархозов открыли самые благоприятные условия для рационального градостроительства.

Совнархозы, в руках которых сосредоточены управление промышленностью экономического района и отдельных городов, финансовые средства и строительные организации, могут обеспечить гармоничное взаимоувязанное развитие различных видов строительства, помочь горисполкомам и главным архитекторам городов навести в городах долгожданный порядок, освободить городское строительство от междоусобиц и противоречий, иногда приводивших к труднопоправимым ошибкам, непроизводительной трате государственных средств.

Появилась большая, чем когда-либо, возможность избежать параллелизма и дублирования в строительстве различных коммуникаций и подсобных предприятий, значительно сократить затраты на их сооружение и эксплуатацию.

МИКРОРАЙОНЫ

Правильное размещение жилищного строительства — дело первостепенной важности. Нам нужно еще очень много жилья, а для того чтобы строить много, надо строить дешево. Об этом мы, архитекторы, не всегда думали.

Увлеченные стремлением как можно скорее покончить со старой, дореволюционной застройкой, руководствуясь ложной идеей создания грандиозных парадных магистралей, часто в ущерб интересам населения, авторы проектов планировки городов, как правило, намечали большие сносы пригодных для проживания домов. Это ощутимо увеличивало стоимость нового строительства, а при реконструкции магистралей, где плотность старой застройки особенно велика, удорожание доходило до двадцати—тридцати процентов.

В городе Сталино ради оформления главной площади города было снесено две тысячи восемьсот квадратных метров жилой площади. В Ташкенте для строительства стадиона в центре города снесли более четырехсот небольших домов.

Как же можно в условиях большой жилищной нужды применять такие способы застройки? А разве допустимо строить жилье там, где обнаружены залегания промышленного сырья? В городах Прокопьевске и Киселевске в отдельные годы при подработке угольных пластов вынуждены были ломать столько же жилого фонда, сколько его строилось вновь. А в городе Губахе стоимость переноса жилых домов, постепенно построенных в зоне задымления, потребовала бы огромной суммы в двести миллионов рублей.

Нередко архитекторы, стремясь отстроить отдельные улицы и площади, недопустимо разбрасывали строительство по территории города. Это приводило к растягиванию и удорожанию всех уличных коммуникаций, не давало возможности применить индустриальные методы строительства; стоимость жилых домов повышалась.

Вот почему ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о том, чтобы в ближайшие годы новое жилищное строительство размещать на свободных благоприятных территориях, без сноса существующей застройки, преимущественно крупными массивами.

Это вовсе не означает, что реконструкция городов прекратится; она, конечно, будет продолжаться и впредь, однако интересы населения требуют, чтобы каждый пригодный для проживания жилой дом сохранялся и содержался в должном порядке, чтобы ликвидация жилищной нужды была осуществлена наиболее быстро. Это особенно важно потому, что убыль жилого фонда из-за его износа и по другим причинам очень велика. Только с 1954 по 1955 год она составила по городам и поселкам свыше пяти миллионов квадратных метров.

В ближайшие годы в наших городах появится много новых жилых районов, где поселятся сотни тысяч жителей. Это предоставляет архитекторам и строителям

небывалые творческие возможности и в то же время обязывает их возводить наиболее экономичные и удобные сооружения.

Известно, что в большом современном городе магистраль становится все более неудобным местом для жизни человека. Постоянный шум, загрязненный воздух, сутолока на тротуарах, опасность для детей и взрослых от сплошного потока мчащихся машин — все это диктует необходимость пересмотра многих установившихся традиций в планировке и застройке городов. На городские магистрали должно выходить как можно меньше жилых домов. Как можно больше их должно выходить на озелененные кварталные пространства.

Между тем в Ереване, например, до последнего времени допускали строительство четырех-пятиэтажных домов длиной по триста—четыреста метров, превращая улицы в сплошные каменные коридоры. Здесь дошли до того, что стали закладывать декоративными и дорогостоящими вставками, не имеющими никакого практического назначения, даже те небольшие разрывы между домами, которые имелись до сих пор. И это в условиях жаркого южного климата Еревана!

Следует резко осудить и другие неправильные приемы застройки: измельченные, замкнутые кварталы, привычку не считаться с рельефом местности, с необходимостью располагать здания так, чтобы они наилучшим образом освещались солнцем.

Указания партии и правительства на допущенные ошибки пошли впрок большинству градостроителей. Советские архитекторы настойчиво ищут наилучшие приемы планировки и застройки городов. Эти приемы неодинаковы для различных городов и разных условий, но их роднит одна общая черта — стремление дать человеку как можно больше света, простора и зелени, обеспечить всеми видами обслуживания, максимально оздоровить и украсить его жизнь.

В области градостроительства мы скоро увидим много нового и интересного.

Старые мелкие, замкнутые кварталы, дошедшие до нас от прежних эпох, все меньше и меньше удовлетворяют растущие потребности нашего быта. Эти кварталы плохо проветриваются, слабо освещаются солнцем, запыляются из-за близкого соседства окружающих улиц. В них тесно, невозможно правильно разместить магазины, школы, детские сады, к которым иногда приходится добираться издалека, пересекая несколько опасных транспортных улиц. Это худо для всех, а для малышей и вовсе не годится.

Мелким традиционным кварталам приходит конец. Вместо них в городах будут строиться очень большие кварталы, которые наши архитекторы назвали микрорайонами. Это по существу небольшие городки.

Внутри таких микрорайонов будут обширные тенистые сады, спортивные и игровые площадки, плавательные бассейны. К садам примкнут учебные и детские учреждения. Близ домов разместятся кафе, столовые, читальни, небольшие магазины, аптеки, бытовые мастерские.

Все дома будут отделены от магистралей широкими газонами и кустарником. Внутри кварталов вместо широких асфальтированных проездов и тротуаров, вызывающих летом жару и духоту, съезающих зеленые пространства, появятся узкие аллеи, проходящие среди кустов, лужаек и цветников. Исчезнут такие ненужные и дорогие вещи, как железные решетки, заборы. Их заменит красивая и дешевая живая изгородь из декоративных кустов и деревьев.

Сплошная застройка улицы в виде душных коридоров также уйдет в прошлое. Здания будут размещаться свободно и живописно, с большими разрывами, с тщательным сохранением и использованием естественного рельефа и существующей растительности. Города и жилые районы станут похожи на тонущие в зелени деревьев курортные места.

Но для того, чтобы все это стало реальностью, нашим архитекторам надо много и упорно работать, совершенствовать свое мастерство, искать новые пути и формы застройки, соответствующие социалистическому быту. Здесь не должно быть места застою и инертности мысли, большой вред может принести слепое подражание заграничным образцам, чем еще грешат некоторые из нас.

В практике зарубежного градостроительства есть много интересного и ценного, однако к использованию этого опыта нужно подходить критически, с позиций нашего социалистического мировоззрения.

После поездок в капиталистические страны у отдельных наших архитекторов появились, например, тенденции к механическому возрождению так называемой строчной застройки. Надо сказать, что этот вид застройки с ее глухими торцами, выходящими на улицу, сухой, прямолинейной расстановкой домов, подобно буквам в строчке,— это пройденный этап советского градостроительства, еще в тридцатых годах справедливо отвергнутый нашим народом за ее безрадостность, стилистическое убожество, бытовые неудобства.

До сих пор во многих наших городах можно видеть построенные во времена «конструктивизма» унылые ряды домов-коробок как тяжелую дань заграничной моде. Между узкими строчками этих домов не помещаются ни сады, ни спортплощадки, нигде разместить школы, детские учреждения. Дома образуют ряд длинных продуваемых коридоров. Строчная застройка значительно отличается от свободной застройки, главными достоинствами которой должны быть удобства для жизни населения, экономичность и богатство композиционных приемов.

То же самое относится к попыткам механически перенять зарубежную практику застройки со смешанной этажностью, идея которой заключается в сочетании малоэтажных домов с высотными зданиями. За границей включение в застройку многоэтажных домов делается главным образом с целью более рентабельного использования земли. Многие же наши архитекторы считают, что это внесет разнообразие в силуэт застройки. Нам кажется, что разная этажность жилых домов должна применяться исходя из специфических потребностей различных групп населения. Холостые и малосемейные люди предпочитают жить в центре, в многоэтажных домах, тогда как пожилые и имеющие малолетних детей стремятся жить в невысоких домах с придомовыми садами, вдали от городской суеты и шума. Это необходимо учитывать при определении типа застройки и этажности домов.

Серьезного улучшения требует качество жилищного строительства. Это одна из наиболее острых и неотложных проблем нашего градостроительства, так как низкое качество строительных работ и массовые недоделки при строительстве жилых и общественных зданий ухудшают бытовые условия населения, часто приводят к потере больших государственных средств, а иногда и к тяжелым авариям.

Массовый характер приняло заселение недостроенных домов; иногда дома годами остаются не подключенными к водопроводу и городской канализации, жители пользуются наружными водоразборными колонками и т. д.

Большую роль в борьбе за улучшение качества строительства должны играть органы государственного архитектурно-строительного контроля. Но в организации и деятельности этих органов есть большие недостатки.

Инспекции архитектурно-строительного контроля не имеют необходимых прав; они не могут приостановить строительство, ведущееся с нарушением проектов, не имеют права оштрафовать виновников, как это могут сделать инспектора санитарного или противопожарного надзора за нарушение санитарных и противопожарных правил. Такое бесправное положение архстройконтроля сводит на нет его престиж и превращает в пассивного регистратора различных нарушений.

Горисполкомы сплошь и рядом принуждают представителей инспекции принимать незаконченные здания; мотивируется это тем, что мы, мол, не можем быть формалистами, когда столько людей дожидается жилой площади. Подобный «либерализм» явно несостоятелен, так как он потворствует безобразному отношению некоторых строителей к насущным интересам населения. Некоторые «волевые товарищи», высокое положение которых в городе, к сожалению, не подкрепляется такой же высокой квалификацией в вопросах градостроительства, принимают решения, вредящие городу и его застройке, обязывая органы архстройконтроля отводить участки под строительство с нарушением проектов планировки, а иногда и вопреки элементарным санитарным требованиям.

Для успешного выполнения своих обязанностей органы архстройконтроля должны быть либо выведены из подчинения местным органам и организованы в самостоятельную централизованную систему, либо должны иметь вторую подчиненность — по линии центральной инспекции госархстройконтроля, которую необходимо создать.

ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ

В ближайшие десять—двенадцать лет каждая семья должна получить отдельную квартиру — такова задача, поставленная партией и правительством в области жилищного строительства. Она по плечу советским строителям. Архитекторы и инженеры вдохновенно трудятся над ее успешным решением.

Последние годы характеризовались энергичными, все нарастающими по своему напору и новаторским исканиям меропрятнями в жилищном строительстве.

Революционное значение имел отход от индивидуального, подчас кустарного проектирования и применение в массовом масштабе типовых проектов; это немало улучшило качество новых домов и ускорило их постройку. Достаточно сказать, что введенные в 1957 году экономические проекты домов для посемейного заселения обеспечивают снижение стоимости одного квадратного метра жилой площади на десять процентов, а стоимость квартиры — на одну треть.

От скоростных методов кирпичной кладки строители перешли к сооружению домов из крупных блоков, а затем и к целым стеновым панелям на один-два этажа, которые устанавливаются вместе с готовыми остекленными окнами. Долгий и дорогой процесс изготовления деревянных перекрытий, лестниц, балконов был заменен установкой готовых плит размером в целую комнату, полностью законченных лестничных маршей, балконов заводского изготовления. Очень трудоемкая кладка фундаментов и стен подвалов уступает место монтажу готовых бетонных блоков. Раньше четырех-пятиэтажный дом строился в течение двух-трех лет, а теперь для его возведения требуется всего лишь пять-шесть месяцев.

Во всех этих достижениях главную роль сыграла дальновидная политика нашей партии в области индустриализации и механизации строительства. За последние двадцать лет техническая оснащенность строительных организаций возросла в тридцать пять раз! Решающее значение в процессе строительного производства имело внедрение сборного железобетона, по применению которого мы вышли на первое место в мире. Сборность домов уже сейчас достигает восьмидесяти—девяноста процентов. Но это еще не все. В практику входит сборка уже не отдельных деталей и конструкций, а целых «пространственных блоков» — готовых комнат, санитарных узлов и кухонь. Чердак заменяется новым типом совмещенного перекрытия и крыши. Готовые конструкции и части зданий монтируются кранами, захватывающими их прямо с автомашин, — при таком методе нет необходимости в постройке складов.

Строительное дело обогатили замечательные новшества — дома конструкции инженера Лагутенко и стены из тонких прокатных панелей инженера Козлова. Их предложения позволят совершить переворот в технике жилищного строительства. Появляется возможность собирать дома из прокатных панелей всего за две недели. И уже проглядывают еще более совершенные решения — стеновые панели из асбоцементных плит, в четыре раза более легкие, чем стены из прокатных конструкций.

Уменьшение веса — и следовательно, снижение стоимости зданий — благодаря применению напряженно-армированных, легких и ячеистых бетонов, волокнистых теплоизоляторов, пластмасс и других материалов, которые предоставит строителям химия полимеров, — одна из главных черт технического прогресса нашего строительства. А наряду со всем этим стремительно возрастает выпуск готовых малоэтажных домов заводского изготовления, который через несколько лет достигнет тридцати миллионов квадратных метров жилой площади в год вместо семи миллионов в 1957 году.

Это позволит обеспечить дальнейшее широкое развитие индивидуального жилищного строительства, главным тормозом которого до сих пор был недостаток строительных материалов. По этой причине районы индивидуальной застройки с домами, сколоченными из разных отходов, с улицами, лишенными элементарного благоустройства, часто придавали окраинам городов вид огромных деревень. Ведь в большинстве крупных промышленных городов индивидуальной застройкой занято больше половины всех городских территорий.

Такое положение вызывало у горисполкомов желание ограничить развитие индивидуального строительства, а это приводило к огромным потерям потенциальной жилой площади, тормозило прирост жилого фонда. Во многих городах имеются тысячи

неудовлетворенных заявок на участки под застройку. Если бы, например, каждый из полутора тысяч заявителей, не получивших участки в Ашхабаде, построил только по двадцати пяти квадратных метров жилой площади, то и в этом случае жилой фонд города возрос бы почти на сорок тысяч квадратных метров. Эта жилая площадь оказалась потерянной. Массовый выпуск в продажу дешевых и добротных индивидуальных жилых домов, правильное размещение этого строительства в виде отдельных загородных поселков, недавнее решение правительства, обязывающее руководителей предприятий благоустраивать районы индивидуальной застройки, сыграют огромную роль в улучшении жилищных условий в городах.

А ведь помимо этого есть еще и другой большой резерв — строительство домов методами народной стройки. Нельзя лишь допускать, чтобы эти дома превращались в жилые какой-то третьей категории — без водопровода и канализации, без дорог и благоустройства. Такие случаи уже имеют место. Мало того, иногда такие дома строят на заводских территориях, в зонах вредности, на пыльных магистралях и у железных дорог. Этого делать нельзя. Каждый построенный дом должен быть добротным и удобным, здоровым и красивым.

Нет никаких сомнений в том, что в скором времени жилищная проблема у нас будет окончательно решена. В этом отношении очень показательны следующие цифры. В 1954 году трудящиеся советских городов получили от строителей 1,3 миллиона квартир, а в 1957 году — 2,1 миллиона.

В проблемах советского градостроительства видное место занимает архитектурная эстетика.

Вопрос о том, как сочетать типовое проектирование с задачей создания полноценных архитектурных ансамблей, продолжает волновать архитекторов. Многие считали, что вместе с массовым применением типовых проектов наступит конец всякому архитектурному творчеству, исчезнут возможности создания высокохудожественных композиций городской застройки. Эти настроения породили у некоторой части архитекторов чувство уныния, апатии и бесперспективности.

До сих пор эта проблема часто неправильно понимается и в среде зарубежных градостроителей. Это нашло свое отражение в высказываниях делегатов Международного конгресса архитекторов в Москве. Так, например, докладчик от Англии Артур Линг заявил: «В некоторых странах централизованное управление привело к разработке типовых проектов, что породило инертность мышления и вызвало однообразие планировки, препятствуя созданию индивидуальных по своему облику новых городов». Мы надеемся, что после поездки по городам Советского Союза Артур Линг сам откажется от своего заблуждения.

В самом деле, такие новые города, как Ангарск, Каховка или Рустави, построены почти исключительно по типовым проектам, однако сколько своеобразия и привлекательности в каждом из этих городов! Стоит бросить лишь беглый взгляд на застройку любого из них, чтобы убедиться в ее высоких архитектурно-художественных качествах, а кстати, и в том, что каждый из этих городов имеет глубоко индивидуальное, одному ему присущее архитектурное лицо. И таких городов у нас немало.

Все зависит от характера планировки города, приемов пространственной композиции его застройки, умелой группировки жилых и общественных зданий, застроенных и открытых пространств, архитектуры и зелени, ритма и акцентов, сочетания архитектуры с природной средой. Увидеть, понять, уметь использовать специфические черты местного ландшафта, искусно выбрать площадку для будущей застройки, любовно и вдумчиво учесть малейшие детали — в этом великий талант архитектора-градостроителя.

Этим талантом в высокой степени обладали наши русские народные зодчие, создавшие неповторимые ансамбли Пскова и Новгорода, Владимира и Ярославля, многочисленных монастырей и крепостей.

Говорят, что архитектура — это застывшая музыка. Пожалуй, в наибольшей степени это относится именно к градостроительству, где архитектурная симфония воспринимается во времени, в развитии темы, композиции и движения, где работает всё — тембр и ритм, гармония и сила.

На Пятом конгрессе архитекторов сначала французы, а за ними поляки упрекнули нас в архаизме, в механическом повторении архитектурных форм прошлого, в том, что

мы до сих пор не создали своего архитектурного стиля. И хотя в этом и есть прискорбная доля правды, нам не в чем извиняться. За двадцать лет, свободных от войн и интервенций, мы сделали больше, чем могло бы присниться любому зарубежному участнику конгресса.

Что же касается стиля, то ни один архитектурный стиль не рождался ни за двадцать, ни за сорок лет. Великие стили прошлого возникали в итоге творческой деятельности многих поколений людей — и не только архитекторов. Формирование некоторых из этих стилей происходило в результате вековых процессов последовательного отбора и кристаллизации наиболее совершенных и созвучных данной социальной эпохе художественных черт и конкретных архитектурных форм.

Такой процесс, но неизмеримо более активный, происходит и в нашей советской архитектуре.

Мы присутствуем при рождении новой эстетической концепции архитектуры, основанной на высоких социальных идеях, широкой градостроительной трактовке темы, органическом использовании новых возможностей, рожденных невиданными доселе прогрессивными материалами и конструкциями, массовой индустриализацией строительства. И мы, архитекторы, должны быть активными участниками в деле создания этой новой архитектурной эстетики эпохи социализма.

Города, которые мы строим сейчас, войдут в эпоху коммунизма, и, конечно, далеко не все в них выдержит проверку временем.

Каким быть городу завтрашнего дня — компактным или распластанным на больших пространствах? Будут ли строиться большие многоквартирные дома или люди предпочтут жить в отдельных особнячках в окружении садов? А может быть, для молодых и одиноких будут наиболее удобными дома-коммуны с полным обслуживанием быта?

А что будет с детскими садами и яслями — должно ли их быть больше, чем теперь, или короткий рабочий день и досуг позволят полноценно воспитывать детей в семье? Какими станут наши школы, как изменится их тип и облик в связи с многосторонним политехническим образованием?

Где и как будем питаться мы и наши дети — так ли, как и прежде, жена будет готовить обед на своей плите или собственная кухня, рынок и «авоська» уйдут в прошлое? Как быстрее освободить женщину из плена домашнего хозяйства?

Удивительную робость в обсуждении всех этих вопросов проявляют и архитекторы, и философы, и научные учреждения, и литераторы. А напрасно! Ведь с давних пор вопрос об идеальных городах будущего занимал многих выдающихся людей, еще тогда, когда такие города были лишь далекой и, казалось, несбыточной мечтой. А сейчас наше будущее у нас в руках, мы его творцы и создатели, и оно уже почти здесь, за дверью.

Открыть эту дверь, посмотреть и подумать, как приблизить и украсить наше будущее и будущее наших детей, — сколько жизненно важного в этой благородной и увлекательной задаче!

М. ГАВРИЛОВ
Доктор технических наук

★

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИКИ

Все последние блестящие достижения техники так или иначе связаны с автоматикой. Развитие этой области науки позволило освоить атомную энергию, сделало возможным создание и запуск искусственных спутников Земли. Автоматика будет одним из основных элементов техники при коммунизме.

Автоматические устройства управляют сложными производственными процессами, контролируют и анализируют их, регулируют траекторию движущихся механизмов. Устройства эти призваны оказывать неоценимую услугу научной работе и производству. С огромной скоростью они могут производить вычисления, на которые ранее уходили многие годы. С их помощью ученые на моделях изучают поведение различного рода технологических агрегатов, исследуют процессы, происходящие в живых организмах. Вычислительные машины и модели-аналоги в последнее время находят применение и в исследовании социальных процессов.

Мы, сами иногда того не подозревая, ежедневно и ежечасно применяем в быту автоматические устройства. Им обязаны наши хозяйки, пользующиеся холодильниками. Это они поддерживают определенный нагрев в уютгах последних моделей. Нажимая кнопку лифта, мы приводим в действие систему автоматики, которая запускает мотор и останавливает кабину точно на том этаже, который нам нужен. Автоматические устройства готовят нам пищу, одевают и обувают нас, заботятся о нашей безопасности, снабжают нас электроэнергией, водой.

Пожалуй, нет ни одной области народного хозяйства, в которой автоматика не находила бы себе широкого применения, помогая людям, в сотни раз облегчая и ускоряя их труд. Приведем некоторые примеры.

В машиностроении широко внедряются автоматические станочные линии, которые в несколько раз увеличивают производительность труда, сокращают стоимость продукции и уменьшают потребные площади. На заводе-автомате по изготовлению роликовтулочных цепей, созданном Научно-исследовательским институтом технологии тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, производительность труда повышается в шесть с лишним раз, а себестоимость метра цепи уменьшается в два раза. Только на выпуске самоходных комбайнов «СК-3» завод даст экономию около 15 миллионов рублей в год и позволит высвободить 600 рабочих. Первый государственный подшипниковый завод за счет постройки семи групповых автоматических станочных линий, модернизации и автоматизации станков и введения контрольных и сортировочных автоматов увеличил более чем в два раза выпуск продукции без расширения производственных площадей и существенного пополнения оборудования. Количество рабочих возросло при этом всего на 13 процентов при увеличении производительности труда на 193 процента. На заводе работает первый в мире автоматический цех по выпуску массовых подшипников.

В металлургической промышленности оснащение автоматикой дало возможность повысить производительность доменных печей на 7—9 процентов; годовая экономия

кокса на доменной печи объемом в тысячу кубических метров составляет около девяти тысяч тонн. На мартеновских печах в результате автоматизации экономится до 400 тысяч тонн условного топлива. Автоматизация и механизация производственных процессов на металлургических заводах Украины облегчили труд свыше двадцати тысяч рабочих. В цветной металлургии комплексная автоматизация восьми — десяти крупных обогатительных фабрик позволит увеличить на том же оборудовании переработку руды примерно на миллион тонн в год и выдать дополнительно 15—20 тысяч тонн цветных металлов.

Значительный экономический эффект приносит автоматизация в энергетике, нефтедобыче, на транспорте, в сельскохозяйственном производстве, коммунальном хозяйстве. И в сфере непромышленной деятельности человека автоматические машины дают также большой экономический эффект. Подсчитано, что универсальная электронная вычислительная машина, заменяя труд человека, экономит сотни миллионов рублей.

Ученые установили, что существует определенная аналогия между процессами, происходящими в автоматических устройствах (или, по крайней мере, между их внутренней структурой), и процессами в нервной системе человека и в его мыслительном центре — мозгу. Изучением таких аналогий занимается недавно возникшее новое направление в науке об автоматическом управлении, так называемая «кибернетика». Все это говорит о том, что возможно создание автоматов, в определенной степени имитирующих мыслительные процессы человека и осуществляющих очень сложные функции управления.

Что же существенно нового открыла наука в области автоматизации? Как далеко может идти совершенствование техники в отношении замены человека в сфере управления его производственными процессами? Каков социальный аспект развития автоматизации?

ФУНКЦИИ АВТОМАТИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ

Два фактора определяют пределы развития любой области техники: технические возможности, обусловленные знаниями и опытом людей, и потребности производства.

Проблемы, относящиеся к первому фактору, будут выглядеть яснее, если мы рассмотрим сперва, что именно представляют собой современные автоматические устройства.

Начнем с простейшего примера — с автоматического регулирования температуры в домашнем холодильнике.

В холодильниках компрессорного типа («ЗИЛ», «Саратов») охлаждение происходит с помощью специальной жидкости, пропускаемой через узкое отверстие под давлением, создаваемым компрессором. При расширении жидкости после выхода ее из отверстия она резко охлаждается и, поступая в змеевик холодильника, понижает температуру его внутреннего пространства. Задача регулятора температуры — включение мотора компрессора, когда температура внутри холодильника повысится сверх заданных пределов. Это производится посредством простейшего регулирующего элемента, соединенного с контактом типа обычного электрического выключателя.

Измерение температуры внутри холодильника производится с помощью трубки, наполненной жидкостью с большим коэффициентом расширения. При повышении температуры жидкость расширяется и давит на конец рычага, который находится под действием пружины, натягиваемой рукояткой задатчика температуры. Как только давление в измерительной трубке превысит натяжение пружины задатчика, регулятор переключит свой контакт и включит компрессор. При понижении температуры давление в измерительной трубке уменьшится, перевесит натяжение пружины задатчика, и регулятор разомкнет контакт, остановив компрессор холодильника.

Таким образом, мы можем ознакомиться здесь с основными элементами любого автоматического устройства: задатчиком, устанавливающим программу его работы, измерительным элементом, контролирующим выполнение программы, сравнительным (сопоставляющим) и исполнительными элементами, определяющими действие автоматического устройства.

В рассмотренном случае программой устройства является поддержание постоянной температуры; сравнивающий элемент решает элементарную арифметическую задачу вычитания: он устанавливает факт превышения температуры внутреннего пространства холодильника над заданной. Наконец, исполнительный элемент представляет собой простой контакт, замыкающий электрическую цепь мотора компрессора холодильника.

Однако в автоматических устройствах существует еще один важный элемент — так называемая «память».

Что же это такое? Обратимся к нашему примеру.

Если сделать регулирующее устройство холодильника так, чтобы включение и отключение мотора компрессора происходило при одной и той же температуре, то он будет включаться и отключаться слишком часто, что вызовет излишний износ аппаратуры. Поэтому делают так, чтобы компрессор включался при одной температуре, а выключался при другой — более низкой. Таким образом, сравнивающий элемент, установив, что температура внутреннего пространства холодильника повысилась сверх заданной, должен как бы «запомнить» этот факт и держать мотор компрессора включенным и после того, как эта температура понизится за заданные пределы.

Программа, сопоставление и «память» (или, точнее, свойство фиксации имевших место фактов) имеют громадное значение в современных автоматических устройствах.

В ряде случаев автоматическое устройство выполняет достаточно сложные функции в отношении программы. Так, например, одним из способов автоматической обработки сложных деталей является запись на магнитной ленте воздействий опытного мастера, обрабатывающего деталь, на управляющие органы станка. Операции, которые осуществляет этот рабочий, записанные на магнитную ленту, и есть по существу программа обработки детали. Если теперь пропускать магнитную ленту через воспроизводящее устройство, а получаемые от него электрические импульсы направить на управляющие органы станка, то последний будет воспроизводить действия мастера и автоматически обрабатывать деталь.

В других случаях автоматическое устройство требует большой «памяти», но простой программы и простых функций сопоставляющего и исполнительного элементов. Сошлемся на пример библиографической справочной машины, задачей которой является автоматическая выдача рефератов литературы, имеющейся в библиотеке по заданной теме. Машина хранит в своей «памяти» все эти материалы в виде микронегативов, отпечатанных на пленке. Около каждого негатива отпечатан одновременно шифр статьи или книги с помощью комбинации затемненных квадратиков размерами в доли миллиметра. Надо выбрать рефераты, относящиеся, скажем, к вопросу № 1. В машину помещают шифр этой темы, также отпечатанный в виде затемненных квадратиков на пленке, но обратный по отношению к шифру, имеющемуся на ленте «памяти»: в нем затемнены все места, которые на пленке с рефератами прозрачны, и, наоборот, прозрачны все места, которые на пленке с рефератами затемнены. Затем кадр с этим обратным шифром помещают под пленку с рефератами и пропускают ее с большой скоростью перед сравнивающим устройством в виде фотоэлемента. При совпадении шифров фотоэлемент не будет получать освещения, так как все прозрачные места на пленке будут закрыты темными местами в обратном шифре отыскиваемого материала. Это используется для включения импульсной осветительной лампы, которая, просвечивая негатив соответствующего реферата, делает с него отпечаток на фотобумаге. После пропуска всей ленты бумага с отпечатками проявляется, и машина выдает все рефераты по данному вопросу в готовом, фотографически отпечатанном виде. Скорость просмотра в подобных машинах составляет около десяти тысяч кадров в минуту.

Функции сравнивающего элемента здесь достаточно просты: он отвечает лишь на вопрос — совпадает или не совпадает шифр реферата на ленте с заданным. Программа работы также элементарна: это последовательный пропуск всех кадров ленты с рефератами перед фотоэлементом и заданным шифром. Однако «память» машины должна быть достаточно велика: она должна хранить сведения о всех материалах по данному вопросу, имеющихся в библиотеке.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Устройства, о которых мы рассказали, как бы сложны они ни были, характеризуются, однако, тем, что функции их заранее известны и неизменны. Это или известная программа действия во времени, как это имеет место при управлении станком с помощью магнитной ленты, или определенная программа сопоставления, когда действия устройства во времени заранее неизвестны, но определяются сопоставлением заданного и действительного значения (регулятор температуры холодильника, библиографическая машина).

Однако при управлении производственными или другими процессами человек может иметь несколько программ, из которых он должен выбрать ту или иную, в зависимости от обстоятельств, или у него есть только примерная программа, которая потом подлежит уточнению в связи с выявленными результатами.

Здесь усиливается роль человека как существа, способного к логическому мышлению. От простого исполнения заранее намеченной и рассчитанной программы он переходит к обязанности выбрать путем логических умозаключений из многих возможных решений именно то, которое является наиболее рациональным.

Одной из наиболее примечательных черт современных автоматических устройств, сильно расширяющих сферу их применения, и является выполнение ими не только функций контроля и управления процессами, но и определение правильного решения.

Были найдены два замечательных принципа. Первый из них заключается в том, что машина из нескольких возможных программ выбирает необходимую, анализируя результаты своих собственных действий.

Рассмотрим построение такой программы на элементарном примере арифметического деления. Пусть нужно разделить одно число на другое.

Если свести деление к более простой операции вычитания, то программа его может быть задана следующим образом: «Возьми число разрядов делимого, равное числу разрядов делителя, и производи вычитание. Осуществляй эту операцию до тех пор, пока остаток не будет меньше делителя. Запиши полученное число раз вычитания в результат, прибавь к остатку следующий разряд делимого и поступай так же, пока не дойдешь до последнего, предписанного точностью вычисления, разряда».

В каждом шаге этой программы, если она будет проводиться автоматическим устройством, сравнивающий элемент должен определять, является ли полученный остаток большим или меньшим, чем делитель, и в зависимости от этого давать команду на продолжение операции вычитания или же переходить к следующему разряду.

Сравнивающий элемент каждый раз решает здесь некоторую простейшую логическую задачу, отвечая «да» или «нет» на вопрос, поставленный программой. Именно на этом принципе построены современные вычислительные электронные машины, которые могут переводить с одного языка на другой, играть в шахматы и так далее.

Бывает так, что заранее невозможно задать то значение величины, которое должно поддерживаться регулирующим устройством, чтобы процесс протекал наиболее успешно, так как это значение меняется в зависимости от ряда причин, которые предварительно не могут быть учтены. Автоматическое устройство должно само отыскивать это решение. Достигается это путем поиска, представляющего собой по существу развитие описанного выше принципа выбора решения. Автоматический поиск осуществляется посредством некоторого количества проб различных воздействий на регулируемый объект, анализа полученных результатов и фиксации наилучшего решения.

На принципе поиска основаны современные оптимальные регуляторы, задачей которых является поддержание регулируемой величины на минимальном или максимальном значении, а также самонастраивающиеся устройства, которые в результате проб изменяют свои собственные характеристики, чтобы наилучшим образом приспособиться к регулируемому процессу.

Большое значение в работе автоматического устройства, основанного на поиске, имеет программа последнего. Наиболее элементарной программой является последовательный перебор всех возможных решений. Однако во многих случаях такая про-

грамма будет неприемлемой, так как количество решений может быть очень большим и перебор их займет слишком много времени. Поэтому выбор наиболее рациональной и простой программы поиска в значительной степени определяет эффективность действия автоматического устройства.

На помощь проектировщику приходит здесь второй принцип, выдвинутый наукой об автоматике. Он состоит в самообучении, то есть в способности автоматического устройства не только учитывать, но и хранить в своей «памяти» результаты предыдущих поисков, обновляя их в процессе своей деятельности и определяя в соответствии с этим программу поиска.

Самонастраивающиеся и самообучающиеся устройства являются последними новинками в области автоматики и сейчас только еще входят в практику. Они характеризуют собой новое направление, отличающееся переходом как бы на вторую ступень автоматики, при которой автоматизируется не только самый процесс, но и приспособление к процессу самих автоматических устройств. Развитие этого направления сулит многие новые открытия.

Так прогресс науки и техники позволил осуществлять при помощи машин функции управления, являющиеся результатом умственной деятельности человека. Оказалось, однако, что не только в области функций, но и в области структуры автоматических устройств, то есть свойств элементов и характера связей между ними, автоматические устройства в известной мере моделируют, копируют структуру нервной системы живых существ. Это связано со все более широким применением в автоматических устройствах особых аппаратов — реле.

РЕЛЕ И НЕРВНАЯ СИСТЕМА

Релейный элемент — простейшее автоматическое устройство — может занимать только два положения. Если воздействующая на него величина не достигла определенного значения, он находится в отключенном состоянии, а если превзошла, то он приходит в действие. Таким образом действие релейного элемента сводится к так называемому двоичному выбору — из двух возможных операций он выбирает одну. В наших примерах устройств двоичный выбор осуществлял автоматический регулятор температуры холодильника, определяя, больше или меньше его температура по сравнению с заданной. На том же принципе было основано действие сравнивающего элемента библиографической машины (совпадает или не совпадает шифр реферата с заданным). Двоичный выбор осуществляют самонастраивающиеся и самообучающиеся автоматические устройства, фиксируя удачный или неудачный результат поиска.

К двоичному выбору, реализуемому при помощи релейных элементов, могут быть сведены и непрерывные процессы, оцениваемые числами, различные команды, буквенная запись и так далее. На этом основана передача различных сигналов, например, телеграфных, а также передача воздействий (обмен информацией) между отдельными блоками автоматических и других устройств.

Если запись ряда чисел, характеризующих протекание какого-либо процесса, осуществить не по общепринятой десятичной системе счисления, а по двоичной, где используются только два коэффициента: 0 и 1, то мы получим замечательный результат. Этот ряд чисел может быть представлен в виде некоторой таблицы из нулей и единиц. Запись станет длиннее, но числа могут быть воспроизведены комбинацией включенных и отключенных релейных элементов.

Чем чаще мы будем брать числа и чем больше применять разрядов двоичного счисления, тем с большей точностью процесс может быть воспроизведен с помощью реле. Однако и тем большее количество реле понадобится для этого.

Представление процессов в виде дискретных (прерывных) значений, реализуемых с помощью релейных элементов, имеет много преимуществ. Поэтому они широко применяются в современных автоматических устройствах, им обязаны своим появлением и развитием вычислительные машины, аппараты цифрового управления станками. Они позволяют производить обработку деталей со сложным профилем непосредственно по чертежам, а то и просто по цифрам, характеризующим отдельные точки профиля.

Цифровые методы управления позволяют быстро перестраивать производственные процессы с помощью команд, считываемых с заранее заготовленных магнитных лент, перфокарт и перфолент. Небольшие по размерам цифровые указатели получают сейчас широкое применение при контроле производства продукции и в научных исследованиях, заменяя собой громоздкие и недостаточно наглядные указательные приборы. Цифровые регистраторы в итоге своей работы выдают уже напечатанную ведомость, где зафиксировано, как именно проходят наблюдаемые процессы, причем, помимо регистрации непосредственно наблюдаемых величин, эти приборы подсчитывают также вторичные величины, необходимые для характеристики процессов, такие, например, как удельные расходы, коэффициенты полезного действия и тому подобное.

Интересен тот факт, что свойства релейных аппаратов и структура автоматических устройств, выполненных на них, в наибольшей степени приближаются к свойствам и структуре нервной системы живых существ.

Как известно, нервная система состоит из отдельных элементов — нейронов, которые соединены в цепочки. Оказывается, что действие нейронов целиком подобно действию релейных элементов, также протекает по принципу «да» или «нет». Возбуждение каждого данного нейрона происходит при определенной комбинации нервных импульсов, полученных им от соседних нейронов. Нейрон не отвечает на раздражение, если оно ниже определенной величины, и отвечает на него с максимальной силой, если оно зашло за этот порог.

Восприятие сложных внешних воздействий в релейных устройствах аналогично тому, как это происходит у живых существ. Предположим, что мы положили руку на край стакана. Каким образом в мозгу человека создается впечатление, что край стакана является окружностью? Это получается благодаря сопоставлению в клеточках мозга сигналов, передаваемых от нервных окончаний, имеющихся на поверхности ладони, прижатой к стакану. Все эти сигналы передаются мозгу одновременно по параллельным нервным путям и там сопоставляются друг с другом. При этом цепочки нейронов, связанные с нервными окончаниями, соприкасающимися со стаканом, возбуждены, а остальные находятся в невозбужденном состоянии.

Если обозначить возбужденное состояние нейронов единицей, а невозбужденное нулем, то схематически можно представить себе картину передачи ощущений от края стакана в виде некоторой таблицы, состоящей из нулей и единиц. Расположение единиц среди нулей будет приближенно иметь форму окружности. Если прижать ладонь к стакану крепче, то в передаче ощущений будет участвовать большее число нервных окончаний, расположенных на различной глубине, и впечатление о форме края стакана будет более отчетливым. В таблице будет большее число единиц, которые точнее будут образовывать окружность.

Вспомним теперь процесс воспроизведения ряда чисел при помощи релейных элементов. И здесь чем большее число элементов участвует в его передаче, тем точнее числа воспроизводятся. И здесь суждение о форме процесса получается с помощью сопоставления наличия или отсутствия возбуждения отдельных релейных элементов. При помощи элементарных релейных схем можно сравнительно легко моделировать такие свойства живых существ, как приобретение условных рефлексов, запоминание пути и так далее. Эти свойства демонстрировались в свое время на несложных автоматических игрушках в виде «черепахи», «мыши».

КАКОВЫ ЖЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Итак, мы установили, что автоматические устройства могут выполнять некоторые функции, дающие те же объективные результаты, что и мыслительные процессы людей. Структура автоматических устройств во многих случаях получается аналогичной структуре нервной системы живых существ.

Возвратимся к поставленным в начале статьи вопросам. Как далеко может идти развитие автоматике?

Одним из путей, на которых можно найти ответ на этот вопрос, является обобщение процессов управления и связи в живых организмах и машинах, изучением которых занимается кибернетика. Такое обобщение является весьма полезным. С одной

стороны, это может подсказать новые методы управления, а с другой — автоматические устройства, моделируя процессы, происходящие в живых организмах, помогут быстрее раскрыть их существо.

Однако, если идти по линии сравнения структуры автоматических устройств со структурой нервной системы живых существ, то нужно признать, что с этой точки зрения автоматика находится, вероятно, еще в самом начале своего развития. Структура автоматических устройств, несмотря на всю ее сложность, еще чрезвычайно примитивна по сравнению со структурой живых существ. Человеческая нервная система имеет, например, 10—12 миллиардов нейронов. Если воспользоваться сравнениями, то современные электронные вычислительные машины, число релейных элементов в которых приближается к сотне тысяч, имеют структуру нервной системы обычного дождевого червя.

Разумеется прогресс автоматике идет вперед семимильными шагами. Мы все время являемся свидетелями усложнения функций, все более приближающихся, как было показано выше, к мыслительным функциям человека. Это сопровождается непрерывным усложнением структуры и увеличением количества элементов, чему способствует развитие релейной техники.

Еще недавно в качестве релейных элементов в автоматических устройствах служили электромагнитные реле и электронные лампы, имевшие сравнительно большие размеры, требовавшие значительных затрат энергии на свое питание, а срок их службы был невелик. Теперь появились релейные элементы, в сотни раз меньшие по своим размерам, к тому же более надежные и долговечные. Достаточно сказать, что электромагнитные бесконтактные релейные элементы, выполненные из материала со специальными магнитными свойствами, имеют вид колечек, размерами всего лишь в один—полтора миллиметра. Такие же размеры имеют кристаллические элементы, заменяющие собой электронные лампы. Если число элементов в одном устройстве исчислялось ранее тысячами и десятками тысяч, то теперь число их доходит до нескольких сотен тысяч. Современная техника автоматике подходит к построению машин, в которых число элементов будет доходить до миллионов.

Конечно, любой машине никогда не сравниться с живой материей, которая обладает могучими свойствами развития и создания новых элементов вместо отживших, громадными способностями к самосовершенствованию, саморегулированию, приспособлению к окружающим условиям и так далее. Но надо иметь в виду, что автоматические устройства имеют и преимущества по сравнению с живыми организмами. И это понятно, так как в той узкой сфере деятельности, которая присвоена им конструктором, автоматы выполняют свои функции быстрее и точнее, чем это может сделать человек. Они не обладают усталостью, присущей живым существам, и могут многократно повторять свои действия с одинаковыми результатами.

В деле дальнейшего развития автоматике большую роль играет глубокое проникновение в существо явлений, происходящих в автоматических устройствах, возникновение новых идей, которые позволяют более точно рассчитывать и оценивать поведение механизмов в сложных условиях. Темпы развития науки в области автоматике ускоряются в настоящее время тем, что на помощь ученым пришли сами автоматические устройства, которые выполняют сложные расчеты, записывают, анализируют, а в дальнейшем, вероятно, будут и синтезировать сложные процессы и структуры автоматических устройств.

Трудно сейчас предсказать, до какой степени совершенства дойдет автоматика. Несомненно лишь, что в ближайшем будущем мы будем свидетелями многих новых блестящих открытий в этой области и резкого расширения сферы применения автоматических устройств.

Как же обстоит дело с развитием автоматике в нашей стране? Много ли сделано в этом отношении?

На этот вопрос нужно ответить: и много и мало.

Много — потому, что автоматизация у нас признана одним из ведущих направлений в техническом прогрессе. Мало — потому, что она пока что еще не стала таксвым практически.

Много — потому, что автоматизация является массовым движением в нашей промышленности: она осуществляется и в плановом порядке и в порядке инициативы широких кругов инженеров и рабочих. Мало — потому, что автоматизация до последнего времени развивалась скорее благодаря усилиям отдельных энтузиастов, чем проведением соответствующих мероприятий со стороны министерств и совнархозов.

Много — потому, что советские ученые и инженеры создали значительное число новых замечательных автоматических устройств и разработали новые прогрессивные теории, в которых они во многих случаях опередили зарубежные страны, и мало — потому, что очень многие из них не получили еще широкого применения.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание автоматизации. Широкое применение автоматике имеет большое народнохозяйственное значение. Она является одним из основных средств повышения производительности труда. Вспомним замечательные слова В. И. Ленина: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих».

В СССР пределы применения автоматике определяются технической и экономической целесообразностью. В капиталистических странах развитие автоматике вызывает острее социальные противоречия. Ее называют второй промышленной революцией и боятся повторения тех потрясений, которые полтора столетия тому назад вызвала в Англии первая промышленная революция.

Внедрению автоматике в капиталистических странах сопутствует грозный призрак безработицы и экономического кризиса. Американские экономисты подсчитали, что при автоматизации пяти процентов всех промышленных предприятий в год три миллиона человек будут ежегодно оставаться без работы. Орган профсоюза рабочих горнорудной промышленности, газета «Юнион», обсуждая перспективы автоматизации, писала: «Многие тысячи рабочих убедились в том, что автоматизация усиливает безработицу, уничтожает многие специальности и делает ненужным применение труда высококвалифицированных рабочих... Рабочие хотят быть уверенными в том, что век автоматизации не превратится в кошмар для них».

Совсем по-иному обстоит дело в социалистических странах. Развитие автоматике никому не грозит никакими бедами и ведет к изобилию продуктов и товаров, к повышению благосостояния трудящихся. Автоматизация облегчает труд рабочего и стирает различия между умственным и физическим трудом. Вот почему советские рабочие поддерживают все начинания в области автоматизации и часто сами являются ее инициаторами.

Несколько лет назад автору этих строк довелось побывать на одной из наших автоматизированных гидроэлектростанций. Все операции на ней проводились или автоматически или на расстоянии, из диспетчерского пункта энергосистемы, при помощи телемеханических устройств. Обслуживающий персонал на станции состоял лишь из техников, которые, по одному в смену, дежурили на дому. Два-три раза в день они приходили в помещение станции для проверки работы ее оборудования.

Припоминаю, что в день моего посещения станции дежурный техник сидел дома и готовился к экзаменам — он был студентом заочного втуза. Его служебные обязанности настолько сократились, что он мог в рабочее время заниматься своими учебными делами...

В развитии у нас автоматике еще имеются, однако, серьезные недостатки.

Наша главная беда в том, что комплексная автоматизация цехов и предприятий в целом развита еще очень слабо. К сожалению, совнархозы не уделяют достаточного внимания этому делу.

Комплексная автоматизация требует особого подхода. В ряде случаев необходима значительная перестройка технологических процессов, длительная работа по изысканию наиболее рациональных решений. Это требует крупных экспериментальных и теоретических исследований. Такая работа носит по сути принципиальный характер, и она должна направляться совнархозами. А ведь во многих совнархозах нет даже специальных звеньев или отделов, которым было бы поручено заниматься проблемами автоматизации.

Существенные дефекты имеются в развитии приборостроительной промышленности, обслуживающей автоматизацию. Одной из основных задач в этой области является создание единой государственной серии автоматических приборов и устройств широкого назначения, параметры которых были бы согласованы друг с другом с таким расчетом, чтобы путем комбинирования можно было создавать различные автоматические системы. Этого еще нет. Самотек и разобщенность в работе исследовательских, конструкторских и заводских организаций мешали осуществить необходимую унификацию и нормализацию средств автоматики.

Не всегда удовлетворяют качество и надежность приборов, выпускаемых для автоматизации. Приборостроительная промышленность медленно осваивает новые образцы более совершенных приборов и в ряде случаев продолжает выпускать продукцию уже устаревшей конструкции.

Вопрос о быстром освоении новых разработок имеет особенно большое значение в такой стремительно развивающейся области, как автоматика. С этой точки зрения много возражений встречает укоренившаяся практика. Приборостроительные заводы требуют от исследовательских организаций передачи им полностью отработанных опытных образцов автоматических устройств, проверенных в эксплуатационных условиях. Это вызывает необходимость проведения в исследовательских организациях полной конструктивной отработки, организации эксплуатационных испытаний, что, как правило, занимает один-два года. Однако при передаче на завод эта большая работа обычно зачеркивается, так как завод в соответствии с его технологией вынужден бывает заново разрабатывать конструкцию устройства, заново изготавливать опытные образцы и заново проводить эксплуатационные испытания. Устранить это явление не так уж трудно. Просто нужна более тесная увязка работы исследовательских институтов и заводов, а кроме того, усиление исследовательской и конструкторской работы на самих заводах.

Известны наши достижения в деле подготовки технических кадров. Однако положение с подготовкой кадров в области автоматики могло бы быть лучшим. Многие наши вузы имеют кафедры по приборам и средствам автоматизации. Однако нет ни одного высшего технического учебного заведения, которое имело бы факультет по подготовке специалистов по автоматизации. Министерство высшего образования пока что не уделяет достаточно внимания этому жизненно важному делу.

Автоматизация требует совместной работы технологов, конструкторов технологической аппаратуры и специалистов в области автоматики. Каждый из них в отдельности не может разрешить те сложные вопросы, которые возникают при постановке задачи комплексной автоматизации. Вузы поэтому должны готовить такие кадры, чтобы эти специалисты в достаточной мере были сведущими и в сопредельных областях и могли совместно решать задачи автоматизации.

Серьезные проблемы возникают в вопросе о повышении квалификации работников в области автоматики. Быстрое ее развитие вовлекает в работу по автоматизации инженерные кадры, не имеющие специальной подготовки. Кроме того, нужно ведь поставить дело так, чтобы и специалисты по автоматике не отставали от уровня современных знаний, изучали опыт зарубежных стран. Жизнь подсказывает необходимость создания широкой сети курсов переподготовки в области автоматики, издания хороших пособий, популярной литературы.

Большая и сложная работа по автоматизации, проводимая в нашей стране, требует значительных усилий в части ее организации и координации.

Советский Союз опередил капиталистические страны в решении многих важнейших технических проблем. Нет сомнений, что и в области развития автоматики он в недалеком будущем выйдет также на первое место в мире.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

А. ТУРКОВ

★

ДЕЙСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

1

Два года назад Сельхозгиз переиздал книгу А. Н. Энгельгардта «Из деревни. 12 писем (1872—1887)». В. И. Ленин в свое время считал вполне возможным для экономистов и публицистов судить о деревне на основании приведенных Энгельгардтом данных и наблюдений.

«Если ученые доверяют материалу анкет — ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов,— то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит»,— писал Владимир Ильич в статье «От какого наследства мы отказываемся?»¹.

«Письма» Энгельгардта пришлись Ленину по душе потому, что в них не было специфически народнического «отворачиванья от фактов», «мечтательного игнорирования действительности», которое избличал молодой вожь русских марксистов. Уместно вспомнить, как сочувственно процитировал Ленин высокую характеристику, которую дал один из экономистов (И. Гурвич) Глебу Успенскому, чье превосходное знание крестьянства позволяло ему отвечать «иронической улыбкой на общую иллюзию» народников семидесятых годов.

Широковещательные заголовки (например, «Литература и жизнь» Н. К. Михайловского) и трескучие объяснения в любви к народу прикрывали экономическое неве-

жество народников, их незнакомство с истинной действительностью или комически высокомерное пренебрежение ею.

Книга же Энгельгардта была не в бровь, а в глаз людям, которые, «...живя совершенно другою жизнью, не зная вовсе народной жизни, народного положения... составили себе какое-то, если можно так выразиться, висячее в воздухе представление об этой жизни».

«Крестьянская община, крестьянская артель — это не пчелиный улей, в котором каждая пчела, не считаясь с другою, трудолюбиво работает по мере своих сил на пользу общую»,— полно, да народником ли это писано! Недаром Ленин считал народнические высказывания Энгельгардта «как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги»¹. Автор «Писем» — точно так же, как и Г. Успенский, — засвидетельствовал с добросовестностью и беспристрастием подлинного исследователя поразительный индивидуализм мелкого земледельца, мелкого собственника.

Картины давно ушедшей в прошлое жизни встают со страниц этой книги.

Ревнивое стремление не переработать, не сделать больше, чем другие, при работе сообща, «огулом»: «...сильному, например, ничего не значит снести мешок в закром, слабый же бьется, бьется, пока подымет, пока снесет; сделав свое дело, сильный все это время стоит, ждет, пока слабый не снесет, и только тогда берется за другой мешок. И так во всем».

Отупляющая сила нищеты, голодухи, заставляющая видеть облегчение даже в

---

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений, 4-е изд., т. 2, стр. 475.

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений, 4-е изд., т. 2, стр. 480.

смерти ребенка — лишнего рта. «...Господь не без милости,— говорит крестьянка,— моего одного приборал... Младшего, на днях сховала».

Невежественная, жадная, пьяная орда «благородий», «которой отдали под команду мужика». Ее описание как бы предвосхищает появление чеховского Пришибеева: «Не раз случалось,— об этом и в газетах пишут,— что разогнали хоро-воды, вечеринки, игрища, посиделки, свадьбы. Министр внутренних дел даже вынужден был издать по этому поводу особый циркуляр от 23 октября 1879 года, коим разъясняет, что игрища и тому подобные увеселения народа не суть нарушения общественной тишины и спокойствия... А между тем, куда что, как ты «его» не послушаешь?»

Книга Энгельгардта любопытна и тем, что он высказывает немало доводов в пользу того, что будущее принадлежит коллективному крестьянскому хозяйству. При всех народнических «вставках» и упованиях, при всей неотчетливости взглядов автора на то, как достичь этого будущего, нельзя не прислушаться к трезвой аргументации человека, ведшего хозяйство буржуазного толка, против себя самого:

«Кто ясно сознает суть нашего хозяйства, тот поймет, как важно соединение земледельцев для хозяйствования сообща и какие громадные богатства получались бы тогда»,— пишет Энгельгардт, указывая как на аналогию на большие крестьянские семьи, утверждая, что только в коллективном хозяйстве могут быть рационально применены индивидуальные наклонности крестьян, а одно только наделение крестьян землей поведет за собой дальнейшее расслоение крестьянства:

«Не может быть никакого сомнения, что, будь крестьяне наделены землей в достаточном количестве, производительность громадно увеличится, государство станет очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более, полагаю, что разница в состоянии крестьян будет еще значительнее, чем теперь».

Да, пути к артельному хозяйству, указываемые Энгельгардтом, нереальны, иллюзорны, утопичны («России нужны деревни

из интеллигентных людей» как пример коллективного хозяйства, который должен убедить крестьян!). Но сама постановка вопроса — о наибольшей рентабельности именно объединенного крестьянского хозяйства — составляет несомненную заслугу автора «Писем».

Свойственная А. Н. Энгельгардту склонность к скрупулезному изучению окружающей действительности коренилась не только в характере самого автора — ученого, профессора химии,— но и в одной из отличительных традиций русской литературы.

При всем своем огромном уважении к Гёте, Герцен довольно зло заметил, что этот писатель, «...который, по превосходному выражению Баратынского, умел слушать, как трава растет, и понимать шум волн,— был туг на ухо, когда дело шло о подслушивании народной жизни, скрытной, неясной самому народу, не обличившейся официальным языком».

Именно в «подслушивании народной жизни» обретали огромную силу дарования многих русских писателей, которые вникали в мельчайшие, в самые смутные, загадочные, ставящие в тупик проявления ее и отыскивали зерна прекраснейших образов даже в «цифровой крупе» статистики (Г. Успенский).

Думается, что того же происхождения и многократно отмечавшееся исследователями тяготение советской литературы к документальности, к художественному отображению реальных фактов жизни.

Скупые строки корабельного журнала содержат больше поэзии, чем иные стихи.

Многочисленные факты, из которых складывается история нашего социалистического государства,—это чудесный источник пафоса, лирики, напряженного драматизма.

Как смело предпринятое русскими коммунистами путешествие в неведомый край социализма! Сколько звучало вокруг мрачных предсказаний, предостерегающих окликов, сколько сердец замирало в сочувствии и страхе!

Кажется, что именно об этом писал более ста лет назад Герцен:

«Страх берет — пустота, ширина, воля... как идти, не зная куда, как терять, не видя приобретений! — Если б Колумб так рассуждал, он никогда не снял бы якоря... Конечно, если б народы переезжали из одного готового *hôtel garni*¹ в другой — еще

¹ *Hôtel garni* (франц.) — меблированные комнаты.

лучший, было бы легче, да беда в том, что некому заготовлять новых квартир».

Корабельный журнал такого плавания поистине бесценен. Каждая строка в нем — клад для тех, кто идет по стопам коммунистических Колумбов (а число смельчаков все растет!). Первооткрыватель предупреждает своих последователей обо всех препятствиях и опасностях, о подводных камнях и мелях, опровергает предрассудки и предостерегает от миражей.

Но эти записи по необходимости коротки, скупы, лишены (подчас необходимых) пояснений, и здесь в дело вступают лупа и мозг ученого и фантазия художника, чтобы сообща воссоздать происшедшее и понять его смысл. Тогда лаконичная заметка оборачивается захватывающей повестью.

2

«Все, что я пишу, относится к той маленькой местности, которую я знаю, если же выходит так, что в других местах то же самое, то это потому, что одинаковые условия порождают одинаковые явления», — эти слова Энгельгардта мог бы повторить и Ефим Дорош, автор «Деревенского дневника» и служащего его продолжением «Дождливого лета».

Перед нами записи увиденного и услышанного в районе, который автор назвал Райгородским, и размышления по этому поводу. Края эти давно обжиты русским крестьянством, от Москвы рукой подать — обо всем этом предуведомлял нас автор, не обещая никакой «географической» романтики.

Книга действительно состоит из записей дневникового свойства, но это не форма дневника, в которой легко распознать завязку, интригу, развязку. Автор далек от этой — пусть невинной — литературной мистификации.

Вероятно, найдутся такие читатели, которые сразу же отложат простодушно-откровенный, скромный «Деревенский дневник» в сторону.

Но читатель, для которого Глеб Успенский не канул в Лету вместе со сданным экзаменом, который не оставит в журнале неразрезанными страницы с очередным очерком о селе, конечно, прочел и книгу Е. Дороша.

Дело в том, что в этом дневнике все

время чувствуется живейший интерес автора к тому, что проходит перед его глазами, желание понять происходящее до самых его сокровенных глубин, во всех его многообразных жизненных связях, исследовать его исторические корни. И за внешним мельканием эпизодов, наблюдений, размышлений все время угадывается одной лишь думы власть: какова ж она сегодня, русская деревня, что за силы созрели в ней? И невозможно не принять участия в размышлениях автора, сверяя с его наблюдениями и выводами свои.

Еще не написана история коллективизации, еще далеко не обобщен и не проанализирован гигантский статистический материал, позволяющий сделать много любопытнейших выводов о пути, пройденном крестьянством за сорок послереволюционных лет. И, быть может, когда появятся эти капитальные труды, многое из того, что сказано Е. Дорошем и другими авторами, писавшими о советской деревне, покажется мелким, приблизительным, субъективным. Но ведь никто из нас и не претендует на то, что произнесенное им есть «истина в последней инстанции»! И книга, которая окажет помощь будущему исследователю (как то случилось, например, с «Письмами» Энгельгардта), заслужит добрую по себе память.

Мы берем на себя смелость делать подобные предсказания потому, что некоторые высказывания скромного «Деревенского дневника» уже полностью оправдались и нашли себе подтверждение в принятых за последнее время постановлениях партии и правительства в области сельского хозяйства.

После изменения порядка планирования колхозного хозяйства, передачи тракторов и других машин в колхозы, после повышения заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственные продукты многое в очерках Е. Дороша уже оказалось устаревшим. И сегодняшнему читателю, может быть, менее внимательно прочтет о том, что «содержание трактора, если бы он принадлежал колхозу, обошлось бы дешевле, чем в МТС».

Но не только отдельными рекомендациями родственна книга Дороша последним партийным документам, а самым своим духом.

Говоря об одном из местных партийных руководителей, автор пишет: «...Алексей Петрович учился в школе народной жизни,

и я думаю, что это едва ли не главнейшая из школ, особенно для партийного работника».

Школа народной жизни! Ведь это ее выученики выдвинули на всенародное обсуждение проекты новых сельскохозяйственных установлений. Недаром эти проекты «диковинным» образом совпали с мнениями и практикой передовых колхозных руководителей, вроде изображаемого Дорошем председателя колхоза Ивана Федосеевича. Писатель с улыбкой сообщает о том, что, читая партийные документы, в частности доклад Н. С. Хрущева, «...некоторые здешние колхозники высказывали предположение, что Никита Сергеевич, надо полагать, с Иваном Федосеевичем знаком и не раз толковал по душам».

Твердая опора на народный опыт, чуткое отношение к народному мнению, народной оценке того или иного явления всегда составляли силу Коммунистической партии.

Желанием как следует разобраться в тех уроках, которые дает нам многовековая школа народной жизни, проникнута и книга Е. Дороша.

Запальчивость и нетерпение некоторых сельских деятелей, вроде Макара Нагульнова, мечтавших одним махом чудодейственно вылечить крестьянство от «болезни собственности», объективно очень вредили делу и только пополнили ряды противников коллективизации.

Но великая сила коммунистов в том, что они чутки и внимательны, когда речь идет о подслушивании народной жизни, что они никогда не гнушались терпеливо учиться в школе народной жизни! Об этом думаешь, читая в книге Е. Дороша об Иване Федосеевиче.

«С удивительной силой он вдруг произносит: «Ненавижу я эту частную собственность!»

Живет он неустроенно — ни мебели, ни посуды, ни «лишней» одежды, — одни книги! С женой и старшим сыном не ужился, ибо они «собственники». В религиозные праздники уходит из дому в поля: а то еще придут, пристанут: выпей! Откажешься — обида!

И, в полном соответствии со всем этим, любимым героем Ивана Федосеевича оказывается именно Нагульнов, о котором он говорит прямо-таки с нежностью.

Но рядом с чертами романтического неприятия мало-мальского «собственнического

уюта» в Иване Федосеевиче родились и прижились повадки смекалистого хозяйственника, вплоть до того, что некоторые ретивые администраторы порой даже обвиняли его, одного из активистов коллективизации, в... кулацких замашках.

Какой интереснейший путь от «не шибко грамотного молодого мужика», каким Иван Федосеевич, по его собственным словам, участвовал в коллективизации, до рачительного хозяина большого колхоза угадывается за этой, одной из многих выведенных Е. Дорошем фигур современной деревни! И как важно было бы написать историю этого человека, который словно пережил все победы и поражения Макара Нагульнова и с тем же упорством, с каким герой Шолохова корпел над английской грамматикой, засел за экономику и агрономии, который, как о том упоминается в «Дождливом лете», постепенно излечивается от своего наивного аскетизма!

Он излечился от некоторых наивных иллюзий, свойственных части русских революционеров на определенной исторической стадии.

Он полностью, сердцем прочувствовал ленинский совет не пытаться разрешать чисто революционными средствами проблемы, требующие к себе иного, более осторожного подхода. Он сумел трезво проанализировать природу крестьянского сопротивления некоторым хозяйственным новшествам и убедился, что оно продиктовано не упрямым консерватизмом, а напротив — естественным нежеланием слепо брать на веру предложение, еще не испытанное на практике и, возможно, не учитывающее местных условий.

И, право, можно понять Е. Дороша, для которого Иван Федосеевич, пожалуй, — любимейший герой, убеждения которого он разделяет. Этот образ — открытие писателя, в котором запечатлелась живая история колхозного движения, эволюция людей современной деревни.

Подобно своему герою, писатель стремится как можно бережнее отнестись к тому, что накоплено народом за долгие века его жизни. Поэтому он отстаивает приметы, по которым крестьяне «предсказывают» погоду, — эту «неписанную книгу народного опыта» — и высказывает беспокойство по тому поводу, что большинство деревенских парней «по топору никак не умеет», не переняло мастерства, с каким

прежде владели простейшими орудиями их отцы и деды.

Мы не задаемся целью всесторонне оценить последнюю книгу Е. Дороша. Нам хотелось выделить ее главнейшую, как нам представляется, мысль — об органичности сплава нового, принесенного в деревню Коммунистической партией, с теми лучшими трудовыми традициями, которые отстоялись в народе за его историю, о двустороннем характере процесса, происходящего в советской деревне, когда марксистско-ленинские идеи и народный опыт взаимно обогащают друг друга.

В теснейшем единении с народом, в готовности выслушать, взвесить и претворить в дело мысль, родившуюся или еще только созревающую в умах колхозного крестьянства, — секрет притягательности таких партийных работников, как Алексей Петрович. Недаром писателю с первых же встреч запомнился его «внимательный, негромкий, без тени командирского окрика» голос.

Подлинно коммунистический стиль руководства находится в непримиримом противоречии с тем бюрократическим администрированием, недоверием к людям и стремлением вечно поучать их, какое еще встречается и в местах, описываемых Е. Дорошем. Вот выступление директора МТС: «Сперва директор долго читает собравшимся о том, как прошел весенний сев на целинных землях: в Казахстане, Сибири, на Алтае.

Не могу понять, зачем он это делает. Народ здесь собрался грамотный, развитой, можно сказать, лучшие люди района, которые и газеты читают и радио слушают. Да и время каждому дорого — в самом разгаре сенокос, через несколько дней начнется жатва... Все с большей жесткостью в голосе... он говорит, что специалист МТС — агроном или зоотехник — государственные контролеры в колхозе. Он говорит об этом так, словно хочет напугать, словно трибуна, на которой он стоит, укрепленная позиция, откуда он ведет огонь по сидящим в зале».

Радостно, что последние партийные документы выбивают почву из-под ног у этих ретивых контролеров, почитавших колхозную форму собственности какой-то «частной лавочкой», за которой, мол, нужен глаз да глаз. Но, разумеется, рано ублажать себя мыслью, что подобный тип руководителя выведется сам собой и без боя уступит место Иванам Федосеевичам и

Алексеям Петровичам. Еще во многих запечатленных в «Дневнике» фактах мы угадываем его лагубный «стиль работы», проникнутый заботой о соблюдении формы и величественно игнорирующий экономические соображения и интересы рядовых колхозников.

В своем последнем очерке — «Два дня в Райгороде (Из деревенского дневника)» — Е. Дорош вывел «мелкого деревенского бюрократа, полуграмотного, нахваставшегося митинговых фраз и канцелярских оборотов». Писатель глядит на него со смешанным чувством негодования, что такие еще существуют, и радости, что их время отошло.

«...Вопреки здравому смыслу такой вот измятый, непроставшийся чужедворок, радость которого в том, чтобы товарища своего поставить по команде «смирно», или же справедливо заключает, что слова не сработавший собственными руками, продолжает именовать кровную приверженность к росту в поле, к поросенку, задравшему свой любопытствующий пяточок, пережитком собственнической крестьянской психологии», — возмущается писатель и справедливо заключает, что слова Н. С. Хрущева о социалистической природе колхозной собственности заставляют задуматься и пересмотреть некоторые свои взгляды не только экономистов, но и так называемых практических работников деревни.

Быть может, некоторые конкретные хозяйственные советы, которые дает в своем «Дневнике» Е. Дорош, покажутся сведущим людям недостаточно обоснованными, однако в целом эта книга представляется нам отрядным примером добросовестной летописи жизни и дел современной колхозной деревни, летописи, освещенной пытливым мышлением писателя-коммуниста.

3

«Остановка в лесу километрах в ста с небольшим от Москвы. От шоссе в сторону уходит мягкий и пыльный, освещенный солнцем проселок», — так начинался «Деревенский дневник».

А вот одна из первых страниц книги Владимира Солоухина «Владимирские проселки»: «Вот сейчас выйдешь из машины, шагнешь в сторону от дороги в высокую

июньскую траву и на два месяца затеряется один в зеленых просторах».

Далее пути авторов расходятся. Для одного весь интерес и все внимание сосредоточиваются на том, что творится и чем живут в избах деревеньки Ужбол и других сел. Другой — правда, не один, как предполагалось, а вместе с женой — идет от одной деревеньки до другой, через леса и поля. Один редко бросает взгляд на окружающую его природу и лишь порой посвящает ей отдельную, скупую запись. Другой всласть упивается цветами, запахами и видами. У него наметанный глаз, да он и сам вырос в здешних местах, поэтому он вмиг схватывает живописные детали: «Словно брызги от рухнувшей в воду ветлы, взметнулись вверх от лежащего трухлявого ствола зеленые молодые побеги».

Мысль отправиться в путешествие по владимирским проселкам родилась у В. Солоухина в результате, если можно так выразиться, угрызений совести. «По разным Заполярьям, Балтикам да Адриатическим морям разъезжаешь, — корил себя автор, — а о красоте родной земли другие люди тебе рассказывают».

Мысль счастливая: ей Владимир Солоухин обязан лучшей своей книжкой. Его зарубежные очерки мало выделялись среди большого количества произведений этого рода. «Владимирские проселки» завоевали признание многочисленных читателей.

Родная природа, издавна сопутствующая жизни народа, его истории, его мыслям и переживаниям, всегда рождает благодарный отклик в сердце человека, обратившего к ней пристальным взглядом или зоркой мыслью. Даже историк, заговоривший о взаимоотношениях русского человека с природой, усваивал слог поэта:

«На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов, — и было за что» (В. Ключевский).

А уж для поэта, каким является автор «Владимирских проселков», это путешествие — подлинное раздолье, тем более, что, странствуя по тамошним местам, он держит путь в страну детства. И какая-нибудь река Ворша, которая каждым из нас была бы оценена лишь по степени своей живописности, для нашего пешехода овейна воспоминаниями о пережитом на ее берегах.

В названиях скромных деревенок вдруг отзывается эхо древней и громкой славы: здесь умирал Багратюн, там столетия назад разразилась кровавая битва. В изобилии встречаются памятники старинного зодчества.

«...Достоверное и последовательное описание всего приключившегося с автором этих записок и его спутниками во время путешествия по Владимирской земле», — назвал свое сочинение в одной из его глав В. Солоухин. Переведем это несколько стилизованное определение жанра на язык современного литературного обихода: перед нами путевые очерки.

Естественно, в отличие от «Деревенского дневника» Е. Дороша, В. Солоухин уже не возвращается к тому, что раз им описано, чтобы пополнить сказанное новыми фактами и новым толкованием. В его книге больше от первого впечатления и меньше от исследовательской скрупулезности. Это меткие дорожные зарисовки или, если хотите, моментальные фотографии.

Тем более важно, что во многих из них мы угадываем тот же пафос, что водил кропотливым пером автора «Деревенского дневника». Председатель Симского колхоза Киреев, вероятно, во многом «родня» Ивану Федосеевичу, настолько близко принял он к сердцу вопрос «планирования снизу»: «Главное, нужно доверять колхознику. Неужели он землю свою не знает или худа себе хочет...» Жаль, что наше с ним знакомство столь кратковременно.

Многие эпизоды «Владимирских проселков» выдают зоркий глаз писателя и его желание обратить общественное внимание на те или иные вопросы, взволновавшие «прохожего». Это разговор с лесничим о неравном положении, в которое поставлены организации, ведающие вырубкой (леспромхозы) и охраной лесов (лесхозы). Это рассказ о том, как в реку спускаются вредные производственные отходы «дозволенной прозрачности» и как от этих прозрачных вод лягушки выбрасываются на берег (жаль, что рыбы лишены такой возможности!). Это, наконец, превосходно написанный эпизод о вечно грохочущем над небольшим городком радио и о недоумке, который оправдывается тем, что «масса, народ любит радио, любит бодрую музыку, это поднимает дух».

Мастерски обрисованы некоторые встречные: Петрович, который все на свете сводит к «кругленькой медной копейке», баб-

ка Акулина с ее своеобразной речью и другие.

Но временами жанр, избранный В. Солоухиным, оборачивается своими теневыми сторонами. Только читатель разохотится узнать побольше о человеке или событии, которые привлекли его внимание, как они исчезают «из кадра» и по большей части вообще из дальнейшего повествования. И не всегда то, что явилось им на смену, заставляет следить за происходящим с прежним вниманием. Иной раз новый эпизод по контрасту с предыдущим прямо таки раздражает глаз. Так, вслед за описанием засушливой погоды, вслед за словами секретаря райкома: «если же семь дней не будет дождя, все погибнет», вряд ли уместно повествовать о том, как, «словно бокал золотого вина, поймавший в себя лучик солнца, разгоралось утро». Досадно читать такое у поэта, однажды с истинной болью изобразившего иссохшие стебли пшеницы, которые были, казалось, рады даже «кратковременной тени» прохожего.

Порой автор переступает какую-то незримую границу, и описания «благодатного зеленого раздолья», «густенной девственной луговой травы», «необыкновенной красоты озера», «живописного болота», «неповторимого аромата», «живописных видов заболоченной реки» начинают отдавать не то стилем путеводителей, не то каким-то деморощенным эстетизмом. И невольно вспоминаешь слова из самих же «Владимирских проселков»: «Оно хоть и красиво заплутаться в цветах, но все же лучше не заплутаться».

«Я не люблю удить на чужие удочки», — заметил однажды автор. Но вот перед нами одна из страниц книги:

«У каждой реки есть своя душа, и много в этой душе таинственного и загадочного. Пока не поймешь ее, не почувствуешь — всегда будет тревожно. Мне показалось, что под кустом у того берега обязательно должен прятаться рак. Я переплыл и пошарил в норе. Действительно, там был рак. Через этого рака и Шеридарь сделалась ближе, понятнее: точь-в-точь как на нашей Ворше, раз должен там сидеть рак — значит он и сидит».

Мне кажется, что здесь В. Солоухин поступил своим принципом и прибег к «чужой» удочке: к прищвинской интонации. И поскольку вся книга написана в своеобразной и вместе с тем свободной манере, даже эта небольшая неестествен-

ность не может остаться незамеченной. Нет уж, пусть автор пользуется собственной «удочкой», она у него надежная!

4

В отличие от книг Е. Дороша и В. Солоухина, «Чудотворная» В. Тендрякова не претендует на документальность. Как знать, случилось ли в каком селе, чтобы парнишка нашел зарытую в землю икону, вокруг которой верующие и кликуши подняли бы шум, вплоть до того, что смутили душу нечаянного виновника всего происшедшего! Неотъемлемое право художника — совмещать в своем произведении случаи одного и того же порядка, привлекая таким образом внимание читателя к общему явлению, которое за ними стоит.

Яростная полемика с религиозными взглядами, шедшая в двадцатых и начале тридцатых годов, сменилась затишьем, весьма редко нарушавшимся.

Почти символическим его выражением выглядит эпизод, рассказанный в том же «Деревенском дневнике» Е. Дороша. Умерла в колхозе старая, заслуженная доярка. «Хоронили старуху, конечно, с попом. Перед отпеванием батюшка сказал, что он подождет, не желает ли гражданин председатель сказать слово. И председатель сказал прощальное слово ушедшей из жизни доярке. Только после этого священник стал отпевать. И за поминальным столом, по предложению священника, первое слово говорил председатель колхоза».

Эта идиллия тем примечательнее, что председатель этот не кто иной, как Иван Федосеевич, этот, так сказать, «повзрослевший Нагульнов».

Разумеется, хорошо, что он понял не только тщету, но и вредность своих прежних бесшабашных наскоков на «долгогривых». Вооруженный марксовскими словами: «Религия есть опиум народа», Нагульнов вряд ли глубоко вдумывался в них. Перечтем весь этот отрывок из марксовского введения «К критике гегелевской философии права»:

«...религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество

порождают религию, превратное мировоззрение, ибо сами они — превратный мир... Она (религия.— А. Т.) претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья»¹.

Этот-то двойственный характер религии, позволивший ей пустить особенно глубокие корни в сердцах обездоленных, и не учитывали некоторые наивные просветители, вроде Нагульнова, искренне недоумевавшие, почему люди все еще продолжают верить попам.

Сами по себе религиозные учения были бы сухи и мертвы, не одушеви их народная фантазия, искавшая выхода из духоты бесправия, иступленная вера в то, что должна же где-нибудь существовать справедливость.

Религия подобна знаменитому библейскому железу, который, будучи воткнут в землю, вдруг зацвел. Но чудо, приписанное пророку, на самом деле совершилось в представлении народа: на сухую, торчащую в земле палку в страшном напряжении, с верой и надеждой глядело столько глаз, подернутых радужной пленой слез, — чего не увидишь такими глазами!

Религия паразитировала на теле народа не только «вещественными» поборами: она долгие века снимала пенки с духовной жизни народа. Возведению затейливых церковных зданий, поразительной по проникновенности живописной трактовке библейских сюжетов отдавали всю свою не находившую иного выхода даровитость выходцы из народа. Цвет их мыслей и

чувств, прорвавшийся даже сквозь тьмы и тьмы религиозных догм и ритуальных заветов, был затем с благостным лицемерием присвоен святыми отцами, которые отвели творцам всемирных шедевров более чем скромную роль «орудий божьего промысла». И народ, вдохнувший в божественных истуканов душу живу, просто-душно уверовал, что это его благодетельствовали, и, как Пигмалион, почтительно благоговел перед собственным созданием.

Из сказанного ясно, что ураганный огонь, который по временам открывали некоторые горячие головы в первые десятилетия Советской власти по всему, что было связано с религией, был чреват нежелательными последствиями. Закрытие, а то и разрушение церкви затрагивало не только истоковых богомольцев, но и устоявшуюся эстетическую струнку значительной части народа. Церковное пение и вся, так сказать, постановочная часть служб и празднеств были несомненным развлечением, приманкой среди томительных будней.

Многое должно было измениться в деревне, чтобы стала возможной сценка, описанная Е. Дорошем, когда колхозницы отдаленного села насели на уполномоченного райкома партии: «У нас вот ни радио нету, ни клуба, ни телефона. Церковь, правда, открылась. Поп — хороший, молодой, да разве ж церковь — культурное развлечение!»

В те времена, о которых мы только что вспоминали, церковь в известной мере еще играла роль «культурного развлечения». И если бы (отказавшись от попытки скоропалительно ликвидировать религию) перейти к методичной, планомерной осаде ее твердынь, к бережному отделению от ее догматов всего того, на чем лежит печать народного творчества, успех антирелигиозной пропаганды был бы гораздо большим.

«Глубокая, терпеливая, умело поставленная научно-атеистическая пропаганда среди верующих поможет им в конце концов освободиться от религиозных заблуждений», — говорится в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года.

Однако отказ от задиристых наскоков на религию сменился заметным ослаблением антирелигиозной пропаганды вообще. Бурные события современности, война — все это как-то отодвинуло в сторону, заслони-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 414—415.

ло спор научного атеизма с религией, отвело от него общественное внимание.

В то же время военные и послевоенные годы с их тягчайшими испытаниями ознаменовались некоторым усилением религиозных настроений.

Именно в годы войны «впервые Варвара стала вечерами непослушными от волнений и тревоги губами молить шепотом: «Помоги, господи!»,— рассказывает В. Тендряков об обращении матери Родьки Гуляева «в истинную веру». Одинокая женская жизнь, разлад с вернувшимся после войны Степаном, вечное давление фанатически религиозной бабки и боязнь за сына окончательно укрепили в душе Варвары страх перед жизнью и желание опереться на божественного заступника. Прибавьте к этому то, что, несмотря на несомненные успехи социалистического земледелия и советской агрономической науки, крестьяне и поныне не застрахованы от стихийных бедствий и что это тоже питает в слабых душах страх перед завтрашним днем.

«Как была с весны великая сушь, собрали мне наши бабы по трешнице: иди, слышь, Прасковья, моли дождя,— повествует встреченная В. Солоухиним старуха.— Пришла я в Мстеру, помолилась, усердно помолилась...

— Ну и как?

— Али не видишь, застило всё. Вторую неделю хлещет. Вот как, смеетесь над старухой-то!.. А теперь бабы мне снова собрали уж по пятерке: ты, слышь, намолила, ты и размаливай. Пока не размолить, в деревню не приходи».

Неизвестно, вернулась ли бедная странница домой: «До глубокой осени лилась с неба вода, так что нельзя было на поля ни войти и ни въехать. Иные уборочные машины потом вырубали из замерзшей уже земли. По морозу же собирали остатки урожая. Но это все было гораздо позже»,— замечает В. Солоухин, сообщая, как они продолжали свой путь, «посмеиваясь над богомолкой». И в его интонации, как нам кажется, сквозит осуждение этой дешевой туристской насмешливости. Стоит ли и впрямь хихикать над «смешной», «темной» старухой, которую погнала в далекий и бесцельный путь наивная попытка помочь приключившемуся с целым селом горю?

В отличие от деятелей антирелигиозной пропаганды, служители культа не дремали. Вспомним, что они открыли церковь в том

селе, где не было, по свидетельству Е. Дороша, ни радио, ни клуба. Можно не сомневаться, что вздыхающие по «культурным развлечениям» жители нет-нет да и заглянут в новенькую церковь с «хорошим, молодым» попом, а там кое-кто, глядишь, и пристрастится к этому времяпрепровождению!

Вот и в районном городке, возле которого происходит действие «Чудотворной», «как-то незаметно выплыл после войны» отец Дмитрий. «Это не только божий агитатор, во славу господа действует не одними словами,— размышляет о нем учительница Парасковья Петровна.— Гумнищенский колхоз который уже год не соберется поставить новый клуб, сельская библиотека ютится в одной комнате с секретарем сельсовета, а тут сколько вам нужно: сто тысяч, двести, триста — пожалуйста, не жаль средств для удобства бабки Грачихи, чтоб не бегала двенадцать километров ко всенощной, имела храм полбоком, без особых хлопот несла туда свои трудом и экономией добытые пятаки».

Драма, разыгравшаяся вокруг «новоявленной» иконы (о ней достаточно подробно сказано в статье И. Виноградова «Оптимистическая трагедия Родьки Гуляева»), просто шумно выплеснула на поверхность то, на что окружающие — будь то учительница, председатель колхоза Иван Макарович или заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Кучин — до сих пор не обращали серьезного внимания. «Лишь с одной стороны на человека смотрите, как он службу ломает»,— не без основания упрекает Парасковья Петровна Ивана Макаровича в ответ на его оправдания: «Слежу, как службу ломает в колхозе, а чтоб еще от святых угодников сберечь... Нет уж, не по моей специальности». Тот же упрек можно в значительной мере адресовать и Кучину.

У «Чудотворной» нет конца. Луч света осветил то, что таилось в тени. Отец Дмитрий всячески хочет снова уйти в нее. Любыми средствами восстановить тишь да гладь, божью благодать, в которой так хорошо было ловить людские души. Но Парасковья Петровна не хочет оставить все, как было, хотя ей еще не ясно, какими активными средствами надо бороться с вырисовавшимся перед ней врагом. Да и отец Дмитрий вовсе не исчерпал всех средств обороны. Сплетни, старушечьи при-

читания об изрубленной Родькой «чудотворной» иконе («верно, по учительшину наушенью!»), истеричные выходки контуженного Кинди, осуждение досужими кулушниками разлада, который, мол, пошел в семье Гуляевых из-за той же учительши,— боюсь, что это еще неполный перечень арсенала, каким располагает благостный старец, действующий «в рамках советской законности».

Ну что ж, зато перемирие кончилось, противоборствующие силы определились! В разговоре Парасковьи Петровны с отцом Дмитрием все сказано прямо, все названо своими именами.

Публицистика? Декларация? А должен ли художник ее чураться, если он хочет, чтобы его книга прозвучала, как зовущая в бой труба, и если эта публицистика оригинальна по мысли, а не представляет собою перепев общеизвестных истин?!

Мы, разумеется, не исчерпали всех вопросов, которые встают при чтении новых книг Е. Дороша, В. Солоухина и В. Тендрякова. Задача этой статьи — показать,

как благотворно для писателя «подслушивание народной жизни», как интересно и разнообразно проявляется в творчестве учеба в «школе народной жизни».

Иные страницы художественной летописи деревни, оставленные нам писателями прошлого, напоминают тот вопль отчаяния и бессилия, с каким терпящий кораблекрушение изливает свои мысли, чтобы доверить потом эти записки пляшущей по волнам бутылке. «Я не в силах, подобно автомату, с неукоснительной аккуратностью вести перепись гадам, заполнившим мою родину»,— читаем мы, например, на последних страницах «Записок Степняка» А. И. Эртеля.

Великое счастье советских писателей в том, что они имеют дело с разительно изменившейся действительностью и могут своим пером участвовать в дальнейшем коммунистическом преобразовании деревни. Советская литература — это действенная летопись нашего времени, интереснейших и поучительнейших процессов, происходящих в первом социалистическом обществе. Именно так и понимают свою задачу авторы трех заинтересовавших нас книг.

В. ЛАКШИН

★

„ЛИТЕРАТУРНОЕ“ И „ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ“

Редкая статья о критике и критиках не начинается с сегований на сегодняшнее отставание этой области литературы. Оценку деятельности критиков большей частью дают также критики; таким образом, мы имеем здесь дело с «самокритикой», польза которой очевидна. Жаль только, что в пафосе самоосуждения порой забываются и те, пусть немногочисленные, удачи, которые имеются в критическом «хозяйстве».

Талантливая книга критика должна быть не меньшим литературным событием, чем удачный роман или сборник стихов. Между тем к критическим трудам и до сих пор подходят иногда с обидной снисходительностью, смотря на историков литературы и критиков, как на «подсобников», «разнорабочих» в литературе. «Ино дело творить, а ино дело — критиковать». Профессия критика — это именно профессия, она не окутана обаянием творческого «тайнства». Даже тот, кто считает профанацией и кощунством братья, не имея таланта, за поэму или роман, всегда готов пополнить собой ряды критиков. Ведь у него, как у каждого, есть свое мнение — почему его и не высказать? Даже в литературной среде широко распространена иллюзия легкости и безыскусности этого занятия.

То, что это именно иллюзия, доказывает, между прочим, и тем, что настоящий талант в критике редкость не меньшая, чем в других видах словесного искусства.

Тем обиднее безучастие к талантливой книге статей В. Александрова (Владимир Борисович Келлер), вышедшей уже два года назад и совсем обойденной и не замеченной его собратьями по перу.

«Люди и книги» — это сборник статей, составленный уже после смерти писателя,

тридцать пять лет работавшего в советской критике.

Тематически он очень разнороден. В него вошли избранные статьи В. Александрова о русской классической, советской и западной литературе. Имена Пушкина, Некрасова, Горького сменяются именами Новикова-Прибоя, Твардовского, Симонова, Пастернака, Гроссмана, а те в свою очередь уступают место именам Расина, Данте, Диккенса.

Как рассказать об этой книге?

Можно подивиться незаурядной эрудиции автора, чувствующего себя свободно и непринужденно в столь разных областях литературного знания. Можно, далее, разобрать и оценить степень его правоты при анализе творчества того или иного писателя.

Было бы очень поучительно рассмотреть, как работа преимущественно над произведениями советских писателей, над современными проблемами и темами сообщила необыкновенную живость и актуальность его литературно-историческим статьям. Все это, мы надеемся, еще будет сделано.

Но прежде всего хочется сказать о том, что сразу же и неразрывно связывается с представлением об этой книге.

Она проникнута тем ярким, органическим гуманизмом, который нигде не равен всепринятию и всепрощению. И это, конечно, потому, что основа гуманизма В. Александрова — осознанный марксистский взгляд на жизнь, историю, культуру. Коммунистическая мораль, коммунистическая идейность определяют все мировосприятие критика, его литературную и общественную позицию. Это одинаково относится к статьям В. Александрова о советской литературе и к изучению классиков.

Книга В. Александрова — живая, затрагивающая многие насущные вопросы литературы, не оставляющая читателя равнодушным. И, думая о ней, хочется разобраться, чем же берет нас за живое автор или, говоря иными словами, каков основной принцип его критики?

Одно обстоятельство прежде всего бросается в глаза. Несмотря на внешнюю простоту содержания, книга отличается внутренней стройностью и единством. Статьи — разных лет, на далекие, несходные темы, а кажется, все написано страница за страницей, как говорят, «одним дыханием». Что это: счастливая случайность или искусство составителей? Ответ подсказывает сам автор. В одной из статей он цитирует слова Горького: «писать нужно так, — говорит Горький, — чтобы со страниц книги из-за черных ее строк, из-за сети слов читатель видел живое лицо человека». «Так должен писать не только писатель, но и литературный критик», — добавляет от себя В. Александров.

С таким убеждением принимался В. Александров за каждую новую свою статью — и отсюда цельность и единство книги.

Читая книгу, ясно видишь человека, который беседует с тобой, убеждает и спорит.

Он не скрывается от тебя за одинаково бесцветными литературоведческими построениями и фразами, а откровенно и просто знакомит со своими взглядами на вещи, со своими пристрастиями и антипатиями, со своими мыслями о людях и книгах.

У него свой взгляд, свой стиль и своя заветная тема.

О чем бы ни писал В. Александров — о стихах Симонова или переводе Данте, об искусстве И. Андроникова или трагедиях Расина, — всюду он говорит об одном, о своем понимании жизни и людей, то есть не только о том, как писать писателю, но и о том, как жить человеку.

Помогает ли книга бороться, понимать прекрасное, радоваться жизни, ненавидеть, любить — в этом пробный камень для любого писателя. И задача критика, по В. Александрову, — выяснить и возможно ярче показать, чем нужна (или не нужна) книга людям.

«Люди и книги» — это не пышный заголовок, а самая суть угла зрения В. Александрова-критика. «Люди» здесь — это не литераторы, пишущие книги, и даже не люди,

изображенные в книгах, скорее это люди-читатели, наши современники. Название сборника можно еще понимать и в том смысле, как книги помогают людям жить.

Статьи В. Александрова адресованы не знатокам. Хорошие книги испокон веков писались не для того, чтобы их изучали и комментировали, а для того, чтобы их «просто читали».

И конечно же, обыкновенный читатель не станет больше всего волноваться из-за того, что у автора такая, а не иная композиция, те, а не иные «приемы речетворчества». Читателю в первую очередь интересно, что написано в книге, а не как это сделано в узкопрофессиональном плане. Для этого читателя и пишет В. Александров. Конечно, нужно изучать литературу и с другой, более специальной точки зрения, и это нужно и читателю и писателю; но никогда нельзя забывать, что имеешь дело с живым искусством, обращенным к людям.

Ученое педанство, кастовость «знатоков», волхвующих над литературой, глубоко антипатичны В. Александрову.

«Принимая посетителей в своих музеях и библиотеках, — пишет В. Александров, — они могут сообщить какие-то полезные сведения о картине или книге (такова профессия этих людей, для них она не хуже и не лучше, чем какая-нибудь другая профессия), но их самих эти книги и эти картины не трогают. Бывает и другое: иногда эти люди, может быть, как-то по своему и любят литературу, но она ни к чему их не обязывает; она остается для них по другую сторону жизни, какая-то отвлеченная любовь. Ничего не изменяется в их восприятии мира, в их чувствах, в их поступках от встречи с тем или иным литературным явлением. Они пишут о Пушкине, например, но на их облик — литературном, общественном, личном — это не сказывается никак. Они могут писать статьи о народности искусства, а встречаясь с людьми «нелитературных профессий», не знают, о чем с ними разговаривать».

Отвергая ученый снобизм, жречество, ставящее преграду между читателями и книгой, В. Александров утверждает: культура — дело демократическое. Надо, насколько возможно, ломать все перегородки, расшищать путь книги к людям. «Иные «специалисты» по Данте, — пишет В. Александров, — склонны считать его своим исключительным достоянием: «Он наш; понима-

ние поэмы как целого достигается годами исследовательской работы; вам, «просто читателям», отводятся лишь особо доступные, отгороженные места с надписью: «Здесь можете восхищаться» — рассказ Франчески, рассказ Уголино; остальное — для посвященных». Высокомерная и ложная установка! Нет поэтов, которые принадлежали бы только историкам и только филологам». Именно потому как настоящей культурный подвиг расценивает В. Александров перевод М. Лозинского, давшего нам «русского Данте». Той же заботой взволнован и он сам, рассказывая о Расине, о песне-сказке «Окассен и Николет», об «Обрученных» А. Мандзони.

Как видим, В. Александрова занимают и «трудные случаи», когда чужой язык, старинный или специфический стиль и просто давность времен и событий должны как будто сделать книгу непривлекательной для современного читателя и оставить ее в удел специалистов. В. Александров так умеет рассказать о французской сказке XIII века, так передать ее поэзию и человеческое содержание, что мы охотно соглашаемся с критиком: в ней нет «ничего книжного, никакой пыли веков и запаха старой бумаги».

История литературы и литературная критика — это для В. Александрова не соседствующие области, нуждающиеся в различных методах и приемах письма, — это одно и то же. О творчестве классиков В. Александров говорит так же современно, как о сочинениях ныне живущих писателей.

Такие гении, как Пушкин или Достоевский, неисчерпаемы, на них можно смотреть под тысячу углов зрения. Но каждый находит в любом художнике что-то свое, особенно понятное и родственное, что удивительно идет в лад с твоим собственным миропониманием, самым добытой и выстраданной мыслью о жизни.

Говоря о Некрасове, В. Александров роняет где-то определение «органический демократизм». Именно это он более всего ценит в писателе. Эгоизм и субъективизм — самые непереносимые для Александрова вещи. Напротив, гуманность, память о других людях, о будущем — это то, что он находит в любимых писателях и всегда выделяет.

Это видит он в Пушкине: «...Пушкин знал: мной все это не кончается; Пушкин помнил, что, кроме его Я, существуют другие Я, младая жизнь, потомство, новые по-

коления, будущее... Пушкинская «полнота бытия» — в ощущении своей связи с другими людьми и с историей».

Эту же мысль находит он и у Достоевского, цитируя его слова: «Пусть завтра последний день мой, думал бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их» — и эта мысль, что они останутся, все так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече».

Такая переключка голосов писателей на страницах книги В. Александрова — верный знак того, что мысли эти важны и близки самому критику. Гуманность литературы, отсутствие эгоистической замкнутости, сопричастность писателя боли и радости других людей, своих современников и потомков, вырастает в почти лирическую тему книги.

Этюды о народности и реализме Пушкина (к сожалению, в сборник вошла лишь одна из серии его статей о Пушкине — «Пугачев»), о Некрасове, Достоевском, Горьком отличаются строгим и последовательным историзмом. В особой четкости социальных акцентов, чувстве исторической эпохи можно заметить благотворное влияние на Александрова критика его второй профессии: социолога-марксиста (В. Александров был кандидатом экономических наук и в течение ряда лет работал в научно-исследовательских институтах и преподавал общественно-экономические дисциплины). Но в его исследованиях классической литературы нет и следа черствой сухости и социальных схем, как не было их и в его экономических и литературно-теоретических статьях, в его понимании марксизма вообще. Признавая неизбежную классовую ограниченность и противоречивость мировоззрения писателей прошлого, В. Александров стремится выделить, взять все истареющее и живое в наследии классиков, то, что может послужить и нам и нашим потомкам, что нужно и дорого помнить для воспитания человека новой, социалистической культуры.

Этой заботой — сохранить как современную, действующую культурную силу все лучшее в литературе прошлого — подсказана одна из наиболее удачных работ В. Александрова, статья «Идеи и образы Достоевского» (1948). Понять жизненную и идейную трагедию Достоевского не с тем, чтобы «все простить», а с тем, чтобы не потерять, не отвергнуть вместе с реакцион-

ными сторонами и идейное и художественное богатство — антибуржуазную критику, поиски путей к будущему «золотому веку», осуждение индивидуализма и антиобщественности и т. д., — такую задачу ставил перед собой критик. Достоевский, Некрасов, Пушкин — это, по Александрову, не только предмет изучения и почитания. Во всем лучше, что ими сделано, они наши прямые союзники.

Глубокий знаток и тонкий ценитель литературной формы, В. Александров никогда не обольщается формальным новаторством в литературе, «последними словами» буржуазного искусства, поисками чего-то «остренького», сверхнового. «Уважение к труду и культуре» — это старое слово всегда ново для В. Александрова. Трудовой, демократический человек — главный его герой.

На что уж, кажется, Иракий Андроников со своими устными рассказами — явление особенное в нашем искусстве. Но и он привлекает В. Александрова не столько блестящей формой своих жанровых сценок и портретов-пародий, «похожестью» изображаемых им персонажей, юмором самим по себе, сколько культурой и демократизмом. «Культурности нет без демократизма», — утверждает В. Александров. И. Андроников часто рисует иронический портрет человека искусства, ученого или артиста, который, по словам В. Александрова, «...ушел в узко понятые интересы своей специальности или профессии, в какой-то мере утратил ощущение связи со смежными областями культуры и с общими ее вопросами и просто с обыкновенными людьми». Такой поворот темы критик встречает с живым одобрением. В рассказах И. Андроникова В. Александров ценит «естественность и здоровье», неразделимые с демократическим чувством.

Так же и в «Цусиме» Новикова-Прибоя, одного из наиболее любимых В. Александровым писателей, критику нравится «человек демократический — крепкий и прочный». «Никакой рефлексии!» — это в устах В. Александрова высокая похвала. И в старой французской сказке, и у Данте, и в «Спутниках» В. Пановой, и у В. Гроссмана он ищет одного: цельности, чистоты чувств, простоты и мужества.

Эти исконные свойства человека из народа когда-то противопоставлялись рефлексии ищущих интеллигентов как продукту высокоразвитого сознания и культуры. Но

разве такое противоречие фатально, извечно и неустранимо? Разве духовные поиски, сложность внутреннего мира исключают простоту и цельность? Нет. И, ведя борьбу за культурного, интеллигентного в высоком смысле слова и одновременно цельного трудового человека, В. Александров воюет за человека нового, коммунистического типа.

В статьях о современной советской литературе В. Александров избегает привычного жанра и стиля «оценочной рецензии». Он нигде не рассматривает то или иное произведение изолированно, как «вещь в себе». Еще более, чем в статьях о классиках, здесь от литературы тянутся тысячи нитей к действительности, к проблемам сегодняшнего дня.

Шире всего представлены в сборнике статьи, посвященные литературе периода Великой Отечественной войны. В статьях В. Александрова военных лет чувствуется пульс этого сурового времени, слышится взволнованный голос литератора-патриота, человека, ни на минуту не забывающего о том, что делается там, на фронте, и потому судящего и о литературе с требовательностью военного времени. В повести В. Гроссмана «Народ бессмертен», в ее мужественной и неукрашенной правде, В. Александров отмечает то, что мы находим и в статьях самого критика: «чувство ответственности перед фронтовыми товарищами». Это — чувство кровное, не оставляющее ни на минуту, не дающее покоя и забвения. В. Александров напоминает одну из лучших страниц В. Гроссмана — ожидание танковой атаки: «Они стоят по грудь в земле и ждут, всматриваются. Им отражать натиск танков. Их глаза уже не видят друзей, их глаза ждут о них гак. «Пусть помнят об этих людях, — говорит В. Гроссман, — пусть уступят им место на лавке в зеленом вагоне, пусть поделятся с ними кипятком в дороге». «Место на лавке и кипятком, — замечает В. Александров, — важнее иногда, чем рассказы. Но все-таки можно добавить: и пусть лишут о них так, как нужно, как написаны вот эти строки повести Гроссмана».

«Спутники», «Народ бессмертен», «Василий Теркин» — в этих книгах видит В. Александров правду войны, веру в непобедимость народа, товарищескую спайку и высокие моральные свойства советских людей, ярче всего сказавшиеся в минуту смертельной опасности.

Эту же правду военных лет находит критик в лучших очерках и стихах о войне К. Симонова. Но когда в лирическом цикле «С тобой и без тебя» псэт срывается в мелочность и фальшь, особенно нетерпимые в такое время, В. Александров резким осуждением откликается на это в замечательной по публицистической остроте и искренности статье «Письма в Москву». В. Александров не прощает поэту салонной изысканности и нравственной узости стихов его лирического цикла. «Страна превратилась в единую борющуюся семью. Личная жизнь не может быть устроена в одном только личном порядке. Нет особого, личного выхода из грозных событий. Выход один, и общий для всех».

В. Александров умно и тонко снимает с лирической героини Симонова ее искусственный и романтический флер; ведь и в самом деле, так любимая когда-то поэтами «роковая любовь» и «демонизм» появились в советской поэзии, да еще в стихах трудных военных лет, очень уж некстати. «Стирки белья никакой «демонизм» вынести не может,— замечает по этому поводу критик.— «Роковое» мгновенно отпадает, и перед нами или просто скверный характер, или хорошая женщина, которая была «роковой» по недоразумению и ради моды (не зная, что мода-то устарела). Для «демонизма» необходимы, по меньшей мере, одна домработница и много свободного времени».

Сведение героини с литературных небес на прозаическую землю — этот способ критики кажется нам весьма убедительным.

Осуждение замкнутости, частных интересов, частной жизни, противопологающих себя общенародному, для всех важному делу, именно частной, а не личной жизни, тем более богатой, чем больше она способна воспринять жизнь других людей,— вообще очень важная часть книги В. Александрова. Здесь «органический демократизм», о котором уже шла речь, поворачивается гранью советского коллективизма, нетерпимостью к обывательскому эгоизму, скванности и узости идеалов. В этом смысле особенно выразительна статья «Частная жизнь», посвященная Б. Пастернаку.

За двадцать с лишним лет, прошедших со дня появления этой статьи, никто, кажется, не сказал о Б. Пастернаке убедительнее, откровеннее и лучше. В. Александров подходит к творчеству Б. Пастернака без раздражения и без предвзятого восторга, он не ставит своей целью «разгромить» или, на-

оборот, «защитить» поэта. Он тщательно анализирует стихи Б. Пастернака, стремится нащупать самый «нерв» его поэзии, суть его эстетических и идейных представлений. Выводы критика поэтому безукоризненно доказательны.

«Конечно, поэзия Пастернака — не вершина советской поэзии, но все же явление значительное, и понимать Пастернака нужно. Но нужно помнить и то, о чем безоговорочные ценители Пастернака забывают: вопрос о мастерстве поэта нельзя отделять от вопроса о том, как поэт относится к жизни и к людям». Это последнее для В. Александрова, как уже говорилось, необманчивый критерий ценности всякого поэтического произведения. В. Александров показывает, как умело и любовно изображает Б. Пастернак идиллический покой, ощущение уюта, уединенность, замкнутость семейного мирка, в центре которого один или двое. Здесь Пастернак в своей стихии. И вызывающая обычно споры затрудненная образность, изощренная субъективность поэзии Пастернака — это отражение в художественной форме существа дела, миропонимания поэта «частной жизни».

Такое восприятие жизни органически чуждо В. Александрову. В поэзии Пастернака В. Александров находит доказательства против нее же самой: ощущение тщетности искусства, усталости и разочарования (вступление к «Спектрскому»). Но еще важнее проверка поэзии действительностью. «Чувство, питающееся самим собою, не включающее в себя жизни других людей, срабатывается, истрачивается, изнашивается; остается пустота, становится тоскливо и скучно. «Уедем куда-нибудь и ничего не будем видеть». Оказывается, долго вытерпеть такое счастье нельзя,— получается что-то совершенно невыносимое и нужно поскорей возвращаться».

Здесь, как и везде у В. Александрова, трудно отделить, где кончается разговор о литературе и начинается разговор о жизни. Вернее сказать, они идут одновременно. «Очевидно, и жить и писать нужно по-другому», — этим энергическим восклицанием заканчивается статья о Пастернаке.

Говоря о приемах Горького-критика, В. Александров упоминает о характерной черте его статей — проверке «литературного» «человеческим». Творческие принципы В. Александрова — развитие этой традиции, восходящей к русской «реальной критике» шестидесятых годов.

Александров-критик выступает не как «знарок» и «специалист» (а он был и тем и другим в самом хорошем смысле слова), а как «просто читатель», читатель знающий, тонкий, жизненно мудрый. Он может подсказать, что надо увидеть в книге, что «вычитать» из нее, а где поправить писателя своим представлением о жизни, своим опытом. И потому В. Александров, нарушая скверный шаблон критических статей, в которых не принято говорить о собственных жизненных наблюдениях, свободно переходит к проверке «литературного» своей жизненной практикой. Так, в статье о Симонове появляются «нелитературные» документы, частные письма, которые В. Александров получал от своего фронтового друга, и они приходятся на редкость к месту. Или, разбирая эпизод, в котором изображается любовь Фаины и Данилова — героев повести «Спутники» В. Пановой, В. Александров обращается к личным воспоминаниям. «...Данилов уезжает в губсовпартшколу. Помню губсовпартшколу, в которой преподавал в 1921—1923 годах,— те же самые годы, к которым примерно относится излагаемый эпизод... Как-то само собой получилось так, что я был посвящен в личные и семейные дела едва ли не всех своих слушателей», И В. Александров высказывает

сомнение в психологической правдоподобности одного из эпизодов повести («В действительной жизни эти двое, вероятно, составили бы очень хорошую и счастливую супружескую пару»). Как хотите, а такому чисто личному и «бездоказательному» суждению веришь отчего-то больше, чем хитроумной паутине литературных доводов. В этом человеческом, простом подходе — одна из сильнейших сторон критики В. Александрова.

Умная, живая и прекрасно написанная книга В. Александрова, несомненно, найдет свой путь к широким кругам «просто читателей», о которых он более всего и заботился. Но хотелось бы, чтобы внимательнее отнеслись к ней и коллеги В. Александрова — писатели и критики, особенно литературная молодежь. Эта книга не только сообщает много нового, поучительного и любопытного. Она заставляет задуматься над тем, как следует писать о «людях и книгах».

И еще хотелось бы, чтобы издание было повторено с добавлением к нему ряда статей, в частности тех небольших статей и рецензий, которые написаны были как будто и по незначительному поводу, но содержат много актуальных, ничуть не устаревших мыслей и наблюдений.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Сергей Львов. В чем счастье? — **О. Михайлов.** Под степным небом. — **Вл. Глоцер.** Рассказы, оживляющие карту. — **М. Злобина.** Сказание об исландском народе. — **Игорь Поступальский.** Певец революционной Италии.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Е. Логинова. Эстафета поколений. — **Ю. Арбатов.** Хорошее начинание. — Кандидат географических наук **А. Бирнэнгоф.** Люди подвига. — Кандидат исторических наук подполковник **А. Ефремов.** Циничная проповедь агрессии. — **Александр Лацис.** Шестой «инсайд», или энциклопедия невежества.

Литература и искусство

В чем счастье?

Седьмой номер журнала «Юность» составлен из работ молодых; в нем рассказы и стихи, очерки и рисунки начинающих прозаиков, поэтов, журналистов, художников. Это широко задуманный опыт. Как он удался?

Разные люди собраны редакцией под одной крышей, разные прежде всего по возрасту. Короткие справки представляют авторов читателю: «воспитанник детского дома... работал грузчиком, слесарем, печатником. Сейчас студент», «ученица 9-го класса...», «выпускник географического факультета... Неоднократно работал на практике в Каракумах и на Памире», «работает буровым мастером и одновременно учится...», «инженер...», «работал судовым механиком. Сейчас учится... и так далее, и так далее. Словом, тут и совсем молодые, вся биография которых — годы учения в школе, тут и двадцатипяти-тридцатилетние со своим опытом самостоятельной работы, с запасом собственных жизненных впечатлений.

Очень разнятся авторы «Юности», объединенные в этом номере, и по степени литературной одаренности. Трудно делать пророчества о творческой судьбе тех, кто только начинает печататься и представлен в журнале одним-двумя стихотворениями или одним рассказом. Вероятно, сама редакция, а

может быть, и дебютанты — хотя для них это труднее — отдают себе отчет в том, что не все из них станут профессиональными литераторами. Во всяком случае, не стоит торопиться, называя всех, кто напечатался в этом номере, «молодыми писателями». Молодые? Беспорно. Писатели? Это покажет время.

При всем несходстве биографий и дарований авторов почти все работы, представленные в журнале, объединяет нечто общее. Весь номер в целом — и это самое главное в нем — имеет свою внутреннюю тему. Тема эта значительна.

«В чем счастье?» — спрашивал несколько месяцев назад в письме, напечатанном в «Юности», девятиклассник Виктор Прошин.

В номере, о котором идет речь, Виктору Прошину отвечают короткими письмами шахтер, учительница, птичница, студенты. Но не только они. Этот вопрос задают себе и читателям, на него ищут ответ молодые авторы стихов и прозы, очерков и статей этого номера «Юности». Сквозь тонкую книжку журнала, как лейтмотив, проходит юное, требовательное, нетерпеливо торопящее жизнь с ответом. «В чем счастье?»

Вопрос — и очень короткий и необыкновенно емкий: он ведет за собой раздумья о выборе жизненного пути, о работе, о призвании, о друзьях, о любви... Потому-то,

думается, и интересен этот номер — этот опыт — читателям.

Больше всего в номере стихов, и большая часть из них так и звучит как прямой ответ на вопрос: «В чем счастье?» Покуда один человек зимует на льдине, перебирается под парусами через океаны, проходит таежными чащами, другой, не покидая мягкого кресла в уютной комнате, взирает с ленивой усмешкой на неумного искателя.

Два человека, две жизненные позиции, два представления о счастье в резком столкновении... Это стихи молодого журналиста Олега Дмитриева.

Не каждая строка этого стихотворения претворилась в образ. В строках, говорящих об обывателе, прикрывающем свою трусость иронической усмешкой, поэт нашел точную и зримую деталь.

А другой сидит у телевизора,
В чай макает тонкое печенье
И глядит
Немного даже с вызовом
На такого рода приключенья.

Первая часть стихотворения, в которой герои подвигов и поисков скорее названы, чем написаны, вероятно, окрепла бы, найди поэт и для них точную краску, зримую подробность.

И все-таки главное в стихотворении есть. Его подчеркнутая публицистичность — так же написано и второе стихотворение Дмитриева, «Под огнем», — идет от желания, очень понятного у молодого поэта, как можно отчетливее выразить свою жизненную и поэтическую программу. Она не в созерцании, а в действии... Стремление определить свою позицию, утвердить ее в споре с неженками и белоручками звучит и в стихотворении Кима Ляско. Недлинное это стихотворение можно привести целиком.

Вам, чистоплюям, не дано
Встать поутру, когда темно.
И в топкой пойме зло и яро
Скосить, играя, полгектара.
Вам, чистоплюям, не дано
С размаху расколоть бревно,
Костер под звездами разжечь,
Нарыть картошки и испечь.
Вам, чистоплюям, не дано
В природу прорубить окно,
Пройти заслон лесных границ
И другом стать зверей и птиц.
Вам, чистоплюям, не дано
В пустыне вырастить зерно,
Зазимовать во льдах на льдине,
С плотами мчаться
на стремнине.

Привлекает общее для большинства молодых авторов стремление связать романтику поисков, опасностей с романтикой повседневного труда.

Бывший судовой механик Игорь Шафран вспоминает:

Мальчишкой мне казалось,
что на судне
лишь ураганы встретятся
в пути.
Я плохо знал,
что есть на судне
будни,
которые трудней перенести.

Оказывается, что море — это не только пенящиеся валы и грозные ураганы, это еще и палуба, которую надо драить, колосники, которые нужно счищать от шлака, узлы, которые нужно вязать под придирчивым боцманским взглядом...

Для поэтов, проходивших свои первые жизненные испытания на дорогах войны, они надолго стали одним из основных мотивов творчества. Вспоминая это, понимаешь, почему сегодняшние молодые сноза и снова обращаются к своему первому трудовому опыту: для многих из них он стал тем же, чем был боевой опыт для старших.

«Вначале было дело...» Ко многим программным стихам молодых поэтов это изречение можно поставить эпиграфом... Об этом написано стихотворение Валентина Столярова.

...Я встану по зову гудка к станку —
Резать простые болты,
Дороги прокладывать буду в тайгу,
Гнать по рекам плоты.
Я буду сено метать в стога,
От запаха трав опьянев.
Я буду — чтоб больше стране молока! —
Чистить коровий хлев.
Я буду строить в степи города,
Сотни гектаров вспашу,
Засею поля, и тогда...
Вот тогда
Про это про все напишу!..

Разумеется, вначале всегда было дело, и большая поэзия рождается всегда большой, наполненной трудом жизнью. Но и настоящее слово — тоже дело, поэтическое творчество — тоже труд, на поэтическом пути тоже нужно упорство, тоже приходится преодолевать и трудности, и собственную неумелость, и жесткое сопротивление словесного материала.

Жара, вязкость песка, едкость пота — все то, с чем столкнулись молодые геологи и что не остановило их, передано в сти-

«Кино было про то, как один парень устроился на завод. На работе у него сначала ничего не получалось, и он совсем перестал разговаривать с людьми. Тогда комсомольский секретарь вызвал его к себе и стал говорить, что он напрасно огорчается: у многих сначала не получается, что, поступая так, он расписывается в собственном бессилии. После этого у парня стало здорово получаться. Он начал выступать на собраниях с критикой, что-то такое даже придумал, и его хвалили, а директор по такому случаю отвез его домой на «Победе». Кончилось кино песней. Измазанные рабочие и этот парень посередине шли, обаявшись, и пели. На них смотрели прохожие и, кажется, завидовали».

Московкин спорит с этой неназванной, но легко угадываемой кинокартиной не только ее коротким злым пересказом, но всей своей повестью в целом. Он изображает не только те обычные сложности, которыми сопровождается трудный переход от детства к юности, но ставит своего героя в самые неблагоприятные житейские обстоятельства.

У Семена умерла мать... Он и его трехлетняя сестра Таня остаются круглыми сиротами... Старшая сестра, совсем молоденькая девушка, уходит из техникума, чтобы дать Семену закончить школу. Но Вера сама слишком молода и неопытна, чтобы управиться и с работой, и с воспитанием брата, и с хозяйством. Она занята своей первой любовью; она готовится выйти замуж, ей не до воспитания брата и сестренки... Оставшись без твердой взрослой руки, Семен едва не сбивается с пути, попадает под влияние уголовной шпаны. На помощь Семену приходит школа, комсомол, рабочие фабрики, где работала мать... Нелегко и не сразу сирота Семен перестает чувствовать себя сиротой: в последней главе он в ремесленном училище, у него товарищи, он с жаром начинает новую жизнь.

В повести немало интересных страниц. Хорошо написаны разговоры старших с Семеном — от беспомощного причитания старухи, которой кажется, что сирота непременно пропадет, до рассуждений пожилого рабочего о жизни, о профессии, о трудовой гордости.

Живо обрисована фигура сестры, которая взяла было на себя непосильную задачу, а потом и раздражается на брата и

стыдится своей слабости и своего раздражения.

И все-таки в повести Московкина обещаю больше, чем дано. По замыслу очень важную роль в судьбе героя играет учитель Валентин Петрович, но по-настоящему живым человеком он не стал, несмотря на попытку приоткрыть краешек его собственной неустроенной жизни. В руки к Семену случайно попадает письмо Валерия Иванова — письмо эгоиста и демагога, который всех окружающих, кроме себя, обвиняет в том, что не нашел дела по душе. Семену трудно самому разобраться в этом письме, ему помогают старшие, и этот спор с Ивановым заставляет Семена как следует поразмыслить и над своей жизнью. Все это верно по мысли, но, к сожалению, недостаточно связано с сюжетом, и разговоры о письме Иванова воспринимаются как некая мораль, механически вставленная в середину повести. Не решена автором главная стилистическая трудность. Повествование идет не от лица взрослого, вспоминающего свое детство, не от лица человека, способного посмотреть на самого себя с некоторого отдаления, а от лица подростка, рассказывающего, каким он был всего год назад. Достоверность тона выдержана не всюду. Автор иногда вкладывает в уста Семена не только по-мальчишески меткое наблюдение, что вполне оправдано, но и по-взрослому мудрый вывод, а это нарушает естественность интонации.

С молодежью надо говорить не только о ее правах, но и о ее обязанностях, не только о том, что ей много дано, но что с нее и спросится многое... Разговор этот не состоится, если тот, кто ведет его, будет стыдливо умалчивать о жизненных трудностях. Но в нем будет мало толку и в том случае, если он закончится одной констатацией трудностей. Пробудить в молодежи желание действовать, приложить свои силы, не ждать, пока трудности сами исчезнут, нерешенные проблемы кто-то решит, а засучив рукава браться за дело — вот смысл этого разговора. Стремление именно так говорить о счастье очень сильно звучит на страницах журнала. Оно и в рассказе «Наше озеро» Евгения Шатко и в удавшемся очерке Э. Черепуховой «Ответ еще будет».

Начало очерка совсем обычное... В сельскую библиотеку приезжает новый библио-

текарь — «городская кудрявая девчонка, с наманикюренными ногтями, в открытых замшевых туфельках, для которой еще два дня назад самым естественным в мире было то, что от всех трудностей и ошибок ее спасала мама».

Нет, городская библиотечарша не совершает в селе, куда она приехала, переворота, не добивается, чтобы тут же был построен клуб и не заставляет прозреть отстрого председателя. Всего этого в очерке Черепеховой нет. Есть колхоз, постепенно идущий в гору, есть колхозные ребята и девчата, оставшиеся в родном селе, чтобы, как говорит в очерке секретарь партийной организации, не приставиваться к счастью, а строить его самим... Есть клуб, еще недостроенный, и есть библиотека — пока что это узкая серая комната с ободраным окном и пачками нераспакованных книг на полу... Словом, все выглядит сложнее, чем тогда, когда вышла «...Галина на трибуну в техникуме на комсомольском собрании и говорила что-то о комсомольской романтике, подтверждая свою мысль строчками: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Под аплодисменты она ушла с трибуны, постукивая каблучками». Хорошие слова были сказаны Галиной, но ее внутренним обещанием они не стали. И вот ей уже кажется, что приехала она сюда зря, она отказывается работать, добивается разрешения уехать и не видит того, какой настоящей жизнью — с трудом, романтикой поисков, споров, смелых планов на будущее — живут рядом с ней комсомольцы. (Об их делах в очерке рассказано коротко, энергично, убеждающе.) Те, от кого она отвернулась, не отвернулись от Галины. Ей не дали уйти от дела, от комсомола. Теперь только от нее самой будет зависеть, как сложится ее судьба... Отлично выписала Э. Черепехова Митьку — скотника и неосвобожденного комсомольского секретаря с его нетерпеливым желанием вмешаться во все, что делается на селе, с его уважением к образованности Галины, с его упрямым осуждением ее эгоизма. Он рассказывает приехавшей Галине о недостроенном клубе и о драмкружке.

«— Драмкружок наш в хате у Надийки Савчук репетирует. День репетируем, деь клуб строи.

— Ну, вот вы, к примеру, кого играете? — спросила Галина ехидно. — Председатели колхоза, наверно?

— Да ничего подобного, — засмеялся

Митька. — Я так просто, рабочий сцены, как говорится. Сейчас кирпичи таскаю, потом стекла вставлять буду, а уж совсем потом — пьяных в клуб не пускать. Это Сенька Онущенко у нас артист».

Всего несколько строк, а деятельный и бескорыстный характер уже намечен.

В очерке вполне закономерен публицистический вывод Э. Черепехова могла бы его дать «от себя». Она поступает иначе, приводя достоверные по форме и убедительные по существу ответы сельских библиотечарей, которым на конференции прочитали жалобное письмо Галины комсомольцам техникума, где она училась.

Вот стержень ответов: «Ты странная какая-то... Думаешь почему-то, что мир тебе должен что-то, а не ты ему. Сидишь и скучаешь... Именно потому, что сидишь сложа руки, честное слово!»

Понятно, что в журнале, где пишут молодые и для молодых, большое место занимает старая и всегда новая тема первой любви. Она присутствует и в тех вещах, о которых мы уже говорили, ей посвящены рассказы Валентина Ерашова, Владимира Амлинского, Ларисы Исаровой.

От рассказа Валентина Ерашова «Витка+Света=любовь» на читателя сразу веет воспоминаниями детства. Точно, свежо, с мягким юмором нарисован мальчишка, который впервые обратил внимание на свою соседку по парте и тут же влюбился в нее. Рассказ этот как живая страничка, каждым когда-то прочитанная, каждому дорогая...

Сложнее построен рассказ Ларисы Исаровой «Дневник». С трудным случаем столкнулась в классе молодая учительница — у девочки-девятиклассницы пропал дневник, а дневнику была доверена история первой любви. И вот дневник найден. С его страниц, юных, наивных, откровенных, девочка рассказывает и о себе, и о своем чувстве, и о том, как оно было обмануто. Оказывается, юноша, предложивший ей свою дружбу, «влюбил» ее в себя на пари с одноклассниками. Кульминация рассказа — педагогический опыт учительницы. Попросив разрешения у девочки, она вслух читает ее дневник, так, чтобы ее слышал и весь класс и тот, кто придумал это подлое пари.

«Потом я кончила читать и поднялась.

— Ну вот, ребята! А теперь сами поговорите обо всем. Веди собрание, Рыбкин!

И ушла.

Я не знала, какое взыскание получу от Марии Семеновны за такой «воспитательный час».

Я не знала, правильно ли поступила, дав им возможность поговорить «самотеком», без моего дирижирования. Я не знала, к чему приведет мой педагогический эксперимент в конце концов. И я очень волновалась».

Л. Исарова стремится показать, что первое чувство не идиллия, что оно и перед ребятами и перед молодым наставником (употребим это старое, но не устаревшее слово) ставит множество сложных вопросов, которые не будут решены, если педагогика и детская литература молчаливо делают вид, что их не существует вовсе. Интересно и сложно задуман этот рассказ. Быть может, только сквозь повествовательную ткань кое-где слишком просматривается каркас его замысла и слишком закруглена концовка рассказа.

Так же, как многие другие авторы этого номера, Л. Исарова ведет повествование от первого лица, точнее — от двух разных лиц. В ее рассказе о себе и событиях говорят то учительница, то школьница. Это трудно и не во всем удалось автору: в страницах, написанных от лица школьницы, подчас прорываются то нарочитая детскость, то неожиданная взрослая рассудительность тона.

На мой взгляд, наиболее верно выдержан естественный тон повествователя в рассказе Владимира Амлинского. В нем изображен студент, проживший беспечно детство, умеющий говорить о многом, но мало что могущий делать, немного мечтатель, немного фразер... Поработав на практике в районной газете, он приезжает в дачный поселок своего детства и идет к девушке, в которую был влюблен первой детской любовью, чтобы показать, каким взрослым и самостоятельным стал он. Но, встретив друга своего детства, парня, по-настоящему прочно стоящего на ногах, делающего нужное стране дело, он впервые задумывается, что сам пока еще ничего по-настоящему не сделал, что заметки его еще не в счет, что он в свои девятнадцать лет пока еще не «состоялся». Острое недовольство собой звучит в конце рассказа. Это чувство, которое может многое изменить в юноше, начинающем жизнь, — чувство творческое, плодотворное.

Рассказ Владимира Амлинского написан

хорошо. Поэтому его трудно пересказывать. Я передал только его концовку, большую часть рассказа занимает изображение того, как было шесть лет назад, когда тринадцатилетний Сережа и его друг познакомились с Инной — героиней их первой любви...

В обзорной статье В. Воронова («Комсомольская правда») рассказ Амлинского был назван камерным, мелким по содержанию. Мне не кажется это справедливым. Конечно, Сергей воспитан в комнатных условиях. Он книжник, не знающий жизни, он очень поглощен собою и не слишком-то смел. Но, изображая его таким, автор не умиляется его комнатным воспитанием, его фразерством и неумелостью. Напротив, он заставляет его испытать и первое поражение и первое недовольство собой... Если не путать повествователя и автора — а этого критику делать никогда не следует, — нельзя не почувствовать, что этот, казалось бы, камерный рассказ написан на совсем не камерную тему, только выводы в нем облечены в негромкую, внешне непритязательную форму.

В коротком редакционном вступлении сказано, что весь номер, «от обложки до последней страницы, создан руками молодых... (исключение составляют один-два оперативных информационных материала)». Думается, это исключение сделано напрасно. Оперативный информационный материал — разве это плохая проба сил для начинающего литератора и разве не стоило бы показать, что могут и могут ли сделать молодые в этом боевом журнальном жанре?

Обо всех вещах, напечатанных в журнале, не скажешь, а заниматься простым перечислением вряд ли нужно.

Я стремился отметить основное направление поисков, которые отражены на страницах этого номера. Оно мне кажется плодотворным, а опыт, в основном, удавшимся.

Дело не только в пробе сил целой группы начинающих, хотя и это важно.

Дело, думается, прежде всего в том, что молодые читатели могут принять эту книжку журнала как участника собственных раздумий и споров.

Ею, конечно, далеко не исчерпано то, что хочет услышать юность в ответ на вопрос: в чем счастье? Но на ее страницах начат разговор на большую, важную тему.

Сергей ЛЬВОВ.

Под степным небом

Неласкова степная природа: летом «знойные астраханские суховей, зимою тридцатиградусные морозы, режущие северо-восточные ветры, сдувающие снег с каштановой и суглинистой почвы, с выщелоченной земли...» Но радостно воочию увидеть плоды своего труда, встретить приметы, которые должны изменить самый облик степи: тут обозначившая русло будущей реки «молодая насыпь... рыжая от свежей глины», там зеленая щеточка юных лесопосадок, а дальше «выложенные еще не обточившимся камнем» берега нового моря. Рассказы и очерки Владимира Фоменко посвящены суровым будням людей, чьими натруженными руками среди «печной сухости» степей созданы совхозы и колхозы, настоящие научно-исследовательские институты птицеводства и животноводства.

Читая книгу, постоянно ощущаешь незаурядную наблюдательность автора, преимущественное внимание к тем художественным мелочам, которые подчас способны объяснить гораздо больше, нежели подробнейшие описания. Серафиму, молодого парторга степного колхоза «Заря» (рассказ «Серафима»), мы застаем ранним утром в ее комнатке. «На стене два одинаковых цветных плаката «Разводите индеек», книжная полка и на полкомнаты новая городская кровать с блестящими шарами. В головах и ногах одна на другой высоко взбитые нетронутые подушки, застланные просиненным и крепко накрахмаленным негнувшимся тюлем. «Пска Михаил на учебе — и разбирать постель не к чему. Спокойней спать на сундуке».

Писатель вводит нас в жизнь колхозницы, помогает понять ее заботы и волнения. Подумать, Серафима, Фимка, та, что недавно бегала в школу с ребятишками и «из лихости бросала палки в бабкин колодец», ...парторг. Как отнесутся к этому люди, оправдает ли она их доверие? Но все побуждает молодость, энергия, упорство! И от успокоительно-традиционного: «может, верно, ждать, не соваться нам со своими планами... Обязательно ж дадут директивы — их тогда и выполнять» — эта вчерашняя девочка с пунцовой родинкой над губой приходит к будоражащей инициативе, ины-

ми словами, начинает мыслить как настоящий партийный вожак.

Герои рассказов В. Фоменко — свиарка Каныгина («Вдовья доля»), вислоусый гучный смотритель табунов Мещеряков («Элита»), голубоглазый лесовод Иван Логушов («Лесхоз в степи»), толстая и ворчливая «телячья мамаша» тетка Федосья («Федосья»), мудрый садовод «дид Гузий» (одноименный рассказ) — обыкновенные люди, делающие свои необыкновенные дела просто, естественно, без малейшей рисовки. Их внешность неприметна и поначалу как-то даже разочаровывает. Вот работница фермы Шевелева (рассказ «Шевелева»), знаменитая своим бесстрашным обращением со свирепыми племенными быками: «Это была жилистая и низкорослая пожилая женщина с выпуклыми бесцветными глазами; на белках виднелась сетка красноватых прожилок — и все это придавало ее лицу мужское, грубое выражение». Но тут же автор с оправданным восхищением наблюдает за тем, как эта неказистая маленькая крестьянка «банит» за сараем гиганта быка Варяга.

Шевелева — истинная хозяйка степи. Ее труд, ее простые, уверенные слова о неисчерпаемой силе народа и, наконец, «красивый стишок», строки Некрасова, запавшие ей в душу, которые она произносит сбивающимся, силловатым голосом, — все это озарено глубокой внутренней красотой. Шевелева еще помнит страшный мир старой деревни. У нее в прошлом молодость, изуродованная беспросветной работой на кулака; ее муж Ваня, первый снач в деревне, надорвался, поднимая на молотилке конский привод весом в тридцать пять пудов. Преждевременно состарившаяся женщина с жилистыми, по-мужски грубыми руками, она живет в своем сынишке, человеке другого поколения и — верится — другой судьбы. «Мальчик до мелочей походил на мать, — замечает автор, — и мне почему-то было приятно видеть в нем материнские, но удивительно привлекательные в нем черты».

Когда В. Фоменко пишет об отрочестве, юности, в его героях привлекает чистота помыслов, вера в исполнение мечты, бескомпромиссность в утверждении своих идеалов. Таков спутник секретаря райкома Данилова, тоненький малец-матрос (рассказ «Весенним днем»), который на вопрос: «Ты бы за эту свою землю, за это море ре-

Владимир Фоменко. Человек в степи. Редактор В. Вилкова. 294 стр. «Советский писатель». М. 1955.

шил бы, скажем... жизни не пожалеть?», ожесточась, отвечает: «А вы как думаете? Что если мне лично ничего не пришлось сделать, то никогда и не придется? Я вам ясно объяснил, что только начал здесь работать. Понятно?» Таков Валька («Дети»), переживший фашистскую оккупацию, не по летам серьезный, озабоченный своим «делом» на птицеферме. Таков и восемнадцатилетний Сема, настоящий степной рыцарь, а по совместительству «директор» выездного стада несушек» в крохотном хуторке, герой первого и лучшего в сборнике рассказа «Под звездами».

Рассказ в самом деле выделяется задушевностью лирических интонаций, трогательным настроением в передаче первой, неразделенной любви Семена. В хуторе всего одна хата. А за пергородкой живет Маруся Акимченко, ровесница Семена, еще более красивая оттого, что она единственная девушка в этой «точке совхоза», отрезанной от большого мира горячей степью. Впрочем, Маруся хороша по-настоящему. Автор, заехавший в хуторок, сразу подмечает и то, как тщетно старается не глядеть в ее сторону Семен, когда она «в розовой тесной майке без рукавов, все еще полная дневного солнца, еще с капельками горячего пота над бровями и на щеках, несла от колодца тяжелую бадью, как в танце откинув коричневую до плеча руку и перегнувшись в тонком поясе», и то, как словно ненароком прикатывает под вечер шофер Анатолий, курчавый, белоzubый, уверенный в себе, который «и в обиходе умел и любил политически крепко поставить и разъяснить каждый вопрос».

Какое уж тут соперничество! Маруся, наверно, и в мыслях далека от того, чтобы относиться к Семени, как к взрослому. «Возможно, Сема и нравился бы девушке,— говорит автор,— будь он не ездовым прикурах, а, скажем, ветеринарным техником в городской швейной кепке с большим козырьком... Но Сему не послали на курсы веттехников, потому что однажды, когда к хате подъехал управляющий отделением совхоза Дробыч и по его знаку Трифон Акимченко словил пяток уток и понес их в дробычевскую машину, Сема остановился возле управляющего, назвал его жуликом».

Знакомая черта, симпатичная автору! Сема, мальчишка с тонкой шеей облаченный в шторманную футболку,— правдолю-

бец, нетерпимый ко всяческой кривде. И как тогда с Дробычем, Семен, столкнувшись с Анатолием, увозящим Марусю в ночную степь и неторопливо, веско растолковывающим девушке важность комсомольской работы, оглушает его неожиданной правдой: «Врете вы! Все вы врете!.. Девчонку уговариваете и «комсомол» произносите. А когда глаз потом сюда не покажете, бросите Марию, тогда тоже это слово будете выставлять?» Широко, по-детски доверчиво смотрит Семен на мир, ожидая справедливости и ценя ее превыше всего.

Автор не вмешивается прямо в события. Но, свидетель всего происходящего, он незаметно становится и соучастником, что придает изображаемому особую достоверность. Маленькую драму, разыгравшуюся в степи, он сопровождает меткими зарисовками природы, точно обозначенными бытовыми деталями, будь то горячие початки, которые едят, «натирая солью плотно впечатанные, крупные, как конский зуб, зерна кукурузы», или это тянущий полосами с полей «скипидарный запах разогретых дневным зноем, остывающих сейчас подсолнухов...» Стоит отметить и портретную зоркость писателя. Сема, Анатолий, Маруся очерчены пусть беглыми, зато удачно найденными штрихами. Вот Маруся, возбужденная приездом красавца шофера, быстро рассказывает о чем-то: «Кожица на ее нижней, особенно сочной, полной губе, точно кожа сомлевшей вишни, была надтреснута посередине от дневного солнца и зноя...»

В рассказах В. Фоменко живет не только человек, но и все вокруг него исполнено своей, особенной жизни. Раз встретивши красавца быка Варяга, мы уже не спутаем его с другими обитателями животноводческой фермы: «Огромный, белый, будто снеговая глыба, бык, весь мокрый, в стекающих струях воды, стоял, ворочая тяжелой курчавой головой. От этих движений его тугая, словно инеем покрытая, шея перекатывалась волной и на груди под кожей шевелились живые шары». Автор знает, что у теленка-сосуна «крупные, черные, точно влажный уголь», глаза, и вообще знает все про телят, быков, лошадей — какие горбоносые морды у тонконогих степняков, какой широкий («как лнище табуретки») лоб у бычат и как лежат в вольерах (словно «мешки с мукой») «эле шевелящие влажными пятакими» розовые свињи и т. д. Сама степь, непрестанно ме-

няющая свой лик, служит здесь не просто фоном, не просто аккомпанирует происходящему, но становится активным и равноправным персонажем. Автор умеет уловить эту музыку степи, слышать, как «жалуется раскаленная зноем, охваченная ветром степь; каждая былка и стебель трепещут, гнутся в горячих потоках воздуха, качаясь из стороны в сторону, прихлестывая листьями землю».

Язык книги, обогащенный местными речениями, свободен и ярок. Не всегда только писателю хватает чувства меры в использовании таких, например, словечек, как «гаканье», «спереляку», «турчали», «крохко» и т. п.

Особенно гибок язык, точно передающий оттенки мыслей и чувств, в тех произведениях, где автор выступает в роли очевидца. В сборнике помещено несколько рассказов, в которых нет этой полюбившейся читателю фигуры повествователя. И утрата разговорной интонации в иных из них сказывается отрицательно: автор ушел и словно унес с собой обаяние естественности, жизненную теплоту.

Таков, скажем, рассказ «У моря». Застигнутый непогодой животновод Гаврил Степаныч оказался в полевом вагончике с незнакомыми ему людьми на самом берегу нового, приведенного в степь моря. Здесь, на людях, вынужден он выслушать горькую критику от собственного шофера, который напоминает ему и два грузовика, не отданные строителям канала, и его политическую малограмотность. «Вам вчерашний да нынешний день будущий год загоразживает. Два «ЗИСа», — в голос выкрикивает шофер, — при фермах держите!» Не выдержав, Гаврил Степаныч прозревает, и на этом рассказ, как и надо быть, завершается,

«Чужая душа — потемки» — писатель призван опровергнуть это крылатое выражение. Сотни раз убеждал шофер, член партийного бюро, своего начальника в узости «чистой» специализации, однако воспринимались его слова по-казенному. И вдруг чужая мысль проникла в душу и зажгла уже его, Гаврилы Степаныча, сердце. Это как раз и нужно показать. В рассказе же «У моря» автору приходится поверить на слово.

Куда убедительнее выглядит другая, пусть менее удачная с точки зрения педагогики, зато более правдоподобная попытка перевоспитания в очерке «Вниз по Дону» из цикла зарисовок «Охотничья жилка», замыкающих книгу. Столкновение вельможного индивидуалиста Ивана Дмитрича с дружным коллективом охотников заканчивается полным его поражением, и в это веришь, как веришь всему в этих «зарисовках с натуры» (так названа одна из главок цикла), исключая, конечно, фантастические охотничьи «байки», над которыми добродушно подтрунивает сам автор.

«На Утином отлете», «С августа до января», «Волчиха», «Короткие встречи» — дыханием жизни веет от этих непритязательных миниатюр. «В любом сезоне удивительно много замечательного, — говорит писатель, — и хотя как в жару, так и в мороз, тяжело достается охотнику, нежной любовью любишь каждый сезон, не поймешь — какой из них лучше». Охотничьи очерки как бы продолжают «встречи с людьми, со степями и реками быстро меняющейся, оттого всегда новой, всегда волнующей, собственной своей земли». Этим чувством хозяйского, любовного отношения к жизни согрета вся книга рассказов В. Фоменко.

★

О. МИХАЙЛОВ.

Рассказы, оживляющие карту

Кто открывает нам в детстве страну или какой-нибудь уголок на земле? Друг, подаривший марку. Учитель. А ярче всего — поэт. Часто одна какая-то деталь делает для нас таким зримым и близким далекий город или материк. Навсегда с тех

Г. Снегирев. Рачок-мореход. Рассказы. Редактор Е. Лось. 42 стр. Учпедгиз. Минск. 1957.

Г. Снегирев. Бобровая хатка. Редактор Г. Карпенко. 16 стр. Детгиз. М. 1958.

пор связываем мы неведомый край с поэтическим рассказом.

Разве, например, не Борис Житков открыл многим Индию в истории «Про слона» или Цейлон в рассказе «Мангуста»?

«В детстве я любил играть в такую игру — оживлять карту.

Посмотришь на Чукотку и думаешь: а там, наверно, сейчас разные приключения в самом разгаре, охотники моржа убили,

да никак дотащить его до дома не могут, а шторм все сильнее.

Или про тайгу, как там золото ищут и принимают ли маленьких мальчиков в золотонскатели или нет. И очень часто моя мама удивлялась, почему я так долго надеваю утром чулки.

— Ты что,— говорила мама,— хочешь в детский сад опоздать?

Мама ведь совсем не знала, что я в это время путешествую.

И очень в этих путешествиях помогали мне детские книги, особенно Житкова, Бианки и Киплинга. Зеленые леса наполнялись птичьим щебетом, а голубые моря — кораблями».

Этот искренний рассказ принадлежит молодому писателю Г. Снегиреву.

Заселить в детском воображении зеленые леса зверями и птицами, наполнить голубые моря кораблями — это значит дать фантазии пищу, без которой не может жить ни один ребенок, значит сделать течение фантазии свободным, широким и тем самым облегчить ребенку выход в большой мир.

Но дать настоящую пищу фантазии может только высокопоэтическая книжка. Такую книжку всегда выделишь в обширном потоке литературы о зверях и птицах, о путешествиях. Ее главная примета в том, что на все, о чем бы она ни рассказывала, вы можете взглянуть глазом не столько натуралиста, сколько художника. Собственно, это взгляд самого автора, и вы к нему только присоединяетесь.

Мне думается, что это основная примета и рассказов Геннадия Снегирева.

Они очень разные. Но лучшие из них создают тот особый, заманчивый мир, которому автор всегда верен и в который настойчиво зовет своего читателя. Это мир лесного бродяги, путешественника по морям, спутника рыбаков, охотников, звероловов. Это мир общения с птицей, зверем и человеческой мысли о них. Это мир свежего и непосредственного ощущения природы, чистых и неподдельных чувств, добрых и гуманных отношений.

В этом мире уважают прежде всего неугомонность души, чуждую спокойной, сидячей жизни.

«После плавания поставили наш корабль в док — от ракушек и травы морской чистить,— рассказывает молодой матрос, герой рассказа «Рачок-мореход» — Столько их на корабельном днище развелось, что

кораблю мешают плыть. Целая борода волочится за ним по морю».

Неодобрительное «развелось» лучше всего характеризует первоначальное отношение к этим корабельным иждивенцам — «всяким рачкам да улиткам» — молодого матроса, видимо, повторяющего слова боцмана. И действительно, как же еще к ним относиться, если из-за них нужно корабль в док ставить и вся команда должна чистить: кто скребком, кто щетками, а некоторые ракушки отбивать долотом — «так крепко пристали к днищу»!

Попалась матросу на корабельном носу крупная ракушка, в которой притаился рачок. Ее заметил боцман и приказал отбить. Матрос знал, что спрятавшийся в ней рачок ждет, когда корабль в море выйдет, чтобы открыть крышечку и высунуться, и думал: «Нет... не дожدهмся!» И вдруг он оставляет в покое рачка с его домиком... Может, ему надоело трудиться? Или он потерял надежду отбить ракушку? Нет. Просто матрос вдруг по-новому взглянул на спутника корабля. Он увидел в этом рачке не корабельного иждивенца, а существо интересное и достойное уважения.

«Уже все дно покрасили, остался только нос. «Эх,— думаю,— пускай живет. Может, это рачок-мореход. С детства не захотел на дне спокойно жить, прицепился к нашему кораблю и по морям скитается!» Когда нос докрашивали, я кисть взял и вокруг желудя краской круг обвел, а его не тронул».

И нам ясно, что матрос и сам презирает спокойную, неподвижную жизнь. Он любит скитания по морям, любит испытания морем. «Когда мы в море вышли, я все про этого рачка думал: сколько еще ему придется испытать штормов!»

Любовь к животным у героев Г. Снегирева сокровенна, они никогда не рассуждают о ней, но она освещает каждый их поступок.

В бесхвостом воробье, оказавшемся «безбилетным пассажиром» на корабле, шедшем в Петропавловск-на-Камчатке, где «ворон... много, а воробьев совсем нет» (рассказ «Как воробей на Камчатке побывал»), мы угадываем ту непоседливость и любознательность, которая заставила рачка-морехода «с детства» скитаться по морям. И когда рассказчик, поведав о возвращении воробья на том же корабле во Владивосток, весело размышляет о бесхвостом путешественнике: «Не понравилась ему Камчатка.

А может быть, вороны его оттуда прогна-ли?» — не одна ирония звучит в его сло-вах. «Маленький, а в какое путешествие пускался, непоседа!» — точно говорит он. И маленький воробей кажется самым удач-ливым и любознательным из всех своих братьев и сестер.

Конечно же, такой характер может цен-ить человек, сам жаждущий нового, не-обычного, что открывается во время путе-шествий. Герой-рассказчик Г. Снегирева и есть этот человек.

Жажда нового удивительно сближает его с героем-рассказчиком Бориса Житкова. Помните, как у Житкова в истории «Про слона»: «Заснуть не мог, прямо ноги от не-терпения чешались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как все постепенно меняется. А тут две недели океан — вода и вода,— и сразу новая стра-на. Как занавес в театре подняли... Товарищи дорожные, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скоро-рей!»

Рассказчик Г. Снегирева и голосом сво-им, интонацией несколько схож с рассказ-чиком Б. Житкова. Это голос бывалого человека, умеющего рассказывать детям.

Однако, если произведения Б. Житкова до предела насыщены опытом бывалого че-ловека, то маленькие истории Г. Снегирева не так уж связаны с этим опытом и чаще всего строятся на поэтической выдумке. Герой-рассказчик Снегирева склонен к раз-мышлению, к лирическому раздумью.

«Маленькое чудовище» — трогательный рассказ о китенке, которого заметил в оке-ане матрос. Он следил, как китенок «всю ночь за кораблем плыл и вздыхал», — «то отплывает, то приближится и тяжело-тяжко вздыхает». «Да, верно, принял наше судно за кита,— сказал наутро капитан матро-су.— Молодой еще, молоко на губах не об-сохло. И, видно, отстал от матери, от сво-его стада». Сказал он, как человек опытный о давно знакомом ему и потому достаточно равнодушный А в душе молодого матроса нарастает тревога за китенка, в которой он сознается, когда зверь поворачивает к эк-ватору: «Тут даже и я вздохнул: найдет ли это маленькое чудовище свою маму?»

Обаяние этого рассказа Г. Снегирева в задушевности, сердечной теплоте и боль-шой гуманности. Ведь и в нас поселилась тревога: «найдет ли это маленькое чудови-ще свою маму?»

И если говорить о воздействии лучших рассказов Г. Снегирева на маленького и большого читателя, то оно прежде всего в способности, подобно камертону, давать тон нашему раздумью. Еще долго после то-го, как рассказ дочитан, остаешься в плену созданного им настроения.

В «Маленьком чудовище» мы видим еще одну особенность, присущую произведе-ниям писателя. Рассказывая о звере, птице или дереве, Г. Снегирев дает почув-ствовать огромность мира: думая о китенке, окинуть мысленным взором океан, следя за полетом ворона, увидеть горы, смотря на кедр, представить себе тайгу.

«В детстве мне подарили кедровую шиш-ку,— безыскусственно рассказывает он сво-ему читателю.— Я любил брать ее в руки и рассматривать и все удивлялся, какая она большая и тяжелая — настоящий сун-дучок с орехами».

«Сундучок с орехами», живущий в памя-ти рассказчика с детства,— это что-то вроде ключика к новому для детей миру, открываемому писателем, который и сам-то все видит по-детски свежо и ясно.

«И вот через много лет попал я в Саяны и сразу отыскал кедр. Растет он высоко в горах, ветры его набок клонят, стараются к земле пригнуть, скрючить. А кедр вцепил-ся корнями в землю и тянется все выше и выше, весь косматый от зеленых веток».

А вот и знакомый с детства «сундучок с орехами».

«На концах веток кедровые шишки висят: где три, а где сразу и пять. Орешки еще не поспели, но много вокруг зверьков и птиц живет. Кедр их всех кормит, вот они и ждут, когда поспеют орешки...» Белка и мышь, синица, кедровка и бурундук ждут от него даров. Он дает им жизнь, и они же делают его живым. «Издали послу-шашь — как будто весь кедр щебечет».

И уже как песню о дереве читаешь за-ключительные строки рассказа:

«...Когда начнут падать с неба первые снежинки, на кедре совсем не останется шишек».

А кедру не жалко. Стоит он весь живой и тянется зелеными ветками все выше и выше к солнцу».

Многостраничные описания вряд ли дали бы маленькому читателю более яркое и объемное представление о тайге, чем этот рассказ об одном кедре — «дереве жизни». На его зеленых ветках столько света, а ему все мало! Он словно прокладывает до-

рогу к солнцу всем зверькам и птицам, которые нашли у него «и стол и дом». Так от детского образа «сундучка с орехами» Г. Снегирев привел читателя к зеленому кедру и через него показал детям новый мир — тайгу.

В этом приеме рассказчика нет, пожалуй, ничего особенного. Особенное и удачное в том, что ребенок теперь сам может населить тайгу вокруг «дерева жизни». Рассказ еще даст пищу его фантазии. Ну, хотя бы эти строки о мышке: «Белка свалит шишку на землю, вынет орешки, да не все — один да останется. Этот орешек утащит к себе в норку мышь. Она по деревьям лазить не умеет, а орешков ей тоже хочется».

Достоверность и правдивость коротеньких произведений Г. Снегирева, привлекающая по-своему и детей и взрослых, обусловлена настоящим знанием обстановки. Это чувствуешь, когда писатель говорит и о тайге и о море — стихиях, которые им выбраны.

Однако все ли рассказы Г. Снегирева так емки по содержанию, как, например, «Кедр» или «Маленькое чудовище»? Нет, у него немало познавательных интересных произведений, в которых он рассказывает детям, как выглядит осьминог («Осьминог»), как живут бобры («Бобровая хватка») и т. п. Но среди них попадаются рассказы, уже довольно традиционные для литературы о животных и путешествиях. Здесь как будто та же интонация рассказчика, что и в лучших его вещах. Да и удачные сравнения, блестящие встречаются. «Я когда в первый раз увидел его, то не разобрал сперва, кто же это си-

дит на кедровой шишке — такой матрасик полосатый!» Это о бурундуке. Но в рассказе «Бурундук» и ряде других («Хитрый бурундук», «Бобровый сторож») нет главного — мира рассказчика. В них у автора взгляд человека, подметившего любопытное в поведении зверька или птички и сочинившего по этому поводу историю. И обидно, что в новой книжке Г. Снегирева таких историй оказалось больше. А ведь в разное время в детских журналах мы читали хорошие рассказы — «Ворон», «Соболь», «Качурка».

Пишет Г. Снегирев и о детях. Психологический рассказ, в котором характер маленького героя проявляется в отношении к зверьку или птице, — излюбленный писателем. Обрисовка тонких душевных движений и недоговоренность в оценке поступка свойственны манере Г. Снегирева. Этой недоговоренностью и хорош, например, рассказ «Скворец». За интересной и волнующей ребенка историей про скворца, который улетел и чуть не замерз в зимнем лесу, читатель уловит мысль о человеческом доверии и душевной открытости, уловит ту сложность чувств и настроений, которой так пленяют рассказы Г. Снегирева.

Да, у Г. Снегирева есть хорошие рассказы и о детях. Но все же, оглядывая написанное им до сих пор, остаешься навливающимся на тех рассказах, в которых он сумел, пользуясь его же словом, зеленые леса наполнить птичьим щебетом, а голубые моря — кораблями, то есть на тех миниатюрах, где он вводит детей в свой мир и проявляет себя как поэт.

Вл. ГЛОЦЕР.

★

Сказание об исландском народе

Среди прекрасных книг о детстве, которых немало знает мировая литература, «Летописи хутора Бреккукот» принадлежит особое место. Это не автобиографическая повесть, хотя в юном герое ее — Аульфгримуре — и угадываются порой черты самого Лакснесса. Путь Аульфгримура, начинающийся на хуторе Бреккукот, в благодушной и суровой обстановке патриархальной старины, и завершающийся выходом в тревожный мир, подвластный за-

конам буржуазного общества, как бы повторяет в миниатюре путь, пройденный его родиной. Не случайно герой романа — сирота, который не знает даже имени своей матери, подбросившей его на хутор Бреккукот двум одиноким старикам. Эта отрешенность от родственных связей имеет свое значение. Не важно, кем рожден Аульфгримур, — он просто дитя человеческое, сын народа, воспитанный народом.

Лакснесс предупреждал, чтобы его роман не считали историческим. Однако «Летопись» может быть понята только в связи с историей Исландии, сохранившей яркую

Халлдор Лакснесс. Летопись хутора Бреккукот. Роман. Перевод с исландского Н. Крымовой. «Иностранная литература», 1958, №№ 4, 5.

национальную самобытность и поздно вступившей на капиталистический путь. Начало нынешнего века, когда развертывается действие романа, отмечено особенно острыми контрастами в жизни страны. Лакснесс меньше всего стремится к документальной точности. Хронология романа условна. О первой мировой войне в произведении даже не упоминается, хотя действие его завершается, по-видимому, в двадцатые годы (если учесть, что герою к тому времени восемнадцать лет, а родился он после англо-бурской войны 1902 года). В художественно вольном преломлении Лакснесса исторический процесс, сокрушивший патриархальные устои и законы «естественной» морали, раскрывается в плане этическом и эстетическом.

Необъятное многообразие и противоречивость действительности определяют собой не только содержание, но и художественный строй «Летописи». Роман течет свободно и неторопливо, как многоводная река, захватывающая по пути все новые и новые ручейки. Многочисленные отступления не нарушают его единства. Собственно, трудно даже решить, какой эпизод принадлежит к центральной линии романа и какой уводит от нее. Идея «Летописи» раскрывается не только в фабуле, но и в поэтических ассоциациях. Рамки романа достаточно просторны, чтобы вместить пеструю и разноголосую толпу героев, составляющих общество неповторимо своеобразное. Здесь можно увидеть образы чисто народного склада: героя почти эпического — «блаженной памяти» Бьорна из Бреккукота — и рядом с ним маленькую, вечно озабоченную бабушку, героиню как будто бытовую, в характере которой тоже, однако, открываются черты, по-своему величавые. Здесь и персонажи вполне прозаические, вроде купца Гудмунсена, типичного рыцаря наживы, который не прочь при случае разыграть роль мецената, и его чопорной жены, бесконечно нелепой в своих светских претензиях. Фон образуют чудачки всех мастей: экстравагантный и смешной фанатик Тоурдур — креститель, предпочитающий читать проповеди тогда, когда его никто не слышит; полуслепой матрос, один «из величайших мореплавателей, плывущих только назад»; королевский министр, который выходит со спущенными подтяжками к нищему старику и жалуетсся ему на то, что у него нет веревки, чтоб связать сено; почтенный магистр Драумманн, который ле-

чит жену по старинному исландскому обычаю навозом и верит в переселение душ.

Жизнь, изображенная Лакснессом, парадоксальна, мышление героев необычно. Парадокс становится той формой, которая наиболее точно выявляет смысл происходящего. Естественные для капиталистического общества законы и принципы обнаруживают свою нелепость, если смотреть на них глазами старого рыбака Бьорна из Бреккукота.

Калитка в Бреккуоте — граница двух миров. На хуторе дедушки Бьорна жизнь подчинена легендарным традициям, отношения между людьми человечны и справедливы. Двери убогого дома Бьорна, где даже хозяйка не имеет кровати, гостеприимно раскрыты для всех проходящих. К дедушке тянутся все те, кто потерпел крушение в жестоком единоборстве с жизнью. Нищие, калеки, неудачники и одинокие горемыки, они приходят в Бреккуот жить и умирать. И даже смерть выглядит здесь лишь как одна из естественных закономерностей бытия, и медный звон кладбищенского колокола сливается с серебряным звоном дедушкиных часов, в которых «живет... вечность»; он не может нарушить «счастливую музыку земной жизни». Это мир цельный, гармоничный и музыкальный.

В чем источники его поэтичности? Быть может, прежде всего в том на редкость органичном ощущении, присущем Бьорну, что земля, звезды, море и рыба, словом, мир с его богатством в равной мере принадлежит тем, кто его населяет. Аульф-гримур, воспитанный в Бреккуоте, долгое время не подозревал, что он беден. Этот «секрет» открыла ему юная фрекен Гудмунсен, и он воспринимает его как нечто удивительное. Бьорн продает рыбу по той цене, которую она стоит, цена же определяется из того расчета, чтобы у рыбака оставалось денег не больше, чем нужно для жизни. Богатство, по его мнению, противно здравому смыслу. «Таким образом, — как иронически замечает Лакснесс, — Бьорн из Бреккуота отрицал основные экономические законы нашего общества». Вместе с тем он прекрасно понимает, что победить их не в силах. Бьорн меньше всего принадлежит к числу ограниченных и фанатичных апостолов старины. Личная убежденность сочетается у него с широтой взглядов и мудрой прозорливостью. Он знает, что Аульфгримуру предстоит жить именно в том обществе, законы которого Бьорн отри-

цает, и поэтому делает все, чтобы вооружить мальчика для борьбы и победы. Он сам выводит Аульфгримура из заколдованного счастливого мира Бреккукота, поспав его учиться в гимназию. И он же, поверив в призвание мальчика, продает хутор купцу Гудмунсену и отдает деньги Аульфгримуру, хотя тот больше всего на свете хотел бы остаться на всю жизнь в Бреккукоте. На этом миссия Бьорна заканчивается. «Больше я не могу давать тебе добрых советов, мой мальчик», — говорит старик на прощание. Эти слова, столь обычные при разлуке, многозначительны. Дедушка отдал Аульфгримуру все, что имел, — богатство своей души и дом, доставшийся от предков. Но помочь ему на его новом пути он не умеет. Тут его опыт — мудрость былых времен — бессилён.

Хутор Бреккукот и его хозяин Бьорн олицетворяют собой то лучшее, что было в прошлом народа. Для Лакснесса это прекрасная пора детства человечества, полная неповторимой красоты, но, как детство, невозвратимая. В крушении Бреккукота, которым завершается роман, нет трагической безысходности. Лакснесс не пытается, как многие писатели, искать в прошлом, в бегстве к природе спасения от противоречий современности. С любовью и печалью он оглядывается назад, но надежды писателя обращены в будущее, как и надежды его героя.

Лакснесс покидает Аульфгримура, когда тот стоит на пороге большой жизни, на перепутье расстилающихся перед ним дорог. По какой из них пойти? Вопрос ставится в упор, с наивной конкретностью, свойственной народной сказке. Неизвестно, каким было бы решение героя, если бы не встреча с Гардаром Хоулмом, сыгравшим в жизни Аульфгримура роль не меньшую, чем дедушка. Судьба Гардара Хоулма, самого знаменитого в Исландии человека, теснейшим образом переплетена с судьбой безвестного мальчика из Бреккукота. Когда Гардар Хоулм возвращается после долгих странствий домой, он узнает в воспитаннике Бьорна самого себя. У них одно призвание, оба они еще в детстве сумели услышать в сонном жужжании навозной мухи счастливую музыку земной жизни, «песню Исландии». Гардар Хоулм тоже в свое время покинул Бреккукот, чтобы спеть эту песню всему миру. Сумел ли он завоевать мир?

На этот вопрос роман предлагает два

взаимоисключающих ответа, причем события разворачиваются таким образом, что каждый из них выглядит одинаково вероятным. Согласно первой версии Гардар Хоулм — всемирно известный певец, покоривший своим голосом Европу, Азию и Америку, святейшего папу, восточного султана и простой народ, баловень судьбы, которого наперебой приглашают лучшие оперные театры мира. В Исландию его доставляет не обычный пассажирский пароход, а французский крейсер, лучшая гостиница города недостаточно хороша для Гардара, и в карманах у него такое количество золота, что он просто не знает, куда его девать. Но постепенно все это начинает казаться лишь грандиозной мистификацией, и перед нами возникает совершенно иной Гардар Хоулм — неудачник и бедняк, живущий на средства жены, хозяйки маленькой мясной лавочки, непризнанный художник, трагический клоун, освищенный черствой толпой.

Какая из этих легенд соответствует истине? Скорее всего, вторая. После самоубийства Гардара Хоулма в его новеньких красивых чемоданах, оставленных в гостинице, не нашли ничего, кроме кирпичей, завернутых в солому. Но если Гардар Хоулм всего лишь безвестный бедняк, каким образом он сумел обмануть всю страну? Наивно было бы предположить, что такой большой мастер, как Лакснесс, не сумел, так сказать, свести концы с концами и что в произведении, где нет буквально ни одной случайной подробности, центральная сюжетная линия оказалась непродуманной. Лакснесс совершенно сознательно не вносит ясности в биографию Хоулма. Проблема заключается отнюдь не в том, удалось ли герою добиться успеха. Неудачник или прославленный певец, он в обоих случаях неизбежно пришел бы к душевному краху, так как изменил своему призванию, а вместе с ним и народу. На перепутье жизненных дорог, когда ему пришлось сделать выбор, Гардар Хоулм решился «продать» песню ради личного успеха, славы, золота. Не важно, получил ли он их. Важно, что он пошел на эту сделку. И тогда он утратил «чистый тон».

В романе Лакснесса, где каждая деталь открывается одновременно в нескольких планах — конкретно-бытовом, психологическом и символическом, — понятие «чистого тона» особенно емко. Чистым тоном, как это ни странно, владеет безголовый пастор

Йохан, такой же бессребреник, как Бьорн. «Инспектор», на которого снизошло призвание от доброго бога чистоты, философ, надзирающий за общественной уборной и считающий, что всякая работа священна и что назначение человека — помогать людям, — оказывается ближе к чистому тону, чем Гардар Хоулм. Для искусства чистый тон особенно важен.

Судьба знаменитого или, может быть, поруганного певца входит в жизнь Аульфгримура как трагическое предостережение.

Человек с опустошенной душой и надменной улыбкой мировой знаменитости настойчиво и страстно испытывает юношу. Рисуя перед ним его будущую жизнь, ту, что сам Гардар уже прожил, он требует, чтобы Аульфгримур заранее сделал выбор. Он ведет его за руку от одного искушения к другому, предлагает любовь, славу, деньги. С самоуверенностью юности Аульфгримур отвергает все то, от чего в свое время жадный к жизни Гардар Хоулм не сумел отказаться: «Если я не достигну чистого тона, я не хочу быть знаменитым!»

Это путешествие в будущее теряет свою условность, едва лишь обрывается разговор двух певцов. События ставят Аульфгримура перед необходимостью немедленного решения. И если Гардар Хоулм не устоял перед прекрасной наследницей мясной лавки, то его младший друг, не задумываясь, отказывается от фрекен Гудмунсен с ее богатством. Но его ждет новое испытание: насмешливый, оглушительный хохот тол-

пы является первой наградой юному певцу, вышедшему на арену. Так начинается его жизнь в искусстве.

На победу Аульфгримура Лакснесс возлагает особые надежды. Дело не только в том, что этот мальчик — прямой наследник Бьорна из Бреккукота, что он должен заменить бабушке трех Гримуров, ее погибших сыновей, и народу Исландии — того «единственного певца», которым мог стать, но не стал Гардар Хоулм. Лакснесс верит, что в искусстве человечество может обрести гармонию, утерянную в мире, сменившем Бреккукот и полном трагических диссонансов. Но есть здесь и другое: вера в то, что существует на свете песня, услышав которую «ни один человек... не мог бы остаться таким же...», как был, вера в великое предназначение художника. Эта вера придает особую значимость творчеству Лакснесса. Оно, это творчество, выполняет высокую этическую миссию — оно учит любви к человеку. И хотя Лакснесс пишет только о своей маленькой стране, в его произведениях решаются проблемы, которые принято называть общечеловеческими. Происходит это прежде всего потому, что его героем всегда является народ. От частных судеб, изображенных предельно конкретно, Лакснесс умеет подняться до широких обобщений. Так реалистическая во всех своих деталях повесть о жизни мальчика из Бреккукота перерастает в поэтическое сказание об исландском народе.

М. ЗЛОБИНА.

★

Певец революционной Италии

Прошло немногим более ста лет, как появилась первая книга стихов итальянского поэта Джозуэ Кардуччи, и вот теперь перед нами последнее издание его стихотворений, предпринятое болонской фирмой Никола Дзаникелли (одно из старейших книгоиздательских предприятий Италии, с маркой которого некогда выходили почти все прижизненные издания Джозуэ Кардуччи).

Эта компактная (карманного формата), но отлично, убористым шрифтом отпечатанная книга — подлинная антология поэзии

Кардуччи, составленная не только с большим вкусом, но и с исключительной для подобных изданий на капиталистическом Западе объективностью.

Для итальянцев Джозуэ Кардуччи был и остается крупнейшим национальным поэтом нового времени. Мало того: имя Джозуэ Кардуччи у итальянцев ассоциируется с именами знаменитых борцов за дело объединения Италии — Джузеппе Мадзини и Джузеппе Гарибальди. Книга показывает великого поэта «гарибальдийской эпохи» таким, каким он был в действительности. Поэтому нужно пожелать, чтобы эти возобновленные «Избранные стихи» Джозуэ Кардуччи в подлиннике получили возможно более широкое распространение как в Италии, так и в других странах (в том

Giosuè Carducci. Poesie scelte. Seconda edizione. Nicola Zanichelli editore. Pp. IX+409. Bologna. 1957 (Джозуэ Кардуччи. Избранные стихи. Издатель Никола Дзаникелли. Стр. IX+409. Болонья. 1957).

числе и у нас, в СССР). Нужно пожелать также, чтобы и нынешние переводчики Джозуэ Кардуччи (в том числе и наши, советские) в выборе его произведений ориентировались на эту на редкость удачно составленную антологию. «Избранные стихи» Джозуэ Кардуччи в новом издании также неплохой повод для того, чтобы напомнить нашим читателям о некоторых основных фактах из биографии поэта и хотя бы в общих чертах охарактеризовать его творчество.

Джозуэ Кардуччи родился 27 июля 1835 года в небольшом провинциальном городке, в семье закоренелого карбонария, неоднократно подвергавшегося преследованиям и репрессиям. Как и многие другие передовые люди Италии той эпохи, отец будущего поэта парадоксально соединял свои республиканские убеждения с преданностью католицизму. Однако мать Джозуэ сумела привить ему смолоду неприязнь к церковному мракобесию, а с годами Кардуччи-сын стал одним из непримиримейших противников Ватикана, да и христианской религии в целом.

Начало поэтической деятельности Джозуэ Кардуччи относится к бурному, трагическому и великолепному времени всенародной борьбы в Италии против ее поработителей и угнетателей — жестоких австрийских оккупантов, римского папы (обладавшего тогда и светской властью), всевозможных хищных королей и герцогов.

Это была сложная и противоречивая полуса итальянской истории. Формально борьбу народа возглавляла Савойская династия королевства Пьемонта. В свободолюбивой, патриотической поэзии молодого Джозуэ Кардуччи в эту пору отразились, хотя и в малой степени, распространенные тогда монархические иллюзии.

Он порвал с этими иллюзиями, убедившись в коварстве и низости монархии. Он начал выступать «против всех тиранов» («contro tutti i tiranni»). К концу шестидесятых годов Джозуэ Кардуччи уже был убежденным республиканцем и, в сущности, остался им и в условиях утвердившегося (в 1870 году) во всей Италии королевского строя. В более поздние годы своей жизни Джозуэ Кардуччи, правда, считал, что в Италии республика — дело относительно отдаленного будущего, полагал, что несвоевременная борьба за нее может привести к разрушению единства нации и государства, вызовет анархию, возродит силу папства.

Но и эти и некоторые другие заблуждения и ошибки Джозуэ Кардуччи весьма слабо сказались на его творчестве.

Жизнь Джозуэ Кардуччи сложилась так, что ему не пришлось непосредственно, с оружием в руках, участвовать в битвах против австрийских насильников, папистов, французских защитников папы (Джозуэ Кардуччи рано стал университетским ученым). Но в творчестве поэта с необыкновенной силой выразились и пафос этих битв и исторические перипетии национально-освободительной борьбы. В сборниках «Juvenilia» («Юношеские стихи»), «Levia gravia» («Легкое бремя») и «Ямбы и эподы» Кардуччи прославлял не только самого Гарибальди, но и многих других народных героев. В одной из своих замечательных од он говорил и о безымянной народной массе, об ее горе, ее мужестве, ее величии. Неукротимым гневом и непоколебимой уверенностью в грядущей победе были проникнуты стихи Джозуэ Кардуччи, направленные против злодеяний папской власти. Вот один характерный отрывок:

Когда выходишь ты к толпе, «Да будет
с вами
господь!» привычно возглашаешь,
то, как распутница, умильными глазами
своих бандитов озираешь.
Среди горящих свеч штыки торчат
с угрозой,—
на них ложится блик убийства:
ты видишь это все, и праведные слезы
туманят взор твой в час витийства.
Перед распятием, пред этой кроткой
тенью,
склонись, монах седоголовый!
Смотри, в сосуде кровь дымится при
служеньи,—
он полон кровью не Христовой!

(Перевод здесь и дальше мой. — И. П.)

Ненависть и презрение к монархии, к подлой и продажной буржуазии составляют содержание множества других произведений поэта, нередко окрашенных и в сатирические тона.

Джозуэ Кардуччи впервые внес в итальянскую поэзию революционно-интернационалистические мотивы:

Восстаньте, угнетенные народы!
Друг другу руки в битве подадим!

Это постоянный мотив у Джозуэ Кардуччи. Он, которого фальсификаторы и враги не раз демагогически и клеветнически изображали «крайним националстом» и «поэтом войны», в действительности даже в

период наибольших своих увлечений славой «наследницы Рима» — Италии — грезил только об ее освободительной роли и об ее демократическом и культурном развитии.

С любовью и уважением писал Джозуэ Кардуччи о людях труда.

Вопреки измышлениям реакционеров, позднейшая поэзия Джозуэ Кардуччи изменилась только внешне. «Новые рифмы», знаменитые «Варварские оды», последний сборник поэта «Рифмы и ритмы», несмотря на преобладание в них исторической темы, в действительности были выражением все того же республиканского и демократического духа. Ведь недаром этот «старый гарибальдийский лев» (так однажды назвал Джозуэ Кардуччи А. В. Луначарский) создал ряд великолепных произведений на темы Французской революции XVIII века (равных которым поныне нет в мировой поэзии), звучавшие как дерзкий вызов монархистам и ретроградам всех мастей.

Глубокий знаток античного наследия и убежденный его ценитель, Джозуэ Кардуччи в период расцвета своего творчества произвел «переворот» в области итальянского стихосложения, заставив служить мертвые, казалось бы, метры и ритмы греко-латинских классиков темам и задачам современности.

Высокозначительной была деятельность Кардуччи как историка литературы, критика, публициста.

Лауреат международной Нобелевской премии, Джозуэ Кардуччи умер 16 февраля

1907 года, презрительно отвергнув какое-либо примирение с Ватиканом.

Поэзия его уже давно стала одной из ценностей мировой литературы. Не только отдельные стихотворения, но даже и целые сборники стихов Кардуччи существуют в переводах почти на все языки мира (только на английском языке несколько отдельных изданий). Джозуэ Кардуччи издавна вошел также в славянские литературы. Еще при жизни многие его произведения были переведены на чешский язык Ярославом Врхлицким. В Польше его произведения переводили Мириам (Зенон Пшесмыцкий) и Юлия Дикштейн. Стихотворения итальянского поэта известны болгарам, сербохорватам (есть переводы Алексы Шантица, Владимира Назора), словакам, словенцам. На украинский и белорусский языки Джозуэ Кардуччи, кажется, еще не переводили, но зато первые русские переводы его стихов восходят еще к семидесятым — восьмидесятым годам прошлого столетия (как и первые русские статьи о нем). Дважды издавались у нас на исходе прошлого века также историко-литературные работы Джозуэ Кардуччи. Однако первое отдельное русское издание стихов поэта (в переводе автора этой заметки) вышло только в советское время («Избранные стихи». Гослитиздат. М. 1950).

В ближайшем будущем читатель получит новый большой однотомник поэзии Джозуэ Кардуччи, выпускаемый тем же издательством.

★

Игорь ПОСТУПАЛЬСКИЙ.

Политика и наука

Эстафета поколений

Комсомолу исполнилось сорок лет. Какая длинная, необозримая дорога пройдена!.. И сколько на каждой ее пяди уложилось событий, значительных фактов, сколько самоотверженного труда на всем этом долгом и сложном пути отдали народу юноши и девушки, носящие на груди значок «ВЛКСМ»...

Сорок лет — пора зрелости. Принято считать, что лишь в зрелом возрасте людям бывает по плечу свершение их лучших замыслов. Однако для комсомольского племени пора свершений началась сразу — в

дни Октябрьского штурма старого мира, в годы гражданской войны, когда едва вышедшие из отроческих лет юноши становились плечом к плечу с отцами в ряды революционных борцов.

История комсомола еще не написана. Вероятно, еще долго придется работать «следопытам» и «летописцам», чтобы собрать все драгоценные крупинки этой истории и свести их вместе. Эта работа уже начата во многих пионерских звеньях и дружинах, в школьных кружках историков, в комсомольских организациях фабрик, заводов, колхозов, вузов. Ведь самое важное и нужное сначала — это накопление фактов; только так можно будет избежать поверх-

Славные традиции. Сборник документов, очерков, воспоминаний. Редактор Е. Любушина. 408 стр. «Молодая гвардия». М. 1958.

ностных обобщений, пренебрежения к конкретности и наглядности изложения. Тщательное изучение и систематизация фактов помогут показать, как складывались традиции Ленинского комсомола, как с новой силой оживают и развиваются они в каждом новом поколении.

И вот перед нами книга под названием «Славные традиции», выпущенная только что издательством «Молодая гвардия» в подарок комсомолу-юбиляру. Это сборник, в котором представлены многие жанры. Рядом с очерком — выписка из протокола; листовка первых лет организации и воспоминания очевидцев сменяются сжатой боевой информацией, обильно подобранной газетной хроникой. И песни тут же — те, что поются четыре десятилетия, и те, что сложились в последние годы, есть здесь стихи и цифровые сводки.

Много, видно, труда было положено, чтобы разыскать все это в архивах, в старой периодике, извлечь из забытых брошюр.

Составители сборника — Л. Петропавловская, Ю. Климов, Г. Сирогина, В. Борисенков — задались целью провести читателя через все сорок прожитых комсомолом лет. Да ведь в одном сборнике, пусть даже объёмистом, это невозможно, решаешь сразу. Но, когда углубляешься в чтение, такая уверенность сильно колеблется.

Люди, трудившиеся над этой хорошей книгой, добились главного: читатель встретится на ее страницах с представителями каждого из поколений комсомола.

Книга «Славные традиции» знакомит читателя и с теми, кто участвовал в Октябрьских боях, с оружием в руках защищая молодую Советскую страну на фронтах гражданской войны, и с теми, кто «опоздал» к подвигам гражданской войны. Это второе поколение еще пело красноармейские песни еще жило героикой походов и сражений. И именно ему, этому поколению, пало на долю по зову Советской власти отдать свои силы восстановлению народного хозяйства, потом пойти строить Магнитогорск, Днепродзержинск, Турксиб, Кузбасс, Комсомольск, на полях страны бороться за темпы, за новую дисциплину, за производственную культуру, за то, чтобы кривая производительности труда шла вверх и в шахтах и на полях всей страны.

В развернувшейся повсюду гигантской преобразовательной работе, начатой пятилетками, рядом с коммунистами, «старыми» комсомольцами, становились все новые и

новые отряды молодежи. Из комсомольской среды вышли Макар Мазай, Мария Демченко, Прасковья Ангелина, сотни тысяч славных наших товарищей и подруг, трудовыми подвигами которых богата история комсомола.

Пришел 1941 год, а с ним и новые, еще тяжчайшие испытания. Жизнерадостным и счастливым юношам и девушкам предстояли смертельные схватки с фашизмом.

Никогда не забудется, не померкнет воинская слава Гастелло, Талалихина, Матросова, великого множества других молодых героев войны, легендарное мужество молодогвардейцев и лядиновцев, подпольных комсомольских организаций, молодых героев-партизан.

Но в годы Отечественной войны комсомол прославило и другое, совсем еще юное поколение, только еще принимавшее эстафету комсомольских традиций. Сотни тысяч подростков становились к станкам, переданным им ушедшими на фронт отцами и братьями. Ковали оружие победы, выполняя и перевыполняя высокие нормы военного времени. Им же вместе с теми, кто вернулся после победы с фронта к мирному труду, предстояло и восстановление всего разрушенного войной и новое строительство невиданного еще в мире размаха. Промышленность, сельское хозяйство, наука, культура — во всем совершен гигантский скачок вперед. И в подготовке и в свершении его есть добрая доля труда комсомола, всей советской молодежи.

Вскоре созрело для исторических дел еще одно поколение — покорители целины участники строек на Востоке и Севере, на Урале и в Сибири, в Донбассе и в Казахстане.

На самые важные, самые трудные дела идут комсомольцы. И какие же славные и толковые молодые хозяева страны вышли недавно на трибуну XIII съезда ВЛКСМ, сколько больших забот снова взял на свои плечи комсомол!

Обо всем этом и ведется рассказ на страницах книги «Славные традиции». И хотя повествовательная часть сборника по необходимости очень кратка и рассказ о том или ином событии порою занимает всего лишь с десяток строк, — не только будущий историк комсомола, не только комсомольский пропагандист, давно ожидавший издания такого рода, но и многие тысячи юношей и девушек не раз еще обратятся к этой книге.

Разве не говорят о труде и быте комсомола прежних лет лучше всяких статей хотя бы такие факты, без особого отбора взятые нами со страниц книги?

«Бери в крепкие руки руль трактора, стирай межи нищенских полосок, борись за коллективное хозяйство в деревне!» (Из обращения к комсомольцам VIII съезда ВЛКСМ, 1928 год).

«Комсомол взял шефство над строительством Урало-Кузбасса. При «Комсомольской правде» создан во главе с председателем ВСНХ В. В. Куйбышевым штаб Всесоюзного комсомольского контроля в помощь Урало-Кузнецкому комбинату. На всех предприятиях, где готовилось оборудование для Урало-Кузбасса, создаются ударные комсомольские бригады имени Урало-Кузнецкого комбината. На заводах, в портах, на железнодорожных станциях действовали комсомольские посты, наблюдавшие за продвижением грузов для Урало-Кузбасса» (1930 год).

«25 февраля 1954 года. В депо имени Ильича Московско-Казанской железной

дороги появилось объявление: «В связи с тем, что пять членов комитета во главе с секретарем выезжают по призыву партии на освоение целинных земель, 25 февраля на 16.00 назначается общее комсомольское собрание. Повестка дня: выборы нового комитета».

Это объявление сродни тем, какие часто можно было видеть в годы гражданской войны на дверях комсомольских райкомов: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Людей старших поколений эта книга заставит вспомнить и вновь пережить то, что ушло в далекие годы. Многие, очень многое из ярких фактов, собранных в книге, я уверена, отложится в памяти молодого читателя. Отложится и усилит желание внести свою долю в коллективный подвиг нашей молодежи.

Недаром уже четыре десятилетия горят по всей стране и все ярче разгораются миллионы огоньков чудесной комсомольской инициативы, поднимая молодежь на боевые дела.

Е. ЛОГИНОВА.

★

Хорошее начинание

Издательство социально-экономической литературы начало важное и полезное дело — выпуск серии популярных брошюр «Критика наших критиков», посвященных борьбе против империалистической идеологии и ее оголтелых нападков на марксизм-ленинизм.

Первая книжка этой серии, озаглавленная «Страх перед законами истории», написана на весьма актуальную тему — она посвящена критике буржуазных теорий, отвергающих идею объективной закономерности общественного развития.

Когда буржуазия была прогрессивным классом, ее передовые идеологи сами отстаивали эту идею, считая, что история человечества, как и история природы, подчинена определенным законам. Современная буржуазия давно уже отказалась от такой точки зрения. Объясняя причины этого крутого поворота, И. Кон пишет:

«Умирающий господствующий класс боится действительности. Жизнь кажется ему страшной и непостижимой загадкой. Познание объективных законов общественно-

го развития для него — то же самое, что смертный приговор, произносимый врачом у постели безнадежно больного».

Действительно, разве может реакционная буржуазия признать, что общество развивается по объективным законам, указывающим путь, с которого историю не удастся повернуть никакими силами, — путь ликвидации капитализма и замены его социализмом?

Поход буржуазной идеологии против идеи о закономерном характере общественного развития принимает самые разнообразные формы. Но острее критики неизменно направляется против одного противника — марксистско-ленинской науки об обществе. Это и понятно. Марксизм-ленинизм не только исходит из существования объективных законов истории; он впервые открыл эти законы и с научной достоверностью доказал, что они обрекают капитализм на неизбежную гибель.

Какие же приемы применяют реакционные идеологи, чтобы «опровергнуть» марксизм в области этой коренной для всякой общественной науки проблемы? Читатель найдет в брошюре «Страх перед законами истории» подробный ответ на этот вопрос.

И. С. Ко н. Страх перед законами истории. Редактор А. Сударников. 80 стр. Соцэпгиз. М. 1958.

Одним из таких приемов является отрицание самой идеи исторической закономерности. Историю буржуазные идеологи изображают в виде какого-то хаоса, нелепого нагромождения случайностей, не связанных между собой событий и явлений. «Внезапная болезнь, изменение погоды, потеря документа, каприз мужчины или женщины, вызванный пустяжным поводом,— пишет цитируемый в брошюре американский историк Невинс,— все это изменяло самый облик истории». Можно ли при этом говорить о каких-то законах, направляющих общественное развитие?

Ответ таким теориям давно уже дан передовой наукой. Если ход истории определяется капризом отдельных людей, внезапными болезнями и переменами погоды, то чем объяснить тот факт, что разные страны проходят в своем развитии одни и те же этапы? Почему, например, феодальные отношения в свое время возникли и в огромном Китае и в маленькой Бельгии, в тропической Индии и в холодной Швеции, сохранялись при королях и императорах, обладавших самыми различными характерами и темпераментами? Почему капиталистические отношения, при всем своеобразии национальных форм, порождали сходный тип общества? И замена его социализмом также везде ведет к сходным переменам — к ликвидации частной собственности, замене старого, эксплуататорского государства новым государством трудящихся, ликвидации социального и национального гнета и так далее. Почему, наконец, несколько тысяч лет назад ни у одного государственного деятеля не появлялся «каприз» ввести капитализм, а все они с поразительной последовательностью отдавали предпочтение рабовладению или феодализму?

Достаточно задать себе такие вопросы, чтобы стала очевидной вся беспочвенность взглядов на историю как на нагроможденные случайных событий, лишенных какой бы то ни было закономерности. Историческая действительность неопровержимо свидетельствует о правоте теории исторического материализма, согласно которой в основе развития общества лежат объективные законы, прежде всего законы развития общественного производства.

Не случайно открыто субъективистские взгляды на историю не пользуются всеобщей поддержкой даже в среде реакционных буржуазных идеологов, на что

правильно указывает И. Кон. Многие теоретики, стремясь сохранить в неприкосновенности главный вывод субъективистов о том, что ход истории можно повернуть по своему желанию в любом направлении и что капитализм еще может вернуть утраченные позиции, считают все же необходимым обосновывать его с помощью более тонких и правдоподобных аргументов. В этом, пишет автор брошюры, суть теорий «поссибилизма» (от латинского *possibile* — возможное) — учения, согласно которому в действительности нет ничего необходимого, а есть только возможное. Разве человек, спрашивают поссибилисты, не располагает свободой воли? Разве он не может поступать вопреки требованиям общественных законов, которые-де не более как одна из возможностей?

В брошюре убедительно разоблачаются такие доводы. Автор справедливо указывает, что возможность различного исхода тех или иных конкретных событий, тех или иных эпизодов борьбы между классами или даже отдельных революций отнюдь не опровергает идеи исторической необходимости. Но основное направление хода истории, коренные перемены в общественной жизни пробивают себе дорогу через все это разнообразие возможностей, через различные случайные события. Изменения в производительных силах, например, неизбежно влекут за собой переворот в производственных отношениях. Это может произойти раньше или позже, легче или труднее. На пути к такому перевороту могут быть и неудачи, поражения заинтересованных в нем классов, но конечный исход событий может быть только один: переворот в экономическом строе общества неизбежно произойдет, и именно такой, который определяется объективными законами, как бы ни старались этому воспрепятствовать реакционные силы.

Кратко рассказывается в брошюре и о других приемах борьбы буржуазных теоретиков против марксистского понимания закономерности общественного развития. Речь идет, в частности, о попытках сконструировать, в противовес историческому материализму, свою концепцию «законов» истории, заимствуя соответствующие законы из физики, механики, биологии и других наук. Характеризуя такие попытки, В. И. Ленин писал: «Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде

кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие». Современные измышления реакционных теоретиков лишней раз подтверждают справедливость ленинских слов.

Автор правильно связывает отрицание буржуазными социологами подлинной исторической закономерности с их борьбой против идеи исторического прогресса. И здесь теоретики современной буржуазии отказываются от завоеваний своих предшественников — идеологов буржуазии XVIII и даже XIX веков. Приводя слова французского философа М. Монтеня: «Кого град молотит по голове, тому кажется, будто все полушарие охвачено грозой и бурей», автор пишет: «Нечто подобное происходит и с буржуазными социологами. Чувствуя непрочность капиталистического общества, явно идущего под уклон, они пытаются поставить под сомнение самое идею поступательного развития истории».

С этой целью одни (немецкий философ Шпенглер, английский историк Тойнби) выдвигают идею «круговорота», извечного развития общества по замкнутому кругу — от рождения цивилизации до ее бесследной гибели. Другие пытаются вообще устранить вопрос о прогрессе. Вместо него они предлагают говорить просто о «социальном изменении», воздерживаясь, как пишет западногерманский социолог Визе, «...от всяких суждений о том, идет ли развитие к лучшему или худшему». Находятся, наконец, и такие, которые пророчат человечеству упадок и гибель, а единственный путь спасения видят в возврате к старому — к феодальным порядкам, сельской жизни и подчинению руководству церкви.

В брошюре правильно показан источник таких воззрений. Это — «страх перед переменами, происшедшими в мире, особенно за последние десятилетия, отмеченные рождением, становлением и бурным ростом новой общественной системы — социализма...»

Иное отношение к истории у рабочего класса. В крушении капитализма и рождении социализма он видит огромный шаг вперед по пути прогресса. Жизнеутверждающий оптимизм марксистско-ленинского учения об обществе вооружает трудящихся ясным знанием перспектив, вдохновляет и воодушевляет их в борьбе за построение нового общества, рождает бодрость, твердую веру в успех этой борьбы.

Вот почему буржуазная агентура в рабочем движении всячески пытается заразить трудящихся пессимистическими идеями, подорвать веру в неодолимость прогресса, несущего миру освобождение от всех видов гнета. Характерно, что подобные взгляды в последнее время получают все более широкое хождение в идеологии правых социалистов. Так, известный деятель английской лейбористской партии Р. Кроссмэн проповедует, что «мы должны рассматривать эксплуатацию и рабство как нормальное состояние человека, а краткие периоды свободы — как изумительные достижения. Лишь с помощью постоянной заботы их можно сохранить для немногих поколений, но нельзя рассчитывать, чтобы они стали общим правилом». Этот вывод Кроссмэн провозглашает «отправным пунктом современной теории социализма».

«Но как можно говорить о социализме, — резонно возражает автор рецензируемой брошюры, — если нет уверенности в его осуществимости, если «вся история» доказывает недостижимость идеала свободы?»

В брошюре указывается и на прямую связь между взглядами буржуазных теоретиков, отрицающих объективную историческую закономерность, и современным ревизионизмом. Ревизионисты, подчеркивает автор, «черпают свои аргументы в субъективистской философии... Когда защитники пресловутой идеи «национального коммунизма» с пеной у рта «опровергают» существование общих, для всех стран обязательных законов осуществления социалистических преобразований, как тут не вспомнить неокантианцев (одна из школ современной субъективистской философии) с их уверениями о «неповторимости» и «индивидуальности» всех социальных явлений».

Спор о закономерности общественного развития, о поступательном характере истории, как это хорошо показано в брошюре, далеко не академичен. Он тесно связан с политической, с общественной практикой, ибо законы истории ведут человечество к социализму.

Этот спор, в какой бы форме он ни шел, касается непосредственных интересов трудящихся; от сознательности, сплоченности, упорства и решительности антикапиталистических классов зависит темпы общественного прогресса.

Брошюра И. Кона будет, несомненно, с пользой прочитана читателями, интересую-

щимися проблемами современной идеологической борьбы. Она даст им немалый материал, иллюстрирующий характер и некоторые основные направления идеологической борьбы, развернувшейся между силами социализма и империализма.

В целом брошюру следует признать удачной и по форме изложения. За исключением нескольких мест, автору удалось изложить сложные вопросы общественной науки достаточно популярно, чтобы они были понятны читателю, знакомому с основами исторического материализма.

Не меняют общей положительной оценки

брошюры некоторые неудачи автора. К ним относятся недостаточное освещение взглядов прогрессивных ученых Запада и некоторых честных буржуазных теоретиков, излишняя усложненность отдельных мест работы.

Следует надеяться, что за книжкой И. Кона вскоре последуют другие брошюры по наиболее острым вопросам современной идеологической борьбы и что серия «Критика наших критиков» встретит хороший прием у широкого круга советских читателей.

Ю. АРБАТОВ.

★

Люди подвига

В общем для всего человечества дело познания лика Земли свою долю внесли замечательные польские путешественники. Их жизнь и деятельность достойны глубокого изучения. Однако, подчеркивают авторы книги «Люди великой отваги» Я. Худзиковская и Я. Ястер, серьезных трудов о польских путешественниках еще не создано. О них мало знают даже на родине, в Польше. Книга, вышедшая в Варшаве и в прошлом году изданная Географизом, призвана восполнить этот пробел.

«Люди великой отваги» — это сборник очерков об отважных сынах польского народа, очерков очень коротких, подчас даже отрывочных: в них приводятся только главные, наиболее яркие моменты, эпизоды или отдельные этапы жизни и деятельности путешественников-поляков. Все же перед читателем вырисовывается отчетливый литературный портрет почти каждого героя очерков.

Путешественники, о которых повествует книга, — люди разных исторических эпох и различных судеб. Здесь и прославленные исследователи (преимущественно натуралисты) и малоизвестные или вовсе забытые скитальцы — просвещенные дилетанты, оставившие лишь слабый след в науке и в истории путешествий.

В книге попутно называется много имен людей, так или иначе связанных с главными героями очерков. Вместе с тем в очерках вспоминается ряд любопытных

эпизодов польской истории. Авторы, в отличие от множества других сочинений подобного жанра, где обычно лишь пересказываются «своими словами» дневники путешествий, стремились также показать путешественников и как деятелей польской культуры. В этом отношении во взглядах авторов очерков улавливается общее с высказываниями А. П. Чехова (в отклике на смерть Н. М. Пржевальского) о том, что «люди подвига» — путешественники, «составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества», «возбуждают, утешают и облагораживают».

Несколько очерков в книге посвящено участникам польского национально-освободительного движения прошлого столетия, которые уже в изгнании, в Сибири, внесли серьезный вклад в изучение ее природы. Это прежде всего талантливые, неутомимые подвижники науки Я. Черский и А. Чекановский. Исследования в Сибири принесли им славу, деятельность в Русском географическом обществе и в Петербургской академии наук сроднила их с русской наукой, имена их увековечены на географической карте СССР. В честь Я. Черского названы гигантская горная система — «хребет Черского» на северо-востоке Азиатской части СССР (где скончался и погребен путешественник), а также горный хребет в Забайкалье. В честь А. Чекановского назван горный кряж на севере Сибири.

Выдающимся исследователем природы Байкала, Забайкалья и Дальнего Востока был ссыльный поляк Б. Дыбовский (позже — профессор Львовского университета), которому посвящен отдельный очерк.

Я. Худзиковская, Я. Ястер. Люди великой отваги. Рассказы о польских путешественниках. Перевод с польского В. С. Кулеша и Л. В. Якубовича. Редактор С. Кумнес. 301 стр. Географиз. М. 1957.

В книге упомянуты его спутники и сотрудники: ссыльные поляки В. Годлевский и В. Ксенжопольский, друг Я. Черского — Н. Витковский, а также Н. Гартунг, Ю. Ковалевский, З. Венгловский и другие.

Однако следовало бы вспомнить и об этнографе и талантливом писателе В. Серошеском, о крупнейшем этнографе и археологе Забайкалья Ю. Талько-Грынцевиче (впоследствии—профессор Краковского университета), о брате Б. Дыбовского—Владиславе и некоторых других.

Повествуя об участии ссыльных поляков, авторы очерков правильно и тактично провели грань между полицейской властью самодержавной России и народом. Простые русские люди, не говоря уже о прогрессивной русской интеллигенции, тепло и дружески отнеслись к полякам — участникам борьбы за национальную свободу своей родины. Многие из них — отданных в солдаты, сосланных в отдаленные местности за Уралом — передовые русские ученые и деятели Русского географического общества сумели приобщить к плодотворной работе по изучению Сибири, а некоторых вывели на дорогу славы.

Одним из предшественников польских «государственных преступников» и ученых был Ю. Копец, соратник Т. Косцюшко, совершивший длительное «путешествие» в ссылку — на Камчатку — и оставивший интересные записки об этой стране. О нем авторы написали отдельный очерк.

В книге впервые приведены сведения и о поляках — уроженцах России: известном геологе К. Богдановиче и Б. Громбчевском.

Интересен очерк о выдающемся исследователе Чили — И. Домейко. Политический эмигрант, друг А. Мицкевича, горный инженер Домейко полвека провел в Чили. Его разносторонняя деятельность — по изучению недр, в области просвещения, по организации промышленности, в защиту индейцев — оставила заметный след в истории культуры Чили, незримой нитью дружбы связала народы Чили и Польши. Домейко умер в 1889 году, но память его чтут в Чили и теперь. О нем вспомнил Пабло Неруда, встречая польского делегата на конгрессе культуры в Сант-Яго в 1953 году. Имя Домейко запечатлено и на карте Чили («Кордельера Домейко» в Чилийских Андах).

Много интересного узнает читатель из очерка о путешествиях П. Штелецкого — автора «Физического описания нового Юж-

ного Уэльса и Вандименовой Земли» (1845), назвавшего именем Косцюшко высочайшую вершину Австралийских Альп. Именем самого Штелецкого впоследствии назван один из «криков» (пересыхающее русло) Большого Куперс-крика в Центральной Австралии.

Не меньший интерес представляют очерки о польской экспедиции, возглавлявшейся патриотом и романтиком С. Шольц-Рогозинским, в Камерун (Западная Африка), об участнике антарктической экспедиции и первой зимовки в водах высоких широт Антарктики — известном ученом А. Добровольском. Участником этой экспедиции был и другой польский ученый, Г. Арцтовский, а также прославленный норвежец Р. Амундсен (в книге не назван еще один участник — первый румынский исследователь Антарктики Э. Раковица).

В сборнике помещены также рассказы о выдающемся, но малоизвестном у нас путешественнике — историке и писателе XVIII—XIX веков, одном из первых аэронавтов Я. Потоцком, о мореплавателе Х. Павловском, совершившем еще в XVI веке далекое путешествие в Индию, и о первом польском путешественнике — францисканце Бенедикте Поляке (XIII век) — спутнике знаменитого Пяно Карпини.

Советские читатели будут благодарны авторам Я. Худзиновской и Я. Ястер, познакомившим их с новыми, увлекательными страницами истории путешествий и открытий.

К сожалению, перевод книги очень неудачен. На читательском пути то и дело возникают различные, подчас труднопреодолимые препятствия. Изобилие нелитературных оборотов, противоречивые данные местами затемняют или искажают смысл рассказов.

На странице 232 мы читаем, что Добровольский как будто преподавал в тайном, так называемом летучем университете, а из дальнейшего повествования следует, что он учился в этом университете. Во многих случаях буквальный перевод приводит к нелепостям. Так, все жилища разных народов (якутскую юрту-балаган, камчадалскую полуземлянку, плетеную хижину индейцев-арауканов Чили) переводчики называют одинаково — хата; адьюнкта именуемую адьюнтамом (стр. 149), безлюдную тундру — пустошью (стр. 175), коренных жителей — законными жителями (стр. 35), сновидения — мечтаниями (стр. 238), сво-

боду передвижения — свободой движений (стр. 89), тарантас (или телегу) — коляска без спинки (стр. 148) и т. д.

В тексте перевода встречаются недопустимые вульгаризмы (у Черского «подкачало здоровье», стр. 198), небрежности (академик Ф. Шмидт назван на странице 165 Фридериком, а на странице 170 — Фридрихом) и т. д.

Редактор книги не только не заметил стилистических небрежностей, но и не исправил прямых ошибок и неточностей, встречающихся у авторов, а также транскрипцию географических названий. Так, крайней южной оконечностью Африки не-

правильно назван мыс Доброй Надежды (вместо мыса Игольного), Шугнанский хребет стал Шуганским (стр. 266), р. Тукулан — Тулуканом (стр. 182), северо-восток Азии — юго-востоком (стр. 202). Указать на все погрешности перевода и редакционные невозможно: их слишком много.

Так оригинальная по замыслу, интересная и полезная книга, выпущенная Географизмом массовым тиражом, при переводе на русский язык оказалась в значительной мере ухудшенной.

Кандидат географических наук
А. БИРКЕНГОФ.

★

Циничная проповедь агрессии

В свете событий, развернувшихся на Ближнем Востоке, заслуживает внимания недавно изданная в США книга бывшего министра авиации Финлеттера «Внешняя политика. Следующая фаза». Автор книги — одна из самых влиятельных фигур в военных кругах Соединенных Штатов. Тесно связанный с руководителями военного ведомства и с заправилами крупнейших трестов и компаний, Финлеттер хорошо осведомлен о всех перипетиях американской политики, о ближайших и более отдаленных замыслах некоронованных королей США.

Для Финлеттера отнюдь не были, например, секретом намерения американских монополий осуществить вооруженное вмешательство в дела арабских стран. «Я считаю, — пишет автор, — что следующая и наиболее серьезная фаза холодной войны развернется в Азии, начавшись, возможно, на Ближнем Востоке, и что именно там в первую очередь мы должны отказаться от нашей нынешней оборонительной политики». В устах Финлеттера эти последние слова прозвучали как прямой приказ Национальной ассоциации банкиров и Национальной ассоциации промышленников, членом которых он является, не останавливаться перед открытой агрессией. И эта агрессия вскоре после выхода книги в свет, как известно, была осуществлена Соединенными Штатами в Ливане.

Ревностный поборник «холодной войны»,

Thomas K. Finletter. Foreign Policy: Next Phase. New York, 1958 (Томас К. Финлеттер. Внешняя политика. Следующая фаза. Нью-Йорк. 1958).

Финлеттер детально разбирает в своей книге вопросы военной политики Соединенных Штатов. Чтобы американский империализм смог подмять под себя страны Ближнего Востока и других районов мира, настаивает автор, необходимо пересмотреть многие устаревшие стратегические концепции, приспособив их к современной международной обстановке.

Апологет «атомной авиации», которую еще несколько лет назад он считал краеугольным камнем всей американской военной машины, Финлеттер не может не задумываться над изменениями, происходящими в мире. Больше всего его пугает то, что расчеты агрессивных кругов США спекулировать как средством политического шантажа «атомно-воздушной мощью» Соединенных Штатов потерпели полное фиаско. «Запуск двух русских искусственных спутников Земли осенью 1957 года открыл новую эру послевоенной истории, — жалуется автор. — Становится ясным, что проблема будущего может уже состоять не в том, чтобы не давать русским догнать нас, а скорее в том, что нам предстоит отчаянная гонка, чтобы не отставать от них».

И эту гонку автор, одержимый идеями политики «с позиции силы», считает необходимым проводить не в области мирного соревнования двух систем, а в сфере военной. К ней «принудили нас русские своим решением не соглашаться с авиационно-атомным превосходством Соединенных Штатов», заявляет Финлеттер, пытаясь при помощи такого рода аргумента объяснить растущую милитаризацию Соединенных Штатов. Его выводит из себя

уже одна мысль о том, что советские люди хотят надежно запереть на замок двери своего дома. С нескрываемым раздражением Финлеттер сообщает, что «русская оборона от нашего стратегического бомбардировочного флота, несомненно, улучшается с каждым днем, и она в конечном счете достигнет уровня, при котором наши бомбардировщики не смогут ее преодолеть».

Отведя душу в злобных выпадах против «мирового коммунизма», Финлеттер разворачивает перед читателями целую программу действий, необходимых, по его мнению, для того, чтобы вновь создать «ситуацию с позиции силы», без которой американская дипломатия никак не хочет обойтись. «Мы будем усиливать наши вооружения и заставим американскую и западную науку и инженерные кадры, наши доллары работать над восстановлением наших военных позиций», — с пафосом восклицает экс-министр.

О долларах Финлеттер говорит неоднократно. Преисполненный заботы о том, чтобы потуже набить кошелек хозяев военных концернов, он объявляет недостаточным даже нынешний донельзя распухший военный бюджет США. Небрежно махнув рукой на то, что государственный долг США достигает астрономической цифры в 270—280 миллиардов долларов, а расходы на социальное обеспечение и на помощь фермерам продолжают урезываться, Финлеттер взывает к увеличению военных ассигнований еще на шесть миллиардов долларов. Эти деньги должны пойти преимущественно на стратегическую авиацию и на базы для нее, то есть попасть в сейфы компаний, с которыми больше всего связан бывший министр военно-воздушных сил.

Призывы к расширению выпуска дальних бомбардировщиков сопровождаются в книге требованиями развивать и новые виды оружия, в частности ракетную технику. Не скрывается и цель: «наши лучшие надежды на самое ближайшее будущее, — пишет Финлеттер, — состоят в том, чтобы получить достаточное число снарядов среднего радиуса действия, которые могут достичь России с европейских и других баз, и разместить их на позициях побыстрее». Как видно, и «холодной войны» бывшему американскому министру мало!

Действуя в духе этого поучения Финлеттера, представители США на последних сессиях Совета НАТО настойчиво добивались разрешения создать на территории

своих союзников атомные установки. Но, несмотря на усиленный нажим из Вашингтона, ряд европейских стран так и не дал согласия на осуществление самоубийственных для них планов американской военной.

Рекламируя ракеты средней дальности действия, Финлеттер предлагает не жалеть средств и на производство межконтинентальных баллистических снарядов. Говорит Финлеттер и об искусственных спутниках Земли. Но интересуют его, конечно, не тайны Вселенной, а совсем другое — как установить американское господство в космическом пространстве. Он мечтает, чтобы в арсенале вооружений США имелись «спутники будущего, снабженные водородными снарядами и готовые ринуться на любой объект, который могут избрать те, кто управляет ими».

Под таким же человеконенавистническим углом зрения автор рассматривает и перспективы организации межпланетных сообщений. Он цитирует слова своего единомышленника, «отца американской водородной бомбы» Эдварда Теллера, который, выступая в сенатской комиссии по вопросам военной готовности, заявил, что «изучение Луны, Марса и других планет может принести много военных преимуществ».

Финлеттер не ограничивается рассмотрением различных проектов переустройства военной организации США. «Отныне, — заявляет он, — мы должны перейти к политическому и экономическому наступлению, стремясь получить то, что мы хотим».

Чего же хочет Финлеттер? Его аппетит не может удовлетворить даже разработка планов реставрации капитализма в странах народной демократии. Он вынашивает замысел прибрать к рукам Азию и прежде всего Ближний Восток, проблемы которого разбирает в своей книге особенно подробно. «Ближний Восток, — заявляет Финлеттер, — является самым непосредственным, самым важным полем сражения в холодной войне». Автор всячески юлит и изворачивается, когда волей-неволей речь заходит об истоках столь повышенного интереса американских монополий к арабским странам. Чаще всего, обходя подлинные причины американской экспансии, он ссылается на «опасность русского коммунизма», которую-де стремятся отвести от этих стран Соединенные Штаты.

Напрасно было бы искать в его книге упоминание о тех щупальцах, которые неф-

тяная империя Рокфеллеров протянула к землям Ближнего Востока. О том, что только одна эта группа наложила в прошлом году свою лапу на 50 миллионов тонн арабской нефти, о том, что американские концерны захватили почти 60 процентов нефтяных источников Ближнего Востока, в книге, конечно, нет ни слова.

С не меньшим усердием автор пытается скрыть тот факт, что в правящих сферах США Ближнему Востоку предназначена незавидная роль американского военного плацдарма у южных границ Советского государства. Автор полностью соглашается с заявлением Даллеса о том, что у США «нет баз на Ближнем Востоке, если не считать Турцию ближневосточным государством».

Но ведь Турцию даже реакционная печать Запада называет «якорем НАТО на Ближнем Востоке». Финлеттер отлично знает, что, даже по официальным данным, на турецкой территории сооружаются двадцать две авиационные и десять военно-морских баз НАТО в дополнение к десяткам уже существующих. Шесть баз строятся непосредственно для американской авиации. И если автор вслед за Даллесом пытается навести тень на ясный день, то это лишний раз показывает, насколько он преуспел в незавидном искусстве ставить факты с ног на голову.

Положение, создавшееся в арабских странах, крайне раздражает Финлеттера. Он отмечает, что по сей день «существует глубокая враждебность между странами Ближнего Востока, с одной стороны, и Соединенными Штатами и остальным Западом, с другой». Вместе с тем автор сетует на растущий авторитет Советского Союза как среди арабских народов, так и среди всех других народов Азии. «Быстрая индустриализация России, которая за сорок лет перешла от преимущественно крестьянской экономики к положению великой научной и промышленной державы, вызывает восхищение и уважение в некоммунистической Азии», — вынужден констатировать Финлеттер.

В этих условиях автор начинает ломать себе голову над тем, с какого конца приступить к «разработке хорошей политики в Азии», как напроситься в «друзья» к арабским народам. Но здесь он спотыкается на каждом шагу. Как могут США завоевать симпатии населения Азии, если они уже разоблачили себя как враги национального

освободительного движения? На этот счет даже Финлеттер не питает особых иллюзий. «Наша собственная позиция самостоятельных действий в значительной части Азии, — говорится в книге, — имеет заметную колониальную окраску. И именно по этой причине она вызывает недовольство народов Азии».

Крайне встревоженный этим обстоятельством, автор дает целый ряд рецептов для лучшей маскировки американской экспансии. Однако он тут же признает, что расистские нравы, господствующие в Соединенных Штатах, могут оказаться «непреодолимым препятствием к союзу или даже к сердечному пониманию» между американскими колонизаторами и местным арабским населением. Поэтому Финлеттер в конце концов предлагает действовать направо и добиваться «сердечного согласия» при помощи... военной интервенции, или, иначе говоря, «малой войны».

Еще недавно, четыре года назад, в своей предыдущей книге «Сила и политика» Финлеттер объявлял себя решительным противником такого рода «местных войн» и высказывался только за войну «большую». Теперь же, по зрелом размышлении убедившись, что развязывать тотальную войну небезопасно, он начал признавать «полезность» подготовки армии, авиации и флота к локальным конфликтам.

Авантюры на Ближнем Востоке, как и в других районах Азии, поучает автор, требуют специально подготовленных к этому войск. Он предлагает создать ударную группу в составе трех-четырёх дивизий, которая располагала бы собственной транспортной авиацией и боевыми самолетами. Эта группа, по его мнению, могла бы немедленно вступить в бой в случае возникновения ограниченной войны. Финлеттер без обиняков заявляет, что в любой войне такого рода следует применять тактическое атомное оружие. Атомные бомбы против шалашей арабских кочевников — вот к чему сводится философия Финлеттера. И эта философия, надо сказать, полностью отражает официальную точку зрения американских правящих кругов. Недаром не кто иной, как министр обороны США Макэлрой, незадолго до начала американского вторжения в Ливан угрожал применить против арабских стран ядерное оружие.

Умудренный горьким опытом интервенции в Корее, которая, как он вынужден признать, оказалась «непопулярной в аме-

риканском народе», Финлеттер советует более тщательно готовиться к войнам на Ближнем Востоке. «Нам следует отказаться от мысли, что мы могли бы вести войны в Азии, местные или иные, если они не будут обоснованы в политическом отношении», — предупреждает бывший министр авиации и поэтому настойчиво требует прикрывать любые походы в Азию флагом ООН.

Расчеты поставить арабов на колени, по мнению Финлеттера, могут оправдаться только тогда, если американские правящие круги будут выступать рука об руку с английскими и французскими колонизаторами. Он с удовлетворением отмечает, что в этом направлении за последнее время уже были сделаны некоторые шаги. Так, Совет Североатлантического блока одобрил доклад, в котором указывалось, что западные державы «должны извлечь уроки из катастрофической неспособности стран НАТО действовать совместно на Ближнем Востоке». Ныне интервенция в Ливане и Иордании показала, что колонизаторы попытались создать единый фронт против арабских народов. Но действия Соединенных Штатов в духе того самого «старомодного колониализма», от которого они для вида открещиваются, убедили народы Азии, что империализм любого толка всегда был и остается их злейшим врагом.

Свою проповедь агрессии и колониальных захватов автор счел необходимым замаскировать огромным количеством слащавых и лицемерных рассуждений о желательности разоружения. Но кто поверит, что Финлеттер, на каждой странице книги ратующий за гонку вооружений и увеличение военных бюджетов, всерьез думает о том, чтобы предпринять наступление на «институт войны»?

Как мыльные пузыри, лопаются попытки Финлеттера представить Соединенные Штаты в качестве «обороняющейся стороны», которой-де угрожает социалистический мир. Среди кучи словесного мусора в книге имеются характерные признания, начисто опровергающие эти утверждения автора. «В настоящее время русские, по-видимому, избегают какого-либо шага, который мог бы привести к войне любого рода», — проговаривается Финлеттер. Между тем он сам и его друзья настроены совершенно на иной лад «Мы не просто перестали быть изоляционистами, мы стали интервенционистами», — цинично рисует Финлеттер подлинный облик вершителей судеб американской политики.

Вот с этих-то позиций яркого интервенциониста и написана вся его книга — очередное учебное пособие поджигателей войны.

*Кандидат исторических наук
подполковник А. ЕФРЕМОВ.*

★

Шестой «инсайд», или энциклопедия невежества

В составе каждой футбольной команды среди пяти нападающих имеются два инсайда. Их называют иначе «полусредними». Емкое английское словечко «инсайд» имеет немало других значений. «Инсайд» можно перевести и как «внутри», и как «в», и как «изнутри», и как «обратная сторона, изнанка».

Джон Гантер — автор серии книг, название каждой из которых начинается со слова «инсайд». Серию эту объединяет не только заголовок, но и манера изложения. «Инсайды» — нечто вроде объемистых путеводителей для туристов. В свободной форме личных впечатлений в них кратко излагается целая энциклопедия различных сведений о том или ином континенте или стране.

После «инсайдов», посвященных Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, Соединенным Штатам, появился новый, шестой по счету «инсайд» — о Советском Союзе.

Покончив с вступлениями и предисловиями, Джон Гантер приступил к предмету своего изложения буквально так:

«Давайте попробуем укусить эту громаду и посмотрим, что нам достанется».

Мы не хотим наносить Гантеру ответные укусы. Давайте приведем несколько выдержек из его книги, по возможности воздерживаясь от каких бы то ни было замечаний.

«Когда мы были в Москве, журнал «Америка» продавался на черном рынке по несколько сот рублей за каждый экземпляр. Читатели вырывают и продают отдельные страницы...» (стр. 75).

«Само слово «немец» в русском языке означает «глупый» (стр. 151).

John Gunther. *Inside Russia today*. New York, 1958 (Джон Гантер. *В России сегодня*. Нью-Йорк. 1958).

«Свердеслов Рихтер (пианист)» (стр. 324, 546).

«В Ленинграде находится крупнейший в Европе завод резиновых изделий «Красный триумф» (стр. 405).

«Сталин... даже не был в Петрограде в то время» (речь идет о днях Октябрьской революции, стр. 287).

«Повсюду в России остатки старого режима; те немногие его представители, которые еще остались в живых, могут быть распознаны сразу. Аристократизм оставляет неизгладимые следы. Есть нечто даже в походке этих людей, что делает их заметными» (стр. 411—412).

«Красная стрела» — лучший поезд в России. Его оборудование снято с поезда Гитлера...» (стр. 403).

«Среди людей, которые обезображивают облик общества, калеки, разумеется, больше всего бросаются в глаза, поэтому десятки тысяч их были просто схвачены, согнаны и вывезены в отдаленные места Средней Азии... Местные власти дают им для продажи разные мелочи, чтобы они не умерли с голоду» (стр. 458—459).

«Сергей Эйзенштейн был репрессирован. После многих лет его имя, а также имя его оператора Тиссе иногда снова упоминается в печати; отсюда можно сделать вывод, что он будет реабилитирован» (стр. 325).

Перечисляя новые советские фильмы, Гантер называет среди других «Gospodin 420». Сообщает, что в главной роли — Радж Капур, затем поясняет:

«Статья 420 советского уголовного кодекса посвящена жульничеству, и, таким образом, тему сатирического фильма легко вообразить» (стр. 325).

«Зигмунд Фрейд... Марсель Пруст, Жозеф Конрад... Томас Манн... Бертран Рассел... Юджин О'Нейл и многие другие... абсолютно неизвестны или запрещены в Советском Союзе» (стр. 504).

«Снова и снова я слышал, что Митчел Уилсон — «выдающийся американский писатель». До того, к моему стыду, я никогда не слышал о нем» (стр. 299).

Мы могли бы остановиться раньше, не доводить до упоминания о чувстве стыда, вряд ли типичном для заокеанского визитера. Наглядности ради мы привели ряд цитат, ясно понимая, что слепо удастывать их полемики, спорить всерьез, опровергать. Можно было обойтись вообще без примеров, ограничиться кратким выводом: перед нами продукция человека столь же са-

модовольного, сколь и невежественного. Но тогда Гантер непременно снова заявит, что его критик выступил, «не видя подлинного текста, прочитав лишь комментарии советских пропагандистов» (стр. 466).

Надо сказать, что очередной «инсайд» отражает запас сведений, уровень представлений не одного господина Гантера. К сожалению, таков уровень знаний многих политических деятелей Соединенных Штатов. Гантер только суммировал, обнародовал ту «информацию», на базе которой вырабатываются соответствующие политические прогнозы и планы. Основания для печального предположения, что в Соединенных Штатах есть деятели, которые знают о Советском Союзе не больше Гантера, дает прежде всего его книга. Давайте взглянем на нее внимательно.

На зеленой обложке, ниже названия, белым шрифтом напечатаны три скромные строчки — не то подзаголовок, не то аннотация:

«Но в а я Россия, со всеми ее противоречиями и увлекательными сложностями, блестяще и всеобъемлюще исследованная одним из величайших репортеров мира».

Суперобложка сообщает, что «один из величайших репортеров», он же «один из всемирно выдающихся политических репортеров», он же «неутомимый тщательный работник», «до сих пор сам собирает материалы» (буквально: все еще работает своими собственными ногами). Мы узнаем, что мистер Гантер успешно передвигал собственные ноги во всех частях света. Так, нью-йоркские книжные обозреватели утверждают: «Инсайд Эйша» — самая компетентная энциклопедическая работа, когда-либо предпринятая одним репортером».

Приводятся столь же лестные отзывы о других «инсайдах»: «Лучшая книга о Европе из когда-либо написанных».

Суперобложка, следуя законам рекламы, обещает читателю сразу все: «Главы о театре, балете, спорте, женщинах, авиации, религии, преступлениях и законах полны свежей и увлекательной информации».

Должно же читателя что-нибудь интересовать! Не религия, так преступления, не спорт, так женщины...

Становится все более очевидным, что американским читателям надоела грубая антисоветская стряпня. Кому-кому, а редакторам рекламного отдела издательства «Харпер энд бразерс» приходится учитывать

психологию покупателей. Поэтому даются клятвенные заверения:

«Скрупулезно объективная, правдивая книга, отбрасывая все предубеждения, показывает Советский Союз таким, какой он действительно есть».

«Чрезвычайные советские успехи в науке и образовании документированы и описаны с таким богатством подробностей, которого нет ни в какой другой книге».

«...Открывает географию и историю страны, а также ее политические, промышленные, научные, военные и прежде всего человеческие особенности».

«Это без сомнения одно из самых блестящих исследований, когда-либо написанных о любой стране, и притом одно из самых своевременных, наиболее полезных».

Если все эти завлекательные слова, спекулирующие на росте интереса к Советскому Союзу, не подействовали, если покупатель еще не выложил 5 долларов 95 центов, остается последнее средство: загадочность. Вероятно поэтому книга открывается посвящением. Трех господам: господину Г., господину В. и господину Г. Г. посвящена эта книга. Отдельной строкой следует пояснение:

«Русским экспертам».

Итак, три специалиста по русским делам, фамилии которых не положено называть, помогли автору проникнуть в нутро советских тайн...

Заглянем сразу в конец, в библиографический указатель. В числе книг, которыми пользовался Джон Гантер, кроме десятков названий различной антисоветской макулатуры, выпускавшейся в послевоенные и предвоенные годы и даже еще более ветхой, времен двадцатых годов, — среди всей этой рухляди неожиданно значится: «Карл Маркс. Капитал». Когда-то Герберт Уэллс мог себе позволить откровенно сознаться, что «Капитал» он не одолел. Но это было давно. Джон Гантер считает, что теперь нельзя, неудобно не сослаться в путевых впечатлениях по России на «Капитал». Конечно, «Капитал» остался только украшением библиографического списка, никаких следов изучения марксизма в книге нет.

Зато приложен подробный именной и предметный указатель. Составлен он опять-таки не столько в научных, сколько в коммерческих целях. Среди прочих проблем в указателе бросается в глаза слово «гомосексуализм». А вдруг читателя интересует

именно эта тема? Он пробежит предметный указатель, купит книгу и на соответствующих страницах узнает, что такой проблемы в Советском Союзе не существует — чего нет, того нет.

Между библиографией и именованным указателем затерялись набранные мельчайшим шрифтом дополнительные примечания. Пожалуй, это самая существенная и самая неосмотрительная глава книги.

Уже при первом чтении «инсайда» создается впечатление компилятивности. С одной стороны, использованы статьи и книжки разных антисоветски настроенных «знатоков русских дел», с другой стороны — для освежения привлечены материалы, взятые из «Керрент дайджест» (обзоры и переводы из текущей советской прессы, еженедельно выпускаемые в Нью-Йорке небезызвестным «Объединенным комитетом по славянским исследованиям»).

Но все же оставалась третья сторона — немало абзацев, где никаких ссылок нет. Казалось, что тут перед нами собственные наблюдения и выводы. Однако из «дополнительных примечаний» убеждаемся, что почти все эти абзацы — тоже пересказ.

«Многими биографическими данными я обязан конфиденциальному официальному источнику» (стр. 526).

«Большую часть моей информации... я заимствовал из конфиденциального, весьма авторитетного меморандума» (стр. 528).

Попутно тем же мельчайшим шрифтом автор выражает признательность всем, кто способствовал созданию данного «инсайда». В этом списке прежде всего вышеупомянутый «Объединенный комитет по славянским исследованиям» и редактор бюллетеня «Керрент дайджест оф тзе Совет Пресс». Затем автор благодарит многих друзей и знакомых в Нью-Йорке и в Вашингтоне, которые перед его поездкой и по возвращении «делились своими знаниями, суждениями и умением анализировать».

В числе этих милых людей, объяснявших неутомимому путешественнику, что именно надлежит ему увидеть и что он, собственно, увидел, названы Дин Ачесон, Джордж Кеннан, Хэнсон Болдуин, Гарри Шварц и профессор филологии Гарвардского университета Роман Якобсон.

Далее упоминается «несколько сотрудников Государственного департамента». (Фамилии не названы. Входящая в Нью-Йорке газета «Уоркер» пишет, что автор преду-

смотрительно умолчал о благословении, полученном им от самого Даллеса...)

Затем Гантер сообщает: «В Лондоне мы извлекли пользу из бесед с... (следует дюжина фамилий.—А. Л.), а также с различными сотрудниками британского «Форин оффис», которые, я полагаю, предпочтут не быть названными».

Это не все. В заключение: «Я хочу сердечно поблагодарить американского посла (в Москве.—А. Л.) и его хорошо информированных сотрудников из штаба посольства».

Сколько людей, сколько организаций помогало Джону Гантеру в выпавшей на его долю миссии! Тут трудилось не три «русских эксперта», а великое множество американских и английских специалистов по антисоветской пропаганде и кое-каким другим делам.

Правда, Джон Гантер заявляет: если в книге будут обнаружены неточности и ошибки, то эти ошибки — его вина, а не тех, кто читал рукопись и давал советы. Позиция столь же благородная, сколь и самонадеянная. Русского языка человек не знает, в марксизме ничего не смыслит. В конце 1956 года пожил на правах туриста в разных гостиницах Советского Союза пятьдесят один день. Послушно следовал советам «экспертов» — что смотреть, что видеть, как понимать увиденное. Вставил некоторые «личные впечатления» в готовый каркас заранее отработанного плана книги. Кое-как заполнив вопросник, завершив работу компилятора, тут же хвастается: если ошибки остались — это мои, это я переписывал.

Так как переписывались данные, почерпнутые из книг, изданных разными авторами в разные годы, то возникла изрядная путаница. Гантер и это возводит себе в доблесть:

«Неоднократно в этой книге я буду заметно противоречить на одной странице тому, что я сказал раньше на другой странице».

Я противоречу! Я сказал!

А на деле перед нами никакого «я» нет. Нет наблюдательности, нет глубины и тонкости анализа, одно лишь безликое усердие исполнителя. Джон Гантер взялся за дело, на котором сотни профессиональных клеветников уже ломали свои зубы. Пришла очередь Гантера. Готовился, тренировался, изучал, советовался — и снова конфуз.

Какие задачи были поставлены перед Гантером? Во-первых, нащупать уязвимые

места, открыть слабости советского строя. Во-вторых, при случае что-нибудь разузнать насчет атомных наук, межконтинентальных баллистических ракет и прочего. Если нельзя точно, хоть приблизительно.

И в-третьих, истолковать достижения советского народа так, чтобы они начали выглядеть похожими скорее на недостатки. Это самая важная и самая спешная задача.

Достижения советской науки, искусства, спорта, системы образования, системы планового хозяйства стали слишком заметны, наглядны, вызывают все большие симпатии. Бесплезно пытаться отрицать общеизвестные факты. Надо постараться их как-то прокомментировать. Не отрицать, не преуменьшать, выступать под флагом «объективности». Но спешно собрать все запахи клеветы и растасовать ее, клевету, меж достоверных, свежих, «личных впечатлений».

Надо отдать должное — Гантер хотя и не проявляет особой находчивости, изобретательности, но по крайней мере упорно пытается выполнить свои неразрешимые задачи. В конечном счете поверхностная книга Джона Гантера — экстренный ответ на запуск спутников, нечто вроде идеологического «противоядия».

Книга эта могла быть составлена и без поездки в СССР, при помощи ножниц и клея. Поездка нужна была лишь для проформы, для правдоподобия, для убедительности.

В результате в книге получился некоторый разнобой. Когда Гантер попросту излагает свои незатейливые личные наблюдения, выступает как очевидец, он порой бывает более или менее точен.

А когда Гантер комментирует, рассуждает, опирается на сочинения экспертов по русскому вопросу, он завирается совершенно беспомощно. Есть старая поговорка: «Врет, как очевидец». На сей раз Гантер не врёт, как очевидец. Он врёт, как специалист, как «русский эксперт». Врет нелепо и в своем роде героически.

Все знают, что советский балет превосходен. Нельзя ли как-то умалить, подковырнуть этот неопровержимый факт? Гантер, выполняя долг, брюзжит: сохраняются традиции классического танца, это однообразно, старомодно. Где новые искания?

На беду Гантера, выход его книги в свет совпал с гастролями в Америке ансамбля Моисеева. Миллионы зрителей, сидя у своих телевизоров, воочию убедились: всезнающий

Гантер насчет советских танцоров наговорил что-то не то.

Общезвестны достижения советских спортсменов. Нельзя ли как-нибудь истолковать, превратить хорошее в дурное?

«Большое внимание спорту уделяется... в целях пропаганды за рубежом» (стр. 345).

Любой турист может, подобно Гантеру, убедиться, что в детских яслях чисто, они хорошо оборудованы, хорошо обслуживаются. Детских яслей, детских садов много. Кому-нибудь, чего доброго, покажется, что тут налицо достижение. Но Гантера не проведешь. Он разобрался. Никакого достижения нет. Одна печальная необходимость. Детские ясли приходится открывать потому, что в Советском Союзе трудно нанять няньку... Видимо, Гантер убежден, что своя нянька — это лучше, чем общий, коллективный детский сад.

Гантер слышал, что в СССР детям уделяется большое внимание. Сетования насчет нехватки нянек могут оказаться недостаточным противовесом. И Гантер пускает в ход «факт», переставший быть фактом, кажется, еще задолго до революции. Гантер утверждает, что в России детей примерно до девятимесячного возраста наректо связывают по рукам и ногам подобием смиренной рубашки — свивальниками. Следует рассуждение:

«Хорошо известный британский социолог Джеффри Горер полагает, что пеленание играет большую роль в последующем развитии характера ребенка и заметно определяет русский темперамент. Подсознательный отпор вызванному пеленанием связыванию, ограничению движений приводит в последующей жизни к повышенному влечению к насилию, к чувствам вины, разрушительной ярости, а также к стремлению к покаянию, испугу и отщепенности. Было бы интересно узнать реакцию советских психологов на эту теорию» (стр. 335).

Но советские психологи вряд ли могут что-нибудь сказать о подобных бредовых рассуждениях. Да и никаких свивальников в наших детских учреждениях никогда не было.

Гантер убедился, что по количеству выпускаемых книг, по количеству театров Советский Союз в несколько раз обогнал Соединенные Штаты. Как это объяснить? Не достижение ли это? Ни в коем случае. Это все у них от скуки. Гантер еще двадцать лет назад, еще в «Инсайде Юроп» заверил, что Советский Союз весьма скучная страна,

и он вовсе не собирается менять свое мнение.

«Почему люди читают так много?.. Чтобы выключиться из действительной жизни и уйти на несколько благословенных мгновений в другой мир...» (стр. 294).

«Увлекаются театром по той же причине, по которой они увлекаются книгами...» (стр. 312).

Еще более забавным образом Гантер «преодолевает» тот факт, что общий тираж изданий переводной литературы в СССР примерно в двадцать раз превышает соответствующие цифры для Соединенных Штатов. Сообщив, что советские реферативные журналы работают настолько быстро и полно, что американские ученые зачастую узнают о новых исследованиях своих американских коллег из советских научных изданий, Гантер все же приходит к «неизбежному заключению».

«Они просто не желают дать серьезное или ясное представление о современной западной культуре» (стр. 298).

Столь же неожиданно завершает Гантер рассуждения о преступности:

«Более 2 700 000 к р у п н ы х преступлений было совершено в США в 1957 году, число, превосходящее все предыдущие рекорды и во много раз большее, чем аналогичные цифры для СССР... В СССР нет таких вещей, как многочисленные рэкеты, здесь профсоюзы не связаны с уголовными бандами» (стр. 344).

Какие отсюда выводы? Выводы, какие надо:

«Следует также заметить, что в нашем понимании в СССР нет гражданских свобод... и Советский Союз нельзя считать зрелой цивилизованной страной» (стр. 345).

Перечитав немало старых антисоветских сплетен, Гантер увидел, что они не соответствуют действительности. И все же он норовит их использовать. Так, Гантер сообщает: «Дни, когда велись разговоры о «национализации» женщины, теперь далеки...» Великолепное «теперь» долженствует намекнуть, что разговоры в Советском Союзе все-таки были, имели место и, чего доброго, когда обстановка изменится, к этим планам коварные большевики еще вернутся.

Гантер видит, что люди носят шляпы. Что из этого следует? Значит, запрещение носить шляпы отменено.

По ходу пьесы артисты на сцене целуются. «Поцелуи на сцене раньше были запрещены, а теперь разрешены».

Всюду Гантер искал «обнадеживающие знаки» слабости советского строя. Может, национальные противоречия? Нет. Отставание сельского хозяйства? Преодолевается. Нехватка жилищ? Ведется большое строительство. Нехватка рабочих рук? Увы, численность населения увеличивается. Перестройка управления промышленностью? Очень серьезная вещь.

«Какой может стать советская промышленность через десять лет, если децентрализация даст свои результаты... об этом страшно подумать» (стр. 368).

Гантер признает, что благодаря более высоким темпам развития, благодаря планоначальному началу, концентрации усилий всей страны на единой цели Советский Союз непременно догонит экономику Соединенных Штатов, «если нынешняя обстановка останется неизменной».

И тут следует очередной алогизм, внезапный скачок мысли на, казалось бы, ровном и ясном месте.

«Русские часто критикуют Соединенные Штаты за то, что предприятия работают не на полную мощность; они утверждают, что американцам не удастся использовать свои ресурсы в полной степени. Но в этом сила Америки, а не слабость... Американская промышленность имеет, по крайней мере в теории, больше возможностей для внезапного расширения в случае крайней необходимости» (стр. 375).

Что же может случиться, кроме «крайней необходимости», проще говоря, кроме войны? А не произойдет ли чего-нибудь с советским строем? Какой-нибудь эволюции, контрреволюции? Гантер печально докладывает: «Возможность настоящего восстания или контрреволюции является невыразимо отдаленной...» (стр. 351). Дело в том, что русские «имеют врожденную тенденцию к повиновению. Кроме того, многим... не так уж плохо живется. Дети из неграмотных семей получили, как мы убедились, беспримерные возможности жить созидательной жизнью» (стр. 352).

И все же Гантер выражает надежду, что русским не удастся выполнить свои планы в области промышленности и сельского хозяйства. Может помешать внутренняя борьба. Например, между руководителями предприятий, учеными и партийными работниками. Впрочем, вряд ли. Большинство партийных работников имеет и инженерное образование, а то и ученые степени. Но все рав-

но «столкновение, борьба неизбежны, и есть обнадеживающие знаки».

Что за борьба? Какие знаки? Оказывается, предстоит борьба современной абстрактной живописи с «архаической, средневековой» живописью, основанной на принципах реализма. Кроме абстрактной живописи, Гантер не нашел никаких средств задержать темпы развития советской экономики. Осталась последняя надежда, да и та чисто абстрактная...

Впрочем, унылое настроение Джона Гантера несколько поднял случай, имевший место в Ташкенте.

По окончании циркового представления Гантер шел по городу, по темной стороне улицы. «Какой-то гражданин догнал меня, тронул за плечо, пристально посмотрел в лицо и воскликнул: «Турист!» Затем он резко протянул руку, пожал мою и не сказал больше ни слова».

Не будем гадать. Может, человек сначала попросту обозначился. Ведь дело было на темной стороне улицы. А может, еще того проще, не зная никаких иностранных слов, хотел дружески приветствовать зарубежного гостя, подобно тому как это делали сотни тысяч москвичей в дни фестиваля. Однако Гантер истолковал факт по-своему:

«Этим одним словом он выразил более чем полно свою зависть к зарубежному миру и глубокое внутреннее тяготение к нему» (стр. 458).

Понятно, желание — отец мысли!

Куда бы Гантер ни летал, он не забывал о других своих немаловажных обязанностях. В одном из промежуточных аэропортов мистер Джон увидел надпись. Гласила она примерно следующее: «Выход разрешается только в сопровождении работников аэропорта». Мистера Джона сразу осенило. Наверно, именно здесь, возле ворот этого аэродрома, секретно испытываются межконтинентальные баллистические ракеты. Для чего иначе запрещать выход без сопровождающих лиц?

Мы должны огорчить любознательного мистера Джона. Подобные надписи, подобные порядки существуют в любом аэропорте Советского Союза. Ведь речь-то идет о выходе из здания аэропорта на летное поле, об элементарной безопасности пассажиров.

Что здесь таинственного? Мистер Гантер сам признал: «Русские даже отдаленно не помышляют о внезапном атомном нападении на западный мир, ибо это не соответствует

их идеологии...» В таком случае, к чему это нездоровое любопытство? Зачем начинать свою книгу со странного совета:

«Мы, американцы, со своей стороны поступили бы правильно... если бы стали накачивать в СССР так много туристов, сколько возможно... Каждая щель в броне должна быть исследована...»

Что это? Рвение дилетанта? Не будем гадать, что собой представляет мистер Гантер, каков его «инсайд». Нас не интересует, является ли Гантер профессионалом или добровольцем разведывательных дел. Пожалуй, для профессионала он чересчур наивен и болтлив. Так или иначе, за его спиной стоят советчики, «специалисты», своей безответственной «информацией» много лет вводящие во искушение не только мистера Гантера, но и куда более серьезных политических деятелей.

Джон Гантер заключил свой обстоятельный труд двумя выводами — правда, высказанными сквозь зубы, — заставляющими самого Гантера примириться с перспективой мирного сосуществования. Вот эти выводы:

«а) Они сильны, не слабы; б) — они не хотят войны» (стр. 505).

Не будем впадать по поводу этой констатации в особое умиление. Мистер Гантер правильно понял кое-какие немаловажные вещи, но понял то, что уже невозможно не понять.

Хочется пожелать мистери Гантеру больше уважения к здравому смыслу читателей. Не стоит увлекаться списыванием даже из конфиденциальных и весьма авторитетных источников. Ведь снова подведут, непременно подведут!

Джон Гантер выскакивает вперед один, его партнеров не видно. Он носится из стороны в сторону, из страны в страну. Когда зарывается какой-нибудь футболист, это называется «офсайд», положение вне игры. Не кажется ли мистери Гантеру, что его продукция — типичный офсайд? Выпуская в свет свою книгу, на что мог он рассчитывать, кроме негодующего свиста с трибун общественного мнения?

Александр ЛАЦИС.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

А. ГЛАДИЛИН. Хроника времен Виктора Подгурского. Повесть. «Советский писатель». М. 1958. 132 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. Гладилин — совсем молодой писатель. «Хроника времен Виктора Подгурского» — его первое произведение. Книга написана в форме дневника молодого человека. В ней автор ставит вопросы и проблемы, волнующие сегодня нашу молодежь.

Герой повести — Виктор Подгурский — юноша, окончивший среднюю школу. Ему не удалось сразу же, как он надеялся, поступить в институт. Нарушен привычный ход жизни, произошел разрыв с любимой девушкой, потому что у нее, ныне студентки, появились новые интересы, новые друзья.

Как жить дальше? Вот вопрос, который ставит себе герой повести и на который он, после мучительных поисков и раздумий, находит ответ.

О верной дружбе, о горячих комсомольских делах, о радостях и горестях первой любви, о сокровенных думах нашей молодежи рассказывает в своей повести А. Гладилин.

И. ГУРОВ. Сторона степная. Повесть. «Молодая гвардия». М. 1958. 224 стр. Цена 4 р. 80 к.

Там, где произойдут основные события этой повести, «насколько хватает глаз, растилается веками не тронутая земля». Но вот началось великое наступление на целину. Читатель знакомится с молодыми энтузиастами, прибывшими в Кулундинскую степь из Москвы и со Сталинградского тракторного, из Харькова и с Кубани.

Новые люди, новая жизнь — сложная, нелегкая, но согретая радостью совместного труда.

Писатель показывает, как в борьбе за хлеб мужали люди, воспитывались характеры, росли умелые руководители хозяйства из среды еще недавно неопытной молодежи. Самоотверженный труд, молодой задор целинников победили и горячие суховеи, и бытовые неурядицы, и маловеров, опускавших руки в тяжелые минуты.

«Шел хлеб Кулунды!» — пишет автор в конце книги. Это достойный венец трудной и жаркой борьбы, изображенной в этой повести.

М. СВЕТЛОВ. Яблочко-песня. Стихи. Поэтическая библиотечка школьника. Детгиз. М. 1958. 128 стр. Цена 3 р. 55 к.

Хорошо сделал Детгиз: новая «Поэтическая библиотечка школьника» очень нуж-

на ребятам, она сразу же найдет своего читателя! И очень хорошо, что первый выпуск ее посвящен творчеству «комсомольца девятнадцатого года» Михаила Аркадьевича Светлова.

Эта книжка — творческий отчет поэта молодому поколению. М. Светлов собрал в ней все лучшее, все самое существенное, что создано им за сорок лет поэтической работы.

Огонь гражданской войны, героика мирного социалистического строительства, самоотверженная борьба советского народа в Великой Отечественной войне — вот тематическое содержание сборника.

С большим интересом познакомится юный читатель со светловскими стихами, начиная с «Двонх» и «Гренады» и кончая «Бессмертием», где говорится о высоком назначении поэта.

С особенной силой звучат сейчас стихи, посвященные героям — комсомольцу Шпиндяку, убитому кулаками, Полине Осипенко, Лизе Чайкиной, двадцати восьми гвардейцам-панфиловцам.

Книга открывается предисловием автора: «Разговор с читателем». В нем М. Светлов пишет: «Я хочу воспользоваться нашей встречей с вами, чтобы поговорить о своей профессии, к которой многие из вас тянутся».

Обо многом заставит задуматься подростка-школьника этот серьезный и деловой разговор о поэтическом ремесле, о труде и поэтическом таланте, о «главной задаче советского поэта».

МОИСЕЙ ГОЛЬДШТЕЙН. Биробиджанцы на Амуре. Повесть и рассказы. «Советский писатель». М. 1958. 202 стр. Цена 2 р. 85 к.

Писатель Моисей Гольдштейн прожил короткую жизнь. Он погиб в 1943 году на фронте, не успев написать всего того, что задумал.

В книгу «Биробиджанцы на Амуре» вошли произведения разных лет. В основном это вещи, написанные в тридцатые годы, когда М. Гольдштейн жил на Дальнем Востоке (там он принимал участие в организации сельскохозяйственной коммуны на целинных землях). О людях, строящих в глубокой тайге новую жизнь, об их трудностях, радостях, победах и пишет автор в повести «Биробиджанцы на Амуре» и в рассказах «Поход на Волочаевку», «Со-

стояние», «Странный извозчик», «Однажды весною» и в других.

Два последних рассказа книги — «Затея немца» и «Слово матери» — созданы писателем незадолго до своей смерти, на живом материале войны.

Сборник открывается вступительной статьей писателя А. Вергелеса, характеризующего творчество талантливого советского прозаика М. Гольдштейна.

М. ЕФЕТОВ. Девочка из Сталинграда. Рассказ. Детгиз. М. 1958. 40 стр. Цена 65 к.

«Нет, должно быть, города на земном шаре, который так, как Сталинград, заставлял бы вспоминать проклятое слово «война». И в то же время с именем героического Сталинграда связываем мы счастливое слово «мир».

Этими словами начинает автор свое небольшое вступление к рассказу о сталинградской девочке Светлане, которой пришлось провести два месяца в нескольких шагах от фашистов, убивших ее мать.

Судьба маленькой Светланы связана с историей дома Павлова, того самого дома, от стен которого войну повернули обратно: от Волги — на Берлин. Четырнадцать шагов перед этим домом были теми шагами, которые враг не смог сделать по нашей земле.

Вслед за писателем мы переносимся к почерневшей стене рейхстага, где весной 1945 года наши солдаты высекали: «Мы пришли сюда затем, чтобы вы к нам больше не ходили. Мы из Сталинграда».

В конце рассказа читатель вновь встречается с Павловым и со Светланой, пришедшими к дому, в котором их когда-то свела судьба.

Небольшая книжка волнует достоверностью драматических событий — правдивым рассказом о незабываемых днях.

И. ГЕХТМАН. Золотая Колыма. Очерки о прошлом. Магаданское книжное издательство. 1958. 52 стр. Цена 75 к.

Разные люди, разные судьбы... Но в те далекие времена «золотой лихорадки» почти каждого приводила на Колыму погоня за «легким золотом», которое само идет в руки. Именно так попали сюда земляки — татары Сафи и Шафигула Гайфулины, Канов, «Волк» — Герасим Моргунов. Но золото почему-то «жизнь человечью забирало», а в руки не давалось... Попусту растративались жизни, гибли мечты.

Еще бродили одиночки-старатели, искатели счастья и авантюристы, а на Колымскую землю уже вступали первые советские геологические экспедиции, положившие начало освоению огромного края.

Автор показывает конец «золотой лихорадки», изменения в психологии колымских старателей. Яркие страницы посвящены новым героям золоторазведки и золотодобычи — «колымским следопытам» — астрофизику Казанли, геологам Билибину, Цареградскому, Вознесенскому, Раковскому и другим. Их героизмом, помноженным на романтику исследований и большой научный опыт, и создавалась карта золотоносных районов.

Книга представляет большой интерес для

каждого, кто интересуется историей Сезера, еще и потому, что написана она человеком, много лет прожившим на Крайнем Севере, прекрасно знавшим быт и нравы его народов, природу края.

ДИМИТР ТАЛЕВ. Ильин день. Роман. Перевод с болгарского. Издательство иностранной литературы. М. 1958. 616 стр. Цена 22 р.

«Ильин день» — исторический роман, третье звено большой серии романов о родной автору Македонии. Первые два романа — «Железный светильник» и «Преспанские колокола» — вышли в том же издательстве в прошлом году. Каждая из этих трех книг, несмотря на тесную связь между ними, представляет законченное целое и может читаться как самостоятельное произведение.

Более двадцати лет работает Димитр Талев над своими романами. Он поставил перед собой нелегкую задачу — воссоздал в художественных образах и картинах дорогу его сердца, «прекрасную, но не очень счастливую» родину, ее людей, их жизнь и борьбу за национальное освобождение и независимое существование.

В романе множество различных персонажей, но жизнь и деятельность трех поколений семейства Глаушевых — основная сюжетная линия всех трех книг. Сильные и самобытные характеры, острые жизненные коллизии, большие человеческие чувства и страсти глубоко волнуют читателя.

С позиции не безстрастного исследователя, а человека, сыновней любовью любящего родную землю, пишет Талев художественную историю своей страны.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ВЬЕТНАМА. Перевод с вьетнамского. Гослитиздат. М. 1958. 360 стр. Цена 6 р.

Почти все, о чем говорится в семидесяти легендах и сказках, собранных в этой книжке, происходило «...в те далекие времена, когда луна была еще совсем молодой и умела мечтать, когда она не пропускала ни одного вечера, чтобы не полюбоваться собственным отражением в тихой глади вод... Старики рассказывают, что в те времена страна их была чудесным цветущим краем. На его тучных полях в изобилии колосился золотистый рис, реки кишели рыбой, а леса и горы были полны всяких зверей. Всюду царили мир и покой, люди работали, наслаждаясь плодами своего труда, и бедных было совсем мало».

Любовно и поэтично запечатлел в своей памяти и пронес через века рабства вьетнамский народ образ своей свободной родины. В каждой легенде, в каждой сказке много мудрости, мягкого юмора, а порой и разящей иронии.

Впервые русский читатель получает возможность познакомиться с наиболее популярными во Вьетнаме произведениями народного творчества. Тщательно отобранные с помощью вьетнамских ученых-фольклористов и писателей, не менее тщательно переведенные, они отлично передают аромат этой чудесной страны, душу ее народа.

А. ЗАПАДОВ. Державин. Серия «Жизнь замечательных людей». «Молодая гвардия». М. 1958. 240 стр. Цена 5 р. 25 к.

В книге обстоятельно освещены жизнь и творчество выдающегося поэта XVIII века Г. Р. Державина. Автор знакомит читателя с детскими годами Державина, с его ранними поэтическими опытами, со служебной деятельностью, с произведениями зрелого поэта, удивившего и пленившего современников и потомков силой и блеском своего могучего дарования. Автор этой книги внимательно прослеживает пути творческого преодоления Державиным канонов классицистической поэтики, что позволило поэту приблизить поэзию к жизни и зажечь, по словам Белинского, «блестящую зарю новой русской поэзии».

К книге приложен перечень основных дат жизни и творчества Державина и дана краткая библиография изданий сочинений поэта и литературы о нем.

В. И. КАЛЫАНОВ, В. Г. ЭРМАН. Калидаса. Очерк творчества. Гослитиздат. М. 1958. 72 стр. Цена 1 р. 40 к.

Полторы тысячи лет отделяют нас от времени, когда жил и творил величайший поэт Индии Калидаса. К сожалению, более или менее достоверными историческими данными о его жизни современные исследователи не располагают. Сохранилось шесть произведений (две эпические поэмы, одна лирическая поэма и три драмы), бесспорно принадлежащих перу Калидасы, хотя индийская традиция насчитывает их гораздо больше.

Авторы выпущенной Гослитиздатом небольшой книжки и рассматривают эти шесть произведений, вошедших в сокровищницу мировой литературы. В книге дана краткая характеристика времени, в которое, по мнению исследователей, мог жить и творить Калидаса. Это первая половина или середина V века, когда Индия под властью династии Гуптов достигла могущества и расцвета. В своих произведениях Калидаса, как говорят авторы книги, «с необыкновенной яркостью и проникновением выразил... индийский народный характер; в них получило свое высшее воплощение то своеобразное поэтическое мирозерцание, которое лежит в основе индийского художественного творчества».

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РСФСР. Статистический сборник. Госстатиздат. М. 1958. 460 стр. Цена 12 р. 65 к.

Наша справочная литература пополнилась еще одной нужной книгой. Сборник этот необходим лектору, педагогу, журналисту, пропагандисту, содержание его может заинтересовать каждого читателя.

О беспримерных достижениях советского народа в области культурного строительства говорит любая цифра любой таблицы, опубликованной в этой книге. Мы узнаем, например, что на тысячу жителей приходилось учащихся в 1914/15 году 65 человек, (в сопоставимых границах), а в 1956/57 году — 166. За это же время число студентов

в вузах возросло в пятнадцать раз. В дореволюционной России годовой тираж книг составлял 75 миллионов, а в 1956 году — 890 миллионов; разовый тираж газет увеличился в двадцать раз. Клубных учреждений в 1913 году было всего-навсего 166; в 1956 году в РСФСР их стало более 69 тысяч.

Приведенные в динамике многообразные показатели развития культурного строительства даны в сборнике не только по РСФСР в целом, но и по автономным республикам, краям, областям, а отдельные таблицы содержат сведения по автономным областям, национальным округам и крупнейшим городам.

Сборник состоит из следующих разделов: основные показатели культурного строительства, общеобразовательные школы, учреждения по воспитанию детей, подготовка кадров, научные учреждения и научные кадры, культурно-просветительные учреждения и учреждения искусства, печать.

М. Ф. ЮРЬЕВ. Красная армия Китая. Издательство восточной литературы. М. 1958. 196 стр. Цена 6 р.

Институт восточных языков Московского университета подготовил к печати книгу М. Юрьева, посвященную Красной армии Китая.

Красная армия Китая зародилась в революционных боях 1927—1928 годов. Впоследствии из нее развилась Народно-освободительная армия, действия которой во многом способствовали победе революции в Китае и образованию Китайской Народной Республики.

Пройдя суровую школу гражданской войны, китайские коммунисты убедились в необходимости создания своей собственной рабоче-крестьянской армии, только с помощью которой можно одержать победу. О периоде создания Красной армии Мас Цзэ-дун писал: «В истории нашей партии это был исключительно важный период: именно тогда она до конца поняла все значение армии».

В своем развитии Красная армия Китая прошла несколько этапов, переходя от партизанского характера борьбы народных вооруженных сил к более регулярным их формам. Этими основными вехами боевого пути и пользовался автор книги в своем описании истории Красной армии Китая.

В приложении даны краткие биографические сведения об участниках борьбы Красной армии Китая, упоминаемых в книге.

ГЛЕБ АНФИЛОВ. Что такое полупроводник. Детгиз. М. 1957. 143 стр. Цена 1 р. 75 к.

«Когда-нибудь, отдыхая летним вечером вдали от гурда, на зеленом берегу реки, вы будете слушать музыку через «поющий желудь» — крохотный радиоприемник, надетый прямо на ваше ухо». Так сказано в обращении к юным читателям, предпос-

ланном книге Глеба Анфилова, которая повествует о необозримых перспективах развития науки и техники.

В книге, в доступной юному читателю форме, излагается основа физики полупроводников, увлекательно рассказывается о различных видах полупроводников и их

разнообразном использовании — от точных приборов научных лабораторий до бытовых вещей и даже детских игрушек.

Книга «Что такое полупроводник» является началом серии популярных брошюр Детгиза о важнейших открытиях и проблемах современной науки и техники.

СДАЮТСЯ В ПЕЧАТЬ...

К Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки издательство «Советский писатель» выпускает ряд книг.

Современному Китаю посвящены «Китайские записки» Н. Федоренко. В первой части книги автор рассказывает о своем путешествии по великой стране, о ее городах, о местах революционных боев, являющихся вехами пути Великого похода китайской Народно-освободительной армии, а также об истории Китая, его природе, о китайском искусстве, замечательных архитектурных сооружениях, о быте народа. Вторая часть книги посвящена встречам автора со многими замечательными людьми Китая, в том числе с выдающимся писателем Лу Синем, актером Мей Лань-фанем, деятелем культуры и борцом за мир Го Мо-жо. Книга богато иллюстрирована.

В книгу В. Тевекеляна включены роман «Когда разливаются реки» и повесть «Жизнь как она есть». Роман посвящен народно-демократическому движению в Иране в период 1950—1953 годов. Повесть

рисуется положение трудящихся в современной Турции.

Среди произведений писателей братских республик, которые будут изданы к конференции, — автобиографический роман казахского писателя С. Муканова «Школа жизни» (книга вторая) и сборник осетинского писателя М. Цагараева «Мои земляки», включающий повесть «Наш друг Саго» и рассказы.

Будет выпущено также несколько сборников стихов поэтов национальных республик. Среди них — сборник стихов «Песня дружбы» туркменского поэта А. Ковусова; избранные стихотворения тувинского поэта Сарыг-оола; «Лирические строки» узбекского поэта Мирмухсина; «Филалка» — сборник стихов азербайджанского поэта З. Халила.

Кроме прозаических и поэтических произведений, издательство выпускает серию кратких справочных очерков, в которых рассказывается о национальных литературах двадцати четырех союзных и автономных республик.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Н. С. Хрущев. Речь на V съезде Социалистической единой партии Германии 11 июля 1958 года. 36 стр. Цена 45 к.

Н. С. Хрущев. Речь на митинге трудящихся Москвы, посвященном дружбе народов Советского Союза и Чехословакии 12 июля 1958 года. 24 стр. Цена 25 к.

Большевистские военно-революционные комитеты. Сборник документов. 568 стр. Цена 10 р.

Воспоминания болгарских товарищей о Ленине. 72 стр. Цена 75 к.

П. Белявский, А. Чернышов. Судьба «вымирающей деревни». 56 стр. Цена 70 к.

В. Брадле, А. Белов. Там, где была целина. 52 стр. Цена 60 к.

Н. Е. Буренин. Люди большевистского подполья. 80 стр. Цена 90 к.

С. Выгодский. Внешняя политика СССР — политика мира и международного сотрудничества. 336 стр. Цена 6 р. 40 к.

П. А. Голуб. Братство, скрепленное кровью. (Чехословацкие рабочие и крестьяне на защите завоеваний Октября в России в 1917—1920 гг.). 80 стр. Цена 90 к.

Г. А. Деборин. Ленинский принцип мирного сосуществования. 64 стр. Цена 80 к.

А. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль—октябрь). 356 стр. Цена 9 р.

А. Колосков. Маяковский в борьбе за коммунизм. 512 стр. Цена 10 р.

Н. Лавренов, В. Постовойтов. Поговорим о герое нашего времени. 112 стр. Цена 1 р. 35 к.

Г. Лем. О переходе от старого качества к новому в общественном развитии. 200 стр. Цена 2 р. 50 к.

С. Любимова. В первые годы. 80 стр. Цена 1 р.

Незабываемый Ленин. Сборник воспоминаний, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при Центральном Комитете СЕПГ. (Перевод с немецкого). 164 стр. Цена 1 р. 90 к.

Антонин Новотный. Отчетный доклад XI съезду Коммунистической партии Чехословакии о деятельности Центрального Комитета и главные задачи текущего момента. 18 июня 1958 года. 100 стр. Цена 1 р. 25 к.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. 512 стр. Цена 14 р.

И. Рождественский. Победенная ночь. 40 стр. Цена 50 к.

Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. 436 стр. Цена 8 р. 50 к.

А. С. Смирнов. Славные традиции илищевцев. 80 стр. Цена 1 р.

А. Е. Фурман. Что такое материалистическая диалектика? 72 стр. Цена 90 к.

Ем. Ярославский. О религии. 640 стр. Цена 9 р. 50 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Алазан. Сердце поэта. Стихи. Перевод с армянского. 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

В. Атрэн. Голоса земли. Роман. Перевод с армянского. 372 стр. Цена 6 р. 45 к.

М. Бабаев. Песни о счастье. Перевод с узбекского. 88 стр. Цена 1 р. 25 к.

М. Василек. Зори над Неманом. Стихи. Перевод с белорусского. 148 стр. Цена 2 р. 15 к.

С. Гордеев. Сердцем согретое. Стихи. 140 стр. Цена 2 р. 15 к.

А. Гурвич. Черты современника. 372 стр. Цена 9 р. 40 к.

М. Демин. Лицом к востоку. Стихи. 104 стр. Цена 1 р. 10 к.

В. Иванович. Кому пышки, кому шишки. Перевод с украинского. 92 стр. Цена 1 р. 50 к.

В. Карпов. За годом год. Роман. Перевод с белорусского. 556 стр. Цена 9 р. 75 к.

М. Климович. Георгий Скорина. Перевод с белорусского. 392 стр. Цена 9 р. 90 к.

Е. Книпович. В защиту жизни. 356 стр. Цена 9 р.

К. Ковальджи. На рассвете. Стихи. 88 стр. Цена 1 р. 25 к.

А. Крутецкий. Капля в море. Рассказы. 168 стр. Цена 3 р. 40 к.

Н. Леонтьев. Михайло Ломоносов. Поэма. 128 стр. Цена 2 р. 30 к.

Мирмухсин. Лирические строки. Стихи. 68 стр. Цена 70 к.

Мордовские рассказы. Перевод с мордовского. Сборник. 216 стр. Цена 4 р.

В. Озеров. На путях социалистического реализма. 432 стр. Цена 9 р. 35 к.

В. Панченко. Севастопольская вахта. Стихи. 152 стр. Цена 1 р. 75 к.

М. Поляновский. Поэт на экране. 104 стр. Цена 2 р. 60 к.

С. Сарыг-юл. Стихи. Перевод с тувинского. 100 стр. Цена 1 р. 20 к.

Т. Уметалиев. Дорожная песня. Перевод с киргизского. 116 стр. Цена 1 р. 45 к.

В. Федоров. Буйные ветры. 148 стр. Цена 2 р.

И. Харик. Стихи и поэмы. Перевод с еврейского. 286 стр. Цена 6 р. 35 к.

К. Чуковский. Из воспоминаний. 364 стр. Цена 8 р. 30 к.

П. Шабатин. Не про зверей, а про людей. Перевод с украинского. 40 стр. Цена 50 к.

С. Шавлы. Когда заря займется. Стихи. Перевод с чувашского. 82 стр. Цена 1 р. 20 к.

М. Шатирян. Солдаты. Роман. Перевод с армянского. 588 стр. Цена 11 р. 60 к.

Эс-Хабиб-Вафа. Избранное. Перевод с индустани. 84 стр. Цена 1 р. 15 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Александр Влахудэ. Избранное. Переводы с румынского. 183 стр. Цена 4 р. 20 к.

Бенито Перес Гальдос. Повести. Перевод с испанского. 600 стр. Цена 9 р. 35 к.

Л. Квитко. Лям и Петрик. Повесть. Перевод с еврейского. 287 стр. Цена 6 р. 10 к.

Готфрид Келлер. Зеленый Генрих. Роман. Перевод с немецкого. 626 стр. Цена 12 р. 70 к.

Латышские народные сказки. Перевод с латышского. 295 стр. Цена 4 р. 15 к.

Дабе Мамсуров. Избранные рассказы. Перевод с осетинского. 215 стр. Цена 2 р. 20 к.

Антонио Мачадо. Избранное. Стихи. Перевод с испанского. 215 стр. Цена 4 р. 55 к.

Юрико Миямото. Повести. Перевод с японского. 431 стр. Цена 8 р. 45 к.

Кэтрин Мэнсфилд. Рассказы. Переводы с английского. 335 стр. Цена 7 р. 15 к.

Г. В. Плеханов. Литература и эстетика Том I, 614 стр. Цена 12 р. 35 к. Том II, 670 стр. Цена 11 р. 90 к.

Прем Чанд. Рассказы. Нирмала. Роман. Перевод с хинди. 574 стр. Цена 8 р. 75 к.

Михаил Эминеску. Стихи. Переводы с румынского. 287 стр. Цена 4 р. 75 к.

Хосе де Эспронседа. Избранное. Лирика и поэмы. Перевод с испанского. 416 стр. Цена 5 р. 25 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Б. Алыкулов. Избранное. 112 стр. Цена 3 р. 75 к.

В. Винников. Детство моряка. 215 стр. Цена 3 р. 95 к.

Н. Владыкина-Бачинская. Собинов. 304 стр. Цена 5 р. 70 к.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сборник. 128 стр. Цена 1 р. 45 к.

Н. Глушкова. Контрольный комсомольский пост действует. 40 стр. Цена 55 к.

Н. Дыхнов. Подвиг юных. 96 стр. Цена 1 р. 45 к.

А. Кирюхин. Боевые друзья-трактора. 272 стр. Цена 6 р. 35 к.

В. Луговской. Мужество и нетерпение. Стихи. 144 стр. Цена 4 р. 40 к.

В. Лысенко. Кролиководство — это выгодно. 48 стр. Цена 70 к.

И. Маркин. Люди грозных лет. Роман. 424 стр. Цена 10 р. 45 к.

М. Матюшин. В большой семье. Повесть. 173 стр. Цена 2 р. 55 к.

С. Мирчев. Гвардия юных болгар. 94 стр. Цена 1 р. 30 к.

Ю. Нагибин. Скалистый порог. Рассказы. 224 стр. Цена 4 р. 80 к.

А. Парнис. Греция — моя родина. Стихи. 224 стр. Цена 6 р. 65 к.

Е. Патон. Воспоминания. 368 стр. Цена 7 р. 20 к.

С. Пророкова. Репин. 415 стр. Цена 8 р. 5 к.

Л. Соболев. Морская душа. Сборник. 800 стр. Цена 15 р. 20 к.

В. Солоухин. Владимирские проселки. 304 стр. Цена 6 р.

Е. Спангенберг. Рассказы натуралиста. 272 стр. Цена 6 р. 70 к.

К. Файзулин. Повесть о сердце. 176 стр. Цена 4 р. 5 к.

Р. Шукурбеков. Эхо Тянь-Шаня. Стихи. 36 стр. Цена 1 р. 70 к.

ДЕТГИЗ

С. Алексеев. Небывалое бывает. Рассказы. 84 стр. Цена 2 р. 50 к.

М. Барышев. Маленькие поморы. Рассказы. 87 стр. Цена 2 р. 60 к.

Р. Баумволь. Солнце и ветер. Стихи о природе. 16 стр. Цена 1 р. 55 к.

А. Бруштейн. В рассветный час. 136 стр. Цена 2 р. 80 к.

В детские годы. Избранные рассказы русских писателей. 135 стр. Цена 3 р. 10 к.

Веселая мастерская. 176 стр. Цена 25 р.

Т. Габбе. Город мастеров. Пьесы-сказки. 384 стр. Цена 7 р. 70 к.

А. Гмырев. Колос молодой. Стихи. 142 стр. Цена 2 р. 10 к.

М. Горький. Избранное. 382 стр. Цена 9 р. 30 к.

К. Григулис, Э. Залитэ. Белочка-белохвостка. Рассказы. Перевод с латышского. 64 стр. Цена 1 р. 20 к.

С. Диковский. Патриоты. Повесть и рассказы. 304 стр. Цена 7 р. 10 к.

В. Захарченко. Океан-океанище. 208 стр. Цена 8 р.

С. Зорьян. Ночь в лесу. Рассказы. Перевод с армянского. 32 стр. Цена 45 к.

Л. Кассиль. Есть на Волге утес. Рассказы. 174 стр. Цена 3 р. 60 к.

В. Коваль. Петя, я и атомы. Перевод с чешского. 72 стр. Цена 4 р. 45 к.

Б. Костиюковский. Поездка к солнцу. Повесть. 130 стр. Цена 3 р. 45 к.

А. Крачковская. Волшебный графин. 17 стр. Цена 1 р. 55 к.

Ан. Кузнецов. Продолжение легенды. Повесть. 208 стр. Цена 5 р. 40 к.

М.-Т. Леон. Сид Воитель. Повесть. Авторизованный перевод с испанского. 128 стр. Цена 4 р. 30 к.

Лян Син. Лю Ху-лань. Повесть. Перевод с китайского. 110 стр. Цена 3 р. 45 к.

Марийские сказки. Перевод с марийского. 142 стр. Цена 3 р.

Н. Митрофанов. Школьная фотолаборатория. 160 стр. Цена 3 р. 35 к.

Л. Петров. Черное золото. 32 стр. Цена 4 р. 60 к.

Осетинские сказки. Перевод с осетинского. 304 стр. Цена 5 р. 70 к.

Р. Погодин. Кирпичные острова. Рассказы про Кешку и его товарищей. 102 стр. Цена 3 р. 55 к.

С. Погореловский. Унылый и Веселый. Стихи. 17 стр. Цена 2 р. 15 к.

Поющий чатхан. Хакасские народные сказки. 80 стр. Цена 2 р. 15 к.

Б. Привалов. Веселый мудрец. Несколько поучительных и занимательных историй из жизни знаменитого Ходжи Насреддина. 168 стр. Цена 3 р. 60 к.

Д. Прокофьев. Как арестовали куртку. Рассказы о М. В. Фрунзе. 32 стр. Цена 55 к.

Э. Фаспэ. Приключения барона Мюнхгаузена. 88 стр. Цена 2 р. 95 к.

Б. Рябинин. Алые гребешки. 126 стр. Цена 2 р. 60 к.

Л. Семин. Шумит глухомань. Повесть. 206 стр. Цена 4 р. 30 к.

Г. Скребицкий. Друзья моего детства. Рассказы. 96 стр. Цена 2 р. 45 к.

И. Фефер. Стихи и сказки. Перевод с еврейского. 80 стр. Цена 1 р. 90 к.

А. Яковлев. Рассказы авиаконструктора. 256 стр. Цена 3 р. 20 к.

ГЕОГРАФИЗ

Е. И. Гневушева. Забытый путешественник. 110 стр. Цена 3 р. 15 к.

И. Забелин. Встречи, которых не было. 167 стр. Цена 3 р. 15 к.

Г. В. Корсунская. Курильская островная дуга. 223 стр. Цена 5 р. 30 к.

Ф. С. Мартинкевич. Минск. 96 стр. Цена 1 р. 50 к.

Х. Свердруп. Во льды на подводной лодке. 127 стр. Цена 2 р.

Джемс В. Шульц. Сын племени навахов. 104 стр. Цена 1 р. 65 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

В. Е. Гмурман. Дисциплина в школе. 240 стр. Цена 4 р. 40 к.

Т. А. Ладыженская. Обучающее сочинение по картине на уроках русского языка. 64 стр. Цена 95 к.

Опыт работы учителей химии. 180 стр. Цена 3 р. 90 к.

Д. А. Эпштейн. Наглядные пособия по химическим производствам для средней школы. 112 стр. Цена 1 р. 40 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

**Е. Н. Герасимов, С. Н. Голубов, Б. Г. Закс, Б. А. Лавренев,
В. В. Овечкин, К. А. Федин**

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 14/VIII-58 г.

Подписано к печати 17/IX-58 г.

А 08334. Формат бумаги 70×108^{1/16}. 9 бум. л.— 24,66 печ. л. Тираж 140 000. Заказ 1493.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.